

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Славяне и Россия

Балканы
и российский
дипломатический
корпус.
XVIII–XXI вв.

МОСКВА
2024

УДК 93/94
ББК 63.3(47)
С47

Никитинские чтения «Славяне и Россия»

Авторы:

О.Е. Алпеев, Я.В. Вишняков, Т.В. Волокитина, Е.Ю. Гуськова,
С.И. Данченко, П.А. Искендеров, В.Б. Каширин, Е.С. Коренев,
Л.В. Кузьмичева, К.В. Мельчакова, Д.И. Никифоров, О.Е. Петрунина,
Д.В. Родин, А.С. Стыкалин, М.М. Фролова, В.Б. Хлебникова

Редакционная коллегия:

С.И. Данченко (отв. ред.),
П.А. Искендеров,
М.М. Фролова

Рецензенты:

к. и. н. А.С. Аникеев,
д. и. н. Ар.А. Улунян

Славяне и Россия: Балканы и российский дипломатический корпус. XVIII—XXI вв. Колл. монография / Отв. ред. С.И. Данченко. — М.: Институт славяноведения РАН, 2024. — 348 с.: ил. — (Никитинские чтения «Славяне и Россия»).

ISSN 2618-8570

DOI: 10.31168/2618-8570 (серии)

ISBN 978-5-7576-0504-3

DOI: 10.31168/2618-8570.2024 (выпуска)

Коллективная монография «Славяне и Россия: Балканы и российский дипломатический корпус. XVIII—XXI вв.» подготовлена по итогам научной конференции в рамках XIII Никитинских чтений, прошедших 14–15 ноября 2023 г. в Москве в стенах Института славяноведения РАН. Авторы вошедших в нее очерков рассматривают деятельность российских дипломатов в балканских столицах в контексте ключевых направлений внешней политики Российской империи/СССР/Российской Федерации на Балканах и в Европе в целом. Хронологически материалы коллективной монографии охватывают период с середины XVIII до начала XXI вв. Вошедшие в ее состав очерки написаны на основе неопубликованных документов из российских и зарубежных архивов.

Издание рассчитано на ученых-историков, преподавателей, а также широкий круг читателей, интересующихся историей России и Балканского полуострова.

УДК 93/94
ББК 63.3(47)

© Коллектив авторов, 2024
© Институт славяноведения РАН, 2024
© Оформление, ООО «ПОЛИМЕДИА», 2024

Содержание

Предисловие	5
Ошибки министра-резидента: к вопросу о роли российского представителя в Константинополе А.М. Обрескова в возникновении русско-турецкой войны 1768–1774 гг. (<i>В.Б. Каширин</i>)	7
Михаил Константинович Ону: штрихи к портрету дипломата (<i>О.Е. Петрунина</i>)	36
«Здесь недостаточно одних бюрократических способностей...»: дипломаты российского консульства г. Битола (1861–1877 гг.) (<i>М.М. Фролова</i>)	51
Между долгом и долгами: Е.Р. Шулепников в Боснии и Герцеговине (<i>К.В. Мельчакова</i>)	86
Российская дипломатия и Константинопольская конференция 1876–1877 гг. (<i>Д.И. Никифоров</i>)	106
Российское консульство в Белграде на начальном этапе Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. (<i>Л.В. Кузьмичева</i>)	123
Дипломатический представитель в Сербии в 1877–1895 гг. Александр Иванович Персиани и его деятельность (<i>С.И. Данченко</i>)	137
Александр Васильевич Каульбарс о разграничении между Болгарией, Сербией и Турцией после Берлинского конгресса 1878 г. (по материалам Российского государственного военно-исторического архива) (<i>В.Б. Хлебникова</i>)	154
Посланник Н.В. Чарыков о внутривосточном положении Сербии начала XX века и перевороте 1903 г. (<i>Я.В. Вишняков</i>)	165
Российская дипломатия в поисках путей разрешения румынско-болгарского спора вокруг Силистрии, 1912 — весна 1913 гг. (по материалам Архива внешней политики Российской империи) (<i>А.С. Стыкалин</i>)	184

«Мобилизационный кризис» на Балканах 1912–1913 гг. в донесениях русского военного агента в Австро-Венгрии полковника М.И. Занкевича (<i>О.Е. Алпеев</i>)	223
А.М. Петряев и балканская политика России (<i>П.А. Искендеров</i>)	233
«Греция для нас важна... балканскими отношениями»: деятельность А.М. Устинова на посту полпреда СССР в Греции (1924–1929 гг.) (<i>Д.В. Родин</i>)	254
Дунайская проблема в контексте послевоенного мирного урегулирования и советская дипломатия. 1945–1948 гг. (<i>Т.В. Волокитина</i>)	269
Изоляция Республики Сербской в 1994–1995 гг. как метод урегулирования кризиса на территории бывшей Югославии и российская дипломатия (<i>Е.Ю. Гуськова</i>)	290
Отношение российской дипломатии к процессу евроатлантической интеграции на Балканах (<i>Е.С. Корнев</i>)	311
Заключение	326
Резюме	327
Summary	336
Сведения об авторах	345

Предисловие

Вниманию читателей предлагается коллективная монография «Славяне и Россия: Балканы и российский дипломатический корпус. XVIII–XXI вв.». Она подготовлена по итогам научной конференции в рамках XIII Никитинских чтений, прошедших 14–15 ноября 2023 г. в Москве в Институте славяноведения РАН и объединивших как сотрудников Института, так и представителей других научных и образовательных учреждений России.

Эта монография носит не совсем обычный характер. В центре внимания авторов вошедших в ее состав 16 очерков — не военно-политические или социально-экономические события и процессы в странах Балканского полуострова, а фигуры ключевых дипломатов, отвечавших за проведение политики России на «горячем» балканском направлении в широком хронологическом периоде со второй половины XVIII в. до начала XXI в.

Содержание коллективной монографии может быть разбито на несколько тематических групп. В.Б. Каширин, О.Е. Петрунина, К.В. Мельчакова, С.И. Данченко, В.Б. Хлебникова, Я.В. Вишняков, П.А. Искендеров, Д.В. Родин в своих разделах подробно рассматривают жизнь и деятельность отдельных российских дипломатов, аккредитованных в балканских столицах.

М.М. Фролова, Д.И. Никифоров, А.С. Стыкалин, О.Е. Алпеев сосредоточили свое внимание на ключевых событиях балканской истории конца XIX — начала XX вв. в контексте усилий российской дипломатии по достижению мирного, компромиссного и отвечающего национально-государственным интересам России разрешения тех или иных региональных кризисов.

Л.В. Кузьмичева в своем очерке подробно рассматривает повседневную деятельность русского консульства в Белграде в драматические годы Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг.

Т.В. Волокитина, Е.Ю. Гуськова, Е.С. Коренев посвятили свои разделы участию российской дипломатии в обсуждении и урегулировании таких важнейших вопросов XX–XXI вв., как дунайская

проблема в контексте послевоенного мирного урегулирования 1945–1948 гг., югославский кризис 1990-х годов и современные процессы евроатлантической интеграции на Балканах.

Вошедшие в состав коллективной монографии очерки написаны живым литературным языком. Они основаны на ранее не опубликованных архивных документах из России и балканских государств. Мы надеемся, что монография «Славяне и Россия: Балканы и российский дипломатический корпус. XVIII–XXI вв.» будет интересна самому широкому кругу читателей.

**Ошибки министра-резидента:
к вопросу о роли российского представителя
в Константинополе А.М. Обрескова
в возникновении русско-турецкой войны
1768–1774 гг.**

С момента установления постоянных дипломатических отношений между Россией и Османской империей в начале XVIII века и, в особенности, после открытия активной фазы Восточного вопроса российская дипломатия неизменно была ключевым участником международных отношений в Юго-Восточной Европе и, наряду с вооруженными силами, являлась одним из главных инструментов отстаивания интересов своей страны на этом направлении. В целом, отечественное внешнеполитическое ведомство играло здесь исторически прогрессивную роль и с точки зрения потребностей социально-экономического развития России, и в отношении народов Балканско-Дунайского региона и Восточного Средиземноморья. Своими усилиями российская дипломатия объективно содействовала процессу национального освобождения и становления государственности народов региона, а также их политическому, экономическому и культурному сближению с Россией. А всё усложнявшаяся международная обстановка на османском Востоке, происходившие там кризисы и катаклизмы бросали новые вызовы и предъявляли всё более высокие требования к российскому внешнеполитическому ведомству, для которого участие в Восточном вопросе стало двухвековой школой институционального и профессионального развития и самосовершенствования.

Эффективность работы российской дипломатии на османском и балканском направлении была во многом обусловлена тем, что в имперский период Россия была неотъемлемой и важной частью европейского «концерта» держав и активно разви-

вала свои государственные институты по передовым образцам той эпохи, сочетая свой собственный многовековой уникальный опыт отношений с народами Востока и передовые методы и подходы дипломатии Западного мира. Однако наряду со многими несомненными успехами и достижениями российской дипломатии на балканском и османском направлении, о которых говорится в других разделах этой коллективной монографии, за два века она испытала и ряд достаточно болезненных неудач, и за некоторыми из них крылись субъективные ошибки и личный фактор.

Одной из таких неудач, по нашему убеждению, стали обстоятельства начала русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и роль, лично сыгранная в этом главой российской миссии в Константинополе министром-резидентом А.М. Обресковым (1718–1787). Подобная постановка вопроса сама по себе нуждается в пояснении. Насколько велико может быть влияние личности одного отдельно взятого дипломата, пусть даже весьма авторитетного, на возникновение крупного вооруженного конфликта? Причиной любой войны является сложный комплекс социально-экономических, международно-политических и идеологических явлений и процессов. Однако в определенных исторических условиях отдельные личности, в том числе представители дипломатического ведомства, могут сыграть особо значимую роль в предшествующих войне событиях, и иногда это получает четкий и ясный отпечаток в документах эпохи, благодаря чему историки могут уверенно судить об этом.

И допустимо ли говорить о неудаче дипломатии государства, если состоявшийся после этого военный конфликт завершился его победой, как было в случае русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Она окончилась крупным военным и политическим успехом Российской империи, пусть и купленным дорогой ценой, и Кючук-Кайнарджийский мирный трактат, обеспеченный победами российского оружия на суше и на море, был также несомненным достижением екатерининской политики и дипломатии. Но можно ли считать таким успехом само возникновение войны, даже если ее результат *postfactum* оказался благоприятным?

Фундаментальной задачей дипломатии является защита национальных интересов своей страны путем развития и укрепления связей с другими государствами, мирное и конструктивное преодоление существующих противоречий, предотвращение и компромиссное разрешение кризисов или же минимализация их последствий, наконец, недопущение самого худшего — вооруженного столкновения. Если же дело неотвратимо клонится к разрыву и военному конфликту, важнейшая задача дипломатии — дать своему правительству точную, неприкрашенную оценку политической ситуации, спрогнозировать вероятность, сроки и обстоятельства начала войны. В ситуации XVIII века дипломатические представительства также выполняли функции органов стратегической военной разведки.

В отдельных случаях, когда высшее руководство государства нацелено на военное решение конфликта, оно может ставить перед своим внешнеполитическим ведомством и его представителями в стране-оппоненте задачу по подготовке к разрыву, его политическому и пропагандистскому обеспечению. Но если власти страны прямо ставят своим дипломатам задачу не допускать сползания в военный конфликт, то начало такового несомненно должно быть признано неуспехом внешнеполитического ведомства в целом и конкретных людей из его руководства и из состава миссии в стране-оппоненте.

Последнее справедливо по отношению к деятельности в 1767–1768 гг., накануне русско-турецкой войны, российского дипломатического представителя в Константинополе. В тот период основные политические и военные ресурсы Российской империи были направлены на решение задачи по установлению российского господства в Речи Посполитой. И для этого петербургскому кабинету было принципиально важно избежать активного вмешательства Высокой Порты в польский кризис и вооруженного столкновения с нею. И обстоятельства возникновения русско-турецкой войны в 1768 г. убеждают, что с этими задачами российская миссия в Константинополе не справилась. Так какова была роль в этом российской дипломатии на османском направлении и персонально главы ее представительства в Константинополе, посла 3-го класса Алексея Михайловича Обрескова?

Прежде всего, необходимо признать, что деятельность этого яркого и выдающегося представителя российского дипломатического корпуса XVIII века исследована пока лишь поверхностно. Да и в целом российско-турецкие дипломатические отношения в XVIII веке освещены весьма неравномерно. К примеру, уже весьма подробно изучены российско-турецкие межгосударственные отношения в эпоху Петра I. Им посвящен ряд фундаментальных исследований и документальных публикаций М.М. Богословского, С.Ф. Орешковой, Т.В. Базаровой, П.А. Авакова, В.А. Артамонова, К.А. Кочегарова и др. Т.В. Базарова осуществила академическую публикацию основных документальных материалов первого российского посланника в Константинополе П.А. Толстого. Документы архива российского МИД по отношениям с Турцией в период царствования Анны Иоанновны первым использовал в своей работе дореволюционный ученый-славист А.А. Кочубинский (1845–1907), филолог по основной специальности¹.

Период же с начала 1740-х годов до возникновения русско-турецкой войны 1768–1774 гг., то есть отрезок времени, на который пришлась активная дипломатическая деятельность А.М. Обрескова на османском направлении, изучен гораздо меньше, а документальное наследие этого крупного дипломата до сих пор введено в научный оборот далеко не в полной степени. Вероятно, первым из историков с материалами служебной переписки Обрескова работал С.М. Соловьёв (1820–1879), первопроходец изучения документов Государственной Коллегии иностранных дел (ГКИД). Однако сам масштаб выполненного им обобщающего труда по истории России даже не предполагал подробного изучения деятельности одного дипломатического представителя за рубежом. Современник Соловьёва крупный военный историк А.Н. Петров (1837–1900), автор классического пятитомного исследования по истории войны 1768–1774 гг., не работал с документами архива российского МИД, а политические события непосредственной предыстории этого конфликта он описывал по отрывочным источникам, в том числе иностранного происхождения².

В советский период вышла монография Е.И. Дружининой о Кючук-Кайнарджийском мире 1774 г., заслуженно считающая-

ся классической. Однако дипломатическая предыстория этой войны в ее работе практически не затрагивается. Из современных авторов необходимо назвать М.Ю. Анисимова, автора капитальных работ по внешней политике России в середине XVIII в., он работал и со служебными бумагами Обрескова, но более раннего периода, времен Семилетней войны.

И, наконец, в постсоветский период увидела свет научно-популярная книга известного дипломата и историка П.В. Стегния (ранее писавшего и под псевдонимом Перминов) «Посол III класса», посвященная именно А.М. Обрескову и выдержавшая два издания, в 1992 и 2009 гг.³ Ее автор, карьерный дипломат, некоторое время возглавлял Историко-документальный департамент МИД, затем был послом России в Турции; при этом как историк он посвятил ряд исследований эпохе Екатерины II. Иными словами, биограф Обрескова был изнутри и досконально знаком с особенностями работы дипломатического ведомства, со спецификой российско-турецких отношений, а также имел свободный доступ к документам ведомственного Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) по интересующей его теме. Казалось бы, всё это обеспечивает «золотое», оптимальное сочетание факторов, позволяющее создать уникальный исторический труд. И действительно, книга Стегния об Обрескове показывает несомненное знание автором фактического материала, при этом написана в увлекательной манере, прекрасным языком, ярким и образным, и читать ее одно удовольствие. Но при всём этом данная работа является выраженным образцом апологетической ведомственной историографии. Сам канон этого жанра подразумевает превознесение и восхваление героев своего ведомства прошедших эпох, создание их идеализированного образа в пример и назидание потомкам. Для критического научного анализа в рамках данного подхода места и возможности практически не остается.

События последних лет перед началом войны 1768 г. и обстоятельства ее возникновения показаны П.В. Стегнием как совокупность объективных факторов непреодолимой силы, при несомненной деструктивной роли внешних сил, в первую очередь Франции. В интерпретации автора, А.М. Обресков при-

лагал незаурядные усилия для предотвращения разрыва между Россией и Турцией и сделал всё возможное, чтобы отсрочить его. При этом биографом делается акцент на личной энергии и мужестве российского министра-резидента, на его стойкости и перенесенных им испытаниях во время заключения под стражу османскими властями с конца сентября 1768 г. по лето 1771 г. Несомненно, при написании книги «Посол III класса» П.В. Стегний изучил многие служебные документы А.М. Обрескова того периода. Впрочем, как мы смогли убедиться, использованы они были весьма выборочно и, на наш взгляд, предвзято, в рамках избранного автором апологетического подхода. Сплошное изучение документальных материалов Обрескова периода 1767–1768 гг. дает совершенно иную картину.

В рамках данной работы не представляется возможным подробно осветить все аспекты служебной деятельности А.М. Обрескова и возглавляемой им миссии накануне начала войны между Россией и Турцией в 1768 г., как и все политические обстоятельства и предпосылки этого крупного исторического события. Однако мы попробуем сконцентрироваться на персональной роли Обрескова, на влиянии личного и субъективного фактора на развитие политического кризиса в русско-турецких отношениях, приведшего к началу войны, и это позволит сделать некоторые выводы об институциональном развитии и профессиональной эффективности российской дипломатии на османском направлении в тот период. В основу данного исследования легли документы служебной переписки А.М. Обрескова и его подчиненного-соперника, поверенного в делах российской миссии П.А. Левашова, их всеподданнейшие реляции на имя императрицы и донесения руководству ГКЖД за 1767 и 1768 гг. Эти документы сохранились в фонде «Сношения России с Турцией» (ф. 89) в АВПРИ. Ранее эти дела неоднократно просматривались исследователями, но, как было сказано, до сих пор не введены в научный оборот в полном объеме.

Алексей Михайлович Обресков и его служебная деятельность составили целую эпоху в истории межгосударственных отношений Российской и Османской империй. Более 30 лет его службы были связаны с Турцией, из которых без малого два

десятка лет он являлся главой российского дипломатического представительства в Константинополе в ранге посла 3-го класса (иначе, по терминологии того времени, «резидующего министра», министра-резидента или просто резидента). Сразу после окончания Кадетского шляхетского корпуса в 1740 г. Обресков избрал для себя дипломатическую стезю, в том же году впервые прибыл в Константинополь в составе Великого посольства А.И. Румянцева, затем, в 1740-е годы, неоднократно вновь бывал в османской столице с различными заданиями, выучил турецкий и греческий языки, приобрел ценный опыт и связи. Благодаря этому в 1751 г., несмотря на сравнительно молодой возраст и невысокий чин, Обресков стал поверенным в делах, а в 1752 г. возглавил российскую дипломатическую миссию в Османской империи, став восьмым по счету человеком на данном посту в истории. В этой должности он непрерывно оставался до начала русско-турецкой войны осенью 1768 г., а затем еще почти три года находился в заключении в Едикульском замке и при лагере османской полевой армии. За всю многовековую историю российско-турецких дипломатических отношений никто не находился в должности главы российской миссии дольше, чем Обресков.

За время своей службы Обресков стал глубоким знатоком Османской империи в разных сферах ее жизни, приобрел обширные знакомства и связи. В качестве непосредственного участника событий он наблюдал весь процесс развития российско-турецких отношений от Великого посольства 1740 г. до начала новой русско-турецкой войны в 1768 г. Такие специалисты были уникальным, штучным кадровым ресурсом для Государственной Коллегии иностранных дел, которая не имела равноценной замены Обрескову, и потому-то он был несменяем в течение столь долгого времени.

Личная роль и влияние главы миссии в Константинополе в то время были особенно велики. В эпоху до Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. Россия не имела ни одного консульского учреждения во владениях Османской империи (не считая кратковременных и в итоге неудачных попыток открыть консульство в Крымском ханстве). Кроме того, отсутствовала система глубо-

кой стратегической разведки в османских владениях в интересах военного ведомства Российской империи. Местные органы (Киевская губернская канцелярия, власти Малороссии, атаманы Войска Донского, коменданты приграничных крепостей) вели разведку лишь вблизи государственной границы, в отношении Крымского ханства и причерноморских османских крепостей. В силу этого, российская миссия в Константинополе была главным и единственным каналом, по которому осуществлялась политическая коммуникация с Высокой Портой и поступала разведывательная информация политического и военного характера о событиях и процессах в глубине Османской империи.

Неизбежным последствием и оборотной стороной такой ситуации стало чрезмерное повышение роли личного и субъективного фактора в российско-османских дипломатических отношениях, в ущерб развитию коллективных и институциональных принципов. На это накладывалось и вышеупомянутое рекордно длительное нахождение одного человека на посту главы российской миссии в Константинополе. Не вызывает сомнения, что чрезмерное пребывание на одной должности в силу объективных психологических и физиологических причин раньше или позднее приводит к рутинизации и застою, начинает тормозить прогресс и существенно повышает вероятность ошибок.

Работа российской миссии в Константинополе в тот период была организована весьма своеобразно. Сам институт Государственной Коллегии иностранных дел подразумевал коллективный принцип в руководстве внешней политикой России. И одновременно этот же принцип был фактически внедрен и в организацию работы ряда дипломатических представительств. После своего восшествия на престол в результате дворцового переворота 28 июня 1762 г. императрица Екатерина II не стала радикально обновлять состав руководства дипломатических представительств России в зарубежных странах. Вместо этого к ряду посланников, сохранивших свои посты, были назначены новые поверенные в делах, на которых, по сути, были возложены функции надзора и контроля за ними. В случае Обрескова таким человеком стал поверенный в делах Павел Артемьевич Левашов (ок. 1727–1820)⁴, получивший назначение в Константи-

нополь в 1764 г. Формально он являлся подчиненным министра-резидента, но при этом им двоим было официально поручено совместно подписывать свои депеши, и им обоим одновременно адресовывались рескрипты императрицы.

Это вопиющее нарушение принципа единоначалия никак не содействовало повышению роли институциональных механизмов в работе дипломатической миссии в Константинополе, но несло в себе прямые и очевидные риски нарушения субординации. Предписанная необходимость отправления коллективных реляций, очевидно, тяготила обоих дипломатов, и потому они активно использовали для коммуникации с Петербургом механизмы служебных и частных писем к руководителям Коллегии иностранных дел.

Известно, что Обрескова весьма ценил первоприсутствующий в Коллегии граф Н.И. Панин. Это хорошо видно и из писем последнего, и из свидетельств современников. К примеру, воспитатель наследника великого князя Павла Петровича С.А. Порошин записал в своем дневнике: «Никита Иванович изволил весьма хвалить резидента нашего при Порте, господина Обрескова, что он с отличностию там поступает» (речь шла о событиях времен польского кризиса 1764 г.)⁵. Соответственно, и Обресков воспринимал Панина как своего личного патрона, регулярно писал ему не только по служебным, но и по частным вопросам. В свою очередь, поверенный в делах П.А. Левашов был в значительной степени ориентирован на вице-президента Коллегии иностранных дел, вице-канцлера князя А.М. Голицына.

Практически с самого начала их совместной службы в Константинополе Левашов в своих частных посланиях руководителям ГКИД стал систематически сообщать в Петербург о фактической неспособности Обрескова выполнять свои обязанности по состоянию здоровья⁶. Эти незамысловатые кляузы столь явно обнажали мотивы Левашова и столь вопиюще противоречили духу служебной этики и субординации, что руководство Коллегии реагировало на них с раздражением и неоднократно делало Левашову строгие внушения. Вице-канцлер был вынужден потребовать от него «оставить господина Обрескова в покое и не распространяться о его изнеможении»⁷.

Как ни парадоксально, даже подобное категорическое предписание никак не повлияло на поведение Левашова. Оставаясь в той же должности, он продолжал кляузничать и интриговать против Обрескова. Так, он сообщал, что министр-резидент из-за физической немощи не смог сохранить в тайне конфиденциальную встречу с османским сановником, в другой раз на приеме не мог удержать в руках чашку с кофе и облился. Помимо сообщений о слабости здоровья, Левашов обвинял своего начальника в служебном эгоизме и в замалчивании заслуг самого поверенного в делах. К примеру, в письме к князю Голицыну от 4 января 1768 г. он жаловался, что «нарочно избрал он (Обресков. — *В. К.*) способ о том доносить партикулярными писмами его высокопревосходительству Никите Ивановичу, выражая в них одну только свою к службе ревность, труды, тщание и старание, обо мне же нимало ничего никогда не упоминая. Поступает же он сим образом единственно токмо для того, **чтобы высочайший двор видел ево одново искусство и услуги и чтоб за успехи по здешним делам восписана была вся похвала и слава ему одному** (здесь и далее выделения шрифтом наши. — *В. К.*)»⁸. При этом руководство Коллегии продолжало сохранять удивительное долготерпение в отношении Левашова, и в результате к началу предвоенного кризиса в российской миссии в Константинополе сложилась совершенно нездоровая ситуация.

Со времени Белградского мира 1739 г. и Великого посольства 1740 г. в российско-османских отношениях существовало множество трений и противоречий, которые были связаны с мелкими пограничными инцидентами на крымской границе с участием татар, запорожских и донских казаков, борьбой за влияние в Кабарде, затем — с основанием и развитием Россией области Новая Сербия и строительством крепости Св. Елисаветы на правом берегу Днепра. Однако главным источником противоречий было последовательное вмешательство России во внутренние дела Речи Посполитой, вылившееся в две военные интервенции, в 1764 и 1767 гг. В бытность А.М. Обрескова министром-резидентом в Константинополе России удалось избежать вовлечения Турции в Семилетнюю войну на стороне недружественной коалиции, затем — в события польского кризиса 1764 г. после

смерти короля Августа III Саксонца. В ожидании нового политического кризиса, связанного с «диссидентским» вопросом и изменением конституционного законодательства Речи Посполитой, в Петербурге надеялись, что Обресков вновь сумеет предотвратить осложнения с Турцией и вмешательство последней в польские события.

В письме от 9 января 1767 г. граф Н.И. Панин, комплементарно именуя Обрескова «министром толь прозорливым и толь попечительным о пользе отечества», давал ему основные установки в связи с предстоявшими событиями в Польше. Он писал, что «мы теперь с польским двором находимся в не малой остуде» и что «может быть, найдется Ея Императорское Величество принужденною ввести в Польшу некоторую часть своих войск»⁹. В связи с этим для успокоения Высокой Порты Обресков должен был задействовать весь доступный ему арсенал средств, включая и столь традиционный для османского Востока подкуп высших сановников. Панин писал: «Ея Императорское Величество, полагаясь на изведенное ваше к службе усердие и верность, изволит **вас уполномочивать на употребление денег** в таком случае, когда все представления бесплодны были бы, ибо удержание турков тем или другим образом от перечения нашему плану, оставляя нам свободныя руки, додаст способ кончить дела с меньшею тягостию, а с большею выгодною»¹⁰.

В первые месяцы российской интервенции в Речи Посполитой депеши Обрескова имели успокоительный характер. К примеру, 31 марта 1767 г. он докладывал, что «Порта произходящее в Польше на сердце не приемлет»¹¹, что, как показали дальнейшие события, едва ли соответствовало действительности. Но постепенно, по мере развития политического кризиса в Речи Посполитой и усиления давления России, в османском руководстве нарастало раздражение. 5 ноября 1767 г. Обресков вновь докладывал, что «имел щастие» Порту в «прежнее ея спокойствие возвратить». Но затем, по его словам, последние известия из Польши вновь сильно возбудили общественное мнение в Константинополе и вызвали недовольство османских властей.

В ближайшие недели ситуация стала настолько серьезной, что сам реис-эфенди (или реис-уль-китаб, тур. *reisülküttâb*), то

есть канцлер и глава внешнеполитического ведомства Порты, Енишехирли Эссеид Осман-эфенди (*Yenişehirli Esseyid Osman Efendi*), назначил Обрескову тайную встречу для переговоров по польскому вопросу. При этом, как докладывал сам Обресков, реис-эфенди, зная, «что я здоровьем очень слаб», предложил сам переехать через Золотой Рог в Перу и встретиться в одном частном доме. Обресков согласился, хотя, как он сам докладывал, перед этим 15 дней не выходил из своей комнаты по состоянию своего здоровья. Встреча состоялась 3 декабря 1767 г. Обресков добирался до условного места окольными улицами, в течение целого часа. Примечательно, что на эту встречу он не стал брать своего заместителя Левашова, а взял вместо него своего доверенного сотрудника, советника миссии Пиния, грека-фанариота.

Реис-эфенди с переводчиком и двумя доверенными чиновниками уже дожидался российского дипломата на месте. Последовала четырехчасовая «конференция», то есть переговоры, и их результат был весьма важен для развития русско-турецких отношений. Османский канцлер изложил позицию Порты о неприятии действий России в Речи Посполитой. Обресков уверял, что российские войска в Польше находятся лишь временно и что сразу после разрешения политического кризиса они будут выведены. В итоге реис-эфенди заявил, что Порта может согласиться на это, «с сею, однако ж, **кондициею, что находящиеся в Польше Ея Императорскаго Величества войска по окончании помянутых в акте изображенных дел в 15^{ть} или много 20^{ть} дней в отечество их возвратный путь предпринять имеют**», а также что будут освобождены арестованные российскими войсками вожди польской оппозиции. Фактически это был довольно жесткий ультиматум, и противостоять ему Обресков не смог. Сам он докладывал: «Я со оным министром по употреблении всего, сколько сил и смыслу моего было, [чтобы] возврат войск по окончании дел дальнейшим, да и до самой просухи (до окончания сезонной распутицы, то есть до середины весны 1768 г. — В. К.) отложить, но **не возмогши его преклонить [...], на вышепомянутые две кондиции согласился**»¹².

То есть, в данном конкретном словесном поединке Обресков проиграл своему османскому оппоненту и сам это признавал.

Апологеты Обрескова утверждают, что он по собственной инициативе дал обещание реис-эфенди, дабы избежать или оттянуть якобы неминуемое в противном случае начало войны. Однако факты свидетельствуют, что ни о какой угрозе немедленного разрыва в тот момент речи не шло, и Порты еще даже не начинала никаких приготовлений к войне. Ее архаическая военная машина вообще была чрезвычайно медлительна и не без труда приводилась в движение; это обыкновенно занимало от нескольких месяцев до года. Из депеши Обрескова видно, что реис-эфенди и не угрожал разрывом, а просто говорил о неблагоприятных последствиях, о том, что недружественные силы могут использовать ситуацию для разжигания антироссийских настроений в османских владениях и т.п. Сам министр-резидент понимал, что допустил серьезную ошибку. Он писал Панину: «Я чувствую, милостивый государь, в сем обязательстве, то есть толь скором выводе войск Ея Императорскаго Величества, **несколько много на себя взял**»¹³. Но при этом он оправдывал себя тем, что якобы увидел благоприятную возможность и, чтобы не упустить ее, проявил такую инициативу.

Данный поступок Обрескова, сопряженный с явным превышением его полномочий и нарушением инструкций, вызвал сильное раздражение в Государственной Коллегии иностранных дел. В своем письме от 25 января 1768 г. сам граф Панин, обычно предельно любезный и щедрый на комплименты в общении с Обресковым, выговаривал ему: «**Не могу скрыть сожаления моего**, что вы турецкому министерству о возвращении войск наших из Польши в феврале месяце и о беспосредственном после сейма освобождении арестованных магнатов **дали толь скоро сами собою формальное обещание**, ибо со всею моею охотою исполнить оное на срок **не вижу я, однако ж, к тому способа без существительнаго предосуждения службе и делам Ея Императорскаго Величества**»¹⁴. Итак, серьезная промашка Обрескова была очевидна и его прямому руководству. Однако, помимо данного выговора от главы ГКИД, никаких иных взысканий по отношению к Обрескову применено не было, и тем более не шла речь о кадровых решениях.

Что же послужило причиной столь болезненного промаха опытного дипломата Обрескова? Во время описанных событий ему

не исполнилось еще и 50 лет, но здоровье его было основательно подорвано, о чем он сам писал в своих реляциях и письмах Панину. Но особенно ярко проявления физической немощи министра-резидента, как и прежде, фиксировал в своих донесениях его заместитель, поверенный в делах российской миссии. В письме к князю А.М. Голицыну от 1 января 1768 г. Левашов писал про «смягчение ево (Обрескова. — В. К.) рук, так что он над одною реляциею иногда по целой неделе сидеть принужден и чрез то куриеров по нескольку дней здесь задерживает»¹⁵. А также сообщал, что, «окроме смягченности его рук и неудобства к писанию, начал он чувствовать головную болезнь, особливо в такие времена, когда он что-либо диктует или сочиняет и потому стал опасаться, чтобы к такому напряжению головных мыслей не ударилися в голову вредительныя корпуса его соки, кои поныне по большой части только его руки омягчевали, и тем не причинили бы ему смертельнаго удара»¹⁶.

Помимо болезненного состояния, в те самые месяцы на Обрескова обрушился ряд тяжких жизненных испытаний. В ночь с 15 на 16 сентября 1767 г. произошел пожар в дипломатическом квартале в константинопольской Пере, в результате которого полностью сгорело основное казенное здание российской миссии. В огне погибли личные вещи самого Обрескова и его сотрудников, все подготовленные запасы на зиму. Архив миссии удалось спасти лишь частично; были утрачены ценные материалы, к примеру, один из вариантов «цифирного кода», что на некоторое время затруднило служебную переписку Обрескова¹⁷.

А 5 ноября 1767 г. Левашов писал Н.И. Панину: «Сего ноября 5 числа в 4 часа пополуночи госпожа резидентша преставилась по претерпенной чрез два месяца лихорадке и горячке, оставя супругу своему на руки четырех малолетных детей. Сия печаль и так слабому господина резидента здоровью присовокупила еще наибольшей вред, так что он едва ходить может»¹⁸. Как уже было сказано выше, Левашов упорно продолжал заваливать руководство сообщениями о физической неспособности своего прямого начальника исполнять свои обязанности. Мотивы и устремления поверенного в делах вполне очевидны и неприглядны в моральном отношении, но в данном случае в основе лежали реальные факты.

Если отказаться от пафоса ведомственной апологетики, мы видим в российском министре-резиденте Обрескове в тот период физически и морально потрясенного человека, с трудом справляющегося со своими важнейшими служебными обязанностями. Именно поэтому на тайной «конференции» 3 декабря 1767 г. османский реис-эфенди смог в полном смысле слова прижать его к стенке, выдвинул ультиматум и вынудил дать формальное обязательство, абсолютно невыгодное для петербургского кабинета и по сути невыполнимое. И если изначально это обещание убедило Порту в относительной слабости России, то его дальнейшее неисполнение — в лицемерии и недоговороспособности ее дипломатии.

Дальнейшие события в Речи Посполитой получили неожиданно неблагоприятный для России оборот. 18 (29) февраля 1768 г. в замке Бар на Подолии была учреждена конфедерация польской шляхты антироссийской направленности. Вскоре в приграничных Подольском и Брацлавском воеводствах Польши начались боевые столкновения ее сторонников с российскими войскими командами. Близость границы по Днестру позволяла конфедератским отрядам легко укрываться на территории Молдавии, и это же вызвало ряд приграничных инцидентов с участием русских войск, которые стали новым серьезным раздражителем в российско-османских отношениях. Весной 1768 г. Порта начала конкретные военные приготовления, в приграничные крепости по Днестру были направлены контингенты сипахийского ополчения из западных областей Балкан. Российский же резидент Обресков в это время продолжал слать донесения успокоительного характера. В своей всеподданнейшей реляции № 7 от 30 апреля 1768 г. он докладывал о «продолжающемся **тихом здесь положении дел, касающихся до империи Вашего Императорского Величества**» и что он не находит «ничего достойного ко всеподданнейшему Вашему Императорскому Величеству доношению» и что посылает эту экспедицию «единственно для наблюдения постановленного порядка ежемесячного отправления»¹⁹.

В эти самые недели в отношениях двух государств стремительно нарастали кризисные явления. Именно тогда власти Молдавии осуществили ряд арестов предполагаемых российских

шпионов. По крайней мере один из них, некто Алексей Янкоров, был публично казнен в Яссах, что стало явным вызовом и провокацией назначенного турками господаря в отношении России. Но примечательно, что об этих событиях известно из донесений европейских дипломатов при Высокой Порте, которые внимательно следили и докладывали о подобных инцидентах²⁰. В донесениях же Обрескова казнь Янгорова и аресты других мнимых и реальных шпионов в Молдавии даже не упоминаются. И это также заставляет полагать, что в те месяцы российский министр-резидент не мог с полной отдачей и должной эффективностью заниматься защитой интересов России и ее подданных.

А в письме к послу в Варшаве князю Н.В. Репнину от 6 мая 1768 г. Обресков, ссылаясь на заверения османских сановников, сообщал, что Константинополь фактически отказывает в поддержке Барским конфедератам, «будучи намерение ея, Блистательной Порты, точное и непоколебимое находящейся мирной трактат с высочайшим нашим двором свято наблюдать и настоящую соседственную дружбу без утраты продолжать»²¹. Эту оценку ситуации следует признать явно неадекватной разворачивавшимся политическим процессам. Столь же благостно и недалновидно в то время оценивал позицию Порты в польском вопросе и поверенный в делах П.А. Левашов. Он писал Панину 30 апреля: «Поведение здешняго двора довольно ныне удостоверяет, что нововозставшее в польской Украине мятежное сонмище ничем себя от здешней стороны льстить не может, почему уповать можно, что оное само по себе вскоре и разсыпаться будет приуждено»²². В течение всего следующего календарного месяца мая Обресков вообще не смог отправить в Петербург ни одной депеши и прямо говорил, что сделать это ему не позволило состояние здоровья.

Вскоре после этого в начале лета произошел печально знаменитый Балтский инцидент, нанесший непоправимый ущерб тогдашним отношениям между Россией и Османской империей. 18 (29) июня 1768 г. небольшой отряд гайдамаков, называвших себя запорожцами (то есть формально российскими подданными), прибыл в местечко Палеево Озеро (Юзефград) на польской стороне пограничной речки Кодыма, правого притока Южного

Буга, напротив «ханской слободы» Балта, и потребовал выдачи бежавших на крымскую сторону поляков и евреев-хасидов. Под предлогом умирения бунтовщиков турки из Балты перешли реку и напали на жителей Палеева Озера. Тогда на подкрепление к гайдамакам подошли основные силы отряда сотника Семёна Шила из нескольких сотен человек с четырьмя пушками, и теперь уже Балта подверглась разгрому и резне населения²³. 24 июня (5 июля) сходные события, хоть и в меньших размерах, произошли в Голте, еще одной ханской слободе у впадения Кодымы в Южный Буг, где также учинили погром переправившиеся гайдамаки²⁴.

Детальное исследование-реконструкция обстоятельств и прямых последствий Балтского инцидента пока еще не написано. Но и современники, и историография в целом согласны в том, что именно это событие нанесло непоправимый ущерб тогдашним отношениям между Россией и Османской империей и стало точкой невозврата в процессе сползания двух государств к войне.

Первые известия о случившемся в Балте, полученные османскими властями в Константинополе, сообщали о 1800 убитых подданных Порты, в числе которых были и знатные татары²⁵. Также поступили и оказавшиеся впоследствии ложными данные, что гайдамаками было разграблено и ханское местечко Дубоссары на Днестре. Эти преувеличенные и прямо вымышленные известия появились, по всей видимости, в результате согласованной интриги французского консула в Крыму барона Ференца де Тота и крымского чиновника татарина-липка Якуба-аги (Якуба Измайлова), дубоссарского гетмана и бывшего ханского переводчика, а по совместительству — многолетнего тайного агента-конфидента русской разведки.

Сразу после получения в Константинополе первых известий о Балтском инциденте Обресков, еще не имея альтернативной информации, был вынужден реагировать на те данные, что предъявляла ему османская сторона. По его словам, гнев турецких властей и психоз уличной толпы в те дни достигали такой степени, что он опасался немедленного издания фетвы о начале священной войны против России. И тогда Обресков сумел «повоздержать» этот шаг «предъявлением так словесно, как и

писменно начальника того detachmentу во всем виновным». То есть, еще не располагая достоверными данными о произошедшем в Балте (и в этом не было его вины), Обресков, по его словам, для пользы своего государства в официальном документе признал начальника российского воинского отряда виновным в инциденте. И именно этой трактовки впоследствии охотно придерживалась османская сторона. Как и в случае с декабрьской тайной «конференцией» с реис-эфенди Обресков поспешил и, в конечном счете, это также оказалось его ошибкой. Немного позднее получив более достоверные сведения об инциденте, резидент попытался донести их до Порты и смягчить ее позицию, но уже не преуспел в этом.

В своем донесении Обресков подчеркивал, что только максимально жестокое и, главное, показательное наказание виновных в Балтских событиях может дать удовлетворение властям Османской империи и общественному мнению в ее столице: «Порта за лутчее всего удовольствие в прозшедшем случае почтет казнь или жестокое телесное наказание нескольких на самых местах, где продерзости учинены были, для успокоения тем народа». В данном случае власти России последовали рекомендации Обрескова и дали распоряжение киевскому генерал-губернатору Ф.М. Воейкову о том, чтобы захваченные участники нападений на Балту и Голту были подвергнуты жестокой показательной казни на самой границе, вблизи места их преступлений. С учетом невероятных зверств, которые творили гайдамаки в Умани, Балте и других местах, это воздаяние не было излишне суровым. Но Обресков вновь ошибся, на сей раз относительно того, что это позволит купировать последствия Балтского инцидента. Они продолжали довлеть над российско-турецкими отношениями и ускоряли печальную развязку. Несомненно, для резидента Обрескова события в Балте стали источником служебных неприятностей и личных переживаний, но, с другой стороны, они оказались в каком-то смысле даже благоприятны для его профессиональной репутации. Балтский инцидент затмевал и перекрывал собой большинство событий последних месяцев, включая и описанные выше промашки самого Обрескова. Теперь он имел возможность говорить, что непоправимое ухудшение в отноше-

ниях между Петербургом и Константинополем было вызвано внешними обстоятельствами непреодолимой силы.

В письме на имя Н.И. Панина от 7 августа 1768 г. Обресков прямо говорил, что Порта развернула полномасштабные приготовления к войне, начало которой представлялось более чем вероятным: «Здесь все к войне нужное и каждого звания потребности в толиком количестве приготавлиются и запасаются, что не возможно без крайней отваги уверить, чтоб оной и действительно не случилось, наипаче же судя по свойству здешняго народа и формы правления». Но и докладывая об очевидном, министр-резидент делал при этом абсурдное предположение, что военные приготовления Порты могли быть направлены не против России, а против Габсбургской монархии: **«Не можно ж також и того с точности еще предсказать, и в случае сей крайности, в которую сторону правление предизберет упражнить народную пыхость [sic]: против империи Ея Императорскаго Величества, или же к берегам Адриатического моря»**. Само подобное предположение, противоречившее очевидным фактам и здравому смыслу, не делало чести Обрескову с его обширным опытом службы на берегах Босфора. Российский министр-резидент словно бы до последнего отказывался признать вслух и прямо доложить своему начальству, что Османская империя бесповоротно вступила на путь войны с Россией.

А в письме к вице-канцлеру князю А.М. Голицыну от того же 7 августа 1768 г. Обресков называл инцидент в Балте «чудным случаем, превратившим здесь дела из приятнаго положения в мутное», и уподоблял его последствия «воставшей туче, угрожающей изпровергнуть все мои труды столикых лет и со всею ревностию употребленные». Резидент повторял, что только предложенные им действия (показательная казнь виновников резни в Балте) могли бы дать удовлетворение Порте, и добавлял, что всё равно было бы нелишним принять подготовительные меры на случай возможного разрыва, «ибо мгла велика, а не менее и недоведомость о будущем в разсуждении свойства здешняго правления». И в данном случае о возможности начала Портой войны против России Обресков говорил предельно расплывчато и туманно, как будто не решаясь называть вещи своими именами.

И в этом же письме к князю А. М. Голицыну министр-резидент сообщал о близком к критическому финансовом положении миссии. Дело в том, что, по полученным указаниям из Петербурга, Обресков выкупил в пользу российской казны «из зависимости монастырской» земельный участок под сгоревшим годом ранее зданием миссии в Пере, и теперь там началось капитальное строительство, был заложен фундамент и возводились стены. Официальное разрешение на высочайшем уровне было дано, однако денег на эти обширные расходы Обресков так и не получил, «также и приходящего Ея Императорскаго Величества жалованья как мне, так и всем прочим здесь находящимся за минувшей 1767^я год». Первое время Обресков сумел обходиться сэкономленными деньгами из суммы на чрезвычайные расходы, но теперь, по его собственным словам, все они были издержаны, «и я претерпеваю в деньгах недостаток, которой под сие критическое время весьма некстате». Поэтому резидент просил князя Голицына перевести ему хотя бы какую-то сумму денег. Ранее руководство ГКИД, ссылаясь на волю самой императрицы, предписывало Обрескову употреблять деньги для подкупа османских сановников, но затем само же посадило министра-резидента и всю миссию на денежный «голодный паек», так что за месяц с небольшим до начала войны он вообще остался без денег. Отметим, что это происходило еще до начала войны с Турцией, которая поставила финансы Российской империи в крайне тяжелое положение и вынудила впервые в истории страны начать выпуск бумажных ассигнаций.

В развитии оценок ситуации самого Обрескова переломным моментом можно считать отправление им депеши Панину от 27 августа 1768 г., в которой он писал, что подготовка Порты к войне приобрела уже по сути необратимый характер. В ней дипломат особо отмечал, что «уже разосланы комисары для починки дорог до Андрианополя [sic] и до Дуная, также и приведения в состояние дворцов и других публичных строеней, в помянутом городе Андрианополе находящихся, что все заставляет почитать не токмо предвестником, но и доказательством принятой его величеством резолюции войною упражняться». Впрочем, Обресков ошибочно полагал, что Порта не станет первой формально

объявлять войну России: «Правда я не думаю, чтоб Порты прямо нам войну объявила, дабы не ославиться беззаконною мира разрушительницею, но доведет то сделать высочайший наш двор вступлением за барских мятежников».

И здесь же Обресков докладывал, что в элитах Османской империи существует сильная оппозиция курсу на начало войны с Россией и что у него есть рычаги тайного воздействия на этих людей. Он сообщал, что султан повелел собранию высших духовных лиц Османской империи, включая верховного муфтия, обоих кадилескеров и еще 14 лиц, дать богословско-правовое заключение насчет обоснованности начала войны против России. И, по словам Обрескова, сформулированная позиция этой коллегии была осторожно-отрицательной. Как подчеркивал российский резидент, это было результатом его собственного негласного влияния на некоторых из состава данного собрания, а «особливо одного, коего в нынешних нежных обстоятельствах наименовать опасно». Вообще можно отметить, что Обресков любил в своих донесениях делать подобные намеки относительно своего закулисного влияния на османских сановников, но существующие источники обычно не позволяют объективно проверить достоверность этого. А в данном случае, о чем писал и сам Обресков, осторожные возражения духовных лиц лишь разгневали султана и укрепили его воинственные намерения.

В следующей своей депеше от 4 сентября 1768 г. Обресков развивал тему военных приготовлений Османской империи. Он писал: «Упражнение Порты войною, по всем оказательствам судя, делом почти совсем неминуемым почитать должно»²⁶. В то же время министр-резидент сообщал о предпринятых им попытках тайного влияния на настроения османских элит, с целью перенаправить воинственные устремления Порты в сторону Габсбургской монархии. По словам Обрескова, он «под рукою чрез разные каналы доказывал, что и в таком крайнем случае Порты может дать упражнение народу в другой стороне с лучшею надеждою удачи, и не в пример большею выгодною, да и без нарушения трактата, то есть против Венскаго двора, с которым Белградскому (1739 г. — В. К.) срок уже миновал»²⁷. Более того, резидент даже обнадеживал свое руководство словами о том, что

его тайные усилия «и плод свой производят, ибо на сих днях **получил я уверение от персоны, вероподания не недостойной, якобы о том и самое правление серьезно помышлять начинает**»²⁸.

Мы не знаем, в какой степени сам Обресков в те дни верил в фантастическую возможность столкнуть Османскую и Габсбургскую империи в новой войне (на что, к слову, он не имел никаких полномочий и инструкций из Петербурга), и придавало ли вообще этому хоть какое-то значение руководство Коллегии иностранных дел. Но примечательно, что Обресков до конца пытался передать своему начальству хоть малую толику оптимистических ожиданий, даже если это противоречило здравому смыслу. В постскриптуме к депеше Панину от 4 сентября резидент писал: «Войну желает токмо один султан и простой народ, но министры и духовенство весьма тому противятся. А кто ково переможет, время окажет». И в том же донесении министр-резидент делал довольно парадоксальное для человека с его опытом службы признание: «Я вам признаться могу, что уже весьма давно приметил я по здешним обращениям, что **поступки Порты не весьма искренни**. Видел же притом и сие, что чем более здешним от нашей стороны снисхождении оказывались, тем более оных претензии во всем усугублялись; но я о том вам прежде писать не посмел, **чтоб преждевременно тем не привести высочайшей двор в некоторое усумнение**». То есть, всего за три недели до начала войны (срок меньший, чем занимала поездка курьера из Константинополя в Петербург) глава российской миссии сообщал начальству о ненадежности Порты как политического партнера (!) и о том, что до сих пор он предпочитал не обременять этим собственное руководство. Как представляется, подобное откровение в любую эпоху служило бы доказательством не самого высокого профессионализма дипломата.

К началу сентября 1768 г. Порта уже бесповоротно вступила на путь подготовки к войне с Россией. И, наконец, в четверг 25 сентября (6 октября) состоялось печально знаменитое расширенное заседание Большого Дивана, на котором новый верховный визирь Хамза Махир-паша публично, в присутствии всего дипломатического корпуса, и в весьма резком тоне обви-

нил Россию в целом ряде недружественных и провокационных действий, главными из которых были продолжающаяся военная интервенция в Польше и нападения «российских войск» на владения и подданных Османской империи. Самого Обрескова визирь при этом в лицо назвал лжецом и обманщиком, и ранее данное тем и невыполненное обещание о выводе российских войск из Польши давало для этого некоторое основание. Теперь же Хамза Махир-паша потребовал от Обрескова немедленно дать обязательство о выводе российских войск, а когда тот отказался это сделать, тут же последовало формальное объявление Высокой Портой войны Российской империи, а Обресков и весь персонал российской миссии были заключены под стражу в Едикульский замок.

После этого Обресков оставался в османских владениях еще почти три года, но дипломатическая его миссия в этот день подошла к своему концу. Пребывание в заключении стало тяжелым физическим и психологическим испытанием для Обрескова, который, надо отдать ему должное, переносил всё это стойко и мужественно. А пережитые им испытания и страдания при исполнении служебного долга как бы оправдывали его в глазах собственного руководства и делали неактуальной критическую оценку его деятельности перед началом войны. К тому же, в этом был совершенно не заинтересован и его патрон граф Н.И. Панин, глава внешнеполитического ведомства России.

Впоследствии в ходе переговоров о мире с Портой обширные знания и опыт многолетнего министра-резидента в Константинополе оказались крайне востребованы, и в этом он сумел принести государству несомненную пользу. В дальнейшем Обресков служил в центральном аппарате Коллегии иностранных дел, в 1779 г. был назначен присутствовать в Сенате, в 1784 г. произведен в действительные тайные советники и умер, находясь на службе, в 1787 г.

Целью этого исследования отнюдь не является поставить под сомнение подлинные заслуги А.М. Обрескова на служебном поприще, его профессиональные качества и репутацию. Это был крупный дипломат, имевший ряд несомненных достижений перед своим ведомством и государством. И полная академическая

публикация его документов, которая, как мы надеемся, будет однажды осуществлена, послужит лучшим доказательством этого и существенно обогатит наши знания о прошлом российско-турецких отношений.

Однако практически любая карьера имеет свои взлёты и падения, яркие и прискорбные эпизоды. Завершающий этап пребывания Обрескова на посту российского министра-резидента в Константинополе явно стал не самой блестящей страницей в истории его жизни и службы. Несмотря на весь свой опыт, глубокое знание османской столицы и тамошней правящей элиты, высокий авторитет и немалую степень самостоятельности в служебной деятельности, поддержку и доверие со стороны руководства ГКИД, Обресков не смог предотвратить начало войны между Российской и Османской империями в сентябре 1768 г. и даже некоторыми своими вынужденными и невынужденными ошибками ослабил позиции своего государства в дипломатических баталиях с Портой.

Сам министр-резидент считал возникновение военного конфликта однозначным злом и одновременно свидетельством профессионального провала уполномоченного дипломата. В этом отношении примечательны его собственные слова из письма к послу в Польше князю Н.В. Репнину, в котором Алексей Михайлович писал о желании охранить себя «от порицаний, в нашем отечестве претерпенных по случаю последней с турками войны предместником моим Вешняковым, что был причиной хотя славной, но весьма разорительной для государства войне, и **чрез то посрамил свое имя на всегдашние времена**, да сие мнение было не токмо народное, но самих кормило правящих»²⁹. Это очень важные строки, так как они дают нам понять, что в профессиональной среде дипломатического ведомства России той эпохи начало войны с Турцией в 1736 году (а фактически, в 1735 г.) воспринималось как результат персональной деятельности А.А. Вешнякова, обесславивший его имя «на всегдашние времена». Его младший современник Обресков, обладавший достаточным опытом и авторитетом в сфере российско-османских отношений, озвучивал столь резкую оценку как нечто общеизвестное в российских правительственных кругах.

В отличие от Вешнякова, который фактически по собственной воле провоцировал военное столкновение с Турцией в 1735 г., Обресков в 1768 г. пытался предотвратить его и считал это долгом и мерилом успешности всей своей долгой миссии на Босфоре. Тем не менее, итогом его 30-летней деятельности на османском направлении стала новая война между двумя империями. Под конец своего затянувшегося пребывания в Константинополе Обресков явно был уже не на высоте положения. Подорванное болезнями здоровье и перенесенные потрясения существенно ограничивали его возможности, тогда как в тех сложных обстоятельствах от представителя России требовались кипучая энергия и недюжинный запас физических и моральных сил. При этом Обресков неизменно оставался высокого мнения о своих личных заслугах и влиянии и в своей служебной переписке ссылаясь на них подчас даже там, где для этого не было достаточных оснований.

Главная задача, которую Петербург в 1767–1768 гг. ставил перед своим министром-резидентом в Константинополе, было удерживать Турцию от вмешательства в польские дела и конфронтации с Россией. И докладывая об исполнении этих директив, Обресков в своих реляциях и других служебных донесениях придерживался в целом успокоительной тональности, что, очевидно, вполне удовлетворяло его начальника и патрона графа Н.И. Панина. В этом проявлялась извечная болезнь российского государственного аппарата: наверх докладывалось то, что там хотели бы услышать.

В своих донесениях Обресков всячески подчеркивал собственную личную способность благотворно влиять на позицию османского правительства и добиваться желаемого результата. Однако он регулярно напоминал, что отсталый азиатский характер османского общественного строя и уличная стихия Константинополя с ее «варварской» психологией могут провоцировать иррациональные политические шаги Высокой Порты, и предотвратить это было уже свыше сил любого иностранного дипломата. Подобная трактовка косвенно должна была снимать с российского министра-резидента ответственность за возможный неблагоприятный оборот событий и оправдывать его собственные ошибки.

Со своей стороны, руководство ГКИД в Петербурге было прекрасно осведомлено о плачевном состоянии здоровья резидента в Константинополе и его тяжелых личных обстоятельствах в 1767–1768 гг., которые практически не позволяли ему полноценно выполнять свои служебные обязанности. Однако замены Обрескову своевременно подготовлено не было, и потому он оставался на своем посту вплоть до самой печальной развязки. Нехватка кадров должной квалификации представляла собой объективную проблему. Однако сложившаяся вопиюще нездоровая ситуация в отношениях между Обресковым и его заместителем, поверенным в делах П.А. Левашовым была результатом осмысленных действий руководства Коллегии. Это положение дел сохранялось в течение всей совместной службы двух дипломатов в Константинополе, в ГКИД хорошо знали об этом, но не смогли ни примирить их и побудить к конструктивному сотрудничеству, ни заставить Левашова прекратить его интриги, а также не захотели исправить положение решительными кадровыми мерами. Поэтому до самого конца между российским резидентом и поверенным в делах продолжались острое соперничество, взаимная ревность, действия за спиной друг у друга, откровенные клеветы и «подсиживание» со стороны Левашова, и именно в то время, когда Обрескову был особенно необходим надежный и доверенный заместитель. Всё это далеко не лучшим образом характеризует организацию работы в ГКИД под руководством графа Н.И. Панина.

Обе екатерининские войны с Османской империей завершились для России крупными военными и политическими успехами, и их результаты оказали огромное влияние на исторические судьбы Причерноморья, Балканско-Дунайского региона и всей Юго-Восточной Европы. Фактически с этого времени и возник Восточный вопрос в международных отношениях в его полном виде и значении. Ретроспективный взгляд в прошлое позволяет нам оценить масштаб и значение этих триумфов. Однако в момент объявления Высокой Портой войны в сентябре 1768 г. будущее было еще неизвестно и рисовалось тогдашнему руководству Российской империи далеко не в таком радужном виде. Объявление Турцией войны стало неудачей тогдашнего руководителя внешней политики России графа Панина. Он был

сверхконцентрирован на решении польского вопроса и по сути упустил Турцию, за что и поплатился временным снижением своего влияния при Дворе. Однако затем высокий интеллект и профессиональный опыт графа Никиты Ивановича помогли ему добиться успехов при первом разделе Польши и подготовке Кючук-Кайнарджийского мира, что позволило восстановить его положение.

Вообще же, если на войну 1768–1774 гг. мы смотрим как на начальный акт участия России в Восточном вопросе, то приходится признать, что политико-дипломатическое ее вступление и в этот вопрос было неподготовленным, стихийным, недостаточно обеспеченным в отношении кадров, институтов, планов. Как и в военной сфере, в действиях сухопутных армий и военно-морского флота, в области дипломатии для успешного продолжения борьбы с Высокой Портой России пришлось спешно приспособливаться и импровизировать, прилагать экстраординарные усилия и жертвовать многим.

Как показывает изучение служебной документации А.М. Обрескова, он сам и ряд его начальников и коллег в тот период, видя несомненную архаичность государственных и общественных институтов Османской империи, считали, что российская дипломатия в силу своего цивилизационного превосходства и использования европейских дипломатических методов и практик в отношении азиатских государств сможет добиваться желанного результата. Однако ведущие европейские державы — Франция, Англия, Габсбургская монархия — поддерживали постоянные дипломатические отношения с Высокой Портой с XVI века, то есть имели перед Россией преимущество, по меньшей мере, в полтора столетия. За это время ими был накоплен огромный и дорогой стоивший профессиональный опыт в отношениях с Османской империей, и всё же это отнюдь не гарантировало державам Запада полного и всегдашнего преобладания в дипломатических состязаниях с Портой. Внешнеполитическому ведомству России, начиная с Петра I, приходилось приобретать такой опыт в ускоренном, догоняющем темпе, ценой собственных проб и ошибок. С этой точки зрения политические события, сопутствовавшие русско-турецкой войне 1768–1774 гг., стали для рос-

сийской дипломатии суровой, но бесценной школой. Пройдя ее, Коллегия иностранных дел продолжала учиться работе на османском направлении, устранять изъяны и повышать эффективность работы, развивать и расширять свои кадровые ресурсы. В ту эпоху, в рамках существовавшей социокультурной системы, Российское государство и его внешнеполитическое ведомство обладали такими способностями, что и стало предпосылкой будущих успехов.

Примечания

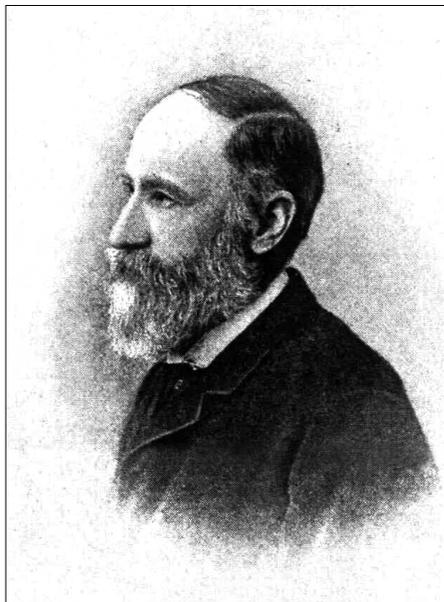
- ¹ См.: *Кочубинский А.А.* Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории Восточного вопроса. Война пяти лет (1735–1739). Одесса, 1899.
- ² См.: *Петров А.Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами. С 1769–1774 год / сост., преимущественно из неизвестных по сие время рукописных материалов, Генерального штаба капитаном А. Петровым. Т. 1. Год 1769. СПб., 1866. С. 1–94.
- ³ *Перминов П.В.* Посол III класса. М., 1992; *Стегний П.В.* Посол III класса / 2-е изд. М., 2009.
- ⁴ Насчет даты рождения П.А. Левашова в исторической литературе есть расхождение. В своей «скаске» 28 мая 1754 г. он указывал, что от роду ему 27 лет. См.: Скаски елизаветинской России // Российский архив. Т. 15. М., 2007. С. 114–115.
- ⁵ [*Порошин С.А.*]. Семена Порошина записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного Государя Цесаревича и великого князя Павла Петровича / изд. 2-е, исправленное и значительно дополненное по рукописям, принадлежащим Его Императорскому Высочеству государю великому князю Константину Николаевичу и по другим рукописям. СПб., 1881. Стлб. 72.
- ⁶ Подробнее об этом см. в статье: *Петрова М.А.* Карьерные стратегии российских дипломатов второй половины XVIII века (на примере биографий И.М. Симолина и П.А. Левашева) // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 10–22.
- ⁷ Цит. по: там же. С. 18.
- ⁸ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. 1768 г. Ед. хр. 432. Л. 2 об. П.А. Левашов — вице-канцлеру князю А.М. Голицыну. Письмо. 4 января 1768 г. Из Перы Константинопольской.
- ⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. 1767 г. Ед. хр. 413. Л. 11 об. Н.И. Панин — А.М. Обрескову. Письмо. 9 января 1767 г.
- ¹⁰ Там же. Л. 14.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. 1767 г. Ед. хр. 414. Л. 12 об. А.М. Обресков — Н.И. Панину. Письмо. 31 марта 1767 г. Из Перы Константинопольской.
- ¹² АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. 1767 г. Ед. хр. 414. Л. 30–31 об.
- ¹³ Там же. Л. 32.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. 1768 г. Ед. хр. 423. Л. 1–1 об. Н.И. Панин — А.М. Обрескову. Письмо. 31 января 1768 г. Из Москвы.
- ¹⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. 1768 г. Ед. хр. 432. Л. 4–4 об. П.А. Левашов — вице-канцлеру князю А.М. Голицыну. Письмо. 4 января 1768 г. Из Перы Константинопольской.
- ¹⁶ Там же. Л. 5.

- ¹⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. 1768 г. Ед. хр. 426. Л. 113 об. А.М. Обресков — Н.В. Репнину. Письмо. 6 мая 1768 г.
- ¹⁸ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. 1767 г. Ед. хр. 416. Л. 29 об. П.А.Левашов — Н.И.Панину. Письмо. 5 ноября 1767 г. Из Перы Константинопольской.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. 1768 г. Ед. хр. 420. Л. 61. А.М. Обресков — императрице Екатерине II. Реляция. 7 апреля 1768 г. Из Перы Константинопольской. № 7.
- ²⁰ Подробнее см.: *Каширин В.Б.* Освободитель Бухареста: тайный эмиссар Екатерины II подполковник Назар Каразин (1731–1783). М., 2022. С. 131–141.
- ²¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. 1768 г. Ед. хр. 426. Л. 112. А.М. Обресков — Н.В. Репнину. Письмо. 6 мая 1768 г.
- ²² АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. 1768 г. Ед. хр. 433. Л. 2. П.А. Левашов — графу Н.И. Панину. Письмо. 30 апреля 1768 г. Из Перы Константинопольской.
- ²³ Рассказ непосредственных очевидцев событий в Балте см.: Показания купцов о нападении запорожцев и гайдамаков на Палеево-Озеро, избиении там поляков и жидов и о покушениях на турецкое местечко Балту. 21 июня 1768 г. // *Материалы для истории Колиивщины или резни 1768 г.* / Публ. Н.И. Костомарова. Опул.: Киевская старина. 1882. Т. 3. С. 311–312; Свідчення у Коші Запорізької Січі запорожця Семена Галицького про напад гайдамаків на місто Балта. 2 липня [юля] 1768 р. // *Гайдамацький рух на Україні в XVIII ст.: Збірник документів / Ред. И.Л. Бутич, Ф.П. Шевченко. Київ, 1970. С. 369–372.*
- ²⁴ См.: Рапорт премьер-майора Вульфа правившему в крепости Св. Елисаветы за коменданта Христиану Григорьевичу Корфу о гайдамацком набеге на слободу Голту и о преследовании гайдамаками поляков и жидов. 25 июня 1768 г. // *Материалы для истории Колиивщины или резни 1768 г.* / Публ. Н.И. Костомарова. Опул.: Киевская старина. 1882. Т. 3. С. 310–311.
- ²⁵ См.: Ф.М. Воейков — императрице Екатерине II. Всеподданнейшая реляция. 3 сентября 1768 г. № 50 // *Реляции киевского генерал-губернатора за 1768 и 1769 гг.* / Сообщил А.А. Андриевский. Киев, 1892 (оттиск из VII-й книги «Чтения в Историческом Обществе Нестора Летописца»). С. 26–28.
- ²⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. 1768 г. Ед. хр. 430. Л. 4. А.М. Обресков — Н.И. Панину. Депеша. 4 сентября 1768 г. Из Буюк-Дере.
- ²⁷ Там же. Л. 5 об.
- ²⁸ Там же. Л. 5 об.–6.
- ²⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. 1768 г. Ед. хр. 430. Л. 24–24 об.

Михаил Константинович Ону: **штрихи к портрету дипломата**

Почти четверть века служил России дипломат Михаил Константинович Ону́ (1835–1901). Его имя хорошо знакомо исследователям, изучающим российскую политику на Балканах и Ближнем Востоке последней четверти XIX — начала XX вв. 30 лет он трудился в российской миссии (с 1867 г. посольстве) в Константинополе, затем был посланником в Греции. Многие историки читали его донесения, но специальных исследований, посвященных личности этого дипломата, пока нет.

Михаил Константинович был выходцем из молдавского боярского рода, который, однако, не принадлежал к верхушке местной аристократии. Его отец Константин Онул (именно так писалась фамилия) имел чин меделничера, но фактически был управляющим в более богатом и знатном семействе Росетти-Розновану. Мать, Елена Стрэеску, была дочерью сардаря¹ Павла Стрэеску. Эти сведения были собраны румынским историком Филипом-Лучаном Йоргой, который также опубликовал редкую фотографию дипломата с женой и детьми².

Михаил Константинович
Ону́

Поступив на службу в период Крымской войны в 1854 г., Михаил Константинович не оставил ее до самой смерти 20 мая (2 июня) 1901 г. Как явствует из его формулярного списка, с 1 января по 1 сентября 1854 г. он состоял при канцелярии вице-председателя административного совета Молдавского княжества генерала графа Остен-Сакена, где хорошо себя зарекомендовал. После ухода русских войск из Дунайских княжеств он отправился в Россию и 7 декабря того же года принял присягу на подданство Российской империи. Затем, с разрешения государственного канцлера К.В. Нессельроде, молодой молдаванин был принят в число воспитанников учебного отделения восточных языков при министерстве иностранных дел, которое окончил в 1857 г.³ В литературе встречается утверждение, будто М.К. Ону учился в Лазаревском институте⁴, но оно не подтверждается ни архивными документами, ни списком воспитанников Лазаревского института, опубликованным профессором этого учебного заведения А.З. Зиновьевым⁵.

12 мая 1857 г. М.К. Ону был определен на службу студентом миссии в Константинополе. Студентами миссии тогда назывались стажеры, которые по окончании обучения направлялись в османскую столицу для языковой практики и получения практических навыков дипломатической работы. К этому времени наш герой уже имел первую награду: медаль в память о Крымской войне. Через год, 14 июня 1858 г., М.К. Ону был назначен секретарем-драгоманом консульства в Адрианополе, 6 марта 1859 г. — драгоманом генерального консульства в Константинополе, но уже через три месяца был переведен на должность секретаря-драгомана генерального консульства в Бейруте. На этой должности он прослужил до 25 октября (6 ноября) 1863 г., когда был назначен начальником архива и библиотеки Азиатского департамента министерства иностранных дел. Параллельно шло его повышение по табели о рангах с присвоением следующих чинов за выслугу лет⁶.

Михаил Константинович обладал, по мнению современников, восточной внешностью: это был высокий худощавый кареглазый брюнет, носивший, по тогдашней моде, бороду. В 1864 г. он женился на Луизе Пети де Баронкур (1843–1906),

племяннице и приемной дочери известного российского дипломата барона Александра Генриховича Жомини и внучке знаменитого генерала и военного теоретика Антуана-Анри Жомини. Венчание состоялось 6 июля в русском соборе Св. Александра Невского в Париже. Этому браку приписывали быстрое продвижение М.К. Ону по службе⁷. Между тем, именно в это время посланником (с 1867 г. послом) в Константинополь был назначен Николай Павлович Игнатъев, под началом которого наш герой прежде служил в Азиатском департаменте. Последующие 13 лет М.К. Ону также трудился под руководством Н.П. Игнатъева: вскоре после свадьбы молодой дипломат снова отправляется на службу в Константинополь. 19 апреля (1 мая) 1865 г. в этом городе родился его первый сын — будущий историк и дипломат Александр (1865–1935). В 1866 г. мы находим М.К. Ону на должности второго драгомана миссии, в 1870 г. — первого секретаря, а годом позже — первого драгомана посольства. В этой должности М.К. Ону прослужил до русско-турецкой войны 1877–1878 гг.⁸ В 1878 г. он был произведен в действительные статские советники (чин IV класса). В это время его жалованье составляло 7 тыс. руб. в год. Кроме того, он получал ежегодную компенсацию на оплату аренды жилья в размере 1,5 тыс. руб. У его отца было также небольшое (900 фалче)⁹ имение в Молдавии¹⁰.

Занятие поста драгомана в Османской империи требовало не только хорошего владения языками, но и прекрасного знания местных обычаев, тонкого политического чутья, интуиции, изворотливости — всех тех качеств, которыми традиционно славились драгомены-левантинцы и фанариоты. Влияние драгомана на ход переговоров было велико, недаром драгомены-фанариоты на службе у султана постепенно сосредоточили в своих руках широкие полномочия: так, великий драгоман фактически выполнял функции министра иностранных дел в отношении европейских стран. В такой ситуации, как остроумно заметил заведовавший в те годы учебным отделением восточных языков при Азиатском департаменте МИД М.А. Гамазов, одно слово драгомана могло из *traduttore* (переводчика) сделать его *traditore* (предателем)¹¹.

В 1879 г. М.К. Ону был назначен советником посольства, что было несчастным явлением среди драгоманов¹². На этом посту Михаил Константинович дважды по несколько месяцев исправлял должность временного поверенного в делах России в Константинополе на период смены послов: после отъезда А.Б. Лобанова-Ростовского и до прибытия Е.П. Новикова (ноябрь 1879 — май 1880 гг.), после отъезда Е.П. Новикова и до прибытия А.И. Нелидова (май — август 1882 г.).

В годы службы в Константинополе родились все шестеро детей М.К. Ону: Александр (см. выше), Мария (1867–?), Елена (1870–1955), Александра (1873–1944), Константин (1875–1950) и Андрей (1881–1950). Все трое сыновей впоследствии прошли через дипломатическую службу. Дети Михаила Константиновича путем брачных союзов вошли в круг высшей российской аристократии, породнившись с Шаховскими, Трубецкими, Хрептович-Бутеневыми¹³. В Архиве внешней политики Российской империи сохранилась выписка из метрической книги русской посольской церкви в Константинополе, по которой можно установить дату рождения старшей дочери дипломата Марии: 22 ноября 1867 г. Выписка содержит также имена восприемников при крещении: секретарь миссии Михаил Александрович Хитрово и баронесса Мария Иосифовна Жомини (урожденная Юшкова), жена А.Г. Жомини¹⁴.

Живую характеристику Михаилу Константиновичу дал автор мемуаров о своей службе на Востоке Юрий Сергеевич Карцов, назначенный секретарем посольства в Константинополе в 1879 г., незадолго до отъезда А.Б. Лобанова-Ростовского: «По характеру и складу ума Михаил Константинович казался верхом осторожности и уклончивости... к предмету разговора он подходил сбоку, избегая высказать положительное мнение. В его манере говорить чувствовалось что-то скрытое, недосказанное»¹⁵. Эти свойства скорее подошли бы левантинцам, которым М.К. Ону был близок и по политическим взглядам: служа России, он не испытывал к ней любви. Помимо происхождения, это было связано и с тем, что за годы службы он хорошо узнал российскую бюрократическую систему и многих ее деятелей без прикрас. Русские сотрудники посольства, несмотря на многие

годы российской службы, считали М.К. Ону одним из тех иностранцев, которых иронично называли «русские на Босфоре»¹⁶.

Другой современник, Николай Кириллович Арбузов, в 1880 г. прибывший в Константинополь в качестве студента-практиканта при посольстве, дал М.К. Ону еще более резкую характеристику: «человек крайне трусливый, нерешительный и более чем равнодушный ко всему, что касалось русского престижа»¹⁷. Это впечатление у молодого дипломата сложилось вследствие действий российского поверенного в деле об убийстве подполковника Куммерау. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Макс Эммануилович Куммерау в начале 1879 г. был назначен военным атташе при посольстве. 17 (29) февраля 1880 г. он отправился на конную прогулку вдвоем с поверенным в делах. По дороге их обстреляли. М.К. Ону не пострадал, а М.Э. Куммерау был тяжело ранен и через два дня скончался. Трое причастных к покушению мусульман, в том числе убийца подполковника Вели-Мехмед по прозвищу Дели («безумный»), были вскоре арестованы. Согласно официальной версии (исходившей от М.К. Ону), подполковник стал жертвой фанатиков-мухаджиров из Боснии¹⁸. Одна из первых газетных новостей об этом инциденте уверенно сообщала, что главной целью нападения был управляющий российским посольством¹⁹. Впоследствии М.К. Ону упрекали за нерешительность в отношениях с Портой по этому вопросу: он не настоял на скорейшем наказании убийцы, удобный момент был упущен и процесс затянулся²⁰. Через три недели российский поверенный в делах направил османскому министру иностранных дел Сава-паше ноту, в которой высказывал недоумение и недовольство тем, что убийца до сих пор не наказан²¹.

Выражая свое недовольство, российский МИД задержал выезд в Константинополь нового посла Е.П. Новикова. Только в начале мая он наконец прибыл в Константинополь. Однако и ему не удалось добиться наказания убийцы М.Э. Куммерау. В мае состоялся судебный процесс, приговоривший убийцу к смертной казни. Но после этого султан Абдул-Хамид обратился к Александру II с просьбой о смягчении наказания преступнику. Такой поворот и без того затянувшегося дела будоражил общественное мнение не только в России, но и в не всегда симпатизировавшей

русским Европе. Европейцы опасались, что фактическая безнаказанность фанатиков-мусульман ставит под угрозу само пребывание христиан в Османской империи²².

Не получив согласия на помилование от русского царя, Высокая Порта сменила тактику: убийца был помещен под надзор врачей с целью проведения психиатрической экспертизы. За его поведением внимательно следили медики, результаты наблюдений записывались в журнал. Несколько раз собирался консилиум из числа врачей, назначенных Портой. Тогда Е.П. Новиков инициировал коллективную ноту протеста, которую подписали более десятка глав дипломатических представительств, аккредитованных при султани²³. Нота была вручена министру иностранных дел Ассим-паше, который прочел ее трижды, с каждым разом выражая «всё большее изумление»²⁴. Однако никаких изменений не последовало: в декабре медицинский консилиум собрался в последний раз и вынес окончательное решение. Убийца был признан душевнобольным с диагнозом «мания величия с бредом преследования»²⁵.

У сотрудников посольства была и своя версия произошедшего 17 февраля, отличная от официальной и объяснявшая мотивы убийцы. Вели-Мехмед был конюхом султана. По обычаю он ожидал солидный бакшиш за уход за лошадью, которую накануне трагических событий султан подарил М.К. Ону. Ю.С. Карцов предполагал, что получатель подарка поскупился на бакшиш, чем и вызвал месть конюха. Но на трагической прогулке верхом на султанском коне был не Ону, а Куммерау, слывший хорошим наездником. Конюх узнал коня, а не всадника, которого застрелил. В таком случае становится понятной и нерасторопность управляющего посольством в этом деле: раскрытие подробности о бакшише могло сделать его косвенным виновником гибели подполковника. Развитие этого «постыднейшего в летописях русской дипломатии» дела тяжело переносили молодые сотрудники, переживавшие за честь страны. Уронивший ее «румунский райя» был удостоен сатирических стихов:

*Ону! явил ты молодецкий
 Души закал,
 Как по тебе злодей турецкий
 Пропуделял.
 Зато разносит свет широко
 Молву одну:
 Кто сей без страха и упрека?
 Он, он, Ону!²⁶*

Дело об убийстве подполковника Куммерау пагубно сказывалось на престиже России. Все еще помнили, как за четыре года до этого османские власти уже через несколько дней после убийства консулов Франции и Германии в Салониках казнили зачинщиков массовых беспорядков. Промедление и снисхождение на Востоке расценивались как слабость. Это подтвердили и последующие события. В 1903 г. от рук фанатиков в Османской империи погибли два русских представителя: консул в Косовской Митровице Григорий Степанович Щербина и консул в Битоли Александр Аркадьевич Ростковский. После убийства 18 марта Г.С. Щербина Николай II помиловал убийцу²⁷, что и было воспринято как слабость. Поэтому после убийства 26 июля А.А. Ростковского царь потребовал самого сурового наказания для убийц, а к Босфору направился отряд российского Черноморского флота. Показательно, что разбирательство по этому делу прошло очень быстро: уже 1 августа 1903 г. убийцы были повешены на том же дереве, под которым убили русского консула²⁸.

Константинопольское посольство в то время было своего рода питомником, готовившим дипломатов для всего Ближнего Востока и Балкан. Начиная свою карьеру студенты при посольстве или младшие драгоманы впоследствии становились консульскими или дипломатическими представителями практически во всех странах этих (и не только этих) регионов. В 1889 г. М.К. Ону был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Греции с годовым содержанием в 22 тыс. руб. и ежегодной компенсацией аренды жилья в 2 тыс. руб. В 1890 г. он был произведен в тайные советники (чин III класса)²⁹. В начале того же года он направился из Константинополя

в Афины³⁰, производившие тогда впечатление столицы небольшого провинциального государства, но, тем не менее, бывшие важным пунктом переплетения интересов европейских держав. Поэтому российский посланник, к тому же дуайен дипломатического корпуса, находился в центре политических интриг.

Это был последний дипломатический пост Михаила Константиновича, скончавшегося в 1901 г. Воспоминания о нем в это время оставил служивший под его началом второй секретарь миссии в 1898–1904 гг. Юрий Яковлевич Соловьев, чьи мемуары были опубликованы уже в советское время. Данная им М.К. Ону характеристика не вполне совпадает с впечатлениями Ю.С. Карцова и Н.К. Арбузова. Он отмечал, что посланник, сам по себе умный человек, действительно не обладал достаточной самоуверенностью, выглядел нерешительно в обществе европейских коллег и терялся на больших придворных и дипломатических приемах, но в частной беседе ему не было равных. М.К. Ону не только обладал вырвавшейся у него в сложных ситуациях изворотливостью левантинца, но был глубочайшим знатоком турецких нравов и обычаев, своеобразной османской придворной среды и Ближнего Востока в целом. Поэтому для турок он был непререкаемым авторитетом. Обширные познания и многолетний опыт бывалого дипломата позволяли ему делать верные прогнозы вопреки общепринятым оценкам. Эта способность вызывала у менее опытных, в том числе и зарубежных, коллег едва ли не священный трепет. Ю.Я. Соловьев приводит два примера такой прозорливости посланника. В 1897 г., когда назревавшая греко-турецкая война у многих создавала впечатление начала чуть ли не мирового конфликта, М.К. Ону был уверен, что «двух недель войны будет достаточно, чтобы успокоить воинственных греков». Действительно, в течение двух недель греки потерпели ряд поражений, а через месяц после начала боевых действий стороны сели за стол переговоров. Напротив, с началом Второй англо-бурской войны в 1899 г. многие были уверены, что британцы быстро справятся с бурами, а российский посланник считал, что «через три года англичане будут утомлены». Он ошибся, но всего лишь на полгода³¹.

Умнейшим и образованнейшим человеком, а также глубоким знатоком Востока считал М.К. Ону и Анатолий Васильевич Не-

ключодов, во второй половине 1880-х годов служивший вторым секретарем посольства в Константинополе. Правда, его знакомство с тогдашним советником посольства было не очень тесным. А.В. Неклюдов, сам имевший греческие корни³², ошибочно относил М.К. Ону к числу греческих дипломатов на русской службе³³.

Пребывание М.К. Ону на посту посланника в Афинах совпало по времени с новым обострением Критского вопроса и греко-турецкой войной 1897 г. В 1889 г. турки фактически отменили Халепский пакт (1878), предоставлявший христианскому населению острова некоторые права, что вызвало подъем протестного движения критских христиан. Всё громче звучали голоса за присоединение острова к Греции. Однако великие державы не были в тот момент заинтересованы в расчленении Османской империи. В этой ситуации Греция готова была снабжать повстанцев оружием и даже отправить на остров войска. Соответствующие заявления греческого премьер-министра Харилаоса Трикуписа, которые грозили новым серьезным обострением Восточного вопроса, вызвали беспокойство в Петербурге³⁴. При назначении нового посланника ему были даны соответствующие инструкции. В условиях, когда Россия оказалась единственной, занявшей дружественную грекам позицию, М.К. Ону должен был объяснить греческим министрам, что ни одна держава не поддержит раздел Османской империи, которая «может просуществовать еще очень долго в своем настоящем составе», и что Россия готова и далее оказывать содействие Греции в решении сложных вопросов в отношениях с султаном и балканскими государствами, при условии сохранения баланса сил и интересов в регионе, а также воздержания Греции «от участия в комбинациях, враждебных России»³⁵.

Обострение межэтнических отношений на Крите привело в 1896 г. к новому восстанию местных греков, за которым последовала высадка экспедиционного корпуса из Греции с намерением включить остров в ее состав. Такое нарушение баланса сил в Средиземноморье сразу вызвало вмешательство европейских держав, которые отправили на Крит миротворческие силы. В то же время военный конфликт греков и турок в Фессалии (1897) окончился быстрым разгромом греческой армии. В этих услови-

ях российской дипломатии стоило больших усилий не допустить возвращения Крита к прежнему положению. В итоге с острова были выведены османские войска и ему была предоставлена автономия. Верховным комиссаром на Крит был назначен греческий принц Георг, что явилось важным шагом на пути присоединения острова к Греции³⁶. В Афинах в это время относились к российскому посланнику с большим уважением и симпатией³⁷.

Последним крупным делом, которым пришлось заняться Михаилу Константиновичу в Афинах, стал Антиохийский вопрос. Он возник как реакция греческих Церквей на избрание Антиохийским патриархом сирийца-араба Мелетия (Думани) в апреле 1899 г., что означало потерю контроля над сирийской Церковью со стороны греческого духовенства. Константинопольская патриархия и другие греческие Церкви отказались признать законность выборов и стремились не допустить признания нового патриарха со стороны Высокой Порты. Быстро выяснилось, что действия греческого духовенства получали поддержку, а иногда и инициировались из Афин. В связи с этим для защиты интересов православных арабов, которую взяла на себя Россия для поддержания баланса сил на православном Востоке, был привлечен посланник в Афинах. В российском МИД считали, что возвращение Антиохийской церкви под управление арабского духовенства после двухсотлетнего перерыва — вопрос вполне решенный и не подлежащий пересмотру. Но осторожный М.К. Ону полагал, что России следует считаться с интересами греков и не обострять отношений с влиятельными греческими патриархиями. Эту позицию в России не поддержали, и посланнику было предписано довести до сведения афинского кабинета недовольство русского правительства участием греческих дипломатов в антироссийских акциях³⁸. В Афинах М.К. Ону пришлось вести длительные переговоры с греческим премьер-министром Георгием Теотокисом и министром иностранных дел Афосом Романосом. На дальнейшее развитие событий повлияли смерть Александрийского патриарха Софрония IV (1870–1899 гг.) и необходимость для греческого правительства отстаивать свои позиции на патриарших выборах в Египте, а также официальное утверждение Мелетия (Думани) в патриаршем сане султанским фирма-

ном в октябре 1899 г. Тем не менее, переговоры с российским посланником, в ходе которых греческие министры осознали, что Россия не позволит Греции превратить Ближний Восток в сферу своего влияния, вынудили афинский кабинет действовать более осторожно и с оглядкой на Петербург³⁹.

Серьезной проблемой, осложнявшей не только для М.К. Ону, но и для других посланников и миссии в целом службу в Афинах, были тесные династические связи греческого королевского двора с российской императорской фамилией. Посланнику и сотрудникам миссии приходилось принимать участие в многочисленных придворных церемониях и часто терпеть пренебрежительное отношение со стороны греческих принцев. Члены королевской семьи нередко вели переписку по политическим вопросам непосредственно с российским двором в обход посольства и самым бесцеремонным образом вмешивались в работу дипломатов. Пример такого вмешательства представляет собой переписка греческой королевы Ольги Константиновны с Николаем II по Критскому вопросу, фрагменты из которой опубликованы О.В. Соколовской⁴⁰. Идя на поводу у «тети Оли», царь отозвал двух умных и опытных дипломатов — генерального консула в Канее (совр. Ханья) А.А. Гирса и заступившего после М.К. Ону на пост посланника в Афинах Р.Р. Розена.

Особенно неприятным поручением для М.К. Ону оказалось сопровождение будущего императора Николая II в поездке по Востоку в 1890 г. Посланника в Афинах включили в свиту цесаревича как одного из наиболее авторитетных знатоков Ближнего Востока, а также потому, что Николай путешествовал в компании греческого принца Георга. Как позже рассказывал М.К. Ону, эта поездка была одним из самых досадных эпизодов в его жизни. Причиной тому служило не только пренебрежительное и даже подчас издевательское отношение к нему со стороны принцев, но и их распущенное и вызывающее поведение в целом, наносившее ущерб престижу государств, которые они представляли⁴¹. В этой ситуации вполне понятно желание М.К. Ону перейти на другой пост, хотя служил он в целом вполне успешно, разрешая в том числе и коллизии, связанные с вмешательством греческого двора в деятельность миссии. По длительно-

сти пребывания на посту в Афинах, прерванного безвременной кончиной, Михаил Константинович превзошел всех остальных российских посланников после Крымской войны.

За годы службы М.А. Ону был удостоен множества наград: орденов Св. Станислава 2 ст. (1869) и 1 ст. (1882), Св. Анны 2 ст. с императорской короной (1872) и 1 ст. (1886), Св. Владимира 2 ст. (1894), медали в память о Крымской войне, а также иностранных орденов: греческих офицерского креста (1867) и большого креста ордена Спасителя (1891), персидского Льва и Солнца 2 ст. (1873), вюртембергского командорского креста ордена Короны (1872), сербского Такова 2 ст. (1880), черногорских Независимости 2 ст. (1871) и князя Даниила 2 ст. (1882), османского Меджидие 2 ст. (1871) и 1 ст. (1889) и подарков от султана (коня с султанской конюшни, драгоценных табакерок и часов)⁴².

На службе России молодой талантливый и трудолюбивый молдавский дворянин сумел вырасти в серьезного дипломата и одного из крупнейших знатоков Ближнего Востока. Успешная карьера и удачный брак ввели его в круг высшей российской аристократии. Тем не менее, дипломат не чувствовал себя оцененным по заслугам. Многолетнее знакомство не только с балканскими и ближневосточными реалиями, но и с работой российского дипломатического ведомства и механизмами реализации внешней политики России позволяло ему видеть их ошибки и делать верные политические прогнозы. Однако критика из уст столь опытного дипломата и попытки смягчить резкие шаги руководства МИД не встречали понимания в России⁴³. Неуважение со стороны греческой правящей династии было вызвано в том числе и соответствующим отношением к дипломатическим работникам при русском дворе. Если бы в России больше прислушивались к советам столь глубокого знатока Востока, это, несомненно, принесло бы значительную пользу ее интересам в регионе и облегчило бы решение ряда важных внешнеполитических задач.

Примечания

- ¹ Оба эти боярских чина принадлежали к третьему, низшему классу молдавского боярства.
- ² *Jorga F.-L.* The Onou family: from the Moldavian country squires to the aristocrats who played a role in the Russian diplomacy during World War I and the Bolshevik Revolution // *Analele Universității din Craiova. Istorie. Anul XX.* 2015. Nr. 1 (27). P. 79–80.
- ³ Формулярный список М.К. Ону // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 159. Оп. 464/1. Д. 2483. Л. 1 об.
- ⁴ *Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М.* Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. М.: Индрик, 2015. С. 81.
- ⁵ [Зиновьев А.З.] Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. М.: Тип. Лазаревского института, 1863. С. 106–125.
- ⁶ Формулярный список М.К. Ону. Л. 1 об.—3 об.
- ⁷ *Карцов Ю.С.* Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886. Воспоминания политические и личные. СПб.: Экономическая типолитография, 1906. С. 13.
- ⁸ *Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1866.* Saint-Petersbourg: Imprimerie du Journal de St.Petersbourg, 1866. P. 54; *Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1870.* Saint-Petersbourg: Imprimerie du Journal de St.Petersbourg, 1870. P. 50; *Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1871.* Saint-Petersbourg: Imprimerie du Journal de St.Petersbourg, 1871. P. 50; *Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1878.* Saint-Petersbourg: Imprimerie Trenké et Fusnot, 1878. P. 53.
- ⁹ 1 фалче ≈ 143 м². 900 фалче составит примерно 13 га.
- ¹⁰ Список гражданским чинам первых четырех классов. Ч. 2. Чины IV класса. Исправлен по 18 января 1879 года. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1879. С. 1188–1189.
- ¹¹ *Гамазов М.А.* Драгоман. Из записок старого дипломата // *Русский архив.* 1886. Т. 10. С. 217.
- ¹² *Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1879–1880.* Saint-Petersbourg: Imprimerie Trenké et Fusnot, 1880. P. 63.
- ¹³ *Jorga F.-L.* The Onou family... P. 81–82.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 336/1. Д. 1. Т. 1. Л. 25. Как явствует из метрического свидетельства, баронесса Жомини была крестной и другой дочери М.К. Ону — Елены (Там же. Л. 501–501 об.).
- ¹⁵ *Карцов Ю.С.* Указ.соч. С. 13.
- ¹⁶ *Карцов Ю.С.* Указ.соч. С. 16. «Русские на Босфоре» — название основанной на дневниковых записях книги генерала Н.Н. Муравьева-Карского: [Муравьев-Карский Н.Н.] Русские на Босфоре в 1833 году. Из записок Н.Н. Муравьева (Карского). М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1869.
- ¹⁷ *Арбузов Н.К.* Из воспоминаний о Царь-граде. Евгений Петрович Новиков — наш посол в Константинополе (1880–1882) // *Исторический вестник.* Т. СXXXVIII. Декабрь 1914. С. 803.
- ¹⁸ *Куммерау, Макс Эммануилович* // *Военная энциклопедия* / Под ред. В.Ф. Новицкого. Т. 14. СПб.: Изд. И.Д. Сытина, 1914. С. 394.
- ¹⁹ *Tò èν Σιαλί γεγόνος / L'attentat de Chichli // Βυζαντις / Byzantis* № 2387. 02.03.1880.

- 20 Арбузов Н.К. Из воспоминаний о Царь-граде... С. 804.
- 21 Копия ноты поверенного в делах в Константинополе М.К. Ону Сава-паше № 121 от 5/17 марта 1880 г. (на франц.яз.) // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 6098. Л. 3–3 об.
- 22 Катков М.Н. Вопрос о наказании убийцы полковника Куммерау // Московские ведомости. № 122. 03.05.1880.
- 23 Коллективная нота от 9 ноября 1880 г. и адресованная иностранным представителям циркулярная нота от 3 ноября 1880 г. (на франц. яз.) // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 6098. Л. 17–17 об., 19–19 об.
- 24 Копия рапорта второго драгомана посольства в Константинополе Н.Д. Мокеева советнику посольства М.К. Ону б/д (на франц.яз.) // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 6098. Л. 27–27 об.
- 25 Записка с неразборчивой подписью о консилиуме от 21 декабря 1880 г. (на франц. яз.) // АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 6098. Л. 6–7 об.
- 26 Карцов Ю.С. Указ.соч. С. 24–25. Это стихотворение, автор которого остался неназванным, решает вопрос и о правильной постановке ударения в фамилии Ону.
- 27 Асланова С.Н. К вопросу об убийстве в Митровице российского консула Г.С. Щербины (по материалам турецкого архива) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 11. С. 146.
- 28 Ямбаев М.Л. Русский консул на Балканах // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М.: Институт славяноведения РАН, 2010. С. 239.
- 29 Список гражданским чинам первых трех классов. Исправлен по 1-е окт. 1894 г. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1894. С. 476.
- 30 Έοτία. № 2. 14.01.1890.
- 31 Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. С. 112–114.
- 32 А.В. Неклюдов приходился внуком Гавриилу Антоновичу Катакази (1794–1867), посланнику в Афинах в 1833–1843 гг.
- 33 Неклюдов А.В. Старые портреты. Семейная хроника. Ч. 2. [Париж]: б.и., 1933. С. 185.
- 34 Проект доверительной депеши посланнику в Афинах Е.К. Бюцову № 230 от 10 октября 1889 г. // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 28. Л. 51–53.
- 35 Проект секретной инструкции посланнику в Афинах М.К. Ону № 326 от 23 декабря 1889 г. // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 28. Л. 99–100 об.
- 36 Подробнее см.: Соколовская О.В. Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. М.: Индрик, 2006.
- 37 Ανώνυμος. Μιχαήλ Ονοῦ, ὁ ἐν Ἀθήναις πρέσβυς τῆς Ῥωσσίας // Ἡμερολόγιον χρονογραφικόν, φιλολογικόν καὶ γέλοιογραφικόν τοῦ ἔτους 1897 / Σκόκος Κ. (ἐκδ). Ἐν Ἀθήναις: Τυτ. Α. Κωνσταντινίδου, 1897. Σ. 79–80.
- 38 Письма М.К. Ону министру иностранных дел М.Н. Муравьеву от 18 июля и 2 августа 1899 г. (на франц. яз.) // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3525. Л. 53–57, 60–65; Копия телеграммы товарища министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа посланнику в Афинах М.К. Ону № 240 от 6 сентября 1899 // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3525. Л. 68.
- 39 Подробнее об этом см.: Петрунина О.Е. Антиохийский вопрос в русско-греческих отношениях на рубеже XIX–XX вв. (по российским дипломатическим документам) // Каптеревские чтения. Вып. 22. М.: ИВИ РАН, 2024 (в печати).
- 40 Соколовская О.В. Россия на Крите... С. 83, 85; Она же. Греческая королева Ольга — «Под молотом судьбы». М.: Исл РАН, 2011. С. 108–117, 135–136.

- 41 *Соловьев Ю.Я.* Указ.соч. С. 114–116. «Летописец» этого путешествия князь Э.Э. Ухтомский деликатно назвал проделки греческого принца «заразительной веселостью» // *Ухтомский Э.Э.* Путешествие на Восток Его императорского высочества государя наследника цесаревича 1890–1891. Т. 1. СПб. — Лейпциг: Ф.А. Брокгауз, 1893. С. 61.
- 42 Список гражданским чинам... С. 1188–1189.
- 43 Такое же впечатление сложилось и у О.В. Соколовской. См.: *Соколовская О.В.* Греческая королева Ольга... С. 121.

«Здесь недостаточно одних бюрократических способностей...»: дипломаты российского консульства г. Битола (1861–1877 гг.)

В 1860-е годы македонский город Битола (Монастир) являлся административным центром Битольского (Румелийского) эялета Османской империи, где кроме резиденции генерал-губернатора располагалась Главная квартира военного командования Румелии (III военного округа), в сферу действия которого входили Македония, Герцеговина, Босния, Албания, Эпир, Фессалия. Здесь также находились Пелагонийская митрополия, дипломатические представительства Англии, Австрии (с 1867 г. Австро-Венгрии) и Греции. В Битоле проживало около 50 тыс. человек, из них 25 тыс. турок, 20 тыс. христиан и 5 тыс. евреев. Благодаря сосредоточению значительного числа турецких чиновников, офицеров и богатых беев, здесь процветала торговля, население города множилось, и, по свидетельству современников, к началу 60-х годов XIX в. он «во всех отношениях стал первым городом в Македонии и центром всей Западноевропейской Турции»¹. В 1861 г. в Битоле было открыто и российское консульство, в котором до 1877 гг. интересы Российской империи представляли М.А. Хитрово, Л.В. Березин, Е.М. Тимаев, Н.Ф. Якубовский, А.Н. Емельянов и В.А. Максимов*.

Поражение России в Крымской войне 1853–1856 гг. поставило перед российской дипломатией целый комплекс задач, среди которых немалое значение приобрела задача восстанов-

* Управляющий российским консульством в Видине коллежский ассессор Николай Николаевич Четверухин (1837–?) был назначен секретарем консульства в Битоле, куда прибыл 23 мая 1868 г. Закончил губернскую гимназию и поступил в 1856 г. в университет. Его отец, Николай Филатович Четверухин (1802–?), из обер-офицерских детей, в 1856 г. — надворный советник, служил архангельским уездным казначеем (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1422. Л. 55; ф. 159. Оп. 464. Д. 3168. Л. 1–2 об.).

ления утраченного влияния у христиан, прежде всего, у славянских народов Османской империи. Для ее решения необходимо было значительно расширить консульскую сеть на Балканском полуострове. Но финансовые затруднения вынуждали избирательно подходить к этому вопросу и учреждать российские дипломатические представительства только в тех городах, где уже действовали консульства других государств (Франции, Англии и Австрии) и где проявлялся наибольший накал противоречий между болгарами и греками. В конце 1860 г. из длинного списка балканских городов был выбран македонский город Битола, так как в Азиатский департамент МИД поступила информация о том, что там во время четырехмесячной инспекционной поездки по Балканам в 1860 г. великого визиря Мехмеда Кипризли-паши (Кюпрюлю-паши) (1854, 1859–1861 гг.) был раскрыт очаг заговора христиан. Они образовали общество, названное «Казино». В МИД России было высказано предположение, что «нити замышляемых южными славянами движений сходятся, быть может, в Битоле»².

Вероятно, не случайно в этот город был направлен чиновник, который имел военное, а не университетское образование — Михаил Александрович Хитрово (1837–1896). Он принадлежал к старинному дворянскому роду, восходившему к XIV в. Его прадедом был генерал-фельдмаршал светлейший князь М.И. Голенищев-Кутузов Смоленский. М.А. Хитрово по окончании Школы гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров в 1855 г. был произведен в прапорщики и определен в 4-й резервный дивизион лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. Полк входил в состав войск, охранявших морское побережье Санкт-Петербургской губернии и Выборгского уезда от вторжения десанта с англо-французского флота, пришедшего в Балтийское море в составе 67 судов. В память о Крымской войне Хитрово получил медаль светлой бронзы на Андреевской ленте³. В 1857 г. он уволился с военной службы «по домашним обстоятельствам», а 22 января 1859 г. поступил на службу в Азиатский департамент МИД России. 31 декабря 1860 г. Хитрово был назначен управляющим консульством в Битоле, а в 1862 г. — консулом.

В Битоле 24-летний Михаил Александрович приехал 17 (29) марта 1861 г., в разгар нового, поддержанного Черногорией восстания в Герцеговине во главе с Лукой Вукаловичем. В Битоле, где, как выше указывалось, находилась Главная квартира военного командования Румелии, особенно чувствовались приготовления турок к выступлению против восставших христиан. Город «представляет вид совершенно военного лагеря; всю ночь напролет по случаю рамазана гремит весьма хорошая военная музыка, на улицах встречаем одних солдат, общество почти исключительно состоит из офицеров, в числе которых весьма много европейцев, большей частью поляков, русских и венгерцев»⁴, — сообщал Хитрово в МИД в одном из первых своих донесений.

Битола встретила русского дипломата настороженно. Христиане избегали всякого общения с ним, даже не решались сдать ему «дом внаймы из страха навлечь на себя неприязнь и гонения турок»⁵. Этот страх возник не случайно: замечательный учитель и просветитель Д. Миладинов (1810–1862), обвиненный в тайных сношениях с русскими агентами, был арестован в Струге и посажен в битольскую тюрьму перед самым приездом Хитрово*.

На перемену в настроениях состоятельных христиан, которые боялись посещать Хитрово, повлияла пышная церемония официального открытия русского дипломатического представительства в Битоле с торжественным поднятием российского флага, которую Хитрово приурочил к Пасхе, — 23 апреля (5 мая) 1861 г. Сам митрополит Венедикт (1854–1868 гг.) в полном облачении и в сопровождении восьми священников совершил молебствие на славянском языке с окроплением флага. На празднике присутствовали начальник Генерального штаба Халиль-бей, представлявший гражданскую и военную администрацию города, многие турецкие чиновники и офицеры, все иностранные консулы в мундирах, известные еврейские торговцы, поэтому и состоятельные христиане «теперь явились выразить свое сочувствие императорскому правительству»⁶, — сообщал Хитрово.

* Д. Миладинов через три месяца был тайно отправлен в Константинополь, где в 1862 г. умер в тюремном госпитале от тифа. Все усилия русских дипломатов (М.А. Хитрово, посланника России в Константинополе князя А.Б. Лобанова-Ростовского и др.) освободить его из тюрьмы были тщетны.

Русский дипломат снял красивый дом за 1000 пиастров в месяц, нанял две кареты за 300 пиастров, драгомана (переводчика) А. Лаппе, болгарина из Велеса, и суруджи (курьера) — «для верного доставления» корреспонденции из Азиатского департамента «и прямого сношения с управляющим консульства нашего в Янине»⁷. Австрийский вице-консул Соретич подозревал, что Хитрово имел секретное задание исследовать страну, преследуя не столько торговые цели, сколько военные и стратегические⁸. Впрочем, все европейские дипломатические представительства в Битоле имели явный политический характер: в 1861 г. в этом регионе проживали 10 подданных Австрии, причем 5 из них де юре и 5 де факто, 1 английский подданный и 1 русско-подданный⁹.

Хитрово вскоре выяснил, что «Казино» являлось подобием «читалищ», своеобразных клубов, где члены его читали и обсуждали книги, периодику, и его деятельность ограничивалась «одним ропотом». Как оказалось, в Битоле христиане были «слишком раздроблены на партии», «контроль турецких властей слишком близок и непосредствен», и поэтому «трудно ожидать что-нибудь», в смысле повстанческого движения¹⁰. А между тем, по доходившим до русского дипломата сведениям, в провинциях проживали «народности гораздо более созревшие», нежели население Битолы, в чем следовало воочию убедиться. И Хитрово просил разрешения у своего начальства — директора Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевского (1856–1861 гг.) и посланника России в Константинополе князя А.Б. Лобанова-Ростовского (1859–1863 гг.) — совершить поездки во Флорину, Охрид, Дебар, Скопье и, в особенности, в Велес¹¹.

Отлучиться надолго из Битолы Хитрово разрешили лишь после приезда [12 (24) июня 1861 г.] Леонида Васильевича Березина (1836–1889), назначенного секретарем и драгоманом консульства. Он окончил курс Петербургского университета со степенью кандидата, затем поступил на учебное отделение восточных языков, а в июне 1859 г. был назначен студентом в русскую миссию в Константинополе. Березин, прибыв в Битолу, стал замещать Хитрово на время его многочисленных поездок. А тот начал интенсивно изучать южное направление, несколько раз встречался с А.С. Иониным, российским консулом

в Янине, вместе они посещали многие села Эпира и Фессалии. В 1862 г. эти поездки умножились. Шла черногорско-турецкая война, и Хитрово пытался подтолкнуть к решительным действиям местное население, чтобы несколько отвлечь внимание турок от Черногории.

Частые поездки Хитрово по Македонии в «гнетущую жару», которая не могла «способствовать дальним экскурсиям», как подчеркивал австрийский вице-консул в Битоле Л. Заксл, сменивший Соретича на этом посту¹², требовали большой физической выносливости, а также храбрости, поскольку разбой на дорогах в 1861–1862 гг. усилился, так как к шайкам разбойников прибавились толпы дезертиров и башибузуков, которые бежали из турецких войск и по дороге домой промышляли грабежом. Собираясь поехать в начале лета 1862 г. в Дебар, откуда доносили слухи, что «средняя Албания готова подняться», Хитрово писал директору Азиатского департамента П.Н. Стремоухову: «Если поколотят — пожалейте — славный будет случай придраться к турецкому правительству»¹³. В Османской империи русский дипломат, помимо профессиональных знаний, опыта и интуиции, должен был обладать значительной долей отваги, чтобы пускаться в опасные в том крае путешествия. Отсутствие или недостаток этого качества в характере чиновника заметно влияли на выполнение им служебных обязанностей. Хитрово, правнук генерал-фельдмаршала светлейшего князя М.И. Голенищева-Кутузова, закончивший, как указывалось выше, Школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров, вполне обладал подобными качествами. А вот его секретарь Л.В. Березин не был ими наделен. Хитрово, понимая это, начал в частном порядке хлопотать о его переводе на открывшуюся вакансию в вице-консульстве в австрийском городе Фиуме (Риеке). При этом Хитрово рекомендовал Березина как отличного помощника, который, однако не был создан для Турции: «Здесь недостаточно одних бюрократических способностей, здесь нужно, чтобы под селезенкой что-нибудь да билось, а у моего храброго Березина и не хватает», — констатировал Хитрово. Кроме того, он не мог поручить Березину управление консульством на время своей длительной отлучки в случае предоставления отпуска

в Россию. «В Турции необходима некоторого рода смелость, пожалуй, хоть нахальство, без которого ничего не успеешь, и вам всякий сядет на шею»¹⁴.

И Хитрово не ошибся: назначенный в ноябре 1862 г. вице-консулом в Фиуме Березин «под благодетельнейшим покровительством австрийских законов и европейской безопасности» оказался на своем месте. Здесь устроилась и его личная жизнь благодаря женитьбе на хорватке, здесь раскрылся его талант историка и этнографа. В июле-августе 1863 г. он совершил поездку по западной части гражданской Хорватии и Военной границы, о чем послал подробный отчет посланнику в Константинополе Н.П. Игнатьеву. В 1869 г. Березин был утвержден в должности консула в Фиуме, но вскоре по семейным обстоятельствам оставил службу в министерстве иностранных дел и вернулся в Петербург, где в 1872 г. был назначен цензором санкт-петербургского почтамта, затем чиновником особых поручений при Главном управлении по делам печати. Березин дослужился до чина действительного статского советника. В 1879 г. он опубликовал в С.-Петербурге книгу «Хорватия, Славония и Далмация и Военная граница» в двух томах, которая включала исследования, «уникальные для своего времени по объему и богатству содержания». Этот труд доставил автору орденá от австрийского, итальянского, сербского и черногорского правительств. Своей научной значимости этот труд не потерял и по сей день¹⁵.

Выяснение повстанческого потенциала Битола и всего региона отнюдь не исчерпывало круг задач, поставленных перед Хитрово и вообще перед российскими дипломатами на Балканах. В них входило, согласно отчету МИД за 1856–1866 гг., «ускорять развитие христианского населения в Турции, вступление которого в политическую жизнь обещает нам естественных союзников и гарантии лучшего равновесия»¹⁶.

По Битоле проходил своеобразный рубеж, к северу от которого, т.е. в сторону к городам Прилеп, Велес и далее, проживало славянское население, у которого обучение в школе и богослужение шли на славянском языке. К югу от Битола также проживали славяне, но они находились под сильным греческим

влиянием, подавлявшим их национальное самосознание. Славяне Битольского санджака в донесениях русских консулов назывались болгарами, а в документации австрийских вице-консулов болгаро-славянами.

Христианская община города во главе с пелагонийским митрополитом Венедиктом состояла из болгар, греков, влахов* и албанцев, большая часть из которых переселилась сюда из разных городов и селений. Болгарское население, превосходившее в количественном отношении другие народности, было также «сборищем» пришлых из разных местностей и в разное время людей, которые различались уровнем «нравственного состояния и образования»¹⁷.

Христианскую общину города раздирали вражда партий. Эллино-греки или панэллинисты ориентировались на Афины, где, как правило, они получали образование. В своем стремлении «огречить» местное православное население они довольно преуспели, поскольку влахи, составлявшие в Битоле «денежную аристократию», были совершенно эллинизированы. Воспитанные в греческом духе, они почти утратили свою национальность, являясь «более греками, чем сами греки», мечтали о восстановлении Византийской империи¹⁸.

Болгарское население, составлявшее в основном городские низы и находившееся «на самой низкой степени общественного развития», было индифферентно. Одни только городские эснафы (цехи) поддерживали то одну, то другую из враждовавших партий, «но, в сущности, не сочувствовали ни одной из них»¹⁹. М.А. Хитрово констатировал, что «здесь собственно не было и нет особенного антагонизма между болгарами и греками, а есть только вражда между приверженцами митрополита и его противниками»²⁰. Он также отмечал, что в начале 1860-х годов болгарский церковный вопрос** в Битольском санджаке, «удаленном

* Влахи — так в Македонии называли выходцев из Валахии (современная Румыния), которые в основном занимались скотоводством и торговлей.

** Издание хатт-и хумаюна 1856 г., провозглашавшего равноправие мусульман и христиан Османской империи и предусматривавшего реформирование Вселенского патриархата, позволило болгарской общине в Константинополе, принявшей на себя представительство всего славянского населения Турции, подать султану Абдул Меджиду прошение от имени 6400000 болгар. В нем было выражено желание иметь свою независимую от Константинопольской патриархии церковь. Высокая Порта

от всякого внешнего влияния», не имел «отголоска»²¹. Как писал в своих воспоминаниях учитель К. Шапкарев (1834–1909), «до 1860 г. болгарское чувство в Битоле спало или его совсем не существовало, а у кого оно и было, то те не смели и шевельнуться»²².

В училищах Битолы, которые содержала христианская община, преподавание велось исключительно на греческом языке, и оно ориентировалось на школьное образование Греции. Болгары города не знали о существовании кириллицы, и дошло до того, что они «для письма на своем языке употребляют греческие буквы», «вот факт, который в других частях Болгарии, говорят, нигде не повторяется»²³, — констатировал Хитрово. «Священники, люди вовсе не образованные и весьма часто не умеющие даже читать, а если и умеющие, то единственно по-гречески. Ни в одной из церквей, которые я до сих пор посетил, не нашел я славянской книги и не встретил священника, знающего славянскую грамоту»²⁴, — отмечал дипломат.

Первыми ситуацию в Битоле начали менять католические миссионеры «Св. Лазаря», руководимые аббатом Ж.-Ж. Лепавек (1806–1875), миссионером с опытом работы на Востоке. Миссия обосновалась здесь в 1856 г. Аббат Е. Боре, руководитель ордена лазаристов и его миссий на Востоке, после посещения Битолы в 1858 г. дал распоряжение ввести в богослужение и в преподавание болгарский язык²⁵. В конце 1859 г. из Константинополя был прислан болгарин В. Манчев (1832–1907), который начал учить детей на болгарском языке, что привлекало в миссионерскую школу учеников из города и окрестных сел. Служба в католической церкви велась на церковно-славянском языке. Именно болгарский язык превратился в одно из «главных орудий» католической пропаганды. Важно, что и сам Лепавек выучил болгарский язык и «хорошо говорил по-болгарски»²⁶, о чем Хитрово сообщил в донесении от 9 апреля 1861 г.

При претворении в жизнь одушевлявшей его идеи пробуждения национального самосознания у славян вверенного его попечительству Битольского санджака Хитрово предстояло проти-

передала это прошение Константинопольской патриархии, которая отказала в его удовлетворении. Лишь в 1870 г. султан издал фирман об учреждении самостоятельной болгарской церкви.

водействовать католическим миссионерам. Он приложил много усилий, чтобы побудить христианскую общину города ввести болгарский язык как в преподавание, так и в богослужение. Благодаря ему в конце сентября 1861 г. состоялись выборы новых эпитропов* общины, но митрополит Венедикт активно препятствовал развитию славянского дела, поэтому и в следующем году не были достигнуты положительные результаты в плане преподавания болгарского языка. Но зато на окраине Битола, рядом с болгарским кварталом, на кладбище, была заложена новая православная церковь Св. Недели**. Построенная на пожертвования беднейших жителей города церковь была освящена 13 октября 1863 г. Митрополит Венедикт, не без основания усматривая в этом событии проявление «народного самосознания», под разными предлогами уклонялся назначить священника и причта в эту церковь, чтобы не образовывать отдельный приход, поэтому литургию по праздникам и воскресеньям совершали поочередно городские священники.

Хитрово много ездил по краю, дарил церковную утварь, одежды, книги, говорил о необходимости введения болгарского языка в богослужение и преподавание в школах. Австрийский вице-консул Зелнер подчеркивал в своем докладе от 11 декабря 1862 г., что все русские «домогательства» «завоевать болгаро-славян для русских интересов» были «до настоящего момента неуспешны»²⁷. Однако усилия Хитрово были не столь уж бесплодны. Николаки Бояно, житель села Магарево, расположенного в часе езды от Битолы, обратился к русскому консулу с просьбой «о доставлении сыну его Стерио безвозмездного воспитания в России». Его ходатайство было удовлетворено, о чем Хитрово был уведомлен предписанием Азиатского департамента от 18 октября 1862 г. за № 3737. Эта весть в семействе Бояно была встречена «с чувством теплой благодарности и самой чистосердечной радости». В январе 1863 г. Хитрово получил отпуск в 29 дней для

* Эпитропия (греч. Επιστροπή — комиссия) — в греческом церковном праве, а также в греческом обществе — структура самоуправления. Эпитропия образуется путем выборов. Голосованием избираются члены комиссий (эпитропы), которые впоследствии осуществляют исполнительную власть.

** Раннехристианская святая мученица Кириакия Никомидийская, известная на Балканах также как Святая Неделя.

поездки в Петербург. Н. Бояно упросил русского консула взять с собой его 13-летнего сына. Хитрово согласился. Но в день отъезда, 12 января 1863 г., мальчику не выдали необходимого для поездки паспорта — тескере, а его отца Н. Бояно, вызванного к вали (генерал-губернатору) Хаджи Али паше (1862–1864 гг.), под стражей привели в сарай*, заставили подписать просьбу (арзухал), там же составленную. В этом документе говорилось, что сын его, Стерио, хочет уехать с русским консулом в Россию, но что он и жена его этого не желают и просят местные власти воспрепятствовать его отъезду и не выдавать консулу. В тот же день несколько человек, в числе которых были и некоторые купцы, люди весьма уважаемые, были схвачены жандармами и отведены в сарай, откуда их отпустили только тогда, когда с них были взяты подписки и ими были представлены поручители в том, что их дети «не убегут» с русским консулом в Россию. Хитрово отмечал, что среди задержанных были лица, совершенно ему незнакомые. Австрийский вице-консул Зелнер писал, что по городу ходили слухи о том, что русский консул забирает с собой 12 мальчиков в Россию на учебу²⁸.

Хитрово понимал, что данное событие могло послужить началом целого ряда преследований против всех лиц, «когда бы то ни было воспитывавшихся в России» или сочувствовавших русским, если «незаконность действий, тирания и произвол турецких властей в этом деле не будут тотчас же засвидетельствованы и преданы полной гласности». Он «решился действовать энергетически»²⁹ — отправился к генерал-губернатору Хаджи Али паше, которого застал в присутствии всех членов меджлиса. Отказавшись от приглашения паши сесть и принять чубук, Хитрово заявил, что возвращает буюрду (подорожную), которой не может воспользоваться, поскольку выдавшие ее власти позволяют себе незаконные и оскорбительные действия в отношении к личности консула. Русский дипломат протестовал против открыто высказанной местными властями неприязни к России, интересов которой он имел честь быть представителем в то вре-

* Сарай (дворец) — здание, где заседал меджлис (совет), к компетенции которого относилось обсуждение всего круга административно-хозяйственных вопросов. В сарае также располагался суд.

мя, когда правительства России и Турции находились в дружественных отношениях.

Хитрово подозревал, что во всём этом деле была «какая-то темная сторона и скрытая интрига, которая, вероятно, не замедлит обнаружиться, и вряд ли турки в этом случае действовали по собственной инициативе». К козням против Хитрово, как оказалось, были причастны многие, кто не желал распространения влияния русского консула и, следовательно, России на болгар: митрополит Венедикт, аббат Лепавек, греческий подданный Стратигопуло, учитель городской школы, ярый противник введения болгарского языка в преподавание. В эту компанию, согласно городским слухам, входил и английский консул Ч. Кальверт³⁰.

На компромисс и примирение, о чём особенно хлопотал Кальверт, Хитрово не пошел и решил придать делу «вполне официальный характер». Он уехал в Россию без Стерио Баяно и не через Вену, как прежде намеревался, а через Салоники и Константинополь, чтобы там лично изложить Е.П. Новикову, временно исполняющему должность российского посланника в Константинополе, суть конфликта. «В течение двух лет я постоянно имел дело с явным нерасположением и неприязненностью к нам местных властей, но примирительным и осторожным образом действий всегда успевал устранить поводы к открыто неприязненным столкновениям. В течение этого времени здесь переменилось четыре паши, и мне удавалось сохранять с ними, хотя по внешности, удовлетворительные отношения, но с нынешним пашой такие отношения вряд ли возможны. Неприязненность его ко всем европейцам вообще и к нам в особенности слишком откровенна и бесцеремонна. Я льщу себя надеждой, что императорская миссия одобрит мой образ действий»³¹, — объяснял свою позицию Хитрово. Новиков написал на его донесении: «Представить такрир (докладную записку). Поведение паши безобразно. Необходимо потребовать посылки донесения в Россию и быстрое (неразборчивое слово)»³².

Тем временем в июне 1863 г. помощник Лепавека Кассен уехал в Рим и увез с собой мальчика, католика, от родителей-католиков. В Битоле громко стали говорить, что миссионер повез с собой мальчика в чужую страну, чего русский консул не мог сделать³³.

Хитрово вернулся в Битолю 10 сентября 1863 г., когда по требованию императорской миссии в Константинополе было послано письмо великого визиря Фуад-паши на имя генерал-губернатора Битолы. В нем, в частности, указывалось: «...предлагаем Вам не противиться отправлению молодого Бояно в Россию для приобретения познаний в науках, если только желают его родители. По приезде же российского консула Вы пришлете к нему чиновника Вашего Джорджевича и этот последний объяснит, что если при переговорах его с консулом он сказал что-нибудь неприличное, то это было сделано совсем неумышленно и что у него никогда и не было в мыслях сделать какую-нибудь невежливость, что всё это произошло по недоразумению и что он очень сожалеет от этого. Затем после визита, сделанного Вам консулом, Вы ответите ему тоже визитом и на будущее время будете во всех сношениях с ним поступать, как это прилично представителям двух дружественных держав, и будете со своей стороны способствовать сколько можно поддержанию хороших отношений, заявленных Вам со стороны русского консула»³⁴. Взаимоотношения между вали и русским консулом были восстановлены, но Н. Бояно, запуганный турками, больше не обращался с просьбой об отправлении его сына в Россию. Хитрово полагал, что «было бы осторожнее не возобновлять это дело». Новиков на донесении Хитрово от 20 декабря 1863 г. написал против последних слов: «Слава Богу»³⁵. Следует отметить, что ни один болгарский мальчик не был отправлен в Россию учиться, пока должность генерал-губернатора Битолы занимал Хаджи Али паша.

Но в целом деятельность Хитрово, направленная на пробуждение самосознания у болгар города, начала постепенно приносить плоды. В октябре 1863 г. благодаря увещеваниям русского дипломата В. Манчев, поссорившись с Лепавеком, ушел из миссии. Хитрово считал Манчева «человеком весьма способным», но опасался в чем-либо доверять ему³⁶. Тем не менее, он оказал ему поддержку в организации частной школы, в которой преподавался болгарский язык для болгарских детей бесплатно, так как Хитрово исходатайствовал школе ежемесячное пособие в 600 пиастров³⁷. Но в своих воспоминаниях Манчев отрицал

всякую помощь от Хитрово, которая могла «скомпрометировать его предприятие в глазах турок»³⁸.

После разрыва с лазаристами Манчев стал агитировать против католических миссионеров и выступать за введение славянского языка в литургию церкви Св. Недели. Не получая на это от митрополита официального разрешения, в мае 1864 г., когда митрополит Венедикт уехал на три месяца в Европу, битольские и прилепские болгары, среди которых были и ученики Манчева, самовольно начали петь по-славянски во время богослужения на правом клиросе, что спровоцировало драку в церкви. Присутствие Хитрово на литургии в последовавшее воскресенье оказалось достаточным для предупреждения всяких столкновений, «даже некоторые из влахов, вполне огреченные, в тот день примкнули к славянскому хору и пели по-славянски».

Хитрово считал, что это были «первые еще только со стороны здешних болгар попытки заявления их народности». В донесении от 6 июня 1864 г., где описывалось случившееся в церкви Св. Недели, русский консул отмечал: «Возбуждать чувство славянской народности в здешней местности, где оно до сих пор дремало, мне казалось неосторожным, но теперь, когда оно раз само проявляется, отказывать ему вовсе в сочувствии вряд ли было бы с нашей стороны благоразумным»³⁹. Летом 1864 г. болгары периодически возобновляли чтение молитв на болгарском языке в церкви Св. Недели и даже попытались узаконить свои действия, но духовенство Битолы не решилось на этот шаг в отсутствие митрополита Венедикта. А он по возвращении в город запретил это нововведение.

Летом 1864 г. Хитрово совершил путешествие в Дебарский санджак (округ), посетил города Охрид, Струга и монастыри: Св. Наума близ г. Охрид, Св. Иоанна Предтечи в Дебарском санджаке и во имя Успения Пресвятой Богородицы, более известный под именем «Богородица Пречистая» близ г. Кичево*. Дебарский край был «terra incognita» для МИД России. До Хитрово здесь побывали только два европейца — в 1856 г. Лонгфорд, первый английский консул в Битоле, и осенью 1863 г. фон Хан, австрий-

* Кичево (также Кичово, до XX в. Кырчово, макед. Кичево, алб. Kërçova, Кырчова) — город в Македонии, административный центр общины Кичево.

ский генеральный консул в Сире. Русский путешественник не имел возможности подробнейшим образом изучить этот регион, поскольку он был ограничен во времени и скован жестким маршрутом, который заранее был объявлен битольскому вали. Любая задержка в пути или отклонение от него в связи с незапланированным посещением населенных пунктов могли вызвать сильные подозрения со стороны турецкой администрации Битолы, которая и так относилась к Хитрово с явной враждебностью. И тем не менее ему удалось собрать уникальные сведения о славянах и албанцах этого края, а также оказать содействие делу славянского образования в Охриде: он отстоял училище «Кирилла и Мефодия», где преподавание велось на болгарском языке, от козней митрополита Мелетия, поддержал училище своим денежным вкладом, а затем выхлопотал ему у директора Азиатского департамента ежегодное денежное пособие в 300 руб. серебром, которое аккуратно выплачивалось с 1 января 1865 г.⁴⁰

В сентябре 1864 г. посланник в Константинополе Н.П. Игнатьев (1864–1877; чрезвычайный и полномочный посол с марта 1867 г. по 1877 г.) вызвал М.А. Хитрово по делам службы в столицу Османской империи. В ноябре того же года Михаил Александрович был назначен младшим секретарем миссии в Константинополе* (1864–1868 гг.)⁴¹. В Битолу он вернулся в мае 1865 г. вместе с новым консулом Николаем Федоровичем Якубовским, которому сдал шифры, печати консульства, архивы, консульские книги, кассу и пр. Но связь с Битолой у Хитрово не прервалась: на других должностях во время службы в Константинополе с ним постоянно советовались относительно принимаемых решений по событиям, имевшим место в Битоле. Он переписывался с консулом Якубовским, а во время русско-турецкой

* Далее дипломатическая карьера Хитрово складывалась следующим образом: дипломатический чиновник министерства иностранных дел при новороссийском и бессарабском генерал-губернаторе в звании камер-юнкера (1868–1871 гг.), генеральный консул в Константинополе (1871–1876 гг.), дипломатический чиновник при главнокомандующем Дунайской армией великом князе Николае Николаевиче (Старшем) (1876–1878 гг.), в чине действительного статского советника дипломатический агент и генеральный консул в Салониках (1878 г.), в звании камергера дипломатический агент и генеральный консул в Болгарии (1881–1883 гг.), на такой же должности в Египте (1883–1886 гг.), чрезвычайный посланник и полномочный министр при румынском короле Карле (1886–1891 гг.), гофмейстер (1889 г.), посланник в Португалии (1891–1893 гг.), чрезвычайный посланник и полномочный министр в Японии (1893–1896 гг.).

войны 1877–1878 гг., используя свои контакты с воеводами Македонии, формировал четы (вооруженные отряды), в которых предводителями и основным контингентом были выходцы из Македонии, по его приглашению привезенные в Придунайскую Болгарию.

Но вернемся в Битолю, в май 1865 г. Управлял русским консульством во время длительного отсутствия Хитрово как в 1863 г., так и в 1864–1865 гг. секретарь Евгений Матвеевич Тимаев, сменивший Березина. Он родился в 1838 г. *, в 1860 г. закончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, затем два года являлся воспитанником учебного отделения МИД (1860–1862 гг.). В августе 1862 г., после прохождения стажировки в российской миссии в Константинополе, был назначен секретарем консульства в Битоле⁴². Хитрово отзывался о нем положительно: Тимаев справлялся со своими обязанностями весьма успешно.

По случаю присоединения к Румелийскому эялету Призренского и Ускюбского (т.е. Скопье) санджаков в результате административной реформы Тимаев в письмах к посланнику в Константинополе Игнатьеву и в Азиатский департамент МИД от 16 февраля 1865 г. внес предложение — учредить в Призрене дипломатический пункт, послав туда из Битолы русского агента. Тимаев напомнил о предписании Азиатского департамента от 13 декабря 1862 г. открыть вице-консульство в Призрене, который имел особое значение благодаря близости к военной дороге, шедшей из Скопье через Новый Пазар к сербской границе, и к другой большой дороге от Скопье через Ниш в Сербию. Агент мог беспрепятственно наблюдать за военными мероприятиями, предпринимаемыми турецким правительством против

* Его отец — Тимаев Матвей Максимович (1796–1858), действительный статский советник, педагог, инспектор классов Воспитательного общества благородных девиц и Александровского училища, автор учебников по истории и словесности. Он преподавал русскую историю и географию дочерям Николая I — великим княжнам Марии, Ольге и Александре, а также принцессе Гессен-Дармштадтской, тогда невесте, а впоследствии супруге Александра II. В «Свидетельстве», выданном из Санкт-Петербургской духовной консистории, записано, что восприемниками при крещении сына М.М. Тимаева Евгения 17 апреля 1838 г. были их императорские высочества великие княжны Александра Николаевна и Мария Николаевна (Русский биографический словарь в 25 томах. СПб., 1912. Т. 20: Суворова–Ткачев. С. 513–515; АВПРИ. ф. 161. Оп. 119. Д. 23. Л. 3).

Княжества. Из Призрена легче было изучать «движение умов» в Северной Албании, жители которой часто вели междоусобные войны и очень часто проявляли непокорность турецкому правительству. Кроме того, в этой области активно действовала католическая пропаганда⁴³.

В мае 1866 г. титулярный советник Е.М. Тимаев получил новое назначение — он стал первым русским вице-консулом в Призрене. Об этом периоде его деятельности сообщается в статье современного историка М.Ю. Анисимова, изучившего его донесения, но по непонятным причинам не обнаружившего в АВПРИ личного дела Тимаева. Согласно сведениям дипломата, обстановка в Призренском санджаке была тяжелой из-за анархии и самоуправства албанцев, которым потворствовали турецкие власти. Положение малочисленного христианского населения, пребывавшего в постоянном страхе за свою жизнь, было удручающим, поскольку их явно выдавливали с их земель, на которых расселялись албанцы. Призренский мутесерриф Измаил-паша без должного уважения относился к российскому дипломату, не отвечал на его ноты, а в среде мусульманских обывателей подобное пренебрежение трансформировалось в прямые угрозы в адрес «москофа гяура», в открытое преследование и избиение людей, работавших в вице-консульстве. Из-за козней Измаил-паши, который стремился избавиться от присутствия российского дипломата, 26 апреля 1868 г. Игнатъев срочно вызвал Тимаева в столицу Турции, где сумел достичь договоренностей с Портой.

В сентябре 1869 г. Тимаев вернулся в Призрен. Сюда направили и нового губернатора Ахмеда Феким-пашу, с которым у русского дипломата сложились нормальные отношения. Однако через полгода он ушел в отставку. С заступлением на его место Измаила-паши Тепеленлы жалобы Тимаева возобновились. Бесконечные факты насилия албанцев, реальные ужасы бытия бесправных православных жителей, демонстрации агрессии по отношению к российскому вице-консулу, который был совершенно один в этом далеком от цивилизации, даже от Константинополя, городе, нежелание турецкой администрации Призрена обеспечить его безопасность, всё вместе рождало постоянный страх, которого психика Тимаева в какой-то момент не выдержала: у него

начала развиваться мания преследования. Он прервал свои взаимоотношения с Измаил-пашой. Его телеграммы стали сбивчивы и невняты⁴⁴. Вопреки циркуляру Игнатьева он торжественно спустил консульский флаг и уехал в Скутари (слав. Скадар, алб. Шкодер). 9 декабря 1869 г. Игнатьев сообщил В.И. Вестману, товарищу министра иностранных дел (1866–1875 гг.), о странном поведении Тимаева, посоветовал вызвать его в Петербург и «разрешить вопрос: может ли он или нет продолжать свою служебную деятельность на Востоке, особенно в качестве независимого агента»⁴⁵. 29 декабря 1869 г. из Петербурга пришло распоряжение об отправке Тимаева в столицу Российской империи с уведомлением, что он не возвратится к своему посту⁴⁶. Похоже, что Тимаев был уволен из Азиатского департамента, поскольку дальнейших сведений о нем нет в его личном деле, и о дальнейшей его судьбе ничего не известно*.

На его место был назначен Иван Степанович Ястребов (1839–1894), секретарь консульства в Скутари, который, по убеждению Игнатьева, уже успел ознакомиться с обстоятельствами и положением албанского края. Порта, как подчеркивал Игнатьев, давно добивалась упразднения призренского вице-консульства. До нее дошли слухи, будто бы русские решились на эту меру, но Игнатьев объявил, что «это слухи не основательные», и что он не видел «необходимости удовлетворить её желанию в особенности с тех пор как учреждено австрийское вице-консульство»⁴⁷.

Новый консул в Битоле надворный советник (7-й класс) Николай Федорович Якубовский (1807–1874) продолжил дело М.А. Хитрово, но действовал более размеренно и спокойно, не форсируя события и стараясь не вступать в трения ни с турецкой администрацией, ни с митрополитом Венедиктом. Не так плодovit он был в плане составления донесений по сравнению

* М.М. Тимаев с женой Екатериной Филипповной и детьми (сыновьями Александром, Николаем, Виктором, Михаилом, Владимиром, Евгением и дочерью Ольгой), согласно постановлению Вологодского дворянского депутатского собрания, в 1855 г. были внесены в 3-ю часть дворянской родословной книги (АВП РИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 23. Л. 4–5). Известно, что старшие братья Е.М. Тимаева — Александр (1826–1885) и Виктор (1830–1900) избрали стезю отца. Александр преподавал русскую словесность в Павловском институте (статский советник), Виктор преподавал историю в 5-й Петербургской гимназии, впоследствии являлся инспектором классов Павловского института (действительный статский советник).

с Хитрово. Так, если Хитрово в 1862 г. отправил из Битолы 482 документа, а в 1863 г. — 324, то Якубовский в 1866 г. отослал в Петербург 266 документов, а в следующем году — только 200 донесений⁴⁸.

Николай Федорович закончил орловскую мужскую гимназию, затем историко-филологическое отделение Московского университета⁴⁹ и учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД, с октября 1846 г. служил в Константинополе при русской миссии, с апреля 1848 г. — драгоманом (переводчиком) в российском вице-консульстве в Дарданеллах (современный турецкий город Чанаккале), в октябре 1853 г. был назначен на должность секретаря генерального консульства в Белград, во время Крымской войны состоял переводчиком при штабе Мало-Валахского отряда генерал-лейтенанта П.П. Липранди, затем в дипломатической канцелярии при Южной армии. Якубовский был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, а также получил медаль «В память войны 1853–1856» «темной бронзы на Андреевской ленте»⁵⁰. По окончании войны дипломат вернулся на свой прежний пост секретаря генерального консульства в Белграде. Через два года, 27 февраля 1858 г., его перевели в Константинополь, также на должность секретаря генерального консульства. В 1864 г. он был представлен к новой награде — ордену Св. Станислава 2-й степени, украшенному императорской короной⁵¹.

В Битоле Якубовский, как в свое время Хитрово, свидетельствовал, что все жители города — «турки, греки, влахи огреченные и болгары», кроме турок, говорили «более по-гречески» и писали «даже греческими буквами». (Якубовский подчеркнул тот факт, что болгары писали свои письма на болгарском языке, но греческими буквами.) Новый консул также отметил, что «между болгарамии низшего класса выражается желание, но не совсем энергично, иметь богослужение на родном языке и завести училище болгарское»⁵².

В начале осени 1865 г. болгарские старшины Битолы подали в митрополию просьбу о дозволении им исправлять церковную службу на своем родном языке и открыть болгарское училище во избежание необходимости отдавать своих детей на воспитание католикам. А 18 октября по приказу генерал-губернато-

ра Хюсни-паши (1864–1866 гг.) была закрыта частная школа В. Манчева, под тем предлогом, что он не имел официального разрешения из Константинополя. Манчев, оправдываясь перед Хюсни-пашой, указал на греческое училище, подобное его школе. Генерал-губернатор закрыл и его. Н.Ф. Якубовский подчеркивал, что в Битоле имелось более восьми греческих училищ, а училищ, в которых преподавался бы болгарский язык, кроме заведения Манчева, не было⁵³.

Поскольку митрополия явно саботировала открытие болгарской школы в Битоле, то в дело вмешался Якубовский, прося посланника в Константинополе Н.П. Игнатьева выступить в защиту болгар Битолы. Игнатьев обратил внимание вселенского патриарха Софрония III (1863–1866 гг.) и пелагонийского митрополита, находившегося в то время в Константинополе, на необходимость удовлетворить требования болгар⁵⁴. Перед Рождеством в 1865 г. в центральном греческом училище Битолы была открыта «кафедра болгарского языка»⁵⁵. Учителем был назначен Йован Жинзифов, отец известного публициста Райко (Ксенофонта) Жинзифова. На уроки болгарского языка стали приходиться более 60 детей. Болгары надеялись закрепить успех и со временем открыть свое училище.

Донесения Якубовского за 1867–1868 гг. убедительно свидетельствуют о том, что болгары добились открытия своего училища не в результате борьбы с митрополитом Венедиктом, как принято в историографии, а благодаря тому, что сумели воспользоваться обстоятельствами. Вернувшийся в 1867 г. после длительного отсутствия Венедикт настроил против себя всю свою паству. Влахи старались всеми средствами исходатайствовать отрешение его от места. Их активно поддерживали английский и греческий дипломаты, каждый преследуя свою цель⁵⁶. Чтобы сохранить место, Венедикт решил привлечь на свою сторону болгар, обещая им исполнить их желания, в чём им отказывали влахи, управлявшие христианской общиной города. И, действительно, митрополит посвятил в дьяконы одного болгарина в церкви Св. Недели, а потом посвятил его в священники с разрешением совершать богослужение на славянском языке, о чем Якубовский сообщил в донесении от 25 сентября 1867 г.⁵⁷.

В феврале 1868 г. острота конфликта заставила митрополита Венедикта открыто обратиться к болгарам. Якубовский отмечал, что в той ситуации «болгары заметно возвышаются духом. Между ними везде проявляется чувство национальности и поддерживаются ее права»⁵⁸. В октябре 1868 г. болгары провели собрание, на котором единодушно решили избирать из своей среды эпитропов для церкви Св. Недели. Они открыли болгарское училище для мальчиков, куда главным учителем был приглашен Д. Македонский, а также училище для девочек.

Но митрополит Венедикт не смог удержать своей епархии. Янинский митрополит Парфений, назначенный на место митрополита Венедикта в октябре 1869 г., приказал вернуть церковь Св. Недели под управление эпитропов митрополии, т.е. влахам, а также выслать из Битола священников этой церкви. 23 октября 1869 г. болгары объявили на собрании, что они не признают ни митрополита Парфения, ни греческого патриарха Григория VI (1867–1871 гг.). Была образована болгарская община. Действия болгар были поддержаны Якубовским не только на дипломатическом уровне, но и денежным вспомоществованием. По установившейся практике, перед главными православными праздниками русское консульство жертвовало деньги на богоугодные дела в кассу митрополии. С декабря 1869 г. такая же сумма вносилась и эпитропам церкви Св. Недели⁵⁹, которую первым признал Якубовский и в дальнейшем поддерживал ее материально⁶⁰. По его ходатайству в училища стали поступать учебники и книги из России.

Якубовский смог реализовать и отправление болгар на учебу в русские учебные заведения, весьма важного направления в деятельности русских дипломатов на Балканах. Еще Хитрово в начале сентября 1864 г. начал ходатайствовать как по официальным каналам, так и в частном порядке, в личном письме к П.Н. Стремоухову, «о предоставлении средств к безвозмездному образованию» для 14-летнего сына Д. Миладинова Страшимира. Хитрово полагал, что для юноши было бы полезнее учиться не в гимназии, а в белградской семинарии. Старшая дочь Д. Миладинова, 12-летняя Царевка, обнаруживала «замечательные способности». Познакомившись с реалиями Битоль-

ского региона, Хитрово пришел «к сознанию о необходимости для здешнего народонаселения женского образования, которое одно способно очистить их нравы и развить в них чувства долга, гражданственности и патриотизма»⁶¹. В 1866 г. Царевка Миладинова была принята в институт с пансионом графини А.В. Левашовой в Киеве.

В императорское консульство ежедневно приходило множество разных людей, которые искали защиты от притеснений турок, помощи в своих судебных тяжбах или просили денежного пособия. Консулы в Битоле могли заниматься благотворительностью благодаря присланной по секретному распоряжению Азиатского департамента МИД от 30 апреля 1862 г. сумме в 5 тыс. руб. сер. Судя по отчетам Якубовского, деньги шли на поддержку болгарских училищ, церквей, больницы в Битоле, а также учителей, священников, бедных вдов, сирот, невест, арестантов в тюрьме. Семья Д. Миладинова также ежегодно получала из этой суммы весьма приличное вспомоществование, которое с каждым годом росло: например, в 1866 г. оно составляло 412 пиастров, а в 1869 г. — 570 пиастров⁶². Якубовский жертвовал деньги как обратившимся непосредственно в консульство, так и во время своих посещений церквей, училищ и поездок по Битольскому эялету, в 1867 г. преобразованному в вилайет.

Якубовский, как и Хитрово, постоянно информировал Н.П. Игнатьева о коррупции администрации Битолы, нарушении ею провозглашенных в хатт-и хумайуне 1856 г. прав христиан, покрытии преступлений, совершенных мусульманами в отношении христиан, и др., что позволяло Николаю Павловичу незамедлительно ставить на вид Высокой Порте «предосудительные злоупотребления». Последней приходилось после проверки фактов реагировать и принимать соответствующие меры, что, с одной стороны, значительно умеряло произвол, в первую очередь, генерал-губернаторов Битолы, которые постоянно сменялись на этой должности, а с другой, заставляло их оставлять позицию «преступного» во многих случаях бездействия. Подобная деятельность Якубовского вела к некоторому улучшению положения христиан в Македонии в том плане, что несколько сдерживала фанатизм мусульман, ограничивала незаконные турецких властей.

Улучшилась обстановка и в отношении католической пропаганды. Аббат Лепавек желал превратить свою школу в гимназию. Однако в 1867 г. в связи с устройством Румили-вилайета его административный центр был перенесен из Битолы в Салоники. Город сразу опустел. Проект Лепавека не удался. В октябре 1868 г. он был вызван в Париж для нового назначения. В начале 1869 г. новый глава миссии в Битоле отец Касан получил от главного викария в Париже приказ прекратить бесплатное обучение в школе. Полный пансион за год стоил теперь 2400 пиастров, а обычное обучение — 360 пиастров. Болгарские дети тотчас покинули школу, которая сразу опустела, и ее пришлось закрыть. Только через два года, в 1871 г., училище было восстановлено, но обучение уже было платным. С 1869 г. миссии была прекращена прежняя денежная субсидия из Франции, из сумм которой выдавались деньги болгарам-униатам. Миссия могла теперь рассчитывать только на свои доходы, получаемые от сданных в наём квартир.

Донесения Якубовского были наполнены самыми разнообразными сведениями об этой области Македонии: о ее экономическом развитии, церквах и монастырях, численном и национальном составе населенных пунктов, судебной системе и ее работе, проведении реформ, о настроении разных народов и др. В период восстания на Крите 1866–1869 гг., несмотря на повышенную секретность со стороны турецкого командования, Якубовскому тем не менее удавалось добывать важную информацию о количестве войск, вооружении, о передвижениях, о ходе кампании по набору башибузуков и их численности.

В 1870–1871 гг. пост секретаря консульства занимал коллежский секретарь Андрей Николаевич Емельянов (1840–1889), который прибыл в Битолу 10 июня 1870 г.⁶³ Будучи сыном священника, он окончил курс духовной семинарии в Кишинёве, затем, в 1865 г., поступил в число воспитанников учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИД. В 1868 г. Емельянов сдал экзамены на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, представил диссертацию для получения степени кандидата восточной словесности и после ее доработки получил вожделенный диплом в 1870 г. По окончании учебного отделения восточных языков при Ази-

атском департаменте МИД был определен 1 декабря 1868 г. на службу студентом посольства в Константинополе. 1 августа 1869 г. Емельянова назначили исполняющим должность секретаря и драгомана консульства в Битоле. Но его пребывание в этом македонском городе было недолгим: 22 февраля 1871 г. он получил назначение на должность секретаря и драгомана в российское консульство в Трапезунде. Здесь он женился на дочери бельгийского генерального консула Э. Кёна Елизавете-Каролине-Августе, протестантского вероисповедания, в браке у него родились сын (1878 г.) и дочь (1885 г.), крещенные в православную веру. С 1887 г. в чине статского советника он служил консулом в Янине. А.Н. Емельянов был награжден орденами Св. Владимира 4-й степени, Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны 3-й степени, турецким орденом Османие 3-й степени (1887 г.)⁶⁴.

В ноябре 1871 г. Якубовскому пришлось временно принять на себя заведование российским консульством в Салониках в связи с 4-месячным отпуском К.Н. Леонтьева (1831–1891), сохраняя при этом управление и битольским консульством. Многосложность дел в Салониках требовала постоянного присутствия там опытного дипломата. Консульство в Битоле, ввиду отсутствия штатного секретаря*, поручалось на этот период вольнонаемному драгоману А. Лаппе, которого взял на работу еще в 1861 г. М.А. Хитрово. Отправляясь в Салоники, Якубовскому надлежало захватить с собой и шифры, так как они могли быть доверены только чиновнику МИД. Работы было много, и Якубовский писал Хитрово: «Креплюсь и держу обеими руками бразды правления двух консульств»⁶⁵. При этом ему приходилось самому составлять и переписывать донесения о делах, имевших место в Битоле и Салониках, — помощников у него не было.

8 января 1872 г. исправляющим должность секретаря и драгомана консульства в Битоле был назначен студент в Константинополе Георгий Евграфович Щулепников (1849–?). Он был сы-

* Вместо Емельянова в Битолу был назначен исправляющим должность секретаря и драгомана консульства студент посольства в Константинополе коллежский регистратор Сухотин, «известный Азиатскому департаменту с весьма хорошей стороны», — сообщал П.Н. Стремоухов Н.Ф. Якубовскому 27 февраля 1871 г. По неизвестным нам причинам Сухотин так и не приехал в Битолу // АВП РИ. Ф. 154. Оп. 710/1. Д. 89. Л. 15.

ном Е.Р. Шулепникова, с 1841 г. чиновника МИД, служившего драгоманом, а затем секретарем консульства в Яссах, секретарем в генеральном консульстве в Бухаресте (1856–1857 гг.), консулом в Сараево (1857–1868 гг.). Из-за огромных долгов, сделанных на местах своей службы, Е.Р. Шулепников в конце концов был уволен; затем он работал в министерстве путей сообщения⁶⁶. В 1868 г. Георгий Шулепников поступил воспитанником в учебное отделение восточных языков и после успешного окончания курса был определен на службу студентом в посольство в Константинополе, куда прибыл в августе 1871 г.⁶⁷. Однако он так и не доехал до Битола, поскольку, как и отец, погряз в долгах, но при этом пошел на преступление — украл из канцелярии посольства пакет с деньгами (750 руб. кредитными билетами). 19 апреля 1873 г. Н.П. Игнатъев сообщил П.Н. Стремоухову: «Секретарь консульства нашего в Битоле, временно находящийся в Константинополе для занятия при вверенном мне посольстве коллежский регистратор Шулепников, запутавшись в своих денежных делах, был поставлен в фальшивое положение, вследствие чего для поддержания чести службы нашей на Востоке и для избежания скандала я был вынужден, не испросив предварительного разрешения министерства, отправить этого чиновника в Россию к своему отцу, который, будучи весьма болен, изъявил уже несколько времени тому назад желание с ним видеться». Игнатъев предложил некоторое время посылать жалование Шулепникова в консульство для уплаты его долгов⁶⁸. Вместе с 750 руб. его долг достигал значительной суммы — около 2400 руб. кредитными билетами. 21 мая 1873 г. Шулепников был уволен в отставку⁶⁹.

Наконец, 10 сентября 1873 г. в Битолу приехал новый консул В.А. Максимов, которому Якубовский сдал казенное имущество и шифр и которого представил мутессарифу Битола. А в следующем году Н.Ф. Якубовский умер в Салониках, и согласно завещанию был похоронен 20 июля при церкви святителя Митрофана Воронежского в монастыре Св. Пантелеимона на Афоне*.

* В январе 1997 г. в Салониках вновь было открыто генеральное консульство, только теперь не Российской империи, а Российской Федерации. Здесь появилась новая традиция: ежегодно 10 февраля, в День дипломатического работника, сотрудни-

Виктор Александрович Максимов родился 11 августа 1836 г. в семье поручика Максимова, в 13 лет поступил в казанскую гимназию, где кроме общеобразовательных предметов изучал арабский и персидский языки, а также восточную каллиграфию. В 1855 г. Максимов был принят в Казанский университет, однако ему рекомендовали пройти курс обучения в Петербурге. И 18 августа того же года Максимов поступил в Петербургский университет, который закончил в 1859 г. Во время обучения он прослушал полный курс наук по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду факультета восточных языков и показал на выпускных экзаменах следующие познания: в арабском, персидском, османском и турецких языках — отличные; во французском языке и каллиграфии — достаточные. По результатам экзаменов Совет университета признал Максимова достойным ученой степени кандидата и наградил его золотой медалью за работу «Персия в исторических и литературных отношениях с 656 по 706 гг. Гиджры». Максимова оставили в университете для дальнейшего усовершенствования в восточных языках и для подготовки к экзамену на степень магистра. После сдачи экзамена в 1863 г. он был отправлен в научную командировку за границу сроком на два года. Позднее она была продлена. К сожалению, неизвестно, какие страны он посетил.

По возвращении в Россию в январе 1867 г. Максимов поступил на службу в Азиатский департамент МИД переводчиком 9-го класса. Похоже, что научная или преподавательская деятельность его не привлекала. Впрочем, в марте 1867 г. на факультете восточных языков Петербургского университета состоялась защита его магистерской диссертации «Опыт исследования тюркских диалектов в Худавендгаре и Карамании». Максимов был удостоен ученой степени магистра турецко-татарской словесности и согласно степени утвержден Правительствующим Сенатом в чине титулярного советника. Диссертация Максимова была напечатана в типографии Академии наук в конце 1867 г., когда ее автор уже находился в российской миссии в Константинополе,

ки российского дипломатического представительства возлагают венки на могилу Н.Ф. Якубовского, а также на могилу А.А. Якобсона, бывшего в Салониках генеральным консулом в 1881–1885 гг.

куда был направлен в качестве студента согласно сложившейся практике Азиатского департамента. В январе 1868 г. Максимов прислал прошение в Департамент хозяйственных дел, чтобы из его жалованья была удержана сумма в 151 руб. 68 коп. за издание его исследования и доставлена в типографию Академии наук⁷⁰.

С мая 1871 г. Максимов занимал должность третьего драгомана российского посольства в Константинополе. 1 апреля 1873 г. его назначили исправляющим должность российского консула в Битоле, а буквально через 15 дней, 16 апреля 1873 г., он был утвержден российским консулом.

Как указывалось выше, согласно вилаетской реформе 1867 г., административная столица Румелийского вилаета была перенесена из Битолы в Салоники, что больно ударило по экономике города, который сразу опустел. Жители Битолы неоднократно обращались к турецкому правительству, прося восстановить его значение. В июне 1871 г. был зачитан фирман об отделении Битольского мутесарифлыка с 13 его округами (казами) от Салоникского вилаета, и губернатор Ассим-паша получил титул сумели бейлербея⁷¹. По многочисленным прошениям жителей Битолы в 1874 г. был образован Битольский или Монастырский вилает с центром в Битоле, и таким образом, повысилось политическое и административное значение города. В новый вилает вошли Призрен, Скопье, Скутари и Дебар. Кроме резиденции вали, здесь продолжали находиться Главная квартира Военного командования Румелии, Пелагонийская митрополия, дипломатические представительства Австро-Венгрии, Греции и России. С введением системы вилаетов Битола не потеряла значения «центра, влиявшего на всех болгар Северо-западной Македонии и Албании»⁷², как подчеркивал русский консул В.А. Максимов в донесении к Н.П. Игнатьеву от 3 апреля 1876 г.

Как известно, султанский фирман 1870 г. о создании Болгарского экзархата не погасил, а только обострил греко-болгарский церковный вопрос в Македонии, поскольку большинство ее епархий, включая и Пелагонийскую, как епархии со смешанным населением, не вошли в Болгарский экзархат. В них предполагалось провести истилям (опрос), и если бы не менее 2/3 населе-

ния высказалось за подчинение юрисдикции Болгарского экзархата, то эти епархии становились его частью.

Максимов отмечал, что в Битольском санджаке преобладало болгарское население. Но валахи и греки были, как правило, богатыми людьми, они не утратили, как писал Максимов, «нравственное в стране преобладание, руководство и весь почин своей общественной деятельности». К тому же они были полны энергичного стремления эллинизировать болгарское население. Греческие митрополиты в македонских епархиях запрещали церковное пение на «проклятом» схизматическом языке. Между болгарскими и греками в городах Флорине (Лерине), Ресне, Охриде развернулась борьба за обладание церквями.

С особым ожесточением эта борьба велась в Охриде, в котором был проведен истилям, и он вошел в Болгарский экзархат. Преспонский митрополит Мелетий захватил сначала монастырь Св. Наума, а затем, используя свои налаженные связи с турецкой администрацией, силой отнял у болгар их святыню — церковь Св. Климента. Рукоположенный в Охридскую епархию еще в 1872 г. экзархийский митрополит Нафанаил долго ожидал султанского берата и, наконец, весной 1874 г. отправился в свою епархию. В Битоле состоялась торжественная встреча, собралась 8-тысячная толпа. Максимов писал, что приезд Нафанаила весьма ободрил болгар Битолы в их надежде на проведение истиляма и в Пелагонийской епархии. Но Нафанаилу не удалось вернуть болгарской общине Охрида ни монастыря, ни церкви. Максимов старался оказывать ему всевозможную поддержку, посылая деньги, книги, церковную утварь. Русскому консулу даже удалось сместить с должности каймакама Охрида Довере-эфенди, в котором митрополит Мелетий нашел союзника. Несколько раз Максимов обращался к послу России в Константинополе Игнатьеву об удалении самого Мелетия, указывая, что в свое время об этом не раз просил и М.А. Хитрово.

Максимов пытался отстоять Нафанаила и от нападков генерал-губернатора Али Саиб-паши, который в своих докладах Порте представлял его «человеком беспокойным и настойчивым в требованиях». Битольский вали очень желал удалить его из Охрида. Максимов отмечал, что Нафанаил уступал Мелетию

в умении вести интриги и в ловкости. К тому же, получив образование в России, Нафанаил не знал турецкого языка. Русский консул подчеркивал, что знание турецкого языка играло значимую роль, так как оно давало возможность лично вести переговоры со светской властью и посредством знакомств приобретать поддержку местных беев, продолжавших сохранять свое влияние на решения администрации, а равно и в среде самого христианского населения.

При новом назначении Али Саиб-паши генерал-губернатором Битола Болгарский экзархат нашел невозможным далее поддерживать Нафанаила и в конце 1875 г. вызвал его в Константинополь. Арест и ссылка на Афон в октябре 1874 г. архимандрита Козьмы, настоятеля монастыря Св. Богородицы Кырчовского уезда, гонения на священников, призывавших паству присоединиться к Экзархату и общее усиление церковной борьбы проходили не без ведома турецкой администрации. Максимов писал Игнатьеву о том, что, наблюдая в течение трех лет за действиями турецких правителей в Битоле, он успел заключить, что они покровительствуют греко-валахам, представляющим самое ничтожное меньшинство населения, но умеющим искусно поддерживать в христианском болгарском большинстве рознь и составляющим «нарост», мешающий народному развитию. Максимов пришел к выводу о том, что необходимо не смещать Али Саиб-пашу, а сделать ему внушение от великого визиря о соблюдении в отношении болгар справедливости, которую давал всем племенам султанский фирман.

Не менее жесткая борьба между болгарами и сторонниками Патриархии развернулась и на поприще просвещения. Максимов, как и его предшественники М.А. Хитрово и Н.Ф. Якубовский, старался поддержать болгарскую школу. Согласно донесению от 12 января 1874 г., в Битоле тогда действовало шесть болгарских школ, в которых обучалось до 500 детей обоего пола. Однако греческих школ в Битоле было в три раза больше, чем болгарских, и они были лучше устроены и обеспечены учебными пособиями и книгами, так как получали значительные средства от силогосов*,

* Силогос (греч. Σύλλογος) — объединение; общество, товарищество, ассоциация; коллегия; коллектив; клуб.

обществ, специально созданных «для распространения в Македонии греческой грамотности, для приготовления молодых греков к занятию учительских мест»⁷³. Силогосы Македонии состояли под ведением Афинского силогоса, откуда поступали деньги и литература, а также они имели жертвователей в Вене, Константинополе и Одессе. «Эллинская школьная пропаганда организована здесь в стройную систему, которая должна давать весь веский результат, присваиваемый народному образованию»⁷⁴, — писал Максимов в донесении от 15 ноября 1873 г. Он был уверен, что все болгарские школы будут закрыты, как только пелагонийский митрополит станет полновластным хозяином в своей епархии. В связи с затянувшейся неопределенностью положения в Пелагонийской епархии многие болгары начали поддаваться действию греческой пропаганды. Максимов не пропускал удобного случая ободрить посильной материальной помощью болгар города в их стремлении дать толчок своему национальному развитию⁷⁵. Так, в 1874 г. Максимов пожертвовал 10 лир (1000 пиастров) «на усиление средств к преподаванию: покупку книг и пр.»⁷⁶. Но в болгарской общине продолжались интриги, которые разделили ее на две партии. Незначительность доходов общины еще больше усиливала в ней разлад. В марте 1875 г. из-за отсутствия средств был уволен главный учитель и закрыто Центральное болгарское училище, в котором обучалось около 60 детей⁷⁷. В апреле того же года Максимов просил Игнатьева исходатайствовать постоянное денежное пособие Центральному болгарскому училищу в Битоле, по примеру охридского училища «Кирилла и Мефодия», которое благодаря Хитрово получало по 300 руб. сер. ежегодно⁷⁸.

Удалось установить, что по линии русского консульства в Битоле весной 1874 г. выехал поступать в киевскую гимназию некто Каранфилов, а в ноябре того же года воспитанница битольского училища Д. Димитрова отправилась в Одессу⁷⁹. Список⁸⁰ уроженцев Битольского региона, посланных на учебу в Россию, требует многих дополнений и уточнений. Так, в 1864 г. Славянский комитет в Москве принял стипендиатом Васи́ла Мишайкова из Битолы, племянника епископа Пловдивского Панарета⁸¹. Однако он прибыл в Россию, отучившись три года в афинской

гимназии, и о нем хлопотал Н.П. Игнатъев, а не битольское консульство⁸².

Максимову, в отличие от его предшественников на этом посту, не пришлось активно противостоять действиям католической миссии Св. Лазаря: после учреждения Болгарского экзархата униатское движение сошло на нет. В школе при миссии обучение стало платным, и болгарские дети там не учились. Максимов констатировал, что лазаристы потерпели в Битоле полное фиаско и своим 20-летним опытом убедились, что у них под ногами нет почвы. В Битоле с 1857 г. не было французских дипломатов, поэтому лазаристы находились под защитой английского консульства. После его закрытия в марте 1876 г. исправляющий должность настоятеля патер Фовейриаль принял решение просить Максимова принять на себя защиту перед турецкой властью лазаристской общины и других французских подданных, находившихся в районе консульства. Однако приор Бонетти в Салониках не одобрил действий патера Фовейриалья, указав, что покровительство должны осуществлять не российские дипломаты, а австро-венгерские. К тому же Габсбургская монархия имела намерение усилить между болгарами Македонии свое влияние. Планировалось открытие женского училища под покровительством и на иждивении известного хорватского архиепископа Штросмайера⁸³.

Начавшийся в 1875 г. Великий Восточный кризис, кровавое подавление Апрельского восстания 1876 г. и последовавшие войны Турции с Сербией и Черногорией тяжело отразились на положении христиан Битольского вилайета: на них были наложены дополнительные военные налоги, при сборе которых совершались вопиющие злоупотребления. К тому же генерал-губернатор Дервиш-паша, сменивший Али Саиб-пашу, приступил к поиску заговорщиков. Он хотел показать Высокой Порте, что здесь также готовилось выступление, которое не состоялось благодаря его «мудрым распоряжениям». Из всех репрессивных мер, предпринятых им в отношении христианского населения, самые тяжелые последствия имела административная высылка из Битолы Константина Мишайкова. Он был городским и военным врачом, одним из уважаемых и известных людей в городе, деятельным руководителем болгарского движения в Битоле⁸⁴.

Был также арестован и выслан в Константинополь Апостол Маргарит, энтузиаст распространения среди валахов образования на румынском, а не на греческом языке⁸⁵.

Эти и другие необоснованные расправы Дервиш-паши вполне достигли своей цели, поскольку еще более терроризировали «живущих под постоянным страхом за свою безопасность и самую жизнь райев, особенно болгар». Болгарская община, по свидетельству российского дипломата, «перестала заявлять о своем существовании»: «болгарские народные праздники проходят втихомолку, экзамены в школах делаются украдкой. Болгаре избегают лишних случаев даже показываться на улицах. Так велик нагнанный на них страх»⁸⁶, — писал Максимов в Константинополь.

С началом войны Турции с Черногорией и с Сербией Битола, в которой, как уже упоминалось, размещалась Главная квартира Военного командования Румелии, или III-го военного округа, и находились военное училище и казармы, превратилась в центр, куда стягивались войска и где шло формирование войска из башибузуков. В июне 1876 г. фанатичное мусульманское население Битолы провожало охридский батальон редифов (резервистов), дислоцировавшийся в городе, на Косово поле громко высказываемыми пожеланиями: «Вернуться на родину, неся с собою по пять голов гяуров!»⁸⁷.

Несмотря на повышенную секретность, Максиму удавалось собирать сведения о передвижениях войск, их оснащении. Он также отметил, что мусульмане, занятые земледелием на равнине (район Битолы, Прилепа, Лерина и др.), неохотно шли в башибузуки в отличие от албанцев, которые жили в горных районах Битольского вилайета⁸⁸.

Среди башибузуков особенно желанной была война с Сербией, в богатых городах которой, по их мнению, можно было легко грабить. Но отряды башибузуков из Охридского, Ресненского, Флоринского, Прилепского и Битольского санджаков направили не в Сербию, а в Боснию против черногорцев, поэтому башибузуки стали убегать оттуда по одному или группами⁸⁹.

Война Турции с Сербией закончилась подписанием перемирия в октябре 1876 г., чему были несказанно рады христиане Битолы, опасавшиеся войны Турции с Россией. Максимов объяс-

нял этот страх христиан так: «Живя внутри страны, битольцы не имеют от мусульманского неистовства защиты кроме дружественного представительства консулов перед властью, которая была бы бессильна перед магометанским фанатичным взрывом»⁹⁰. К тому же битольский гарнизон был готов поддержать мусульман города, чему уже были примеры. Угрозы турок — «в случае войны с москочами мы разрядим на наших гяурах несколько ружей»⁹¹ — воспринимались здесь очень серьезно.

В октябре, а затем в декабре 1876 г. Максимова срочно вызывали в Константинополь. Битольцы искренно радовались каждому его возвращению. Впрочем, русского консула встречали с восторгом и в казармах, так как воинская повинность разоряла мусульманские хозяйства, остававшиеся без рабочих рук и «без призора». Редифы не желали войны с Россией и боялись ее⁹². Но ее уже невозможно было избежать.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Максимов находился в распоряжении генерала от артиллерии великого князя Михаила Николаевича, главнокомандующего Кавказской армией. По окончании войны Максимов вернулся на службу в МИД. С 1880 г. он был консулом в Видине. Через четыре года его перевели в Трeбизонд (Трабзон), в 1888 г. он стал консулом в Иерусалиме. С 1891 г. по 1900 г. он служил генеральным консулом в Эрзеруме. Виктор Александрович Максимов умер 24 мая 1900 г.⁹³.

Итак, русские консулы в Битоле смогли выполнить поставленную перед ними сложную задачу — пробудить национальное самосознание в славянском населении, помогли ввести болгарский язык в преподавание и церковную службу, поддержали болгарские школы и церкви, сумели противостоять католической пропаганде, а также несколько умерить административный произвол турецких властей в отношении христиан Македонии. Им пришлось действовать осторожно, исподволь, постепенно привлекая на свою сторону влиятельных людей города, чтобы и для них стало насущной потребностью действовать во имя своего народа и стать во главе болгарского населения.

Судьбы Леонида Васильевича Березина и Евгения Матвеевича Тимаева убедительно свидетельствуют о том, что дипломат в Османской империи, в отличие от стран Европы, помимо знаний,

владения языками, особой харизмы должен был быть наделен еще крепкими нервами, особо устойчивой психикой, храбростью военного, отвагой, в противном случае с ним могла случиться такая же беда, как с Евгением Матвеевичем Тимаевым.

Примечания

- ¹ *Шапкарев К.* За възраждането на българщината в Македония. Неиздадени записки и писма. София, 1984. С. 243.
- ² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВП РИ). Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 137.
- ³ АВП РИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 3514. Л. 2–3 об.
- ⁴ АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1415. Л. 5 об.
- ⁵ АВП РИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 32 об.
- ⁶ АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1415. Л. 23–23 об.
- ⁷ АВП РИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 17. Л. 5, 6.
- ⁸ Македония през погледа на австрийски консули. 1851–1877/78. Т. 1. София, 1994. С. 137.
- ⁹ Там же. С. 192.
- ¹⁰ АВП РИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 50.
- ¹¹ Там же. Л. 59–59 об.
- ¹² Македония през погледа на австрийски консули. С. 231.
- ¹³ АВП РИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 17. Л. 12 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 11–12.
- ¹⁵ *Фрейдзон В.И. Л. Березин.* Путешествие по Хорватии и Военной границе (1863 год) // Славяноведение. 2004. № 5. С. 93; *Ващенко М.* Тесная связь на бытовом начале. Русский консул Березин и хорваты // Родина. 2011. № 3. С. 66–68.
- ¹⁶ Цит. по: *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 169.
- ¹⁷ *Шапкарев К.* За възраждането на българщината... С. 243–244.
- ¹⁸ *Косев Д.* Русия, Франция и българското освободително движение 1860–1869. София, 1978. С. 144.
- ¹⁹ Там же. С. 145, 163.
- ²⁰ Там же. С. 145.
- ²¹ АВП РИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 21.
- ²² *Шапкарев К.* За възраждането на българщината... С. 244.
- ²³ АВП РИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 21 об., 29 об.
- ²⁴ Там же. Л. 29 и об.
- ²⁵ *Генчев Н.* Франция в българското духовно възраждане. София, 1979. С. 102.
- ²⁶ АВП РИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 35.
- ²⁷ Македония през погледа... С. 270.
- ²⁸ Там же. С. 275.
- ²⁹ АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 15.

- 30 Там же. Л. 58 об.
- 31 Там же. Л. 20–21.
- 32 Там же. Л. 10.
- 33 Там же. Л. 64 и об.
- 34 Там же. Л. 85 и об.
- 35 Там же. Л. 140–141.
- 36 Там же. Л. 115 об.
- 37 Македония през погледа на австрийски консули. 1851–1877/78. Т. 2. София, 1998. С. 36.
- 38 Манчев В. Спомени. София, 1982. С. 81.
- 39 АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1418. Л. 133–134.
- 40 АВП РИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 760.
- 41 АВП РИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 13. Л. 40, 42.
- 42 АВП РИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 23. Л. 1, 3, 10, 16.
- 43 АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1419. Л. 31–32.
- 44 Анисимов М.Ю. Косово и Метохия в донесениях первого русского вице-консула в Призрене Е.М. Тимаева (1866–1869) // Вестник Тверского университета. Серия: История. 2010. Вып. 1. С. 1–14.
- 45 АВП РИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 23. Л. 37–38 об.
- 46 Там же. Л. 40, 42.
- 47 Там же. Л. 38 об.–39.
- 48 АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1424. Л. 77.
- 49 Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 418. Оп. 101. Д. 203. Л. 1, 3 и об.
- 50 АВП РИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 2. Л. 31–32.
- 51 Там же. Л. 65.
- 52 Из архивата на Найден Геров. Т. 2. София, 1914. С. 923.
- 53 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 2. София. 1990. С. 218–219.
- 54 Там же. С. 224.
- 55 Там же. С. 223–224.
- 56 АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1422. Л. 17.
- 57 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 3. София, 2002. С. 101–102.
- 58 АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1422. Л. 13 об.
- 59 АВП РИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 15. Л. 28 об., 31.
- 60 АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1423. Л. 76; Ф. 161. Оп. 119. Д. 15. Л. 28 об., 31.
- 61 АВП РИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 17. Л. 50.
- 62 АВП РИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 15. Л. 6 об., 27 об.
- 63 АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1424. Л. 39.
- 64 АВП РИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 1310. Л. 1–4 об.; Ф. 154. Оп. 710/1. Д. 89. Л. 1–16.
- 65 Институт русского языка и литературы РАН (Пушкинский дом). Ф. 325. Оп. 1. Д. 672. Л. 26.
- 66 Подробнее см.: Мельчакова К.В. Между долгом и долгами: Е.Р. Шулепников в Боснии и Герцеговине // Славяне и Россия. Балканы и российский дипломатический корпус. XVIII–XXI вв. М., 2024. С. 84–105.

- 67 АВП РИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 13. Л. 1–9.
- 68 Там же. Л. 10.
- 69 Там же. Л. 14, 16.
- 70 АВП РИ. Ф. 154. Оп. 710/1. 1868. Д. 156. Л. 1–2.
- 71 АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1425. Л. 17
- 72 АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1430. Л. 24.
- 73 АВП РИ. Ф. 180. Д. 2271. Л. 61 об.
- 74 Там же. Л. 20.
- 75 АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1428. Л. 8–9 об.
- 76 АВП РИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 15. Л. 40.
- 77 Македония. Сборник от документи и материали. София, 1978. С. 307.
- 78 АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1429. Л. 39 об.
- 79 АВП РИ. Ф. 159. Оп. 667/2. Д. 94. Л. 2, 14.
- 80 См.: *Трајановски А.* Престојот и школувањето на македонската и балканската интелигенција во Русија // Балканот и Русија: општото и специфичното во историскиот и културниот развиток. Скопје, 2010. С. 82; *Ванчев Й.* Ново-българската просвета в Македония през възраждането (до 1878 година). София, 1982. С. 142–143.
- 81 *Ванчев Й.* Ново-българската просвета... С. 142.
- 82 Македония. Сборник от документи и материали. С. 221.
- 83 АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1430. Л. 10–12 об.
- 84 Там же. Л. 51 и об.
- 85 Там же. Л. 83.
- 86 Там же. Л. 53.
- 87 Там же. Л. 39.
- 88 Там же. Л. 41.
- 89 Там же. Л. 58.
- 90 Там же. Л. 77.
- 91 Там же.
- 92 АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1431. Л. 10 об.–11.
- 93 АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 2112а. Л. 1–2. я

Между долгом и долгами: Е.Р. Шулепников в Боснии и Герцеговине

Долг — это бездонное море.

Т. Карлейль

Первое дипломатическое представительство России в Боснийском пашалыке Османской империи начало работу в Сараеве в 1857 г. Основные задачи, которые ставил МИД перед назначенным управляющим консульством А.Ф. Гильфердингом, заключались в наблюдении за исполнением положений хатт-и хумаюна 1856 г.¹, защите прав православного населения региона и изучении этих славяно-турецких территорий. Очень важно было создать позитивный образ России у местного славянского населения, которое имело довольно смутные представления о далекой стране. Миссия Гильфердинга в Боснии продлилась около года². После него пост консула в Сараеве занял Евграф Романович Шулепников, которому было суждено провести в Боснии более десяти лет. И так вышло, что они стали закатом его карьеры в министерстве иностранных дел.

За годы службы Шулепникова в Боснии произошло множество событий: волнения местного населения, объединение Боснийского пашалыка и Герцеговинского санджака в один вилайет в 1865 г., реализация реформ османизма в крае; на посту генерал-губернаторов Боснии за это время сменилось пять человек³, на митрополичьем престоле в Сараеве — три владыки⁴. Шулепников продолжил курс на оказание помощи местному православному населению, начатый Гильфердингом, был в переписке с протоиреем русской посольской церкви в Вене Михаилом Фёдоровичем Раевским (1811–1884)⁵, сотрудничал с Московским славянским благотворительным комитетом. 30 августа 1858 г.*

* Здесь и далее даты даются по старому стилю.

Щулепников открыл первое российское консульство в главном городе Герцеговины Мостаре⁶. До сентября 1859 г. ему приходилось управлять делами двух дипломатических представительств, что было довольно сложно с учетом напряженной обстановки в регионе. За время работы Щулепникова в Сараеве в консульстве сменилось три секретаря: Александр Семёнович Ионин (1857–1860 гг.), Алексей Николаевич Кудрявцев (1862–1864 гг.) и Николай Александрович Иларионов (1866–1868 гг.). Нередко Евграф Романович оставался один без помощников. В отпуске он был лишь однажды — в 1864–начале 1865 гг. Тогда семь месяцев его заменял чиновник МИД А.И. Иванов. С представителями иностранных держав в Сараеве Щулепникову удавалось поддерживать хорошие отношения. Известен лишь один негативный эпизод — конфликт с австрийским консулом графом Жаржи⁷.

Служба Щулепникова в Боснии уже являлась объектом изучения историков⁸, здесь же она будет вынесена за скобки. На этот раз в центр нашего внимания впервые поставлена частная жизнь консула, которая оказала влияние на положение дипломатического представительства в Боснии и формирование образа России в этих краях в целом.

Источниковой базой данного исследования послужили выявленные автором официальные документы МИД, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ: Ф. 146. Славянский стол; Ф. 154. Азиатский департамент МИД; Ф. 161. Главный архив и Ф. 180. Посольство в Константинополе), личные письма Е.Р. Щулепникова к заведовавшему делами российского посольства в Константинополе в 1864–1876 гг. Николаю Павловичу Игнатьеву [Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 730] и протоиерею русской посольской церкви в Вене Михаилу Фёдоровичу Раевскому [Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 347].

Семья, образование, начало дипломатической службы

Евграф Романович Щулепников происходил из знатного дворянского рода. Он появился на свет в 1820 г. в семье Романа Сер-

геевича Щулепникова (1782–1851) и Александры Алексеевны, в девичестве Астафьевой (1789–1863)⁹. Его отец служил на флоте, вышел в отставку в звании капитана 2-го ранга; также известно, что в 1834–1835 гг. он был вице-директором Кораблестроительного департамента¹⁰.

В 1838 г. в Санкт-Петербургском университете на средства Азиатского департамента МИД была учреждена временная кафедра валахо-молдавского языка¹¹. Для преподавания в учебное заведение был откомандирован чиновник Азиатского департамента титулярный советник Яков Данилович Гинкулов (1807–1870) (он считается одним из первых российских румыноведов). На кафедре должны были готовить переводчиков для службы в консульствах Молдавии и Валахии. Одним из первых ее студентов и стал Е.Р. Щулепников. В 1841 г. три выпускника, показавшие «отличные успехи» в изучении языка, были приняты на службу в МИД на должности драгоманов: Капитон Александрович Соколов¹² и Евграф Романович Щулепников получили назначение в Яссы, Николай Дурыгин¹³ — в генеральное консульство в Бухарест. Молодые люди были причислены к IX классу с жалованием 800 руб. серебром в год¹⁴.

Согласно материалам личного дела Е.Р. Щулепникова, хранящегося в фондах АВПРИ, 1 июня 1842 г. коллежский секретарь Е.Р. Щулепников и губернский секретарь К.А. Соколов были приведены к присяге в Яссах¹⁵. Осенью 1844 г. Щулепников, исправляя должность старшего драгомана консульства в Яссах, серьезно заболел (по этому случаю МИД выделил ему вспомоществование в 600 руб. на лечение)¹⁶.

В январе 1846 г. Евграф Романович обратился в МИД с просьбой о разрешении вступить в брак с дочерью бессарабского помещика, дворянина Георгия Стражеско — Касандрой¹⁷. В марте из МИД пришел ответ о необходимости подтверждения русского подданства отцом невесты. К лету Георгий восстановил подданство¹⁸. У четы Щулепниковых было трое детей: Ольга (род. в 1848 г.), Георгий (род. в 1849 г.)¹⁹ и Николай (род. в 1857 г.?)²⁰.

В 1853 г. надворный советник Щулепников стал секретарем консульства в Яссах²¹. В 1856 г. он был переведен в Бухарест для управления делами генерального консульства²². В его личном

деле содержатся исключительно положительные характеристики. В 1850 г. ему был пожалован орден Св. Анны 3-й степени²³.

Служба в Боснии: приезд и отъезд дипломата

Через 15 лет после начала дипломатической службы, 1 ноября 1857 г., Шулепников получил назначение на пост российского консула в Сараево²⁴. К месту службы он прибыл в середине февраля 1858 г. О своем приезде в главный город Боснийского пашалыка консул докладывал директору Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевскому 19 февраля 1858 г.: «Спешу донести вашему превосходительству, что после весьма трудных переездов верхом по горам, покрытым глубоким снегом, я наконец третьего дня прибыл в Сараево к месту моего нового назначения. <...> Г-н Гильфердинг, которого я предупредил о времени моего прибытия в Сараево, имел случай известить о том турецкие власти, и генерал-губернатор выслал мне навстречу обычный конвой. Мне приятно было видеть, что почти всё православное народонаселение Сараева вышло за город и ожидало моего прибытия.

Особенно счастливым для меня случаем было то, что на другой же день [после] моего приезда я в первый раз вступил в здешнюю православную церковь, когда по предварительному распоряжению г-на Гильфердинга в ней 18-го февраля служилась панихида по в Бозе почившем государе императоре Николае Павловиче, и вслед за нею совершено было молебствие о здравии и долголетьи ныне благополучно царствующего монарха Всероссийского.

По представлении меня г-н[ом] Гильфердингом боснийскому генерал-губернатору Мехмед Решид-паше, митрополиту Дионисию и пребывающим здесь иностранным консулам, я занялся с ним изучением дел и положения края и на днях вступлю в исправление вверенной мне должности...»²⁵.

В марте 1858 г. Гильфердинг покинул Боснию, снабдив подробными инструкциями своего преемника²⁶. Шулепников остался в консульстве с драгоманом и секретарем А.С. Иониным²⁷. Сербского языка консул пока не знал²⁸.

Вслед за Гильфердингом Шулепников продолжил сотрудничество с российскими благотворителями. Все его действия

в этом направлении он согласовывал с протоиереем М.Ф. Раевским. В ОПИ ГИМ сохранилось 39 писем консула к Раевскому (часть из них опубликована)²⁹. Они являются ценным информативным источником по истории русской благотворительности в крае, а также позволяют составить представление о сложностях при распространении помощи среди православного населения Боснии и Герцеговины. Уже в мае 1859 г. возникли проблемы с раздачей присылаемых от Славянского комитета вещей и денег. Консул долгое время не посылал расписок, ссылаясь на нежелание боснийцев отчитываться в получении помощи из-за боязни перед турками, а также из-за сложностей транспортировки³⁰. На дипломата посыпались упрёки из Москвы и Петербурга в лености и беспечности, появились подозрения, что он присваивает присылаемую боснийцам помощь³¹. Насколько эти нарекания были обоснованны, до сих пор остается неясно.

Ни в коем случае нельзя отрицать, что за годы работы в Боснии и Герцеговине Щулепников довольно много сделал для жителей этого края и реализации ряда важных проектов России. Среди них — отправка боснийцев и герцеговинцев на обучение в Россию, строительство большого православного собора в Сараеве, поддержка женского образования в Боснии, посредничество в мирном урегулировании восстаний и многое другое³².

Минуло более десяти лет, и 23 мая 1868 г. Щулепников покинул Сараево. Сменивший его на посту консула Алексей Николаевич Кудрявцев докладывал начальству: «Отъезд сей вызвал всеобщее сочувствие к личности бывшего представителя России, и я не имею права умолчать о той искренней симпатии, которая высказалась так сильно г. Щулепникову в продолжении последних 6 дней. Действительно, пробыв более 10 лет среди единоверного России народа, он имел случай постоянно наделять бедных и нищих русской милостью, снабжать церкви — русскими пожертвованиями, школы — книгами и также деньгами. Босняки всех трех вероисповеданий обращались к нему часто за советами и действовали нередко по его внушениям. Сношения его с иностранными консулами были всегда хороши, а с турецкими властями — достаточно посредственны»³³. Дабробосанский митрополит Дионисий II отслужил в день отъезда бывшего кон-

сула литургию. Провожать Шулепникова вышли толпы народа, 15 экипажей сопровождали его до Илиджи, расположенной в 10 верстах от Сараева³⁴.

«Бездонное море» российского консула

Вместе с тем реальная картина службы Шулепникова в Боснии была далека от идиллической. Он создал большую проблему, которая беспокоила российское дипломатическое представительство в крае долгие годы, даже после австро-венгерской оккупации в 1878 г. Этой проблемой стали его многочисленные долговые обязательства. В упомянутом выше донесении Кудрявцева он не мог обойти эту щекотливую тему:

«Побуждаемый долгом службы, я тем не менее скажу, что денежные затруднения и значительные суммы долгов г. Шулепникова бросали невыгодную тень на императорское консульство. Я говорю на консульство, ибо во всех славянских землях, по крайней мере в Герцеговине и Боснии, консул есть олицетворение правительства. Деяния консула не что иное как деяния правительства. <...> Консульство наше в Сараеве, вследствие долгов управлявшего им в продолжении 10 лет консула, не могло без нравственного ущерба нести гордо и светло свое высокое положение. Обязательство, в особенности денежное, при каких бы обстоятельствах оно ни было учинено, опутывает и связывает всякого человека. Невыгодная тень, ропот, досада ложатся на него. Здесь, в Боснии, оно ложилось на консула, т.е. на наше правительство. Такова сила вещей и традиций народных. Славяне в официальном русском агенте видят правительство российского государя. Долг, учиненный агентом, по мнению народному, должен быть оплачен правительством. <...> Неужели из-за каких-нибудь 10 тысяч рублей Россия должна лишиться любви и уважения не только в Боснии и Герцеговине, но и в Сербии и Черногории, а в особенности в австрийских славянских землях, где все долги нашего консула известны. Для незнающих эти земли и народ мое предыдущее соображение покажется странным, вымышленным и во всяком случае преувеличенным. Нисколько. В этих землях богатые не имеют больше 4, 5 тысяч червонцев. Банкир из Европы, при потере нескольких десятков тысяч,

не банкрот, а здесь, при потере нескольких десятков червонцев, он лишается большей части своего капитала. Здесь богатые христиане заправляют народом и народ верит им как богам и руководителям. Грустно будет, если долги не выплаются немедленно. Как будет торжествовать Порта, Осман-паша (генерал-губернатор Боснийского вилайета. — *К. М.*) и его сотрудники! Как будет торжествовать генеральное консульство австрийское, а вследствие его рапортов гг. Андраши и Бейст!* К ним можно присоединить и французское консульство»³⁵.

О многочисленных долговых обязательствах Щулепникова сохранилось множество свидетельств — это его частная переписка с российским послом в Константинополе Н.П. Игнатьевым, директорами Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевским и П.Н. Стремоуховым, протоиереем М.Ф. Раевским, приятелем, писателем и чиновником МИД Михаилом Дмитриевичем Воеводским. В архиве сараевского консульства также обнаруживается ряд долговых расписок и претензий займодавцев.

На основе материалов, хранящихся в АВПРИ, автором этого исследования была составлена таблица. В ней представлены лишь выявленные случаи, претензии по которым были направлены в МИД³⁶ (за исключением обращений от братьев Ристичей)³⁷:

Имя займодавца	Место займа	Дата займа	Сумма долга	Решение вопроса
Николай Фара	Яссы	1852 г.	200 австр. червонцев	выплачен через МИД 15 мая 1864 г.
Иоанн Гергел	Яссы	1854 г.	126 австр. червонцев	выплаты через МИД до 1862 г.
Магазин Геннинга	Яссы	1854 г.	1 416 пиастров	выплаты через МИД

* Дьюла Андраши (1823–1890) — австро-венгерский государственный и политический деятель, в 1867–1871 гг. премьер-министр Королевства Венгрия, министр гонведа королевства Венгрия; в 1871–1879 гг. — министр иностранных дел Австро-Венгрии.

Фридрих Фердинанд фон Бейст (1809–1886) — австро-венгерский государственный деятель, в 1868–1871 гг. — министр иностранных дел Австро-Венгрии.

Каминаръ Дмитрий Иоанн	Яссы	?	30 австр. червонцев	выплаты через МИД
Константин Карамалли (поручитель)	Бухарест	1854 г.	1045 австр. червонцев	выплачен через МИД в 1863 г.
Федор Петров Майет	Бухарест	01.01.1858 г.	100 австр. червонцев	выплачен через МИД в 1860 г.
Институт св. Марии	Бухарест	до 1863 г.	112 австр. червонцев	жалобы до 1865 г.
Юлий Гетте	Яссы	12.03.1856 г.	1 295 пиастров	выплаты через МИД
Никола Джорджевич Дежулек	Сараево	30.04.1864 г.	150 дукатов (675 руб.)	отказ МИД в 1897 г.
Васа Хаджи Ристич	Сараево	Ок. 1865 г.	Более 600 австр. червонцев	?
Ристич (брат Васы)	Сараево	?	?	?
Осман-паша	Сараево	?	?	Шулепников не признал этот долг
Али-ага	Сараево	21.05.1868 г.	325 австр. червонцев	претензии по долгу до 1880 г.
Вели-ага	Сараево	21.05.1868 г.	225 австр. червонцев	претензии по долгу до 1880 г.
Шорич	Сараево	?	208 австр. червонцев	МИД отказал в посредниче- стве в 1869 г.

Как видно из представленной таблицы, уже по прибытии в Сараево за Щулепниковым числилась солидная сумма долга. Возможно, финансовые затруднения Евграф Романович начал испытывать после кончины своего отца (1851 г.). Боснийский историк Ибрагим Тепич упоминает о пристрастии Щулепникова к карточным играм³⁸, однако в документах не удалось найти подтверждений этого факта. О долгах стало известно, когда заимодавцы и несчастные поручители в поисках российского дипломата начали обращаться непосредственно в МИД. Первые жалобы поступили уже в мае 1858 г. Прошение на имя министра иностранных дел подал проживающий в Бухаресте отставной корнет Константин Карамалли³⁹. Он выступал поручителем, когда при отъезде из Бухареста Щулепников занял 1 045 австрийских червонцев якобы на проезд до Сараева. Получив справедливый упрек от Е.П. Ковалевского в том, что МИД обеспечил дипломата средствами на путевые расходы и обзаведение в Боснии (1 500 руб.)⁴⁰, Щулепников оправдывался, что деньги были нужны ему для уплаты неких долгов, которые образовались у него в 1854 г. в Яссах, и сообщал, что не имеет возможности погасить задолженность. Карамалли пригрозил подать прошение на имя императора.

Нужно сказать, что Азиатский департамент довольно лояльно относился к консулу: ему много раз давали шанс на исправление и улаживание всех дел. Однако за клятвенными обещаниями приходили извещения о новых долговых обязательствах. В письмах к Ковалевскому Щулепников давил на жалость, намекал на свое увольнение со службы: «Подобные на меня жалобы, могущие повторяться еще впоследствии, разумеется, должны быть неприятны министерству, и, во избежание того, принужден буду оставить службу. Тем более, я должен буду это сделать, имея трех малолетних детей, я должен озаботиться об их судьбе и, выйдя в отставку, я могу заняться частными делами и спекуляциями и, таким образом, буду в состоянии уплатить скорее мои долги и заняться обеспечением участи моего семейства»⁴¹. Но это была пустая угроза. Щулепников не уволился, хотя Ковалевский отвечал ему, что «МИД никогда не удерживает чиновников силой»⁴². Тем временем бедный Карамалли заложил

свое имение, чтобы выплатить долг российского дипломата⁴³. В жалобах поручитель отмечал, что Шулепников указывал ему на МИД как на источник уплаты долга. В итоге было решено, что Азиатский департамент будет удерживать по 2/5 жалования консула за каждую треть года, что составляло примерно 784 руб., и пересылать деньги в Бухарест генеральному консулу Николаю Карловичу Гирсу, который уже передавал их Карамалли. Последний вексель по этому делу был выдан 5 апреля 1863 г.⁴⁴. Таким же образом были погашены еще несколько долговых обязательств в Яссах и Бухаресте.

В 1864 г. Шулепников отправился в долгосрочный отпуск. Он встретился с директором Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоуховым в Санкт-Петербурге и пообещал, что после продажи своего имения окончательно расплатится с долгами. Имение унаследовали братья Евграф и Николай Шулепниковы от покойной матери (ум. в 1863 г.). Оно располагалось в Вышегородском уезде Олонецкой губернии, состояло из 4 200 десятин земли и 3 500 десятин елового леса. Однако покупателя не нашлось. С просьбой подыскать оного Шулепников обращался в том числе и к М.Ф. Раевскому⁴⁵. В декабре 1864 г. Евграф Романович выехал обратно в Сараево, оставив доверенность на продажу леса и земли.

Тем временем стало известно, что у консула появились новые долги в Сараево. В феврале 1864 г. он просил Игнатьева о переводе на пост с более высоким жалованием⁴⁶. Летом 1865 г. Шулепников признавался послу в Константинополе, что уплатил долгов на 800 червонцев, но лишь небольшая часть этой суммы пошла на возврат займов сараевцам⁴⁷. Он просил о выделении ему специального денежного пособия, дабы не уронить имя России в глазах местных жителей. В мае 1866 г. Шулепников сообщал Игнатьеву, что с момента возвращения из Санкт-Петербурга он уплатил до 1 100 червонцев, из коих лишь 260 было отправлено в Бухарест. В отчаянии он вновь просил защиты у Игнатьева, сетуя, что злые языки передали Стремоухову будто бы консул влез в новые долги. Директор Азиатского департамента с горечью сообщал, что если положение дел не выправится, он будет вынужден отправить Шулепникова в отставку⁴⁸. К письму Стремоухова была приложена записка от друга Шулепникова М.Д. Вое-

водского: «Мне пришлось составить для Стремоухова это неприятное письмо к тебе, но ты, пожалуйста, не унывай. Помни, что у тебя есть семейство. Лучше всего войди со Стремоуховым в объяснение и проси его, чтоб он исходатайствовал для тебя какое-нибудь пособие. Нынче Стремоухов говорил о тебе, очень жалея тебя. Он говорил, что в честности и порядочности твоей он уверен, но что по милости долгов своих ты не можешь в стране, в которой находишься консулом, сохранять независимого положения, а это вредит служебным интересам. Наконец, если бы пришлось и оставить заграничную службу, то Россия не клином сошлась, кусок хлеба ты всегда найдешь, как и наш брат. Да что ты мало пишешь в департамент донесений. Пиши больше. Твои редкие донесения вредят тебе»⁴⁹.

Коллеги всеми силами скрывали неприятные обстоятельства от министра иностранных дел А.М. Горчакова, до которого известия о проблемах Щулепникова дошли только в конце 1867 г., что и повлекло за собой отставку консула и увольнение со службы из МИД. Кто-то донес канцлеру, что сараевский консул в долгу у самого генерал-губернатора Боснийского вилайета Топал Шериф Осман-паши. Щулепников это яростно отрицал, но со службой ему пришлось попрощаться⁵⁰. Он просил Игнатьева о содействии в очищении его имени, о выдаче специального денежного пособия, назначении приличной пенсии и компенсации почтовых расходов в 950 червонцев, накопившихся за годы его пребывания в Сараеве⁵¹.

За несение службы в Боснии Щулепникова наградили орденом Св. Станислава 2-й степени. Известно, что ему была назначена пенсия⁵². Коллеги по МИД и дальше помогали семейству Щулепниковых. Проработавший с Щулепниковым несколько лет в качестве секретаря и заменивший его на посту консула в Сараеве А.Н. Кудрявцев предлагал выдать ссуду от правительства для погашения долгов экс-консула: «Могу смело поручиться, как знакомый с народом и турецкими властями, с интригами французов и происками австрийцев и католического духовенства, что с уплатою долга ст. советника Щулепникова начнется новая эра для императорского консульства, эра первенства, силы и влияния, эра любви народной и уважения к государю императору и его России»⁵³.

После увольнения Шулепникова потоки жалоб и расписок в МИД с просьбами о погашении его долгов не прекратились, однако министерство более никак не участвовало в их удовлетворении, отвечая, что Евграф Романович в ведомстве не числится с 1868 г. и МИД рекомендует направлять претензии лично к нему. Уже в октябре 1869 г. в министерство обратились Али-ага и Вели-ага, которые с момента открытия сараевского консульства и до начала 1869 г. служили при нем кавазами*. Шулепников не выдал им жалование в 550 дукатов на двоих, оставив за два дня до своего отъезда расписку на бланке консульства, что обязуется через год вернуть долг⁵⁴. Однако прошение о возврате этого долга поступало и в 1880 г. Тогда наследников кавазов направили в государственное казначейство⁵⁵. В 1895 г. российское консульство в Сараеве получило отношение из министерства иностранных дел Сербии с прошением о взыскании 150 дукатов (675 руб.) с Е.Р. Шулепникова в пользу вдовы из Белграда Юлки Йованович. Последняя была правозаступницей Софии Шишкович, покойный муж которой, аптекарь из Сараева Никола Джорджевич Дежулек, и ссудил названную сумму российскому консулу. К прошению прилагалась копия расписки Шулепникова от 30 апреля 1864 г., заверенная секретарем консульства Кудрявцевым⁵⁶. Получив отказ, Ю. Йованович вновь обратилась в российский МИД уже в 1897 г. В своем письме она сообщала, что в 1864 г. в Сараеве свирепствовала какая-то болезнь и российский император отдал распоряжение консулу раздать лекарства неимущим. Именно тогда Шулепников взял в аптеке Дежулека под расписку лекарства на 150 дукатов. Вдова аптекаря, со слов Ю. Йованович, была состоятельной дамой и не требовала возврата долга, но подарила эту облигацию Юлке. Последняя направляла прошение о выплате долга и на имя императора Николая II⁵⁷. В ноябре 1897 г. из российского консульства в Сараеве пришла справка от Г.В. Игельстрёма** следующего содержания: «В архивах вверенного мне консульства нет никаких следов о последовавшем высочайшем повелении для бесплатной выдачи лекарств

* Каваз — охранник консульства /посольства.

** Густав Викторович Игельстрём (Игельстром) (1855–?) — российский дипломат, консул в Сараеве в 1893–1914 гг.

бедным города Сараева и о том, чтобы в означенном выше году и в предшествовавшем свирепствовала какая-либо эпидемия в Боснии. Также обязательство Щулепникова, помянутое в прошении Йованович, нигде в консульских книгах не значится»⁵⁸.

Некоторые из присланных претензий вызывали большие сомнения. Возникали подозрения, что печально известной репутацией российского консула пытались воспользоваться мошенники и авантюристы. Помимо бюрократической волокиты и подрыва имиджа России, непогашенные долги Щулепникова приносили много и других неприятностей. Так, исследователь австро-венгерского периода истории Боснии Л.Ю. Пахомова отмечает в своей монографии, что в 1880-е годы, когда в консульстве после ремонта не осталось денег, начальство рекомендовало консулу М.М. Бакунину попросить средства в долг у местных банков. Однако, памятуя об огромных долгах Щулепникова, боснийцы отказали предоставить заём российскому дипломатическому представительству⁵⁹.

Дальнейшая судьба Е.Р. Щулепникова и его семьи

Переписка Е.Р. Щулепникова с Н.П. Игнатьевым свидетельствует о том, что последний помог ему после отставки устроиться на службу в министерство путей сообщения. До марта 1871 г. Евграф Романович был начальником станции на Московско-Смоленской железной дороге, затем занимал пост начальника станции I класса в г. Поти (Тифлисская железная дорога), но, с его слов, «вследствие разных интриг» уже весной 1872 г. был вынужден оставить службу и просил Игнатьева выхлопотать ему место в Одессе, Севастополе или на новой Харьковско-Николаевской⁶⁰ железной дороге⁶¹. В конце марта он намеревался покинуть Поти и направиться в Одессу. В письме к Игнатьеву от 28 апреля 1873 г. он указывал свой адрес: «Евграфу Романовичу Щулепникову, начальнику станции Корнешты (Белецкий уезд Бессарабской губернии, в 72 км к северо-западу от Кишенёва. — К. М.) Одесской железной дороги чрез станцию Кишенев»⁶². В деле о долговых претензиях к Щулепникову из 1895 г. стояла помета, что он давно скончался⁶³.

Мало что известно о судьбе семьи Евграфа Романовича. В российских архивах встречаются некоторые сведения о его сыновьях. Большое участие в их судьбе принимал лично Н.П. Игнатьев. По его протекции в 1866 г. 17-летний сын Шулепникова Георгий был допущен к экзаменам, а позже принят в учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте (самостоятельно изучил арабский и турецкий языки, хорошо знал историю, математику, географию и французский язык, со слов отца)⁶⁴. По окончании учебы Георгий Евграфович Шулепников служил при миссии в Константинополе. «Сын мой пишет мне, что ваше превосходительство очень милостиво расположены к нему и даже удостоили его представления к ордену Св. Станислава 3-й степени. <...> Я уверен, что сын мой сумеет оценить благосклонное ваше к нему внимание и употребить все свои старания и впредь заслуживать его», — писал Е.Р. Шулепников Н.П. Игнатьеву в марте 1872 г.⁶⁵. Однако в апреле 1873 г. произошел неприятный инцидент, который свидетельствует о том, что финансовое положение дел Шулепниковых по-прежнему оставалось в расстроенном состоянии. В фондах АВПРИ хранится «Дело о Шулепникове и пропаже из канцелярии посольства пакета с деньгами 750 руб. кредитными билетами»⁶⁶. В связи с исчезновением данного пакета, присланного из Одессы, были проведены розыскные мероприятия. Одним из подозреваемых стал Г.Е. Шулепников. Молодой человек находился в бедственном положении, было известно о его многочисленных долгах. На допросах он всячески отрицал причастность к этому делу, обыск также не дал результатов. Однако его фото было опознано галатским менялой и рядом свидетелей обмена им русских рублей на турецкие пиастры, после чего молодой Шулепников сознался в содеянном. 750 руб. превратились в 110 лир 77 пиастров (11 077 пиастров). Из этой суммы у него осталось 32 лиры 77 пиастров, остальное же он успел истратить на погашение долгов; среди займодавцев значатся английский магазин, книжная лавка, прачка, два ювелира. Выяснилось, что неоплаченных долгов у Г.Е. Шулепникова оставалось еще на 15 081 пиастр и 2 187 франков. Благодаря вмешательству Н.П. Игнатьева молодого человека пожалели. О проступке доложили начальству и отправили

виновника в Корнешты к отцу, оставив ему 10 лир на путевые расходы⁶⁷. «Об одном умоляю вас, сжалитесь над бедными родителями, которых убил позор сына, тогда как они надеялись гордиться и утешаться им на старости лет своих. Я понимаю, что он не может более продолжать службы по министерству иностранных дел, но мысль одна, что он может быть исключен из службы и даже предан суду, убивает меня. А потому прошу вас, будьте великодушны, простите его, постарайтесь устроить так, чтобы он мог быть уволен по прошению. Бог наградит вас за это доброе дело», — писал в отчаянии Шулепников-отец Н.П. Игнатьеву⁶⁸. Просьба бывшего российского консула в Сараеве была уважена, и уже в мае Игнатьев доверительно докладывал директору Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухову, что молодому человеку было предложено самому уволиться со службы⁶⁹. Шулепников сердечно благодарил Игнатьева за помощь, переслал ему доверенность на получение жалования на имя сына, которое должно было пойти на погашение долга перед министерством, и обещал выслать все средства, вырученные от продажи личных вещей Георгия. Но вместе с тем добавил: «К несчастью обстоятельства мои не позволяют мне помочь своими средствами для пополнения суммы, которая может покрыть моего сына позором, и даже уже покрыла бы его им без вашей великодушной снисходительности. [Страшная] болезнь сильно расстроила мои и без того скудные средства. А поэтому вынужденным нахожусь со слезами покорнейше просить вас оказать мне благодеяние, если возможно продолжить службу моего сына по крайней мере еще на один месяц, ибо тогда, я надеюсь, с усилиями с моей стороны сумма, взятая им, будет совершенно пополнена»⁷⁰. О том, как развивались события далее, история умалчивает.

Младший сын Шулепникова 12-летний Николай в ноябре 1869 г. по протекции Игнатьева был принят в первый класс Первой Санкт-Петербургской гимназии на одну из стипендий МИД с тем, чтобы в дальнейшем продолжить учебу на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета⁷¹. Курс обучения в гимназии он окончил в 1877 г.⁷², затем стал студентом университета⁷³. Однако Николай не стал дипломатом, а избрал карьеру адвоката. На 1897 год он являлся присяжным поверен-

ным⁷⁴ округа Санкт-Петербургской судебной палаты. Был членом Общества вспомоществования студентам Санкт-Петербургского университета, с мая 1896 г. выступал поверенным по делам Общества, с 1896 по 1897 гг. был членом долговой комиссии⁷⁵. Известно, что в 1898 г. Николай выступал поверенным Общества врачей-любителей физических упражнений и велосипедной езды, проживал в Санкт-Петербурге (Фурштадская ул. д. 8)⁷⁶.

Несмотря на то, что деятельность Е.Р. Щулепникова в Сараеве бросила тень на российское консульство, МИД не переставал помогать своему бывшему чиновнику, устраивая будущее его детей. Однако дипломатов из них не получилось.

Печальная история с долгами Щулепникова наглядно показывает, сколь важна репутация для дипломата и как сильно она влияет на отношение к стране, которую он представляет, а также свидетельствует о кадровых проблемах в российском МИД в рассматриваемый период.

Примечания

- ¹ Хатти-и хумаюн — указ султана Абдул-Меджида I от 18 февраля 1856 г., провозгласивший равенство всех жителей Османской империи независимо от вероисповедания.
- ² См.: Мельчакова К.В. Учёный в дипломатическом мундире. А.Ф. Гильфердинг в Боснии и Герцеговине (1857–1858 гг.) // Славяне и Россия: Историческое славяноведение и балканистика. К 75-летию основания Института славяноведения. Колл. монография / Отв. ред. С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 43–66. DOI 10.31168/2618-8570.2023.03.
- ³ Решид Мехмед-паша (с 26 октября 1856 г.), Кайни Мехмед-паша (с 1 июля 1858 г.), Калканделенли Акиф Мехмед-паша (с 18 по 27 ноября 1858 г.), Кайни Мехмед-паша (с 27 ноября 1858 г. (второй раз)), Осман Мазхар-паша Сулейманпашич (с 10 июня 1859 г.), Топал Шериф Осман-паша (с 18 декабря 1861 г. по 21 января 1869 г.). Практически со всеми генерал-губернаторами Щулепникову удалось установить хорошие отношения. Наибольшие сложности возникали с Кайни-пашой, который был недружелюбно настроен по отношению ко всем иностранным консулам. В июне 1862 г. султан пожаловал Щулепникову орден Меджедие 4-й степени (см.: АВПРИ. Ф. 154 (Азиатский департамент МИД). Оп. 710/1. Д. 311. 1857–1877 г. Л. 38–38 об.).
- ⁴ В отличие от А.Ф. Гильфердинга, Е.Р. Щулепникову удалось установить дружеские отношения с митрополитом Дионисием (1856–1860 гг.) и сменившим его митрополитом Игнатием II (1861–1868 гг.). Перед отъездом из Боснии Щулеп-

ников поспособствовал назначению Дионисия II Илиевича (1868–1871 гг.) на кафедру дабробосанского митрополита, направляя в Константинополь положительные характеристики на последнего. В будущем это обернулось огромной проблемой для Боснии и российской дипломатии, так как митрополит Дионисий II проявил себя не самым лучшим образом — как взяточник, манипулятор, интриган и развратник.

- ⁵ См. о М.Ф. Раевском: *Чуркина И.В.* Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М.: Институт славяноведения РАН, 2011.
- ⁶ АВПРИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 2322. Сараево. 1858 г. Л. 212.
- ⁷ В честь дня рождения императора Александра II российское консульство устроило в 1861 г. прием, на который были приглашены все османские чиновники и дипломатические представители других государств. Иностранные консулы, дабробосанский митрополит и приближенные пашы приняли приглашение. Отказался прийти только австрийский дипломат. Камнем преткновения стала просьба Шулепникова соблюсти протокол и одеться на прием по форме. Это требование австриец воспринял как неприемлемое, так как во время празднования дня рождения императора Франца Иосифа форма одежды для гостей была свободной. На некоторое время все контакты между российским и австрийским консульствами прекратились. См.: *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево: Веселин Маслеша, 1988. С. 40.
- ⁸ О служебной деятельности Е.Р. Шулепникова в Боснии см. подробнее: *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима...; *Мельчакова К.В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019.
- ⁹ Удалось установить имена трех детей в семье Шулепниковых: Евграф (род. в 1820 г.), Николай (род. в 1822 г., служил в министерстве внутренних дел) и Александра (год рождения неизвестен).
- ¹⁰ Р.С. Шулепников вращался в масонских кругах. По данным известного исследователя масонства в России Т.О. Соколовской, «Шулепников Роман Сергеевич, отст. флота капит. 2-го ранга, с 1817 г. кол. ас., чинов, в Мин. вн. д. В 1817–18 гг. 1-й надзир. ложи Елисавет. к Доброд. С 4 июня 1818 г. Вел. казначей Вел. провинц. ложи (великая провинциальная ложа) и 2-й блюститель храма в Капит. Феникса. Орденск. имя — Рыцарь Льва» // URL: <https://litmir.club/br/?b=272394&p=78> (дата обращения: 28.04.2024).
- ¹¹ См.: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 14 (Императорский Петроградский университет). Оп. 2. Д. 232. Об учреждении временной кафедры валахо-молдавского языка при СПб университете и об откомандировании для преподавания этого языка служащего в Азиатском департаменте титулярного советника Гинкулова // URL: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cgia/14/2/232> (дата обращения: 28.04.2024). Кафедра была упразднена в 1858 г.
- ¹² Соколов Капитон Александрович (1821–1863) — дипломат. Из петербургского купечества. По окончании Санкт-Петербургского университета служил в Азиатском департаменте МИД (1841 г.), драгоман вице-консульства в Яссах (1842 г.), младший драгоман генерального консульства в Бухаресте (1845 г.), старший драгоман там же (1854 г.), консул в Видине (1858 г.), Иерусалиме (1860–1862 гг.). Также известно о его службе в Египте, Сирии и Палестине. См.: Россия в Святой Земле. Документы и материалы в 3-х томах. Т. 2. М.: Международные отношения, 2000 // URL: https://azbyka.ru/otchnik/Nikolaj_Lisovoj/rossija-v-svjatoj-zemle-dokumenty-i-materialy-v-3-h-ttom-2/2#note185 (дата обращения: 28.04.2024); *Соколов К.А.* Путевые впечатления по Палестине

- и Сирии весной 1853 года. М.: Индрик, 2017. С. 9–16; Снимок К.А. Соколова с семьей // URL: <https://yakovlev-jerusalem.ru/1858-1914> (дата обращения: 28.04.2024).
- 13 О Николае Дурьгине биографических сведений найти не удалось. Известно, что он скончался в Бухаресте в 1845 г. См.: АВПРИ. Ф. 154 (Азиатский департамент МИД). Оп. 710/1. Д. 311. 1857–1877 гг. Л. 23.
 - 14 АВПРИ. Ф. 154 (Азиатский департамент МИД). Оп. 710/1. Д. 311. 1857–1877 гг. Л. 4–5.
 - 15 Там же. Л. 20–21.
 - 16 Там же. Л. 22; Там же. Ф. 161 (Главный архив). IV–6. Оп. 152. Награждения чиновников МИД. Л. 55 об. Д. 64. О пожаловании коллежскому секретарю Шулепникову 600 руб. и о выдаче оных под расписку. Дело сдано в макулатуру в 1941 г.
 - 17 Там же. Ф. 161 (Главный архив). IV–10. Оп. 129. Д. 1. 1846–1868 гг. Л. 2–3.
 - 18 Там же. Л. 4, 8–8 об.
 - 19 *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима... С. 37.
 - 20 АВПРИ. Ф. 154 (Азиатский департамент МИД). Оп. 710/1. Д. 311. 1857–1877 гг. Л. 3.
 - 21 Там же. Л. 28.
 - 22 Там же. Л. 32.
 - 23 Там же. Ф. 161 (Главный архив). IV–6. Оп. 152. Награждения чиновников МИД. Л. 92 об. Д. 15. Департамент квантанций Капитула орденов о получении от статского советника Катова 30 руб. сер. по ордену Св. Владимира 3 ст. и коллежского советника Шулепникова 18 руб. сер. по ордену Св. Анны 3 ст. Дело сдано в макулатуру в 1941 г.
 - 24 Там же. Ф. 154 (Азиатский департамент МИД). Оп. 710/1. Д. 311. 1857–1877 гг. Л. 33–35.
 - 25 Там же. Ф. 161/1 (Главный архив). Оп. 181/2. Д. 800. Сараево. 1858 г. Л. 65–66 об.; Там же. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 2322. Сараево. 1858 г. Л. 79–80.
 - 26 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы / Отв. ред. Ю.А. Писарев, М. Экмечич. М.: Наука, 1985. С. 141–146.
 - 27 См.: *Мельчакова К.В.* Место служения — Сараево. Первый дипломатический опыт А.С. Ионина // *Славяне и Россия. Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения И.С. Достяна* / Отв. ред. С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. DOI 10.31168/2618-8570.2021.09.
 - 28 ОПИ ГИМ. Ф. 347 (М.Ф. Раевский). Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 11 об.
 - 29 Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века / Отв. ред. С.А. Никитин. М.: Наука, 1975. С. 478–480; ОПИ ГИМ. Ф. 347 (М.Ф. Раевский). Оп. 1. Ед. хр. 79. 39 л.
 - 30 ОПИ ГИМ. Ф. 347 (М.Ф. Раевский). Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 19–20 об.
 - 31 Там же. Л. 32–32 об.
 - 32 См. подробнее: *Мельчакова К.В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России...
 - 33 АВПРИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 2330. Сараево. 1868 г. Л. 14.
 - 34 Там же. Л. 14–14 об.
 - 35 Там же. Л. 15–15 об.

- 36 Там же. Ф. 146 (Славянский стол). Оп. 495. К. 8. Д. 1463. 1895–1897 гг. 10 л.; Там же. Ф. 161 (Главный архив). IV–10. Оп. 129. 1858–1873 гг. Д. 1. 142 л.; Там же. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 2331. Сараево. 1869 г. Л. 132–135 об., 157–158.
- 37 ОПИ ГИМ. Ф. 347 (М.Ф. Раевский). Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 36–37.
- 38 *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима... С. 41.
- 39 АВПРИ. Ф. 161 (Главный архив). IV–10. Оп. 129. Д. 1. 1858–1873 гг. Л. 1–58.
- 40 Там же. Ф. 154 (Азиатский департамент МИД). Оп. 710/1. Д. 311. 1857–1877 гг. Л. 36.
- 41 Там же. Ф. 161 (Главный архив). IV–10. Оп. 129. Д. 1. 1858–1873 гг. Л. 5–5 об.
- 42 Там же. Л. 6.
- 43 Там же. Л. 7–8 об., 10–10 об.
- 44 Там же. Л. 57.
- 45 ОПИ ГИМ. Ф. 347 (М.Ф. Раевский). Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 36 об.–37.
- 46 ГА РФ. Ф. 730 (Игнатъев Н.П.). Оп. 1. Д. 4220. Л. 5 об.
- 47 АВПРИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/1. Д. 2327. Сараево. 1865 г. Л. 36–36 об.
- 48 ГА РФ. Ф. 730 (Игнатъев Н.П.). Оп. 1. Д. 4220. Л. 3.
- 49 Там же. Л. 3 об.
- 50 Там же. Л. 7, 8а.
- 51 Там же. Л. 8а.
- 52 АВПРИ. Ф. 146 (Славянский стол). Оп. 495. К. 8. Д. 1463. 1895–1897 гг. Л. 2–2 об.
- 53 Там же. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 2330. Сараево. 1868 г. Л. 16–16 об.
- 54 Там же. Д. 2331. Сараево. 1869 г. Л. 132–135 об.
- 55 Там же. Ф. 146 (Славянский стол). Оп. 495. К. 8. Д. 1463. 1895–1897 гг. Л. 1–2 об.
- 56 Там же. Л. 3–5 об.
- 57 Там же. Л. 6–9 об.
- 58 Там же. Л. 10–10 об.
- 59 *Пахомова Л.Ю.* Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). М.: Индрик, 2021. С. 103–104.
- 60 Харьковско-Николаевская железная дорога строилась на частные средства в 1868–1871 гг.
- 61 ГА РФ. Ф. 730 (Игнатъев Н.П.). Оп. 1. Д. 4220. Л. 9–10.
- 62 Там же. Л. 11 об.
- 63 АВПРИ. Ф. 146 (Славянский стол). Оп. 495. К. 8. Д. 1463. 1895–1897 гг. Л. 5–5 об.
- 64 Там же. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 2328. Сараево. 1868 г. Л. 22–22 об., 40–40 об.
- 65 ГА РФ. Ф. 730 (Игнатъев Н.П.). Оп. 1. Д. 4220. Л. 10.
- 66 АВПРИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 6083. 1873 г. 24 л.
- 67 Там же. Л. 6–7 об.
- 68 ГА РФ. Ф. 730 (Игнатъев Н.П.). Оп. 1. Д. 4220. Л. 11–11 об.
- 69 АВПРИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 6083. 1873 г. Л. 5.
- 70 ГА РФ. Ф. 730 (Игнатъев Н.П.). Оп. 1. Д. 4220. Л. 12–13.

- ⁷¹ АВПРИ. Ф. 154 (Азиатский департамент МИД). Оп. 710/1. Д. 311. 1857–1877 гг. Л. 46–49 об.
- ⁷² Там же. Л. 3.
- ⁷³ См. личное дело студента Николая Евграфовича Шулепникова: ЦГИА СПб. (Императорский Петроградский университет). Оп. 3. Д. 19848. 11.08.1877 г. // URL: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cgia/14/3/19848> (дата обращения: 28.04.2024).
- ⁷⁴ Присяжными поверенными могли быть лица, имеющие аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук, если они, сверх того, прослужили не менее 5 лет по судебному ведомству в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел, или также не менее 5 лет состояли кандидатами на должности по судебному ведомству, или же занимались судебной практикой под руководством присяжных поверенных в качестве их помощников (ст. 354 учр. суд. уст.). См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственною канцеляриею. Часть третья. Учреждение судебных установлений. СПб., 1867.
- ⁷⁵ Общество вспомоществования студентам императорского С.-Петербургского университета. Очерк деятельности долговой комиссии за 1887–1897 гг. С. 3, 25, 28 // URL: https://history.museums.spbu.ru/files/deloproisvodstvennaya_dokumentaciya/Ocherk_deyatelnosti_dolgovoi_komissii.pdf (дата обращения: 28.04.2024).
- ⁷⁶ См.: Отчет о деятельности Общества врачей-любителей физических упражнений за время 1897–1902 гг. с приложением подробного отчета о процессе Общества с врачом-гомеопатом А. Лауром и краткой биографии и портрета первого почетного члена Общества Александра Андреевича Грау. Санкт-Петербург, 1903. С. 39–65 // URL: <https://1796web.com/homeopathy/history/laur.htm> (дата обращения: 28.04.2024).

Российская дипломатия и Константинопольская конференция 1876–1877 гг.

Осенью 1876 г. Российская империя встала на путь военной конфронтации с Османской империей. Россия стремилась улучшить положение христианских народов на Балканах, но чем глубже развивался Восточный кризис, тем более очевидной становилась неотвратимость войны. Тем не менее, канцлер Российской империи, министр иностранных дел князь Александр Михайлович Горчаков (1798–1883) искал пути мирного урегулирования. Отечественный историк В.Н. Виноградов писал, что Горчаков «не был бы самим собой, если бы не исчерпал до конца возможности мирного урегулирования кризиса»¹.

В этой связи наиболее важным событием этого периода был созыв Константинопольской конференции великих держав в конце 1876 г. С одной стороны, Россия видела ее успех в том, что европейские страны вместе выступят против насилия Высокой Порты в отношении христианского населения, и смогут заставить Османскую империю принять условия, которые отдалили бы или в принципе исключили обострение конфликта. С другой стороны, позиция России была построена таким образом, что, в случае провала мирной инициативы, получится максимально исключить возможность участия европейских держав в дальнейшей эскалации. Российским дипломатам нужно было найти компромисс не только с Высокой Портой, но и с Австро-Венгрией, прямым интересантом в решении кризиса, и с Великобританией, стремившейся ограничить влияние Российской империи в регионе².

Тема Константинопольской конференции 1876–1877 гг. всегда занимала специалистов по истории Восточного кризиса и международных отношений. В 1986 г. в издательстве «Наука»

вышла книга «Международные отношения на Балканах 1856–1878 гг.», в которой делается вывод о том, что подготовленный российской стороной проект минимальных уступок был необходим для успокоения австрийских и английских представителей³. Одним из факторов, повлиявших на изменение политики Лондона в январе 1877 г., отмечается страх англичан перед растущей угрозой Германской империи⁴. В коллективной монографии «Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в.» подчеркивается, что Российской империи удалось в ходе прелиминарных заседаний добиться значительных уступок в части автономии Боснии, Герцеговины и Болгарии⁵. В исследовании заключается, что Россия не верила в обещания Порты провести эффективные реформы, и что «...В этих условиях русско-турецкая война становилась неизбежной»⁶. Вопрос об автономии Боснии и Герцеговины на Константинопольской конференции рассмотрела в своей кандидатской диссертации отечественный историк Е.К. Вяземская⁷. Автор отмечает, что важным историческим значением конференции было рассмотрение болгарского вопроса, и несмотря на то, что Порта отклонила предложения великих держав, их предложения сыграли определенную роль в государственном развитии Болгарии в будущем⁸. Дипломатической деятельности европейских стран посвящены многочисленные исследования В.Н. Виноградова⁹. Автор пишет, что, несмотря на последовательное противодействие русской политике, Великобритания не хотела развязывать войну из-за кризиса в Османской империи¹⁰. Болгарский ученый И.И. Стоянов в своей работе затронул тему русского проекта автономии Болгарии, который был представлен на Константинопольской конференции¹¹.

В рамках данного исследования будет рассмотрено то, как российские дипломаты осуществляли подготовку к конференции и какие задачи стояли перед послом России в Константинополе графом Николаем Павловичем Игнатьевым (1832–1908). Автором впервые использованы ранее не опубликованные материалы Архива внешней политики Российской империи (далее — АВП РИ) и Государственного архива Российской Федерации (далее — ГА РФ).

1 ноября 1876 г.* Российская империя предъявила ультиматум Османской империи в связи с разгромом Сербского княжества в ходе сербско-турецкой войны. А.М. Горчаков писал консулу в Рагузе (Дубровнике) Александру Семеновичу Ионину (1837–1900) и генеральному консулу в Белграде Андрею Николаевичу Карцову (1835–1907), что послу в Константинополе графу Н.П. Игнатьеву предписывается объявить Высокой Порте, что «...если она в 2-х дневный срок не примет перемирия на 6 недель или на 2 месяца, то посол выедет из Константинополя со всем посольством и дипломатические сношения будут прерваны»¹². Император Александр II, и А.М. Горчаков уже в этот период настаивали на проведении международной конференции по урегулированию кризиса. Канцлер надеялся, что мирное решение балканского вопроса найдет поддержку у Франции и Италии¹³. Посол Великобритании в Российской империи Огастес Лофтус (1817–1904) в своих мемуарах отмечал, что когда он приехал в Ливадию, Горчаков предложил Великобритании провести конференцию. Это произошло за несколько часов до того, как Лофтус узнал об ультиматуме Османской империи¹⁴. Горчаков также высказал пожелание организовать встречу представителей шести держав перед конференцией для разработки и согласования предложений по урегулированию кризиса. Результаты этих встреч должны были быть представлены Высокой Порте на официальном заседании конференции. О. Лофтус писал: «...Россия должна настаивать на таких реформах в отношении статуса христиан в трех провинциях, которые окажутся “реальными”, а не просто “фразами”, и что Порта должна предоставить “контроль” или “гарантии” для их надежного исполнения»¹⁵. К этому моменту Сербское княжество, участвовавшее вместе с Черногорией в войне против Турции, оказалось на грани разгрома. Стремления России были направлены на спасение сербского народа от жестокой расправы и предотвращение гуманитарной катастрофы: еще были свежи воспоминания о жестоком подавлении Апрельского восстания в Болгарии 1876 г.

* Даты приведены в соответствии с Григорианским календарем.

13 ноября 1876 г. в России императором был подписан указ о мобилизации. До января 1877 г. было мобилизовано 286 батальонов полевых и казачьих войск, 4 полбатальона пехоты и инженерных войск, 34 пластунских сотни, 363 эскадрона, 1 154 орудия и 38 артиллерийских и инженерных парков¹⁶. В целом численность мобилизованных войск по штатам военного времени возросла до 460 тыс. человек¹⁷. Осознание неизбежности войны и начало подготовительных процессов, в том числе и мобилизации, не означало, однако, что Российская империя отвергала возможности дипломатического решения кризиса.

Практически вся осень 1876 г. прошла в обсуждении возможных мер, которые должна была принять Османская империя для того, чтобы улучшить положение христиан. Российская сторона, выступавшая защитницей их интересов, стремилась привнести мир на Балканы и, несмотря на военные приготовления, до самого конца стремилась урегулировать кризис с помощью дипломатии. Российские дипломаты пытались заручиться если не поддержкой, то хотя бы согласием в части проекта урегулирования кризиса со стороны государств-участниц конференции. На это указывают инструкции Горчакова Игнатьеву от 23 декабря 1876 г., в которых говорится: «...ценой нескольких уступок мы добились главной цели, а именно поддержания соглашения между великими христианскими державами...»¹⁸.

На 4 ноября 1876 г. в Лондоне было назначено заседание кабинета министров. На нем было принято решение о том, что министр иностранных дел Великобритании Эдуард Генри Стенли, 14-й граф Дерби (1826–1893) пригласит великие державы на конференцию. В этот же день российская сторона получила конкретные предложения о ее созыве. Помимо Российской империи и Великобритании, в Константинополь своих представителей согласились направить Австро-Венгрия, Германская империя, Франция и Италия. Делегаты от Османской империи должны были появиться на официальной части конференции, тогда как представители великих держав согласились провести прелиминарные встречи без участия Высокой Порты. В качестве целей конференции предполагались урегулирование отношений Сербии и Черногории, с одной стороны, и Османской империи,

с другой, а также оформление плана по изменению статуса Болгарии, Боснии и Герцеговины¹⁹.

Представлять интересы Российской империи на конференции должен был граф Н.П. Игнатъев. Еще в мае 1876 г. после переворота против турецкого султана Абдула-Азиза российский дипломат покинул Константинополь. Уже в ходе обсуждений о возможной конференции в октябре 1876 г. в Ливадии, выбор пал на него, и он отправился в Константинополь²⁰.

Важным пунктом в подготовке стратегии российской стороны было создание проектов преобразования Болгарии и Боснии и Герцеговины. По инициативе Н.П. Игнатъева было подготовлено два проекта по Болгарии: проект-максимум и проект-минимум. Проект-максимум Юджина Скайлера (1840–1890) и Алексея Николаевича Церетелева (1848–1883) был составлен с учетом местных условий и программ будущего устройства Болгарии. Говоря о подготовке своего проекта автономии Болгарии, Скайлер писал: «Перед заседанием конференции генерал Игнатъев пришел ко мне и сказал, что убежден, что конференция закончится ничем, если не будет предложен какой-то план или схема для рассмотрения; что они будут слишком торопиться с выработкой каких-либо мер для Болгарии. Поэтому он предположил, что как человек достаточно хорошо знакомый с нынешним положением болгарского народа, я должен сотрудничать с князем Церетелевым и еще одним из его секретарей в части подготовки какой-то схемы правления, которая могла бы быть представлена Конференции на одобрение»²¹. Проект Скайлера-Церетелева предполагал создание кантонов, которые бы пользовались более широким самоуправлением, сами занимались бы организацией строительства путей сообщения, созданием полиции, распределением налогов и пр.²². Сам Н.П. Игнатъев отмечал, что проект Скайлера-Церетелева был необходим для оказания влияния на английских журналистов, и высказывал надежду, что он будет иметь значение для дипломатов, собравшихся в Константинополе²³.

Ознакомившись с проектами устройства Болгарии, А.М. Горчаков поручил Н.П. Игнатъеву сначала представить проект Скайлера-Церетелева, и, если тот встретит сопротивление, предло-

жить проект-минимум. Горчаков писал: «Это покажет, что мы не стремимся к диктатуре, в чём нас обвиняют. Возможно, что проект-минимум соберет большинство своей умеренностью...»²⁴. Если оба проекта будут отвергнуты представителями держав, то Игнатьев должен был закрепить их в протоколах прелиминарных заседаний и повторить на официальной части конференции. Если бы при обсуждении от представителей поступили серьезные гарантии и предложения, то он должен был принять их *ad referendum*, то есть документ может быть подписан им как представителем, но при этом передан на подтверждение высшей инстанцией²⁵.

Общие требования Игнатьева по Болгарии подразумевали два этапа реализации. На первом этапе предполагалось разоружение мусульман и вывод иррегулярных войск с территории Болгарии; наказание виновных в резне, устроенной весной 1876 г.; возмещение ущерба за счет мусульман, участвовавших в апрельских зверствах; пересмотр результатов трибуналов и освобождение арестованных христиан. Второй этап предполагал административную реформу, а именно:

1. Введение местной автономии;
2. Отмену десятины и контроль за распределением налогов местными жителями;
3. Употребление местного языка в судах и управлении;
4. Организацию местной милиции и полиции с участием христиан;
5. Назначение генерал-губернатора со сроком на пять лет под контролем держав-поручительниц²⁶.

Общие требования по Боснии и Герцеговине заключались в следующих тезисах:

1. Организация автономии в Боснии и Герцеговине и назначение Портой генерал-губернатора со сроком на пять лет под контролем международной комиссии;
2. Переговоры турецких властей с повстанцами под контролем международной комиссии;
3. Предоставление Высокой Портой средств на восстановление церквей и домов, а также на поддержку крестьян, пострадавших во время кризиса;

4. Облегчение выкупа земель и продажа государственных земель христианам;
5. Равное распределение оружия между мусульманами и христианами, то есть в местах, где христиане и мусульмане носят оружие, оно у них не изымается, а в Боснии, где вооружены только мусульмане, должно быть произведено их разоружение под контролем международной комиссии²⁷.

В части Сербии было предложено обеспечить: эвакуацию сербских войск со сроком в 8–10 дней; амнистию турецким подданным, участвовавшим в сербско-турецкой войне на стороне Сербии; обмен пленными; передачу Сербии Малого Зворника. Черногория по российскому проекту также получала некоторые территориальные уступки²⁸.

Министр иностранных дел Сербского княжества Йован Ристич (1831–1899) просил допустить сербских представителей на конференцию, но российская сторона выступала против их присутствия²⁹. Черногорский князь Никола (1841–1921) также хотел, чтобы представители Черногории были на конференции. Горчаков писал 5 ноября: «Конференция откроется в Константинополе, куда ни князь Николай, ни князь Милан не могут послать своих агентов, и, вероятно, сами этого не желают»³⁰. Говоря о нежелании Милана и Николы присутствовать на конференции, можно предположить, что Горчаков скорее всего имел в виду последствия, которые могло бы вызвать их присутствие. Для российских дипломатов необходимо было исключить любой повод усомниться в искренности позиции мирного решения кризиса, а присутствие сербских и черногорских представителей могло быть воспринято европейскими державами и Портой исключительно негативно. Похожую позицию занимал Н.П. Игнатьев, с поправкой, что присутствие агентов Сербии и Черногории в Константинополе, по его мнению, могло бы быть полезным. В своей телеграмме он писал: «Ристич предлагает князю Николаю запросить участие в конференции сербских и черногорских агентов. Князь Николай спросил мое мнение, и я ответил, что державы, вероятно, не допустят агентов, особенно из Сербии, которая является вассалом, но что присутствие в Константинополе агента, отвечающего за интересы княжеств, не может быть

бесполезным»³¹. Игнатъев озвучил это желание Сербии и Черногории на прелиминарном заседании, где было решено отказать в присутствии их делегатов на официальной части конференции.

Для того, чтобы подготовиться к конференции, российским дипломатам необходимо было выработать программу, которая могла бы не только улучшить положение христиан на Балканах, но и была бы одобрена странами-участницами.

Австро-Венгрия настаивала на соблюдении своих интересов на предстоящей конференции. Позиция министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Дьюлы Андраши (1823–1890) и императора Франца-Иосифа I (1830–1916) заключалась в том, что великие державы должны были настоять на прекращении огня и поддержать предложение Великобритании по мирному урегулированию кризиса³². При этом Вена стремилась реализовать свои интересы в части территориальных преобразований на Балканах. Так, русский посол Евгений Петрович Новиков (1826–1903) писал из Вены, что Андраши видит Боснию и Герцеговину исключительно как «территорию своего влияния»³³. В личной беседе Андраши с российским послом венгерский министр пояснил, что если бы Россия была вынуждена воевать против Турции, она могла бы оккупировать турецкую территорию без сопротивления со стороны монархии, но Петербургу пришлось бы смириться с тем, что Австро-Венгрия оккупирует Боснию и Герцеговину без объявления войны Османской империи и что это произойдет не на время, а навсегда³⁴. 8 декабря Н.П. Игнатъев отправил сообщение Горчакову, что Австро-Венгрия против уступок Черногории портов³⁵.

Определенные сложности возникли и в части взаимоотношений с Германской империей. Еще до предложения Великобритании о проведении конференции Александр II и А.М. Горчаков отправили письма императору Германской империи Вильгельму II (1859–1941) и канцлеру Отто фон Бисмарку (1815–1898), в которых призвали их не оставаться безучастными в сложной ситуации. Так, Горчаков писал: «Вопрос, который необходимо решить, не является ни немецким, ни русским: он европейский.

Все державы согласны с целью: улучшение судьбы христианского населения под османским игом, но мы расходимся во мнениях относительно средств его достижения. Мы не видим других решений, кроме принудительных мер, свободных от каких-либо личных взглядов»³⁶. В дальнейшем Бисмарк комментировал это так: «В данном случае и Россия, и Англия пытаются попеременно впрячь нас, европейцев, в повозку своей политики»³⁷. В этой связи интересным источником является мемуарная записка посла Германской империи в России генерала Ганса Лотара фон Швейница (1822–1901). В ней он указывает, что Бисмарк выступал против каких-либо гарантий в пользу России, только если Петербург не согласится поддержать Германскую империю в вопросе Эльзаса и Лотарингии. Тем не менее, как отмечает Швейниц, в полученных инструкциях содержался запрет связывать Германию каким-либо договором-гарантией с Россией. Швейниц пишет: «...Это сделало для меня невозможным решительно следовать идее Бисмарка пройти через все трудности, чтобы гарантировать Эльзас-Лотарингию»³⁸. Сам Бисмарк не верил в успех конференции, а также не беспокоился относительно новой русско-турецкой войны, но большую опасность он видел в новой европейской войне. Говоря о позиции Германии по конференции, статс-секретарь министерства иностранных дел Германской империи Бернхард Эрнст фон Бюлов (1810–1879) писал послу Германской империи в Лондоне Георгу Герберту Мюнстеру (1820–1902), что представитель Великобритании на Константинопольской конференции Роберт Артур Талбот Гаскойн-Сесил, 3-й маркиз Солсбери (1830–1903) спросил канцлера Бисмарка, верит ли он в ее успех, на что последний ответил: «...Если конференции не приведут к цели, то мы находимся только на втором этапе: вероятности продвижения российских войск в Турцию и, следовательно, начала войны между Россией и Турцией. Но даже при этом европейский мир не будет потревожен»³⁹. Как основу договорной позиции Германская империя также приняла британскую программу.

Наиболее проблемным оппонентом политики России выступал Лондон. Великобритания, опасавшаяся расширения Российской империи, стояла на позиции сохранения территориаль-

ных границ Османской империи. Еще в начале войны Сербии и Черногории против Турции, посол в Великобритании граф Петр Андреевич Шувалов (1827–1889) писал: «Первые известия о боях между османской армией и сербскими и черногорскими войсками не преминули произвести здесь сильное впечатление <...> Общая тенденция, несомненно, заключалась в том, чтобы интерпретировать эти новости в благоприятном для Турции смысле»⁴⁰. Тем не менее, Англия начала посреднические действия в решении конфликта еще в августе 1876 г., к которым в МИД Российской империи относились со скепсисом, отмечая, что они были мотивированы «...желанием иметь возможность позже сказать, что именно Англии принадлежала инициатива процесса умиротворения», и в дальнейшем оправдаться за позицию Лондона в отношении резни в Болгарии весной 1876 г.⁴¹

Позитивной новостью для русской дипломатии стал выбор маркиза Солсбери в качестве одного из представителей на Константинопольской конференции. В отличие от посла Великобритании в Константинополе Генри Эллиота (1817–1907), премьер-министра Бенджамина Дизраэли (1804–1881) и самой королевы Виктории (1819–1901), с особой настороженностью относившихся к российской внешней политике, Солсбери был приемлемым кандидатом, который исходил из возможностей договориться с российской стороной. Как писал Шувалов в своем письме Горчакову: «Личность лорда Солсбери нас несколько вдохновляет <...> Очень важно, чтобы личная политика лорда Биконсфилда, или подготовка общественного мнения в Англии, не мешала его действиям»⁴². Говоря об инструкциях министра иностранных дел Великобритании маркизу Солсбери, стоит выделить основные пункты, которые представителю Великобритании предстояло отстаивать на конференции: 1. Независимость и территориальная целостность Османской империи; 2. Декларация державами отсутствия намерений добиваться любых территориальных изменений за счет Османской империи; 3. Подготовка основ мирного урегулирования⁴³. Последний пункт подразумевал закрепление status quo между Высокой Портой, с одной стороны, и Сербией и Черногорией, с другой. Важным подпунктом мирного урегулирования, в соответствии с инструкцией графа Дерби, предполага-

лось предоставление Боснии и Герцеговине широкой административной автономии. Именно эти позиции Лондона обсуждались маркизом Солсбери с Н.П. Игнатьевым во время первых встреч в конце ноября 1876 г.

9 ноября А.М. Горчаков инструктировал посла в Великобритании П.А. Шувалова: «Пожалуйста, воздержитесь от каких-либо преждевременных переговоров с Солсбери <...> у нас нет никакой корыстной точки зрения, и мы твёрдо привержены серьезному и гарантированному улучшению судьбы христиан Боснии, Герцеговины, Болгарии. Постарайтесь ускорить отъезд Солсбери в Константинополь»⁴⁴.

Напряжение между Россией и Великобританией достигло таких пределов, что произошел взаимный обмен колкостями. 9 ноября Б. Дизраэли выступил на банкете лорда-мэра в Гилдхолле с речью, где заявил о том, что Англия не хотела бы войны, но готова к ней. Он заявил: «Нет ни одной страны, которая была бы так заинтересована в достижении мира, как Англия <...> Но хотя политикой Англии является мир, нет ни одной страны, которая была бы так хорошо подготовлена к войне, как наша <...> Она не та страна, которая, вступая в кампанию, должна спрашивать себя, сможет ли она поддержать вторую или третью кампанию»⁴⁵.

11 ноября 1876 г. император Александр II выступил в Георгиевском зале Кремлевского дворца с речью, в которой сказал: «Желаю весьма, чтобы мы могли прийти к общему соглашению; если же оно не состоится и Я увижу, что мы не добьемся таких гарантий, которые обеспечивали бы исполнение того, что мы вправе требовать от Порты, то Я имею твёрдое намерение действовать самостоятельно и уверен, что в таком случае вся Россия отзовется на мой призыв, когда Я сочту это нужным и честь России того потребует...»⁴⁶. Являлась ли речь императора ответом на воинственные призывы британского премьер-министра или нет, — не имеет существенного значения, обмен воинственными призывами указывает, насколько сильно были напряжены отношения и что стороны должны сделать максимум возможного для снижения конфронтации и исключения большой войны в Европе.

5 декабря 1876 г. Солсбери прибыл в Константинополь. Этому предшествовала его поездка по странам, участие которых планировалось на конференции. В ходе ее он получил заверения от Франции, Италии, Австро-Венгрии и Франции в поддержке позиции Великобритании в вопросах мирного урегулирования и неделимости территории Османской империи. В Константинополе ему предстояла встреча с Н.П. Игнатьевым. Ожидалось, что двух дипломатов будет ждать тяжелая дискуссия по всем возможным вопросам, по которым сталкивались интересы Петербурга и Лондона. Тем не менее Игнатьев проявил готовность к переговорам, и дипломатам удалось договориться о предоставлении автономии трем южнославянским провинциям⁴⁷. После первой встречи с Солсбери Игнатьев писал Горчакову: «Солсбери произвел на меня прекрасное впечатление, и мне кажется, что я не дал ему знать, что собирался сделать. Мы откровенно поговорили 2 часа, затронув все темы наших дальнейших обсуждений <...> Завтра вернусь домой: мы расстались, пообещав друг другу сделать всё возможное, чтобы избежать недоразумений, конфликтов и войны»⁴⁸. Сам Солсбери отмечал, что из всех пунктов, обсуждаемых с Игнатьевым, самым сложным был контроль за исполнением требований предполагаемой международной комиссии⁴⁹. По остальным пунктам между двумя представителями держав на конференции не было особых возражений.

Б. Дизраэли не был сторонником предоставления автономии восставшим провинциям Османской империи. Как писал В.Н. Виноградов: «...странно было бы требовать этого от видного представителя партии тори, отказывавшей ирландцам в гомруле»⁵⁰. Дизраэли не хотел развязывать большую европейскую войну из-за Балкан и рассчитывал решить кризис дипломатическим путем. Так, военный министр Гаторн Гаторн-Гарди, граф Крэнгбрук (1814–1906) в своих мемуарах, основанных на его дневниковых записях и письмах, отмечал, что по вопросам конференции с участием представителей Российской империи турецкий султан Абдул-Хамид II (1842–1918) консультировался с послом Великобритании в Константинополе сэром Г. Эллиотом. Последний дал совет — полностью отдаться в руки участвующих в переговорах великих держав, и, если это будет сделано, «...правительство

Ее Величества могло бы оказать благотворное влияние на принимаемые решения, но в противном случае оно будет бессильно в предотвращении последствий, которые могут быть фатальными для Империи»⁵¹.

Конференция представителей великих держав проходила с 23 декабря 1876 г. по 20 января 1877 г. С 23 декабря по 4 января проводились прелиминарные заседания без участия Турции.

Несмотря на выверенную позицию, уже на этапе прелиминарных заседаний Игнатъев отмечал, что в эти дни проводились «...долгие дискуссии об организации автономии. Я сталкиваюсь, — писал он, — с большими трудностями в каждой детали и вынужден постоянно писать Эллиоту»⁵². В другой телеграмме Игнатъев сообщал: «Чтобы не останавливать работу, нам пришлось договориться, что наши решения станут обязательными для держав только по окончании предварительных встреч»⁵³. Тем не менее, Н.П. Игнатъев добился единства держав по вопросам автономии Боснии, Герцеговины и Болгарии, и прелиминарные соглашения прошли в соответствии с планами российской стороны: участники выработали коллективную позицию и готовы были предложить ее уже на официальных заседаниях конференции⁵⁴. Но на первом из них Высокая Порта провозгласила новую конституцию и в дальнейшем настаивала на том, что в предоставлении автономии Боснии, Герцеговине и Болгарии уже нет нужды, поскольку новая конституция в полной мере гарантирует улучшение положения всех подданных султана. В торжественном провозглашении конституции немаловажную роль сыграл Г. Эллиот⁵⁵. Н.П. Игнатъев писал, что Мидхат-паша смог положиться на протекцию Великобритании, чтобы «...скомпрометировать наши действия путем провозглашения конституции»⁵⁶. 20 января 1877 г. Высокая Порта отвергла все предложения великих держав, что привело к отъезду их представителей из Константинополя. Игнатъева беспокоило, что в Константинополе оставался Г. Эллиот, который мог воспользоваться «этим временем для начала новых интриг»⁵⁷. Как писал Игнатъев, английский дипломат «дал слово джентльмена при свидетелях», что не будет заниматься политикой во время своего

пребывания в Константинополе⁵⁸. Тем не менее, за время своего пребывания там Эллиот сделал всё возможное, чтобы поддерживать отношения с Турцией в противовес интересам России⁵⁹.

Обращаясь к истории подготовки российской дипломатии к Константинопольской конференции, перед исследователем встает вопрос: насколько оправданны были все эти многочисленные договоренности, поиски компромисса с английской стороной, подготовка проектов реформ для Боснии, Герцеговины и Болгарии? Подобная постановка вопроса может порождать многочисленные дискуссии. В ходе конференции Н.П. Игнатьев, строго следуя инструкциям, пришел к компромиссу с английскими представителями и нашел пути достижения согласия со всеми странами-участницами, основываясь на последовательной стратегии МИД Российской империи. Еще 8 января 1877 г. граф Дерби ответил на телеграмму представлявшего на конференции Османскую империю Савфета-паши (1814–1883), в которой последний высказывал надежду на дружескую поддержку правительства Великобритании, следующее: «...хотя правительство Ее Величества само не обдумывает и не угрожает применением активных мер принуждения в случае отказа Порты, Турция не должна обращаться к Англии за помощью или защитой, если этот отказ приведет к войне с другими странами <...> им не следует ожидать от этой страны никакой поддержки в препятствии предложенным им договоренностям»⁶⁰. 22 января Игнатьев изложил Горчакову содержание личных бесед с маркизом Солсбери и отметил, что британский представитель «...рад, что европейское соглашение стало результатом наших обсуждений <...> при отсутствии определенной программы, мы немедленно открыли бы пленарные конференции и местные интриги могли бы сбить с толку не только полномочных представителей, но и сами державы и, в конечном итоге, привели бы к всеобщей войне»⁶¹.

По результатам Константинопольской конференции у России не получилось сойти с пути, ведущего к войне с Османской империей. Тем не менее, немаловажным ее следствием стало то, что на этот раз удалось отдалить перспективу большой войны в Европе. Это во многом обуславливалось профессиональной и многоуровневой подготовкой отечественных дипломатов.

Примечания

- 1 *Виноградов В.Н.* Балканская эпопея князя А. М. Горчакова. М.: Наука, 2005. С. 213.
- 2 Там же.
- 3 *Международные отношения на Балканах 1856–1878 гг.* М.: Наука, 1986. С. 309.
- 4 Там же.
- 5 *Восточный вопрос во внешней политике России.* М.: Наука, 1978. С. 210.
- 6 Там же. С. 211.
- 7 *Вяземская Е.К.* Восстания в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1875 — апрель 1877): дис... канд. ист. наук. М., 1984. С. 210.
- 8 Там же. С. 177.
- 9 *Виноградов В.Н.* Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М.: Наука, 2005. С. 480; *он же.* Балканская эпопея князя А. М. Горчакова. С. 302.
- 10 *Виноградов В.Н.* Дипломатия великих держав в тупике Восточного кризиса // История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: URSS; КРАСАНД, 2013. С.167.
- 11 *Стоянов И.И.* Российские проекты восстановления болгарской государственности накануне Константинопольской конференции великих держав 1876 г. // Русско-турецкая война 1877–1878 гг.: надежды — перипетии — уроки. Сб. науч. статей / Отв. редакторы — С. И. Данченко, Ю. А. Созина. М.: Институт славяноведения РАН; Библиотека иностранной литературы, 2020. С. 11–22.
ГА РФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1463. Л. 169.
- 12 *Вяземская Е.К.* Восстания в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия. С. 155.
- 13 *Loftus A.* Diplomatic reminiscences. London: Cassell and company, 1894. Vol. II. P.179.
- 14 *Ibidem.*
- 15 Описание русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове и Особое прибавление. СПб.: Воен.-истор. комиссия Гл. штаба, 1901. Т. 1. С. 254.
- 16 Там же.
- 17 Gorchakov A.M. to Ignatyev N.P. St. Petersburg, 1876 / Russo-British Relations during the Eastern Crisis // The Slavonic Review. London: University College London, 1925. Vol. 4. No. 11. P. 455.
- 18 *Стоянов И.И.* Российские проекты восстановления болгарской государственности. С. 16.
- 19 *Вяземская Е.К.* Восстания в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия. С. 162.
- 20 *Schuyler E.* United Bulgaria // The North American Review. Iowa: University of Northern Iowa. 1885. Vol. 141. № 348. P.467.
- 21 Игнатъев Н.П. — Горчакову А.М. Константинополь, 1876 // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. М.: Издательство АН СССР, 1961. Т. 1. С. 496.
- 22 Там же.
- 23 Там же. С. 511.
- 24 Горчаков А.М. — Игнатъеву Н.П. 1876 // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 511.
- 25 Игнатъев Н.П. — Горчакову А.М. Константинополь, 1876 // Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 551–552.
- 26 Там же. С. 551.

²⁸ Там же. С. 550–551.

²⁹ Кузьмичева Л.В. «Над Сербией смилуйся ты, Боже!». Очерки истории русско-сербских отношений накануне и в годы Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. Београд: Графо- сан, 2022. С. 263.

³⁰ ГА РФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 1463. Л. 223.

³¹ АВП РИ. Ф.133. Оп. 470. Д. 35. Л. 496.

³² Wertheimer E. v. Graf Julius Andrassy. Sein leben und seine zeit. II. Band. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1913. S. 345.

³³ Novikov E.P. to Gorchakov A.M. 1876 / Russo-British Relations during the Eastern Crisis // The Slavonic Review. London: University College London, 1925. Vol. 4. No. 11. P. 443.

³⁴ Lange O. Die Orientpolitik Öesterreich-Ungarns vom Ausgleich bis zum Berliner Kongreß. Berlin: Druckerei Studentenwerk, 1926. S. 35.

³⁵ Novikov E. P. to Gorchakov A.M. 1876 / Russo-British Relations during the Eastern Crisis // The Slavonic Review. London: University College London, 1925. Vol. 4. No. 11. P. 443.

³⁶ Gortschakow A.M. an den Reichs-kanzler Fürsten Bismarck O. Livadia, 1876 // Die Große Politik der europäischen Kabinette. 1871–1914. Berlin: Deutsche Verlags-gesellschaft für Politik und Geschichte, 1922. S. 86.

³⁷ Bismarck O. Diktat des Reichskanzlers. Varzin, 1876 // Die Große Politik der euro-päischen Kabinette. S. 88.

³⁸ Schweinitz V. Eine Aufzeichnung des Botschafters / Valentin V. Nenes über die Vor-geschichte des Rückversicherungsvertrags: Eine Aufzeichnung des Botschafters General V. Schweinitz. Cassel, 1896 // Zeitschrift für Politik. 1923. Vol. 12. S. 230.

³⁹ Bülow B. E. an den Botschafter in London Grafen Münster G.G. Berlin, 1876 // Die Große Politik der europäischen Kabinette. S. 106.

⁴⁰ АВП РИ. Ф.184. Оп. 520. Д. 426. Л. 39.

⁴¹ Там же. Л. 120.

⁴² Gorchakov A.M. to Shuvalov P.A. 1876 / Russo-British Relations during the Eastern Crisis // The Slavonic Review. London: University College London, 1925. Vol. 4. No. 11. P. 443.

⁴³ The Earl Derby to Marquis Salisbury. London, 1876 // Correspondence respecting the Conference at Constantinople and the affairs of Turkey: 1876–77. London: Har-ri-son and sons. 1877. P. 1–2.

⁴⁴ Gorchakov A.M. to Shuvalov P.A. 1876 / Russo-British Relations during the Eastern Crisis // The Slavonic Review. London: University College London, 1925. Vol. 4. No. 11. P. 434.

⁴⁵ Buckle G.E., Monypenny W.F. The life of Benjamin Disraeli earl of Beaconsfield. N.Y.: The MacMillan company, 1920. Vol. VI. P. 92.

⁴⁶ Гарковенко П.Е. Война России с Турцией 1877–1878 года : подробное описание военных подвигов русских войск на обоих театрах войны за веру и свободу : подвиги русских богатырей нашего времени, их биографии, очерки, рассказы, сцены и проч. М.: Тип. К. Индриха, 1879. С. 18.

⁴⁷ Международные отношения на Балканах 1856–1878 гг. С. 306.

⁴⁸ АВП РИ. Ф.133. Оп. 470. Д. 35. Л. 493.

⁴⁹ Marquis Salisbury to The Earl Derby. Constantinople, 1876 // Correspondence re-specting the Conference at Constantinople and the affairs of Turkey. P. 21.

⁵⁰ Виноградов В.Н. Дипломатия великих держав в тупике Восточного кризиса. С. 167.

- 51 *Hardy G.* A memoir, with extracts from his diary and correspondence. London: Longmans, 1910. Vol. 1. P. 372.
- 52 АВП РИ. Ф.133. Оп. 470. Д. 35. Л. 558.
- 53 Там же. Л. 548.
- 54 Восточный вопрос во внешней политике России. С. 210.
- 55 *Вяземская Е.К.* Восстания в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия. С. 175.
- 56 Gorchakov A.M. to Ignatyev N.P. Pera, 1877 // Russo-British Relations during the Eastern Crisis // The Slavonic Review. London: University College London, 1925. Vol. 4. No. 11. P. 460.
- 57 АВП РИ. Ф. 249. Оп. 616. Д. 100. Л. 8.
- 58 The Earl Derby to Marquis Salisbury. London, 1877 // Correspondence respecting the Conference at Constantinople and the affairs of Turkey. P.182.
- 59 *Шпоро О.Б.* Захват Кипра Англией. М.: Наука, 1974. С. 104.
- 60 The Earl Derby to Marquis Salisbury. London, 1877 // Correspondence respecting the Conference at Constantinople and the affairs of Turkey. P.182.
- 61 Gorchakov A.M. to Ignatyev N.P. Pera, 1877 // Russo-British Relations during the Eastern Crisis // The Slavonic Review. London: University College London, 1925. Vol. 4. No. 11. P. 460.

Российское консульство в Белграде на начальном этапе Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг.

Российское дипломатическое представительство в Сербском княжестве выполняло чрезвычайно важные функции координации балканского направления внешней политики России. Оно было открыто в 1838 г., а спустя 40 лет, в 1878 г., в связи с получением Сербией независимости было преобразовано в посольство. От личности русского дипломатического представителя зависел не только характер русско-сербских отношений, но и развитие межбалканских связей и взаимоотношений Княжества с великими державами, а также и в целом формирование внешнеполитического и даже внутривнутриполитического курса страны. Именно поэтому Азиатский департамент министерства иностранных дел России направлял в Княжество квалифицированных дипломатов, хорошо знающих ситуацию на Балканах.

Таким был первый российский генеральный консул в Белграде Герасим Васильевич Ващенко, занимавший этот пост с 1838 по 1843 гг. До этого он являлся российским консулом в болгарском Сливене¹. Имели опыт военной или дипломатической службы на Балканах и последующие российские представители в Сербии. В 1843–1849 гг. генеральным консулом был кадровый военный Яков Иванович Данилевский, а в 1849–1851 гг. — генерал-майор Дмитрий Сергеевич Лёвшин, участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Сменивший его в 1851 г. Фёдор Антонович Туманский до этого служил много лет в Молдавии и Валахии, а скончался на своем дипломатическом посту в Белграде 5 июля 1853 г. Выпускник Санкт-Петербургского университета Николай Якимович Мухин, занимавший должность российского консула в Белграде в 1853–1856 гг., окончил отделение восточных языков при МИД и долгие годы работал на Востоке.

После Крымской войны в 1856 г. с особой миссией в Сербию генеральным консулом был назначен серб по происхождению, родом из Баната, полковник русской службы Михаил Рафаилович Милашевич. Его сменил в 1860 г. этнический грек, участник Крымской войны подполковник Александр Георгиевич Влангали. С 8 августа 1863 г. по 25 марта 1875 г. пост генерального консула в Белграде занимал глубокий знаток ситуации в Сербии и на Балканах Николай Павлович Шишкин, ставший впоследствии министром иностранных дел России. Выпускник Александровского лицея, он до Белграда уже успел поработать в Бухаресте и Адрианополе. Таким образом, сложилась основательная традиция российской консульской службы в Сербии, представленной дипломатами, хорошо знавшими Восток в целом и Балканы, в частности.

В цепи событий Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. важное место занимает война Сербии и Черногории против Османской империи, которую объявили правители этих вассальных княжеств своему сюзерену. Война Сербии с Турцией началась 18 июня 1876 г., продолжалась четыре месяца и закончилась сокрушительным поражением Сербского княжества. Результат этот был вполне предсказуем, поскольку малочисленная и слабо обученная сербская армия противостояла мощной военной машине Османской империи.

Собственно именно эти драматические события явились решающим толчком к решению российского императора Александра II начать в 1877 г. войну с Турцией, ставшую последней русско-турецкой войной. Исследователи событий Восточного кризиса пытаются выяснить, насколько реальным было бы вмешательство России в военный конфликт еще летом 1876 г. и насколько это изменило бы ход самой русско-турецкой войны.

Анализ источников показывает, что российское руководство рассчитывало на возможность мирного урегулирования конфликта и решения вопроса о ситуации в Боснии и Герцеговине до середины июня 1876 г. Александр II призывал сербского князя Милана отказаться от намерения начать войну.

Во время столь значимого для Сербии Великого Восточного кризиса, включающего восстание в Боснии и Герцеговине, войну

Сербии и Черногории с Османской империей и русско-турецкую войну 1877–1878 гг., обязанности русского генерального консула исполнял Андрей Николаевич Карцов (3.07.1834² — 24.09.1907). Он заступил на свой пост в марте 1875 г., накануне восстания в Боснии и Герцеговине, и покинул Белград в мае 1877 г., в разгар русско-турецкой войны. Именно ему выпала важная роль координатора российско-сербских отношений в 1875–1877 гг. Работа эта оказалась для него неподъемной, и можно сказать, что именно он виноват во многих серьезных ошибках как сербской, так и российской политики в это время. Карцов оставил по себе недобрую память у сербских политиков и российских представителей, работавших в Сербии по заданию славянских комитетов, Красного Креста и даже правительства. Фактически, он во многом ответственен за неудачи российской дипломатии в Сербии. Стремление Карцова грубо вмешиваться в формирование сербского правительства вызвало негодование самого российского императора, и в мае 1877 г. Карцов по просьбе сербского правительства был отозван из Сербии.

Сразу по прибытии в Сербию, Карцов взял менторский тон в отношении сербских политических и даже церковных деятелей, поучая их и упрекая в небрежном исполнении своих обязанностей. Характерно в этом плане его донесение от 30 мая (11 июня) 1875 г. вице-директору Азиатского департамента А.Н. Мельникову, в котором он хвастается, что отчитал главу сербской церкви митрополита Михаила, которого подозревает в «сомнительной нравственности и вредном направлении»³. Карцов обвинял митрополита в нерадении, связях с Омладиной, в падении нравов духовенства и поучал блестяще образованного церковного иерарха, как тому следует исполнять свои пастырские обязанности.

Еще более сурово обошелся он с профессором семинарии, архимандритом Нестором (Поповичем), занимавшимся духовным воспитанием сербского князя. Основываясь на слухах, Карцов считал его недостойным своего сана. Однако репутации митрополита Михаила и архимандрита Нестора не пострадали от суровых нападок российского консула. Что касается архимандрита Нестора, то он впоследствии стал нишским епископом и заслужил лестную оценку другого российского дипломата, консула в Ускю-

бе (Скопье) А.К. Беляева: «Нестор, епископ Нишский, в миру Николай Попович, кончил Киевскую Д.[уховную] Академию и до епископской кафедры был профессором и ректором Белградской семинарии. Был отличным богословом (специалистом по догматике), лектором и проповедником. Писал в «Сионе», первом сербском духовном журнале, который сам же и основал. Был и хорошим епископом. К сожалению, умер молодым»⁴.

Карцов не скрывал, что он был противником поддержки Россией намерения сербского правительства начать войну с Османской империей. Незадолго до начала боевых действий Сербии и Черногории он писал своему патрону, российскому послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву, что делает «всё возможное для удержания сербов от войны»⁵, поскольку полагает, что России не следует поддерживать славянские движения из опасения повторения событий Крымской войны. Однако ему приходилось лавировать между позицией канцлера А.М. Горчакова, противника войны, и противоположным мнением Н.П. Игнатьева. Говоря о том, что российская дипломатия не была «единодушной», сербский министр иностранных дел Йован Ристич писал: «... русский консул Карцов, приехав из Эмса, советует со стороны Александра II мир, а на следующий день приходит уже по приказу генерала Игнатьева, русского посланника в Константинополе, и спрашивает сербского министра: “когда наконец Сербия возьмет в свои руки защиту христиан, которые только в ней видят защиту от дальнейшего насилия?”»⁶.

В России с неодобрением восприняли известие о тайных решениях скупщины, означавших подготовку к войне. Сообщая о военных приготовлениях Сербии, Карцов писал, что князь Милан делает вид, что прислушивается к «осторожным и мудрым советам, которые я передавал ему несколько раз от имени императорского кабинета»⁷. Российский посол в Константинополе Игнатьев был в курсе приготовлений Сербии к войне, которая, по его словам, ожидалась болгарам, готовящими восстание на 11 мая: «Ожидала, что до этого сербы будут вовлечены в войну с Турцией»⁸.

Официальная Россия с неодобрением восприняла известие о тайных решениях сербской скупщины, означавших подготовку к войне. Карцов на протяжении заседаний скупщины в Крагуе-

ваще еще в сентябре 1875 г. внушал Милану, что «если он теперь увлекся происками либералов, стремящихся вовлечь Сербию в несвоевременную и гибельную для нее войну, то он навсегда утратил бы сочувствие нашего правительства»⁹. Петербург считал положение в Сербии очень серьезным и, поначалу, согласившись удовлетворить просьбу Милана разрешить ему приехать с молодой супругой в Ливадию для встречи с Александром II, 12 сентября уведомил Карцова шифрованной телеграммой: «Ввиду настоящего оборота дел в Сербии, сомнительно, чтобы князь Милан отлучился из страны»¹⁰.

В это же время рельефно вырисовываются разногласия и в самой царской семье, где в поддержку Сербии высказывались наследник великий князь Александр Александрович и императрица Мария Александровна¹¹.

О том, что «если государь против войны, его сын-наследник стоит во главе движения»¹², просил не забывать Карцова Горчаков, инструктируя его в конце мая в Эмсе по вопросу о позиции России по отношению к предстоящей войне. Вернувшись из Эмса в Белград и анализируя ситуацию в Княжестве, Карцов доносил Игнатьеву 31 мая 1876 г., что «общее мнение таково, что если войны не будет, то произойдет восстание против Милана»¹³.

У правящей в Сербии княжеской четы сложилось негативное мнение о Карцове. Это и неудивительно, если учесть, что сам Карцов обращался с сербским князем, по его словам, как «с капризным и своевольным ребенком»¹⁴. В донесении канцлеру А.М. Горчакову Карцов, блистая остроумием, старался угодить своему начальнику и характеризовал сербо-черногорский договор о возможном военном союзе «дерзостью, граничащей с глупостью», именуя при этом его творцов «князьками»¹⁵.

Презрительное отношение к сербам, амбициозность, снобизм и демонстрация своего превосходства Карцова отмечаются в дневниках и мемуарах многих сербских политиков. Оставила о нем негативную характеристику и княгиня Наталья, будущая королева Сербии, говоря о его грубом и даже непристойном поведении, плохом влиянии на князя Милана. Юная княгиня была глубоко возмущена тем, что этот представитель России позволял себе являться ко двору мертвецки пьяным¹⁶.

О том, что Карцов напивается и неподобающе ведет себя в присутствии князя и княгини, доносил в Петербург полковник Генерального штаба Н.А. Снесарев, радеющий за добрые отношения России и Сербии. Еще в 1867 г. он почти год провел в Сербии для организации там артиллерийского дела, хорошо знал сербских политиков и с трудом переносил недостойное поведение консула. Канцлер Горчаков потребовал от Карцова объяснений, на что тот ответил, что, перебрав на военном завтраке в Топчидерском дворце князя, «удалился в кабинет родственника князя Германи и посидел немного в креслах»¹⁷.

Как интриганку, сплетницу и женщину сомнительной репутации характеризует княгиня Наталья и жену Карцова Гортензию Антоновну, урожденную Порталис, левантийку, дочь консула в Яффе. Княгиня Наталья в своих мемуарах пишет о стремлении жены российского консула контролировать личную жизнь сербской княжеской четы, при этом сама Гортензия Антоновна не отличалась высокой нравственностью, в Белграде судачили о ее изменах мужу¹⁸. Художник Василий Дмитриевич Поленов, прибывший в Сербию в качестве добровольца в 1876 г., оставил нам яркий портрет этой женщины¹⁹.

Чем же можно объяснить такой непрофессионализм русского дипломатического представителя А.Н. Карцова, который, кстати, уже работал в Сербии в 1858–1859 гг. в качестве секретаря консульства в Белграде и присутствовал на заседаниях исторической Свято-Андреевской скупщины? Пробыв тогда в Сербии около года он «по расстроенному здоровью» вернулся в Санкт-Петербург и служил в Азиатском департаменте. В 1862 г. Карцов был направлен консулом в Палестину, где пробыл четыре года, а затем служил генеральным консулом на Корфу. Правда, служба в Иерусалиме ознаменовалась серьезным конфликтом Карцова с начальниками русской духовной миссии епископом Кириллом (Наумовым) и архимандритом Леонидом (Кавелиным)²⁰. Последний характеризовал Карцова «преданным всем страстям до цинизма»²¹. То есть опыт работы на балканском и азиатском направлении у него был весьма солидным. В мае 1875 г. он был назначен генеральным консулом в Белграде. К нему весьма доброжелательно относился министр иностранных дел А.М. Горчаков.

До некоторой степени найти ответ на поставленный выше вопрос можно, как ни странно, в достаточно апологетическом очерке о нем племянника Карцова, тоже дипломата — Юрия Сергеевича Карцова, опубликованном уже после смерти его дяди в 1908 г.

Помимо личных качеств, амбициозности, карьеризма, нежелания уважать и понимать страну, в которой он работал, есть и объективные факторы непрофессионализма Карцова. К ним относится, во-первых, профессиональная подготовка дипломатов. По большей части выпускники Александровского лицея, к которым принадлежал и Карцов, уступали в подготовке выпускникам Московского университета, владеющим славянскими и восточными языками, хорошо знающим историю страны, в которой работали. Таким был, например, ученик О.М. Бодянского российский посланник в Вене Е.П. Новиков. Это признает и Ю.С. Карцов: «Е.П. Новиков воспитывался в Московском университете и удостоился звания магистра славянских наречий. Его диссертация об Иоанне Гусе так понравилась митрополиту Филарету, что владыко сказал: “Если бы вы были духовным, я бы вас сделал епископом”. Поступив в министерство иностранных дел, Е.П. Новиков научные приемы работы сохранил и на дипломатической службе. Каждый вопрос он обдумывал и разбирал принципиально»²².

Кроме того, негативно сказывалась на работе Карцова оторванность от общественной жизни в России. Его племянник отмечал, что Карцов «чуть не с школьной скамьи служил за границей» и «с течением внутренней русской жизни был знаком довольно поверхностно».

Несогласованность действий вышестоящего начальства, когда Карцову приходилось лавировать между позицией посла в Константинополе Игнатьева и посла в Вене Новикова, также препятствовала нормальной работе консула. К этому следует прибавить и аморфность российской программы по сербскому вопросу в 1875–1876 гг. На прямой вопрос Карцова Горчакову в декабре 1875 г. по поводу ноты Андраши: «Какова наша программа?», канцлер ответил, что программы, собственно, нет.

Следует также учитывать и личную инициативу Карцова представлять сербские реалии в самом неприглядном виде. Харак-

терно, что печально знаменитая кремлевская речь российского императора в октябре 1876 г., когда он назвал сербов трусами, во многом была спровоцирована донесениями Карцова. Не жаловала его и императрица Мария Александровна. Гнев ее вызвало то, что она пожертвовала на Красный Крест в Сербии 30000 рублей, а Карцов положил их в Венский банк, полагая, что сербам денег давать не следует.

В ноябре 1876 г. консул вернулся в Сербию из России окрыленный, — ему казалось, что он получил высочайшую поддержку в борьбе с министерством Ристича, которое он характеризовал «как нам враждебное, властолюбивое». Объясняя Н.К. Гирсу причины своего вмешательства во внутренние дела Княжества в декабре 1876 г., он заявлял: «С подобным министерством нам действовать было невозможно и сбросить его мне представлялось крайней необходимостью. Князь Милан следовал моим советам и внушениям беспрекословно. Инцидент с австрийским монитором* явился нам как бы посланным самим провидением. Заранее подготовленное мною новое министерство, во главе которого должен был стать Маринович, ожидало только согласия последнего, чтобы вступить в должность. С Николаем Христиком, Милутином Гарашаниным, Цукичем и генералом Протичем оно представляло все залого крепкого и честного правления, в котором и императорский кабинет нашел бы полное в размерах сил Княжества содействие своей политике»²³. Эти хвастливые откровения Карцова не совсем верно отражали ход событий и еще раз свидетельствовали о недооценке им как дипломатического опыта Ристича, так и двуличия сербского князя.

Находящийся в России в это время сербский политик Йован Маринович, которому князь телеграфировал в Петербург с просьбой возглавить правительство, ответил уклончиво, да еще и пожаловался Горчакову на слишком активную деятельность русского консула. Следствием этого была телеграмма Горчакова в Белград Карцову: «Не вмешивайтесь в составление нового министерства. Государь вполне доверяет Мариновичу, от которого будет зависеть выбор коллег»²⁴.

* 7 декабря Австро-Венгрия направила ноту сербскому правительству в связи с обстрелом сербской береговой охраной австрийского монитора «Мориш».

Особенно недовольны работой Карцова были русские добровольцы, приехавшие в Сербию для участия в сербо-турецкой войне. Российское официальное представительство в Белграде весьма сдержанно отнеслось к добровольческому движению. Позиция Карцова по этому вопросу была пассивной. По единодушному мнению участников сербо-турецкой войны, это был «типичный чиновник, не понимающий сущности того движения, которого он был свидетель»²⁵. Еще в августе 1876 г. в своем донесении главнокомандующему сербской Тимоко-Моравской армией М.Г. Черняеву капитан Лаврентьев критиковал Карцова и выдвигал идею замены русского консула²⁶. О том, что тот «ведет себя вызывающе и радуется мнимым турецким победам», Черняев писал И.С. Аксакову в начале сентября²⁷. Помощник начальника штаба Черняева П.А. Монтеверде сообщал ему в середине сентября из Белграда, что Карцов настраивает против него князя Милана, на которого имеет большое влияние²⁸.

Присланный Петербургским отделом Славянского комитета для организации добровольцев в Сербии генерал В.Д. Дандевилль 8 октября писал Черняеву: «Карцову не удастся меня выжить отсюда. Ему не нравится, что я навожу порядок здесь и выгоняю дрянь в Россию. Этого же не хотят австрийцы и англичане, радующиеся всякому проявлению дурного элемента в добровольцах»²⁹. Генерал Дандевилль внес некоторое упорядочение в организацию русских добровольцев в Белграде, с чем уже с трудом справлялось сербское военное министерство.

Работа эта была действительно нелегкой. «Организации никакой, да и вряд ли она была возможной, всё случилось так неожиданно точно порыв бури. В состав канцелярии вошли два писаря из добровольцев, один серб для посылок и я. Для страха и порядку стоял жандарм в передней, но его мало боялись наши башибузуки вроде ротмистра Кузьминского и т.п.», — вспоминал помощник Дандевила доброволец Г.Л. Дримпельман³⁰. Конфликт Кузьминского с генералом Дандевилем он объяснял позицией российского консульства, которое «своим упорством и нежеланием признать существующее положение еще больше затрудняло деятельность нашей маленькой канцелярии»³¹.

Деятельность Дандевилля подвергалась критике Карцова. Уже 19 сентября он выражал недовольство тем, что генерал занимается только теми добровольцами, которые прибыли на средства комитетов, игнорируя остальных³². А после заключения перемирия телеграфировал в Азиатский департамент о неудовлетворительности действий уполномоченных славянских комитетов³³. Следствием его донесений, дошедших до царя, было распоряжение министра внутренних дел А.Е. Тимашева 25 октября 1876 г., в ведение которого был передан из министерства иностранных дел Славянский благотворительный комитет, А.И. Васильчиков — «... принять немедленные меры к обеспечению отправившихся на счет комитета добровольцев»³⁴.

Председатель Петербургского отдела Славянского комитета Васильчиков³⁵ высоко ценил деловые качества Дандевилля и говорил ему, что доподлинно ясно, что донесения Карцова — ложь и клевета. Васильчиков, по-видимому, просил разобраться в этом деле Аксакова, заявляя, что «тут очевидно напакостил Карцов»³⁶. Аксаков добился, через свои связи при дворе, распоряжения императора Тимашеву проверить донесения Карцова.

Такая же ситуация сложилась и с официально присланным для организации сербских военных дел по предложению военного министра Д.А. Милютинина в декабре 1876 г. в Сербию генерал-лейтенантом А.П. Никитиным³⁷. Он должен был подготовить сербскую сторону к продолжению после перемирия войны в качестве союзницы России. Никитин прибыл в Сербию 12 декабря, за неделю до окончания перемирия, и уже через две недели пришел к выводу о полной неспособности Сербии продолжать войну³⁸. 26 декабря он отправил телеграмму Милютину с просьбой отозвать его из Сербии, так как «никакой надежды восстановить военные силы Сербии и средства защиты не видел». Решение генерала вызвало недовольство сербского военного министра Савы Груича, который полагал, что «позиция Никитина была внушена ему наветами консула Карцова»³⁹.

Действительно, Карцов еще до приезда Никитина из Петербурга телеграфировал в Россию, что Сербия к новой войне не готова и что «Никитину в остающийся краткий срок что-либо сделать трудно»⁴⁰. Русский консул, с неприязнью относивший-

ся к Ристичу и его министерству, опасался, что тот «домогаются забрать русские деньги в свое распоряжение»⁴¹, и делал всё возможное, чтобы воспрепятствовать этому.

Глубоко возмущен был Карцов поведением Никитина, который, по его убеждению, держал себя с сербами «как подчиненный, а те расхищали русский миллион для покрытия собственных нужд»⁴². Карцов, обычно надменно державшийся по отношению к сербским политическим деятелям и демонстрировавший свое презрение к сербским политическим институтам, инструктировал Никитина перед тем, как представить его сербскому князю, советуя «с сербскими министрами обходиться возможно круче и сразу забрать их в руки, иначе успеха быть не может»⁴³.

О недопустимой грубости русского консула по отношению к сербским общественным и политическим деятелям подробно написал уполномоченный Петербургского отдела Славянского комитета П.С. Толстой И.С. Аксакову. Характеризуя поступки Карцова как «антинациональные», Толстой подчеркивал, что Ристич «никак не мог говорить равнодушно об оскорбляющей достоинство манере Карцова относиться к нему»⁴⁴.

Об интригах Карцова, вмешавшегося в политическую борьбу сербских политических группировок, пишет в своем фундаментальном труде сербская исследовательница Сузана Раич⁴⁵.

В начале мая 1877 г. Карцов был отозван из Сербии по просьбе сербского правительства, поддержанной главнокомандующим Дунайской армией великим князем Николаем Николаевичем, также недовольным деятельностью русского консула⁴⁶.

Делами консульства назначен был временно управлять секретарь консульства Николай Николаевич Ладыженский. В телеграммах в Петербург он выражал опасение, что Ристич, который уже объявил отзывание Карцова свидетельством уважения к сербскому министерству со стороны канцлера Горчакова, теперь использует свою встречу с Александром II, чтобы реабилитировать свое министерство, оклеветанное Карцовым. Ладыженский был настолько напуган таким поворотом событий, что всерьёз полагал, что следующей жертвой вслед за Карцовым будет он сам и что Ристич может потребовать и его удаления под пред-

логом связей с оппозицией. «Этих сношений я не скрываю, — писал Ладыженский своему покровителю, директору департамента личных дел МИД А.Ф. Гамбургеру 6 июня 1877 г., — но всем известно, что оппозиция министерству Ристича состоит из партии Мариновича, всегда пользовавшегося полным доверием государя императора и государственного канцлера»⁴⁷. Ладыженский был настолько уверен в том, Ристич попросит отозвать его, что запросил на этот счет инструкций. В ответ из Петербурга пришла телеграмма: «В отношении Вашего положения можете быть совершенно спокойны. Об отзывании Вашем речи нет»⁴⁸. Ладыженский критически оценивал деятельность своего патрона: «Карцов в донесениях изобразил Сербию в виде темного пятна, но он не указал просвета куда бы можно было направиться»⁴⁹. Это же ставил в упрек Карцову его друг и покровитель, посол в Константинополе Н.П. Игнатъев. В октябре 1876 г. он писал Карцову: «Ваши донесения написаны прекрасно, но в них проглядывает какое-то презрение к сербскому народу и глумление над борющимися за правое дело. Остричь можно над нашими единоверцами, но не в такую минуту, когда затронуты самые существенные интересы наши на Востоке»⁵⁰.

Вмешательство Карцова во внутренние дела Княжества и в формирование сербского кабинета министров вызвало гнев императора. Испуганный Карцов сам попросил отпустить его из Сербии и назначить генеральным консулом в Париж. В мае 1877 г. он был вызван в Санкт-Петербург и после этого шесть месяцев являлся генеральным консулом в Будапеште, а в начале 1879 г. был назначен генеральным консулом в Неаполь. А в 1881 г., наконец, сбылась его давняя мечта — он занял пост консула в Париже, где до 1906 г. вел приятный, комфортный образ жизни, не обременяя себя работой, прогуливаясь по бульварам таким жуиром⁵¹.

А в Сербии в августе 1877 г. его сменил Александр Иванович Персиани, который представлял собой совершенно иной тип дипломата. Он оставался в Белграде на посту дипломатического агента и генерального консула, а с августа 1878 г. — министра-резидента и затем посланника России в Сербии, до 1895 г., заслужив уважение и добрую память сербов.

Примечания

- 1 О деятельности Г.В. Ващенко на этом посту см.: *Медведева О.В.* Г.В. Ващенко — первый российский консул в болгарских землях // В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010. С. 244–257.
- 2 Российская исследовательница Е.М. Букреева, много лет занимающаяся изучением жизни и деятельности дипломатов из семьи Карцовых, установила, что А.Н. Карцов родился в 1834 г., а не в 1835 г., как это следует из всех существующих словарей и энциклопедий. См.: *Букреева Е.М.* Новые материалы к биографии консула А.Н. Карцова // Иерусалимский православный семинар. Вып. 12. М., 2023. С. 61–69.
- 3 Уједињена Омладина Српска и њено доба. 1860–1875. Грађа из совјетских архива. 1860–1875. Нови Сад, 1977. С. 349.
- 4 Цит. по: *Пилипович Радован.* Сербы в богословских учебных заведениях России во второй половине XIX века — мнение царского дипломата // Русский Сборник. М., Издательский дом Модеста Колерова, 2013. Т. XIV. С. 114.
- 5 Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах (далее — ОБТИ). М., Издательство АН СССР, 1961–1967. Т. 1. Док. 119.
- 6 *Ристић Јован.* Дипломатска историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност 1875–1878. Прва књига. Први рат. Београд, 1896. С. 83.
- 7 ОБТИ. Т. 1. Док. 94.
- 8 Там же. Док. 97.
- 9 Там же. Док. 34.
- 10 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1875. Д. 12. Л. 40–42.
- 11 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 126. К. 6. Л. 122 об.
- 12 *Карцов Ю.С.* За кулисами дипломатии // Русская старина. 1908. Т. 134. С. 70.
- 13 ОБТИ. Т. 1. Док. 119.
- 14 Там же. Док. 74.
- 15 Там же.
- 16 *Kraljica Natalija.* Ruž i trnje. Beograd, Laguna. 2015. S. 89–90.
- 17 *Карцов Ю.С.* За кулисами дипломатии. СПб., 1908. С. 51.
- 18 *Kraljica Natalija.* Ruž i trnje. S. 81–82.
- 19 «Въехав в парк, мы остановились под огромным тенистым буком. На деревянной скамейке сидела женщина арабского типа, редкой красоты, в черном платье с повязкой Красного Креста на левой руке, и энергично разговаривала с вертяльвым господином. Меня познакомили. Ею была Карцова — жена русского консула, а господин — корреспондент «Московских ведомостей». Она дочь яффского консула и купленной им невольницы. Мне она представилась чистокровной арабской лошастью. Небольшая головка ее с резко, но красиво нарисованным профилем, с огромными глубокими черными глазами и с как смоль черными волосами; гибкая, стройная, страстная, от нее дышало палящим востоком». Цит. по: *Фомина А.А.* Василий Дмитриевич Поленов на сербско-турецкой войне 1876 г. // Славянский альманах 2022. Вып. 1–2. М., 2022. С. 312–313.
- 20 *Букреева Е.М.* Карцовы на дипломатической службе. Материалы к биографии // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. М., 2012. С. 59–88.

- 21 *Дмитриевский А.А.* Очерк о жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его научные труды по изучению православного Востока. М., 2001. Глава 4. <https://ros-vos.net/history/rdm/1/leonid-kavelin/4/4/> (Дата обращения: 30.09.2024).
- 22 *Карцов Ю.С.* За кулисами дипломатии. С. 6.
- 23 АВПРИ. Ф. ГА-V.
- 24 Там же. Л. 357.
- 25 *Овсяный Н.* Накануне освободительной войны // Военно-исторический сборник. 1912. № 4. С. 64.
- 26 Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее — ОПИ ГИМ). Ф. 208. Д. 34. Л. 31.
- 27 Там же. Л. 41–42.
- 28 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 61. Личный фонд П.А. Монтеверде. Д. 48. Л. 2–3.
- 29 ОПИ ГИМ. Ф. 208. Д. 45. Л. 15–15 об.
- 30 Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 1153. Л. 2–2 об.
- 31 Там же.
- 32 Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 400. Оп. 1. Д. 54. Л. 11–12.
- 33 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 17. Л. 254–254 об.
- 34 РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 843. Л. 3–4.
- 35 Там же. Д. 813. Л. 10 об.
- 36 Там же. Д. 54. Л. 12 об.
- 37 ОБТИ. Т. 1. Док. 357; *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1878. М., 2009. С. 159–160.
- 38 См.: ОБТИ. Док. 391, 396, 400. Подробнее о поездке генерал-лейтенанта Никитина в Сербию см.: Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 8. СПб., 1898.
- 39 *Груич С.* Сербско-турецкая война 1876 г. // Славянские известия. 1907. № 8. С. 670.
- 40 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876 г. Д. 17. Л. 278–279.
- 41 Там же. Л. 277 об.
- 42 *Карцов Ю.С.* За кулисами дипломатии. С. 50.
- 43 АВПРИ. Ф. ГА-VA2. Д. 270. Л. 12 об.–13.
- 44 ОБТИ. Т. 1. Док. 407.
- 45 *Рајић Сузана.* Спољна политика Србије. Између очекивања и реалности. 1868–1878. С. 388–391, 486, 489, 506.
- 46 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877 г. Д. 11. Л. 343.
- 47 Там же. Л. 234.
- 48 Там же. Л. 347.
- 49 *Карцов Ю.С.* За кулисами дипломатии. С. 44.
- 50 Там же.
- 51 Там же. С. 57–58.

Дипломатический представитель в Сербии в 1877–1895 гг. Александр Иванович Персиани и его деятельность

Деятельность российских дипломатов на Балканах, как и в других регионах, нельзя рассматривать отдельно от той ситуации, в которой им приходилось служить, в соответствии с теми внешнеполитическими задачами, которые в тот период стояли перед российской дипломатией.

Дипломатическим представителем Российской империи в Сербском княжестве в мае 1877 г. был назначен Александр Иванович Персиани (1841–1896). До 12 августа 1878 г. его должность обозначалась как дипломатический агент и генеральный консул; затем — министр-резидент, а с 10 марта 1889 г. — чрезвычайный и полномочный посланник. На своём посту Персиани прослужил 18 лет, с 1877 по 1895 гг., почти треть своей жизни. Не единственный, но редкий случай в истории МИД!

В период после Берлинского конгресса 1878 г. начался новый этап в истории Сербского государства и российско-сербских отношений. Этот вопрос основательно изучен в научной литературе. Основными внешнеполитическими задачами России в 1880-е годы были: поддержание статус-кво и обеспечение спокойствия в Балканском регионе, урегулирование отношений с Германией и Англией и возобновление Союза трёх императоров. При этом Петербург стремился сохранить своё влияние на Балканах. Позиции России в Сербии временно ослабли, но она не собиралась полностью их сдавать в пользу Австро-Венгрии, стремясь различными «мирными» средствами поправить положение. основополагающим для политики России в «сербском вопросе» являлся тезис, содержащийся во вступительной части доклада Азиатского департамента МИД за 1881 год: «Мы не мо-

жем безразлично смотреть, как этот (сербский. — *С. Д.*) народ, который нам обязан своим существованием и своей независимостью, становится сателлитом Австрии»¹. Такова была заявленная позиция. Но каким образом в сложившихся после Берлинского конгресса условиях выполнять поставленную задачу? И здесь, безусловно, важную роль должны были сыграть находившиеся в Сербии российские дипломатические представители во главе с Александром Ивановичем Персиани.

А. И. Персиани был греческого происхождения. Его дед Эммануил, грек-фанариот, врач по образованию, приехал в Россию в 1806 г., в составе свиты господаря Валахии К. Ипсиланти, по его протекции получил российское гражданство, чин действительного статского советника, пенсия от русского правительства и до своей смерти в 1838 г. служил в Одессе по «карантинной части». Его сын Иван Эммануилович указом Александра I был зачислен в штат Коллегии иностранных дел, в 1817–1829 гг. служил в российской миссии при Германском союзе во Франкфурте-на-Майне; в 1831 г. был назначен первым секретарём в недавно созданную миссию при Греческом королевском дворе и в этой должности находился в Афинах до конца 1843 г., а затем стал поверенным в делах Российской империи в Греции. Впоследствии, с 1857 г., он являлся чрезвычайным посланником и полномочным министром России при Ганноверском и Ольденбургском дворах. В 1866 г. И.Э. Персиани ушёл в отставку с чином действительного тайного советника и приличной пенсией (6000 рублей). Помимо многочисленных орденов и отличий за 50 лет службы в МИД дипломат был пожалован Орденом Белого орла, одной из высших государственных наград Российской империи.

У Ивана Эммануиловича было двое сыновей, Александр и Виктор (1841 г. рожд.). В 1858–1862 гг. они обучались в императорском Александровском лицее и были выпущены с присвоением им чина коллежского секретаря (X класс)². Александр Иванович был причислен к Азиатскому департаменту. К сожалению, мемуаров он не оставил, в архивохранилищах отсутствует и его личный фонд. Однако ценнейшим материалом являются его донесения из Белграда и ежегодные отчёты в МИД о его деятельности в Сербии, весьма подробные, содержательные, часто

с глубоким анализом событий, заинтересованным свидетелем которых он являлся. Его выводы нередко входили составной частью в доклады министерства иностранных дел. Эти документы хранятся в Архиве внешней политики Российской империи.

Специалисты, изучающие историю Сербии и русско-сербских отношений в период после Берлинского конгресса, в своих изысканиях в полной мере использовали ранее и используют сейчас информационные возможности этого уникального хранилища. Мне также приходилось исследовать вопрос о дипломатической деятельности А.И. Персиани в рамках проблемы развития сербской государственности и русско-сербских отношений в последней четверти XIX — начале XX вв. В коллективной монографии, подготовленной по результатам конференции, на которой её участники обсуждали балканскую политику России и роль русских дипломатов в её проведении, рассмотрение вклада А.И. Персиани в историю независимой Сербии и контактов двух стран оправданно и необходимо. Этот вопрос, безусловно, представляет научный интерес.

В 1866 г. А.И. Персиани получил назначение в российскую миссию в Афинах, а в 1877 г. началась его служба в Белграде. Чуть позже, в 1878 г., сюда же приехал молодой русский учёный-славист Платон Андреевич Кулаковский, приглашённый на должность профессора русского языка и литературы белградской Великой школы. Интересно его высказывание о Персиани, с которым у него с самого начала их знакомства сложились хорошие отношения. 31 мая 1879 г. Кулаковский писал И.С. Аксакову в Москву: «Что касается наших дипломатов в Сербии, то они хороши. Персиани — горячий поклонник русского влияния на славян, поклонник славянской идеи, всем, что касается Сербии, очень интересуется. Конечно, он всё-таки чиновник петербургский, но благородство и прямота ставят, по моему мнению, его выше многих людей подобного сорта. Всякая неудача политическая России его страшно бесит. Всё, что касается Сербии, что улучшает или путает отношения России к Сербии, его глубоко интересует. Он готов на всякую инициативу добрую»³.

Задачами Персиани, судя по инструкциям, которые он при назначении получил от своего мидовского начальства, были:

сбор и анализ информации о важнейших событиях политической и экономической жизни Сербии, регулярные донесения и отчёты в Петербург, а также постоянные контакты с сербскими государственными, политическими и общественными деятелями, с сербской элитой. Молодой дипломат должен был в обстановке нарастающего усиления в Княжестве влияния Габсбургской монархии неуклонно проводить линию на поддержание позиций России в Сербии, что было совсем не просто.

Сербия после 1878 г. отнюдь не была спокойной страной: по оценкам современников, она была похожа на котел, в котором, не прекращаясь, бурлили политические страсти. Поэтому работы у Персиани было более чем достаточно. При этом он должен был учитывать в своей деятельности все факторы новой сербской государственности. Документальные свидетельства позволяют показать, как это у него получалось.

Довольно быстро Александр Иванович освоился в Белграде, установил контакты с князем Миланом Обреновичем, со многими известными сербскими деятелями, которые часто бывали у него для конфиденциальных бесед. Именно эти беседы являлись ценнейшим источником информации о событиях текущей жизни.

Российский дипломат являлся свидетелем всех важнейших событий, происходивших в независимом Сербском государстве с конца 1870-х годов: заключение торгового договора с Австро-Венгрией, подписание железнодорожной конвенции с фирмой Э. Бонту и др. Обо всём этом он подробно писал в донесениях в Петербург, где высказывал и своё мнение по поводу происшедшего.

Судя по дипломатическим документам, руководители внешней политики России вполне осознавали особенности сложившейся после Берлинского конгресса ситуации. На Певческом мосту понимали, как непросто будет действовать российским дипломатическим представителям в Сербии, чтобы не столкнуться с интересами Австро-Венгрии, с которой ещё накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг. было заключено соглашение о разделе сфер влияния на Балканах. Анализируя ситуацию, сложившуюся в регионе в 1870–1880-е годы, министр иностран-

ных дел России позднее, в 1895 г., писал тогдашнему посланнику в Белграде барону Р.Р. Розену: «С точки зрения внешней политики балканских государств важнейшим обстоятельством является положение, занятое венским кабинетом с тех пор, как Австро-Венгрия утратила свои итальянские владения и была вытеснена из Германии. Взоры австрийских государственных людей стали всё более и более обращаться на Балканский полуостров. Со времени же Берлинского конгресса это направление ещё усилилось. Босния и Герцеговина были предоставлены Австро-Венгрии, и хотя занятие этих областей не может считаться окончательным, но вместе с тем не подлежит сомнению, что венские деятели готовят присоединение оных к остальной монархии. Прикрывая свои виды поощрением самостоятельности балканских государств, Австрия в сущности стремится к тому, чтобы заменить своим влиянием наше и по возможности ослабить кровные и религиозные узы, соединяющие нас с балканским православным народонаселением. Нигде, быть может, эти стремления не проявляются так определённо, как в Сербии. Охватывая Сербское королевство с двух сторон, Австро-Венгрии сто́ит только запретить свою границу, чтобы сербские произведения не имели сбыта на Запад. Сознание своей материальной зависимости тяжким бременем ложится на сербский народ. Оно, несомненно, способствовало порабощению бывшего короля Милана австрийской политикой ...»⁴.

Ярким примером отношения А.И. Персиани к происходившему в Сербии является его позиция по вопросу о сербских политических партиях, создававшихся буквально у него на глазах и оформившихся в начале 1880-х годов, — Напредняцкой, Либеральной и Радикальной. И прежде всего важна посылаемая им в МИД информация о деятельности сербских радикалов.

Особенностью русско-сербских отношений в 80–90-е годы XIX в. являлось то, что правящие круги России в своей политике в Сербии опирались не на законного монарха, вследствие крайне негативного отношения к его противоречивой личности, а на те политические силы, которые были достаточно влиятельны и могли способствовать стабилизации политической жизни. Разумеется, при этом учитывалась их внешнеполитическая ориентация.

Пришедшие к власти в 1880 г. напредняки («прогрессисты»), связанные торговыми и финансовыми интересами с Веной, взявшие курс на «модернизацию» и «европеизацию» страны, в которых, по выражению Персиани, Габсбурги нашли «послушный инструмент своей политики»⁵, не вызывали доверия в Петербурге — вплоть до середины 1890-х годов. Либералы во главе с Й. Ристичем в рассматриваемый период не имели почти никакого влияния в политической жизни Сербии. Вместе с тем «умеренность» и «постепенность» Ристича в ведении государственных дел, его мудрость и огромный опыт государственного и политического деятеля делали его в глазах Петербурга одной из главных фигур сербской политики, не считаться с которой было нельзя.

Что же касается Радикальной партии, то здесь мы имеем дело с типичным примером «подвижки», под влиянием политических реалий, в отношении официальной России к так называемой «революционной» партии. Открытые в отечественных архивах документы свидетельствуют о том, что вначале оно было настроенным и даже негативным. Опасения вызывали якобы «нигилистическое» прошлое её вождей — последователей Светозара Марковича, а также «революционный» дух их программы. Отношение к радикалам менялось постепенно, по мере поступления из Белграда информации о деятельности их партии, антиавстрийская и антимилановская направленность которой импонировала российским правящим кругам. Постепенно, но достаточно быстро, так как уже в начале 1880-х годов Александр III, судя по некоторым его резолюциям на полях донесений Персиани, довольно благожелательно высказывался о радикалах и был явно настроен в их пользу. Так, на сообщении из Белграда от 21 января 1882 г. о том, что оппозиция (радикальная. — *С. Д.*) хотя и в меньшинстве в скупщине, но ведёт энергичную борьбу с министерством (напредняков. — *С. Д.*), «отказалась подписаться на ответном адресе на тронную речь и даже не явилась во дворец», российский император начертал: «Утешительно»⁶. А на секретной телеграмме, посланной Персиани из Белграда в МИД 3(15) июня 1882 г. с сообщением о том, что, несмотря на все попытки напредняков путём внеочередных выборов из-

менять состав скупщины, в неё постоянно избиралось «всё возрастающее число оппозиционеров», содержится одобрительная помета Александра III: «Прекрасно»⁷.

Именно А.И. Персиани, на наш взгляд, принадлежала заслуга в том, что официальный Петербург изменил своё отношение к Радикальной партии, которую в России стали также называть «партией сербских патриотов». В мае 1883 г. Персиани писал в МИД о «глубокой разнице, существующей между крайней либеральной партией в Сербии (ещё одно название Радикальной партии, встречающееся в дипломатической переписке. — С. Д.) и европейскими революционными кружками»⁸. Осенью этого же года дипломат констатировал: «Радикальная партия в Сербии ничего общего не имеет ни с так называемым русским нигилизмом, ни даже с духом крайних либеральных партий Запада»⁹.

Начиная с 1881 г. Персиани постоянно сообщал в Петербург сведения о деятельности радикалов в скупщине и за её стенами. Судя по содержанию писем П.А. Кулаковского, В.В. Макушева и других учёных, посещавших в те годы Сербию, их российским коллегам, друзьям и родственникам, лидеры радикалов (за исключением Н. Пашича и П. Тодоровича) довольно часто бывали в «русской миссии» и регулярно информировали «милейшего Александра Ивановича» о событиях, происходивших и в скупщине, и во дворце, да и за пределами столицы Княжества. Более того, описание встреч российского дипломата с некоторыми видными радикалами, свидетелем которых был, например, П.А. Кулаковский, не оставляет сомнений в дружеском характере их взаимоотношений. Персиани относился к тем политикам, которые уже в начале 1880-х годов понимали, что «будущность принадлежит этой (радикальной. — С. Д.) партии», как он писал об этом в одном из своих донесений более позднего времени (в 1887 г.).

А.И. Персиани обратил внимание своего петербургского начальства на такой важный документ как конституционный проект радикалов 1883 г. Он перевёл его и подробно изложил в своём донесении от 25 сентября 1883 г. Во внешнеполитическом разделе проекта Персиани выделил следующие положения: «Войти в самые близкие отношения со всеми православными государствами Балканского полуострова... и по возможности за-

ключить с ними торговые и другие договоры»; «не пренебрегать традиционными отношениями, существовавшими между Сербией и покровительствовавшей ей Россией»; «жить в мире со всеми государствами, не исключая и Австрию»¹⁰.

Следует отметить, что в руководстве Радикальной партии не было единства по отношению к официальной России, что было связано с разностью воззрений на решение сербского национального вопроса. Как показал А.Л. Шемякин, П. Тодорович и ряд его сторонников выступали в этой связи за объединённые усилия всех балканских народов¹¹. Вместе с тем сторонники этой точки зрения признавали, что условием успешной внешнеполитической деятельности в данном направлении является необходимость лавировать между великими державами. При этом Россию они считали лишь «меньшим злом» по сравнению с монархией Габсбургов. Другая часть радикального руководства в лице Н. Пашича и Р. Милошевича планировала поэтапное решение задач сохранения и защиты сербской независимости с опорой на Россию. Для этого уже в начале 1880-х годов они пытались найти пути к союзу с Петербургом¹². Кроме того, партия, сделавшая ставку на широкие крестьянские массы, не могла не учитывать традиционных симпатий к России сербского населения, несмотря на определённое разочарование в Сербии позицией петербургского кабинета при заключении Сан-Стефанского договора 1878 г.

Именно на эти симпатии сербского народа к «державе-покровительнице», как и в предшествующие десятилетия, опиралась российская дипломатия в рассматриваемый период. Антинациональный внешнеполитический курс правящего режима привёл к росту прорусских настроений в Сербии. Об этом писал Персиани в донесении от 25 мая 1883 г.: «Преданность народа растёт по мере того, как в правительственных сферах усиливается австрийское влияние. Я могу смело сказать, что имя России популярнее нынче в Сербии, чем даже после последней войны. На первый взгляд, положение это может показаться странным, но славянские народы Балканского полуострова до того ревниво сохраняют свою независимость, что всякое вмешательство в их внутренние дела вызывает с их стороны отпор. Таким обра-

зом, — подчёркивает дипломат, — мы обязаны настоящим тяготением к нам усиленному давлению Австрии»¹³.

Достоинны удивления факты открытого проявления симпатий к России и её народу со стороны сербской общественности, о чём свидетельствуют многочисленные документы. Демонстрация прорусских симпатий в условиях тогдашней Сербии с официальным проавстрийским курсом её властей была, помимо прочего, на наш взгляд, проявлением оппозиционных настроений чрезвычайно политизированного сербского общества.

Все эти моменты принимались во внимание при формировании курса в «сербском вопросе» в первой половине 1880-х годов и в последующем его проведении. Очень важной представляется позиция, признававшая необходимым учитывать особенности развития независимого Сербского государства. «Сербский народ, — писал Персиани в МИД, — предпочитает всему свою собственную независимость; он любит нас и готов слушаться нас с тем, однако, чтобы Сербия оставалась Сербией, а не сделалась вассальным государством, даже в отношении к России. Для сохранения этого сочувствия народа нам нужно уважать его самостоятельность, в какой бы форме она ни проявлялась, в форме ли языка, обычаев, общественного строя и т.д.». Примечательно, что напротив последней фразы Александр III начертал: «Да»¹⁴.

Очень подробно сообщал Персиани в 1883 г. в своих донесениях в Петербург о подготовке в Сербии к выборам в скупщину, о бурной предвыборной кампании, накалённой политической атмосфере в стране, активно подогреваемой агитаторами-радикалами.

9 (21) сентября 1883 г. Н.К. Гирс уведомил Александра III о том, что из Белграда от Персиани пришло сенсационное известие: на выборах в сербскую скупщину победу одержала Радикальная партия. «Я предложил нашему представителю, — читаем мы в докладе министра императору, — соблюдать особую осторожность, дабы не подвергнуться подозрению в поощрении радикалов» (на полях документа имеется помета Александра III: «Хорошо»). В тот же день в Белград была отправлена телеграмма соответствующего содержания¹⁵.

Однако решительная победа радикалов на сентябрьских выборах не привела их к власти. Король и слышать не желал о сотрудничестве с радикалами. И результатом их «неповиновения» монарху стало Тимокское восстание в Восточной Сербии осенью 1883 г., жестоко подавленное правительственными войсками под командованием генерала Т. Николича. Его участникам и лидерам Радикальной партии готовились жесточайшие наказания: аресты, пытки, казни.

В связи с Тимокским восстанием вновь произошло ухудшение российско-сербских отношений. В правящих кругах Сербии не обошлось без подозрений в «соучастии» России в «движении». В этот период король Милан прилагал немало усилий, чтобы добиться отозвания из Белграда Персиани, обвиняя его «в раздаче казённых сумм на избирательные агитации во время выборов и в сообществе с радикальной партией во время Зайчарского (Тимокского. — С. Д.) восстания»¹⁶. Усиливал подозрения тот факт, что российские дипломаты в Сербии поддерживали связи с некоторыми радикалами, несмотря на предупреждения, шедшие из Петербурга, воздерживаться от «сношений» с ними. Между тем Персиани не разделял этих опасений. В донесениях начала 1880-х годов он неоднократно отмечал рост популярности Радикальной партии, что, по его мнению, и послужило причиной её разгрома после Тимокского восстания. «Расстреливая выдающихся членов радикальной партии, — писал Персиани 18 ноября 1883 г., — он (король Милан. — С. Д.) надеется парализовать действия самой значительной части парламентской оппозиции и тем самым отстранить встречаемое им сопротивление в скупшине»¹⁷. Эту же мысль Персиани повторяет и в политическом отчёте о работе миссии за 1884 год: «...Радикальная партия не руководила восстанием, но ... король воспользовался этим случаем, чтобы нанести жестокий удар нараставшему в стране влиянию её»¹⁸.

Следует отметить, что дипломатические представители Австро-Венгрии, Германии и Англии настоятельно советовали королю Милану смягчить наказания для участников восстания. Персиани предпринял попытку встретиться с Миланом по тому же поводу, но получил решительный отказ.

После подавления Тимоцкого восстания, когда под влиянием репрессий и гонений со стороны режима в Радикальной партии усиливается умеренное течение, выражавшее готовность к компромиссу с другими партиями в целях достижения власти, сербские радикалы начинают признаваться той силой, на которую Россия, в своём противостоянии с Австро-Венгрией, может опереться внутри самой Сербии и с помощью которой могут быть восстановлены дружественные российско-сербские отношения.

В Петербурге «сочувственно» относились к планам радикальных лидеров по ограничению личного режима короля Милана и проведению конституционной реформы, но неизменно сдерживали их стремление совершить в Сербии государственный переворот, считая его преждевременным, могущим привести к нежелательным внешнеполитическим «коллизиям».

Впоследствии радикалы пользовались благосклонностью и поддержкой Петербурга, особенно в период их правления (1889–1892 гг.). Их деятельность на законодательном и экономическом поприще встретила полное одобрение, а радикальный режим был признан «удобным». Радикалам оказывалась всяческая помощь, а лидер партии Н. Пашич был весьма популярной и авторитетной личностью даже при императорском дворе. В свою очередь лидеры радикалов, стремившиеся в борьбе против короля Милана опереться на Россию, в своих контактах с представителями российской дипломатии старались подчеркнуть не свой «радикализм», а принадлежность к сербскому национальному течению, выступавшему против австрийской гегемонии, и стремление к проведению конструктивных реформ.

Второй важный момент, на котором следует остановиться при рассмотрении деятельности А.И. Персиани, это вопрос о смене в Сербии династии.

После поражения в 1885 г. в войне с Болгарией Сербия переживала тяжёлый внутривластный кризис. У короля Милана в этот период появилось намерение отречься от престола и поручить королеве Наталье возглавить регентство при их малолетнем сыне Александре.

Следует признать, что в этот период российская политика в Сербии заметно активизировалась. Проанализировав сложившу-

юся обстановку и те последствия, которые, по мнению официального Петербурга, могло иметь отречение Милана, на основании информации и аналитических обзоров, Н.К. Гирс направил в Белград соответствующие указания, содержавшие как объяснение позиции России, так и программу действий российской дипломатии в «сербском вопросе» на ближайшее время. В этом документе констатировалось, что Россия, как и прежде, не может безучастно относиться к происходящему в Сербии. «Если ввиду уже нескольких лет продолжающегося между сербским королём и народом разлада, — отмечалось в инструкциях Персиани, — мы и предпочитали до сих пор воздерживаться от прямого вмешательства в их взаимные отношения, то при этом мы руководствовались исключительно нежеланием обострять эти отношения и ускорять кризис, который мог бы повлечь неблагоприятные для Сербии последствия. Ввиду последних осложнений, мы считаем своевременным выйти из этого положения и употребить все зависящие от нас усилия с тем, чтобы, насколько возможно, обеспечить Сербию от грозящих ей опасностей». Весьма важным, на наш взгляд, является следующее положение инструкции Гирса: «Предшествовавший и несогласный с доброжелательными советами нашими образ действий короля Милана не может внушать нам ни малейшего к нему доверия. Ввиду этого Вам ни в коем случае не следует принимать участие в усилиях других держав... примирить короля с народом...»¹⁹.

Приведённый документ является, на наш взгляд, исключительно важным с точки зрения российско-сербских отношений рассматриваемого периода: впервые в дипломатической переписке глава внешнеполитического ведомства детально излагает позицию официального Петербурга в отношении короля Милана, учитывая изменившуюся обстановку. «Подвижка» руководителей российской дипломатии по этому вопросу не вызывает сомнений. Примечательно уже то, что он подробно анализируется, а Персиани получает детальные инструкции. Скрытая агитация против законного монарха звучит в следующих указаниях: «... Не высказываться слишком открыто против восстановления согласия между Миланом и Сербией, но и не скрывать от сербов, которые станут обращаться... за советами, что мы мало ве-

рим в возможность установления прочного порядка вещей...». Но главное заключается в том, что если раньше, несмотря на негативное отношение к Милану официального Петербурга, он признавался «единственно возможным правителем в Сербии», но теперь высшие силы Империи во главе с императором были уже не против его «ухода», легитимного, конечно. Более того, в процитированном выше документе как вполне реальная рассматривается возможность смены династии в Сербии. «В случае неизбежности отречения короля Милана, — наставлял Персиани Гирс, — австро-венгерское правительство решится, по всей вероятности, поддерживать права его сына под регентством королевы Натальи. Но, с другой стороны, весьма вероятно, что вследствие внушённой королём Миланом к себе ненависти, часть сербского народа выскажется в пользу князя Петра Карагеоргиевича, который успел приобрести в Сербии известную популярность благодаря преимущественно родственному союзу с семейством князя Николая черногорского*. Мы не видим достаточных причин заранее высказываться в пользу какого-либо из двух означенных претендентов, и нам казалось бы, что нравственная поддержка наша должна быть обеспечена за тем из них, на стороне которого окажется большинство сербского народа и вступление которого на престол сопряжено с наименьшими потрясениями и волнениями»²⁰.

Вопрос о смене династии в этот критический момент сербской истории стоял вполне определённо. В высших дипломатических сферах России ситуация рассматривалась всесторонне. Персиани получил предписание подробно изложить свои соображения «о замещении верховной власти в случае отречения Милана», что он и сделал в донесениях в МИД 28 ноября (10 декабря) 1885 г. и 22 декабря 1885 г. (3 января 1886 г.).

По мнению российского министра-резидента, в случае отречения Милана возможны три варианта:

«1) Регентство без участия королевы; 2) Регентство, имеющее королеву Наталью во главе и 3) Перемена династии».

* Князь Пётр Карагеоргиевич был женат на старшей дочери князя черногорского Николы княжне Зорке.

Персиани был убеждён, что первый вариант был бы самым законным, но он неосуществим, «так как борьба партий дошла до такого ожесточения, что ни одна из них не допустит перехода верховной власти в руки политических соперников, без междоусобной войны».

Второй вариант Персиани считал возможным, но для интересов России в Сербии нежелательным, так как «своенравие и неустойчивость взглядов её (королевы Натальи. — С. Д.) не представляют никаких гарантий для будущего...». «Прочнее других, — рассуждал он, — является кандидатура князя Петра Карагеоргиевича, но восшествие его на сербский престол сопряжено с затруднениями, которые прежде всего ему создаст Австрия лишь для того, чтобы доказать королю Милану, что она не забывает оказанных им услуг монархии. Поэтому нужно главным образом заручиться уверенностью, что австрийское правительство не воспрепятствует его избранию, прибегая к принудительным мерам, т.е. к военному вмешательству»²¹.

Весьма важным представляется соображение Персиани по конституционному вопросу: «Князю Петру необходимо иметь в виду, что при перемене государственного строя народ ожидает такого рода изменений в “Органическом Уставе” (конституции. — С. Д.), которые возвратили бы ему возможность высказываться открыто по государственным вопросам и дали бы возможность скупщине оказывать на правительство давление, когда оно идёт наперекор народным стремлениям»²².

Возвращаясь к этому вопросу месяц спустя, Персиани высказался уже более определённо, отметив, что «одна лишь перемена династии могла бы дать нам возможность проводить в Сербии... политику, основанную на общих между Россией и Сербией интересах». Идею регентства, в том числе и во главе с королевой Натальей, он считал совершенно несостоятельной (по его убеждению, оно «не может служить... обеспечением для достижения желаемого Россией установления прочных отношений с Сербией»). В случае перехода сербского престола к Петру Карагеоргиевичу Персиани считал возможным влиять на него через его тестя, черногорского князя Николу. Следует отметить, что на сообщении Персиани, датированном 28 февраля 1886 г.,

о возможном отъезде из Сербии короля Милана, Александр III написал: «Мне кажется, что кроме Карагеоргиевича нет другого кандидата»²³.

Изменение позиции официальной России в отношении короля Милана заключалось, таким образом, прежде всего в том, что теперь признавалось возможным «устранение» его, разумеется, легитимным путём, с сербского престола. Кроме того, была названа и вполне конкретная кандидатура преемника нынешнего сербского монарха. Весьма важным представляется то обстоятельство, что в обсуждении данного вопроса принял участие сам император Александр III. Судя по пометам на донесениях из Белграда, соображения Гирса и Персиани были им одобрены²⁴.

Рассуждения о возможной замене на сербском престоле Милана так и остались всего лишь рассуждениями на страницах дипломатических документов, а Персиани неоднократно получал указания с Певческого моста быть осторожным и осмотрительным и не забывать о «миролюбивом» курсе России в «сербском вопросе». Вместе с тем в высших кругах Петербурга не скрывали радости, когда секретной телеграммой от 21 февраля 1889 г. российский посланник уведомил МИД об отречении Милана. На телеграмме Александр III начертил: «Слава Богу»²⁵. Персиани оценивал акт отречения как «победу русской политики в Сербии»²⁶, как начало «новой эры» в истории межгосударственных отношений России и Сербии, ибо «бескровным путём», не вступая в открытый конфликт с Австро-Венгрией, был удалён её главный оплот. То, что с удалением Милана влияние Габсбургской монархии в Сербии пойдёт на убыль, не вызывало сомнений.

Однако, как показали дальнейшие события, радость была преждевременной и по существу напрасной. Отрекшись от престола на 35-ом году жизни и выехав из страны, Милан не собирався уходить из политики. В мае 1890 г. он вернулся в Сербию, внося свою лепту в очередной (из многих) политический кризис и дестабилизацию внутривнутриполитической жизни Сербского государства.

Все 1880-е и начало 1890-х годов в Сербии не затихали политические страсти.

Владан Джорджевич, сербский премьер-министр в 1897–1900 гг., зафиксировал в своих мемуарах следующее: «Тяжела была судьба ответственных политиков в семидесятые, восьмидесятые и девяностые годы XIX в. Страна тогда раздиралась борьбой вошедших в кровавый клинч нескольких партий; при этом каждая из них полагала, что она и есть хранительница сербского патриотизма»²⁷.

Разумеется, всё это отражалось не лучшим образом на состоянии А.И. Персиани, в том числе на его здоровье, что не могли не отмечать те из россиян, которые встречались с ним в Белграде в этот период. Так, сотрудник газеты «Новое время» Евгений Львович Кочетов, писавший под псевдонимом Евгений Львов, в своих воспоминаниях о пребывании в столице Сербского королевства сообщал: «Наш почтенный посол д.с.с. Персиани не скрывает, что его пост настолько тяжёл, что он им тяготится и намерен выйти в отставку лишь только выслужит пенсию. Секретари агентства — очень милые и преданные России люди, но что бы они могли сделать при полном желании в настоящую минуту, я, право, и не придумаю, да и вообще всё наше посольство, или, вернее, весь его подвижной состав, имеет вид командированных во вражий стан парламентёров, с той только разницей, что тем завязывают глаза, а здесь у наших представителей обстоятельства и всё прочее завязывают им рот и связывают руки»²⁸.

И в заключение следует подчеркнуть, что в условиях обострения отношений с Болгарией в период после её освобождения Петербург был заинтересован в сохранении относительного спокойствия в сопредельной стране и в регионе в целом. Именно поэтому особое внимание в деятельности российских дипломатических представителей в Сербии во главе с А.И. Персиани обращалось на «замирение» соперничающих между собой лидеров политических партий и «утишение» партийных страстей — уже с конца 1870-х годов и особенно в преддверии конституционной реформы 1888 г. И дипломаты старались, несмотря на трудности, исполнять свою миссию. Эта позиция российской дипломатии, сохранявшаяся и в 1890-е годы, представляется очень важной для политического развития независимой Сербии, учитывая тогдашние реалии. Её значение подтверждают многочисленные опубликованные и неопубликованные документы.

Примечания

- ¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Отчёты. 1881 г. Л. 25–25 об.
- ² Подробнее см.: *Петрунина О.Е.* 50 лет на службе России: портрет российского дипломата XIX в. И.Э. Персиани // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2008. № 1. С. 84–96.
- ³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 14. Д. 190. Л. 10.
- ⁴ АВПРИ. Ф. Политический архив (далее — ПА). 1895 г. Д. 466. Л. 1 об.—2.
- ⁵ Там же. 1882 г. Д. 419. Л. 137 об.
- ⁶ Там же. 1882 г. Д. 420. Л. 2.
- ⁷ Там же. Ф. Канцелярия. 1882 г. Д. 10. Л. 37.
- ⁸ Там же. Ф. ПА. 1883 г. Д. 424. Л. 71 (А.И. Персиани — Н.К. Гирсу 25 сентября 1883 г.).
- ⁹ Там же. Л. 134.
- ¹⁰ Там же. Л. 134 об.—137 об.
- ¹¹ *Шемякин А.Л.* Радикальное движение в Сербии. Зарождение, становление, первые шаги (1875–1883). М., 1993. С. 102.
- ¹² Там же. С. 103.
- ¹³ АВПРИ. Ф. ПА. 1883 г. Д. 424. Л. 73–74.
- ¹⁴ Там же. 1884 г. Д. 428. Л. 44–44 об. (А.И. Персиани — Н.К. Гирсу 12 февраля 1884 г.).
- ¹⁵ Там же. Д. 425. Л. 35–36.
- ¹⁶ Там же. Д. 428. Л. 60 об.—61. (А.И. Персиани — Н.К. Гирсу 5 марта 1884 г.).
- ¹⁷ Там же. Д. 424. Л. 171–171 об.
- ¹⁸ АВПРИ. Ф. Генеральное консульство в Белграде. Д. 70. Отчёт за 1884 г. Л. 1 об.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. 1885 г. Д. 76. Л. 67 об.—68. (Инструкции датированы 20 ноября 1885 г.).
- ²⁰ Там же. Л. 68–69.
- ²¹ АВПРИ. Ф. ПА. 1885 г. Д. 431. Л. 323 об.—325 об. (А.И. Персиани — Н.К. Гирсу 28 ноября 1885 г.).
- ²² Там же. Л. 326.
- ²³ Там же. 1886 г. Д. 434. Л. 62, 72.
- ²⁴ Там же. 1885 г. Д. 431. Л. 355–355 об. (А.И. Персиани — Н.К. Гирсу 22 декабря 1885 г.).
- ²⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1889 г. Д. 98. Л. 32 (секретная телеграмма А.И. Персиани в МИД 21 февраля 1889 г.).
- ²⁶ Там же. Ф. ПА. 1889 г. Д. 443. Л. 22 об.—23 (А.И. Персиани — Н.К. Гирсу 1 марта 1889 г.).
- ²⁷ Чит. по: *Шемякин А.Л.* Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918): между «национальным идеалом» и «гражданским обществом» // Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС. 1878–1921 гг. М., 2016. С. 202.
- ²⁸ Чит. по: Русские о Сербии и сербах. Т. I. Письма, статьи, мемуары (сост., вступит. ст., закл. А.Л. Шемякина; ком. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина). СПб.: Алетейя, 2006. С. 286.

Александр Васильевич Каульбарс о разграничении между Болгарией, Сербией и Турцией после Берлинского конгресса 1878 г. (по материалам Российского государственного военно-исторического архива)

В истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и послевоенного устройства Балкан заметное место заняли представители старинного дворянского рода из Прибалтики Николай и Александр Каульбарсы. Их биографии удивительно схожи: братья были потомственными военными, дослужились до звания генерал-лейтенанта, были учеными-географами, авторами солидных научных трудов, отмеченных наградами Русского географического общества (РГО), оба пробовали свои силы и на дипломатическом поприще. Это исследование посвящено младшему брату, Александру Васильевичу Каульбарсу, прожившему длинную и яркую жизнь. Он родился в 1844 г. в Российской империи, где еще сохранялись крепостное право и абсолютизм, а умер в 1929 г. в эмиграции в Париже и был похоронен на кладбище Сент-Женевьев Дюбуа. О том, что А.В. Каульбарс на рубеже XIX–XX вв. был заметной фигурой в научных и военных кругах, говорит тот факт, что в дореволюционном Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона ему была посвящена большая статья с подробным перечислением боевых заслуг и географических открытий.

Из послужного списка А.В. Каульбарса мы узнаем, что он учился в Николаевском училище гвардейских юнкеров, начал военную службу в 1861 г. в лейб-гвардейском Гатчинском полку. Позже закончил Николаевскую академию Генерального штаба и был направлен в ноябре 1868 г. в штаб Туркестанского военного округа. Там офицеру довелось принять участие в боевых операциях и заниматься рекогносцировкой местности. За отличие по службе Каульбарс был произведен в подполковники и награ-

жден орденами: Св. Станислава 2-й степени, Св. Владимира 1-й степени, Св. Анны 2-й степени. За заслуги в Хивинском походе он получил серебряную медаль и золотую саблю с надписью «За храбрость»¹. В 1877–1878 гг., уже в чине полковника Главного штаба, Каульбарс принимал активное участие в военных действиях на Балканах. Отличился во многих операциях, вместе с русской артиллерией преодолел Балканский хребет, был отмечен несколькими боевыми наградами². Опыт Каульбарса в проведении топографических изысканий принес немалую пользу русской армии при рекогносцировке местности у реки Дунай летом 1877 г. Поэтому его назначение делегатом международной комиссии по установлению сербско-болгарско-турецкой границы не было случайным. Профессиональная и научная квалификация А.В. Каульбарса давала основания полагать, что в короткий срок удастся провести правильную линию границы, избежав при этом дипломатических осложнений с властями балканских государств и с представителями великих держав. Также можно предположить, что выбор пал на полковника Каульбарса потому, что в конце 60-х годов XIX в., во время службы в Средней Азии, он не только обследовал русла рек Амударья и Сырдарья, но прошел несколько неизвестных перевалов Тянь-Шаня и нанес их на карты. Результаты своих изысканий он сообщил в Русском географическом обществе, которое наградило исследователя двумя золотыми медалями³. Очевидно, навыки работы в горной местности должны были пригодиться и в высокогорных областях Балканского полуострова.

Об участии А.В. Каульбарса в международной комиссии можно составить довольно полное представление по документам, сохранившимся в РГВИА. Важную информацию удалось найти в его телеграммах, отправленных в Военно-топографический отдел Главного штаба. Отдельно стоит отметить переписку с начальником съемки Западной Болгарии Военно-топографического отдела генерал-майором А.Г. Эрнефельтом⁴. Из этих документов становится понятно, что в ходе делимитации возникали серьезные разногласия по вопросу о месте и порядке работ, выполняемых военными топографами для комиссии. Особого внимания заслуживают личные дневники А.В. Каульбарса, которые

он вел на протяжении многих лет⁵. В тетради за 1878–1879 гг. подробно описаны обстоятельства работы международной комиссии по разграничению. Личные впечатления автора дневника о поездках на Балканы в статусе делегата тоже содержат ценные сведения⁶.

Первая его командировка продолжалась с сентября по ноябрь 1878 г., вторая — с апреля по июль 1879 г. В первом случае Каульбарс был рядовым членом комиссии, во втором его выбрали председателем.

Первая встреча всех делегатов состоялась в сентябре 1878 г. в Белграде, куда прибыли дипломаты Великобритании, Австро-Венгрии, Франции, Германии, Италии, России и Османской империи. Сразу выяснилось, что «о комиссии для Сербии и Черногории в Берлинском трактате забыли», — записал в дневнике Каульбарс⁷. Поэтому, когда делегаты прибыли в Белград, Сербское княжество еще не имело официального приглашения на проведение делимитационных работ. Это означало, что великие державы не слишком задумывались о справедливом разграничении, скорее, каждая из них имела собственные интересы на Балканах после окончания войны. Откровеннее других вёл себя комиссар Великобритании, который время от времени делал антисербские заявления. Так, в конце сентября (начале октября по новому стилю) 1878 г. он заявил, что не следует приглашать сербов на каждое заседание комиссии⁸.

Делегаты европейских стран уже в Белграде плохо скрывали свою неприязнь друг к другу. Особенно А.В. Каульбарс отметил напряжение между представителями Франции и Германии. В своем дневнике он раздумывал над тем, как можно использовать очевидные разногласия коллег-европейцев в интересах России. После приезда на место разграничительных работ, расхождения в позициях членов комиссии увеличивались с каждым днем. Работа комиссаров носила напряженный характер из-за постоянных споров, ссор и даже скандалов, в стороне от которых не остался и полковник Каульбарс.

В 20-х числах сентября 1878 г. комиссары приехали в окрестности сербского городка Вране, где под аплодисменты присутствующих была торжественно установлена первая веха, а затем на-

чались тяжелые будни. Оказалось, что делегатов ждали суровые испытания, так как они прибыли в труднодоступный и малозаселенный район, где почти невозможно было найти подходящее жилье, проводников и работников. Во временном подчинении комиссаров были военные топографы, которым нужно было точно нанести на карты все участки будущей границы. Но без вспомогательного персонала достичь этой цели было невозможно. Для того чтобы в полной мере оценить сложность делимитационных работ, которые предстояло провести в максимально короткие сроки, можно обратиться к очерку истории русской военной топографической службы, изданному специалистом и участником событий тех лет В. Де Ливроном в 1880 г. В своей книге Де Ливрон назвал работы на Балканах «обширными и замечательными». Он профессионально описал все подробности и качество проводимых на театре военных действий и после окончания войны съемок⁹. Из этого описания становится ясно, что русские военные топографы применяли одновременно геодезические, астрономические и тригонометрические методы исследования местности, добиваясь максимальной точности своих чертежей. Для этого нужны были многочисленные сложные и объемные приборы, которые приходилось ежедневно доставлять на места съемки. Поэтому без помощи местных жителей, которых привлекали в качестве проводников и носильщиков, невозможно было обойтись. Однако, судя по дневнику Каульбарса, население изучаемого района очень неохотно соглашалось иметь дело с членами комиссии, опасаясь наказаний со стороны прежней турецкой администрации. Да и сами топографические съемки были тяжелой физической нагрузкой. Военные топографы в сопровождении делегатов комиссии поднимались на высокие, иногда очень крутые, почти отвесные вершины или спускались в глубокие овраги. А.В. Каульбарс назвал рельеф будущей границы «адской местностью». Перепады высот влияли на погодные условия, жара стремительно сменялась стужей, часто шли проливные дожди, выпадал снег, густой туман становился непреодолимой помехой. Приведем пример из рапорта от 27 апреля 1879 г. штабс-капитана Котовского, начальника четвертого съемочного отделения топографической съемки Западной Бол-

гари: «С начала полевых работ и по настоящее время дождь, а в горах град и снег препятствовали успешному производству съемки. Хребет, по которому пролегает граница Княжества Болгарского с Сербией, весь в снегу, а постоянно покрывающий его густой туман служил главным препятствием успеху работ. Съемщики несколько раз поднимались по трудно восходимым подъемам на хребет в надежде, что туман рассеется, и им представится возможность работать, и каждый раз возвращались, не подвигнув нисколько работу вперед. Неблагоприятные же климатические условия сильно повлияли на здоровье, как съемщиков, так и находящихся при них для работы нижних чинов»¹⁰. Как видим, от сотрудников комиссии требовались не только профессиональные навыки, но и хорошая физическая подготовка, выносливость и упорство.

В донесениях начальству русский делегат комиссии называл еще один фактор, осложнивший ход работ. Изначально планировалось вести разграничение на основе старых австрийских карт, которые оказались весьма приблизительными. Их данные не соответствовали реальной протяженности границ, так как не учитывали особенностей рельефа. На месте оказалось, что «все расстояния, благодаря извилистому направлению водораздела, выглядят несравненно длиннее», — написал А.В. Каульбарс А.Г. Ернефельту в июне 1879 г.¹¹. Благодаря съемкам, которые провели русские военные топографы еще до начала работы международной комиссии, эти затруднения удавалось преодолевать. Многие, хотя и не все, русские наработки были отданы в распоряжение делегатов и получили самую высокую оценку: «...Первая поверка русских планшетов в поле привела нашу комиссию в восторг. Это было на участке поручика Градского, который вообще сделал на нас прекрасное впечатление. Понадеюсь, что и дальше так будет»¹². Позже Каульбарс в дневнике и в сообщениях начальству несколько раз отмечал высокое качество съемок, которые вели русские военные. Правда, случались и промахи: в мае 1879 г. англичане обратили внимание на плохо выполненные чертежи одного из съемщиков, что сильно расстроило русского комиссара. В своем дневнике он выразил опасения, что небрежность одного сотрудника пагубно отразит-

ся на репутации всех русских специалистов: «Я просто в отчаянии. Все эти господа (члены комиссии. — *В. Х.*) имеют теперь право думать, что если топограф, назначенный в комиссию, так плох, то что же все остальные?»¹³. Однако в целом иностранные коллеги признавали высокое качество картографических изысканий, произведенных русскими. 14 (26) июля 1879 г. Каульбарс написал из Ниша: «...Работа наших топографов и на турецко-сербской границе высоко ценится членами международной комиссии, удивление их вызывает и мужественная настойчивость этих людей, которые вот уже месяц ежедневно подвергаются самой серьезной опасности со стороны албанцев. Признаюсь, если бы я прежде знал о положении дел на границе, как это знаю теперь, то не решился бы даже просить о назначении топографов»¹⁴. Проявленные А.В. Каульбарсом щепетильность и требовательность к себе самому и подчиненным, говорят о его стремлении поддержать авторитет России в международных делах.

Не только природные условия мешали работе комиссии по разграничению, административных и политических преград оказалось гораздо больше, чем предполагалось вначале. Российское военное командование рассчитывало продолжать топографические съемки Балкан в том же режиме, как это было во время военных действий, но на практике ситуация изменилась коренным образом после подписания Берлинского трактата. Полковник Каульбарс настойчиво доводил до сведения своих коллег в Военно-топографическом отделе, что после окончания войны турки соглашались на съемки местности исключительно в рамках работы международной комиссии и только в сопровождении турецких военных подразделений: «При каждом из наших топографов будет под предлогом сотрудничества один турецкий офицер и конвой от 40 до 50 человек пехоты»¹⁵. Одновременно местные турецкие власти использовали любой повод, чтобы прекратить съемку или ограничить ее максимально короткой дистанцией. В июле 1879 г. А.В. Каульбарс писал А.Г. Эрнефельту: «Обещавши вначале разрешить топографам входить в Турцию на протяжении 3 верст, турки потом сократили это пространство до 1½ и наотрез объявили, что не ручаются за жизнь наших топографов, если это требование не будет исполнено»¹⁶. Архивные докумен-

ты свидетельствуют, что, с одной стороны, представители османской администрации старались создать как можно больше технических препятствий для проведения делимитации. С другой стороны, они полностью снимали с себя ответственность за жизнь и безопасность военных топографов, работавших над составлением послевоенных карт. Время от времени случались аресты и задержания съемочных групп на границе¹⁷.

Сербские чиновники тоже осложняли работу комиссии, потому что ориентировались на указания из Белграда. Сербские политики постоянно твердили о «границе царя Лазаря», то есть настаивали на том, чтобы к Сербии отошли все земли, якобы принадлежавшие ей до Косовской битвы. Правда, никто не мог точно указать, какие это территории, и доказать правоту своих слов, предъявив достоверные исторические документы. Сербская сторона демонстрировала крайнюю несговорчивость, возражая на многие предложения комиссаров. Европейские дипломаты не уступали сербам в упрямстве, особенно напористо вел себя представитель Великобритании, который, по словам Каульбарса, настаивал на своем варианте сербско-болгарской границы, «как козел»¹⁸. Часто конфликтовал с сербами и делегат Австро-Венгрии. Самого Каульбарса задевало то, что европейские коллеги упрекали русских в потворстве сербам. Он был убежден в своей беспристрастности и последовательном нейтральном поведении на совместных совещаниях. Действительно, записи в дневнике говорят о том, что Каульбарс не приветствовал деструктивного поведения сербов, осуждая их попытки вовлечь в споры местных жителей и использовать их недовольство как инструмент давления на комиссаров. 1 (13) октября 1878 г. он написал: «Всюду сербы пропагандируют, что болгарам будет нехорошо — будут платить большие подати, что этого требует русский царь <...>, что как сербские подданные они будут иметь меньше податей. Словом, идет антиболгарская пропаганда, а сербские солдаты расквартировываются всё шире в болгарских селениях. Очевидно, дело идет к взаимному раздружению»¹⁹. Он считал, что эта неуклюжая и опасная агитация демонстрировала «кругозор самый эгоистичный и узкий» и сербских, и болгарских политиков²⁰.

Косвенно влияли на работу комиссии передвижения войск после окончания войны. Там, где уходила сербская армия, тут же появлялись турецкие части, которые быстро размещались в домах местных жителей. Это рождало панические настроения среди славян. В ноябре 1878 г. Каульбарс наблюдал такую картину: «Сербское население, завидя, что сербские войска отступают, начало бросать свои жилища и уходить в Сербию, а дома свои зажигают. Были уже стычки»²¹. В дневнике приводятся слова одного из топографов, который наблюдал исход сербов из родных сёл, сопровождавшийся многочисленными пожарами. Турецкая администрация пыталась силой остановить отток славян, но это принуждение еще больше накаляло обстановку. На землях, отошедших к Сербии, напротив, сербские власти прогнали прочь албанцев, из-за чего начались возмущения албанских племен на турецкой стороне²². Когда после зимнего перерыва в мае 1879 г. комиссия возобновила работу, к делегатам хлынули ходоки, выбранные обитателями приграничных сёл. Все обращения в комиссию содержали просьбы «не отдавать» коренных жителей под чужую власть. Время от времени эти акции перерастали в массовые беспорядки. Взрывоопасную обстановку на границах А.В. Каульбарс объяснял подстрекательством местных чиновников, утверждая, что обычные люди не испытывали вражды по отношению к представителям других этносов. 30 мая (11 июня) 1879 г. случился очередной скандал, когда в помещение, где заседали делегаты комиссии, ворвался болгарский жандарм и начал словесную перепалку с сербским представителем: «Друг друга, и, конечно, основательно, они обвиняли в подговаривании народа на свою сторону»²³. А.В. Каульбарс справедливо полагал, что такие споры лишены смысла, поскольку население в районе делимитационных работ давно перемешалось. Трудно было отличить сербов от болгар из-за многочисленных смешанных браков, «отсюда смешение крови, языков и обычаев»²⁴. По наблюдениям русского делегата, куда больше крестьян беспокоило то, что новая граница рассекала сёла, пашни и сады. Это механическое разрезание полей и угодий было для местных жителей самым большим неудобством, рождало не только хозяйственные затруднения, но и эмоциональные проблемы. У многих обитате-

лей приграничья складывалось ощущение, что они теряют земли своих предков. Топографы часто оказывались в тупике из-за одинаковых названий нескольких сёл. Особенно трудной была работа на тех участках, где с турецкой стороны проживали албанцы. А.В. Каульбарс рассказывал в письме А.Г. Эрнефельту: «...Съемки на албанской границе стали с первого шагу в совершенно особые условия благодаря возбужденности этого племени и нежеланию или немочи турок уговорить их. Комиссия наша, сопровождаемая конвоем из двух батальонов, всё время в опасности. И я должен сейчас сказать, г[оспода] топографы выказали много истинного мужества во время работ в этой местности»²⁵. Тем не менее, несмотря на все сложности, комиссия шаг за шагом продвигалась к поставленной цели, определяя всё новые участки границы.

Дневник Каульбарса позволяет проследить, как менялись настроения представителей западноевропейских стран по ходу работы комиссии. Сначала они проявляли твердость и непоколебимость в отстаивании своей точки зрения, демонстрировали нежелание идти на компромиссы. Однако суровые бытовые условия, трудные обстоятельства, опасности, время от времени грозившие дипломатам, сделали комиссаров сговорчивыми. Резко изменилось поведение англичан, которые в начале разграничительных работ позволяли себе очень смелые заявления. Например, на обеде, устроенном для членов комиссии британским делегатом 28 октября (9 ноября) 1878 г., один из его соотечественников выпалил, что «Турция теперь Англия, потому что [ей] нужно соединить Средиземное море с Индией английскими землями, которые пройдут через Турцию и Персию», а Константинополь будет «столица Англии». Каульбарс отметил, как нервно британский комиссар реагировал на эти заявления, не в силах скрыть раздражения, вызванного чрезмерной откровенностью своего коллеги²⁶. Примечательно, что именно британский делегат в ноябре 1878 г. первым заговорил об окончании съемок. Как ехидно выразился Каульбарс, «у комиссаров заболели ножки»²⁷. Вскоре европейцы стали настаивать на скорейшем окончании работ, а некоторые просто уехали с места делимитации в более спокойные населенные пункты. Ситуация повторилась после пе-

рерыва в 1879 г. В конце апреля комиссия решила продолжить работы в том месте, где они были приостановлены. А уже 11 мая на очередном заседании заговорили о прекращении работ. Стало ясно, что некоторые делегаты явно тяготились своим поручением, старались уклоняться от выездов на места съемок. А.В. Каульбарс, будучи председателем комиссии, был раздосадован таким поведением коллег. Он с горькой иронией объяснил такое поведение тем, «что бедненьким комиссарам холодно и скверно спать»²⁸. В начале июня 1879 г. четверо делегатов, «не желая мучить дворянские кости, порешили уехать в Пирот под предлогом, что превосходные русские съемки и [...] обозначенная граница не требуют делимитации»²⁹. На границе остались и довели дело до конца русские, английские и турецкие топографы.

Подводя итог, следует отметить, что после Берлинского конгресса на Балканах не наступил долгожданный мир, о чем красноречиво свидетельствуют дневники и письма А.В. Каульбарса. Находясь в гуще событий, он видел, что ситуация на границе может в любой момент спровоцировать новую волну боестолкновений. Расчёт великих держав, что делимитация, проведенная по букве Берлинского трактата, то есть чисто техническая процедура, приведет к стабилизации региона, не оправдался. Ценой огромных усилий военных топографов и дипломатов разграничительные работы были закончены, однако делимитация границы не могла заменить эффективных политических решений, принятых согласованно всеми заинтересованными сторонами на Балканском полуострове. Только достигнутый путем разумных взаимных уступок баланс интересов великих держав и маленьких балканских государств мог обеспечить устойчивый мир и стабильность. Но ни большие, ни маленькие участники международных отношений не были готовы к таким компромиссам, поэтому войны в регионе продолжались.

Примечания

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 295–596. Л. 1–19.

² Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 295–596. Л. 29–30.

³ Каульбарс А. Материалы по географии Тянь-Шаня, собранные во время путешествия 1869 г. членом-учредителем Средне-Азиатского общества бароном А.В. Ка-

ульбарсом // Записки ИРГО. 1875. Т. V. С. 253–539; *Каульбарс А.В.* Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г. Генерального штаба полковником бароном Каульбарсом // Записки ИРГО. 1881. Т. 9. 630 с. и др.

- 4 РГВИА. Ф. 404. Оп. 14. Д. 19. Дело военно-топографической съемки Западной Болгарии. 1877–1879.
- 5 РГВИА. Ф. 203. Оп. 1. Д. 2, 3, 4, 5, 6, 7.
- 6 Там же. Д. 6.
- 7 Там же. Л. 9 об.
- 8 Там же. Л. 49–50.
- 9 Основанием для составления впоследствии карт по съемочному материалу должны были служить астрономические и тригонометрические пункты, определенные с точностью, соответствующей новейшим способам наблюдений и совершенству инструментов. Так как определения эти, по необходимости, должны были производиться одновременно с топографическими работами, то координаты пунктов не могли быть вычислены и нанесены заранее на съемочные брульоны (первый набросок чертежа. — В. Х.). Поэтому для установления необходимой связи тригонометрических работ с топографическими триангуляторы должны были указывать съемщикам на самой местности основные пункты, которые обозначались на брульонах и надежно определялись относительно точек прокладываемой в каждом съемочном участке графической сети» // *Де Ливрон В.* Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1855–1880 гг. СПб., 1880. С. 51–52.
- 10 РГВИА. Ф. 404. Оп. 4. Д. 19. Л. 97.
- 11 РГВИА. Ф. 404. Оп. 14. Д. 20. Л. 10–13.
- 12 Там же. Д. 19. Л. 171.
- 13 РГВИА. Ф. 203. Оп. 1. Д. 6. Л. 129 об.
- 14 РГВИА. Ф. 404. Оп. 14. Д. 20. Л. 13.
- 15 Там же. Д. 19. Л. 173 об.
- 16 Там же. Д. 20. Л. 11 об.
- 17 *Хлебникова В.* Вклад российских военных топографов в дело разграничения балканских стран после Берлинского конгресса 1878 г. (по материалам РГВИА) // *Перспективы.* Эл. журнал. 2023. № 4. С. 96–103.
- 18 РГВИА. Ф. 203. Оп. 1. Д. 6. Л. 70.
- 19 Там же. Л. 65.
- 20 Там же. Л. 66.
- 21 Там же. Л. 100.
- 22 Там же. Л. 130.
- 23 Там же. Л. 155 об.
- 24 Там же. Л. 146.
- 25 РГВИА. Ф. 404. Оп. 14. Д. 20. Л. 11.
- 26 А.В. Каульбарс написал: «Wilson слушал одним ухом и кусал губы от злости» // РГВИА. Ф. 203. Оп. 1. Д. 6. Л. 88 об.
- 27 Там же. Л. 96 об.
- 28 Там же. Л. 138.
- 29 Там же. Л. 158.

Посланник Н.В. Чарыков о внутриполитическом положении Сербии начала XX века и перевороте 1903 г.

Берлинский конгресс 1878 г. окончательно подтвердил государственный суверенитет Сербского княжества. Начинаясь новая страница сербской истории, продолжавшаяся до 1914 г. — начала Первой мировой войны. Эти 36 лет стали поистине судьбоносными для страны, что связано с развитием основ ее государственности. Вступив в Первую мировую войну, Сербия не только понесла огромные материальные и человеческие потери, но и принесла свой суверенитет в жертву строительству новой страны и стремлению собрать воедино «неосвобожденных братьев». Однако тот факт, что именно Сербское королевство стало фундаментом для образования югославянского государства, не случаен. Российский посланник в Белграде в 1914–1916 гг. Гр.Н. Трубецкой отмечал в своих мемуарах, что «у сербов было большое преимущество долговременного пользования независимостью. Сербия была государством, имевшим все необходимые, хотя, может быть, и несовершенные органы власти, а также и прекрасную армию. Если бы объединение совершилось, то заслуга в этом деле принадлежала бы Сербии, а не Хорватии, цементам его была бы сербская кровь. Это создавало Сербии несомненное право на первенство в будущем государстве. Кроме того, если бы такое государство осуществилось, перед ним встали бы многочисленные международные задачи, для решения которых потребовалась бы сильная власть»¹. Таким образом, изучение особенностей функционирования институтов «новой» сербской государственности, происходившего в том числе на фоне событий «весны народов» — французской революции 1848–1849 гг. и ирредентистского движения к сплочению вокруг одного центра распылённых земель Германии и Италии, важно для понимания

истоков формирования Белграда как ядра югославянского объединения, к началу XX века позиционировавшего себя как региональный «Пьемонт».

В конце XIX века страна вступает в новый этап своего государственного развития, связанный с становлением в 1881 г. трех основных политических партий страны — радикалов с Николой Пашичем во главе, боровшихся за усиление роли скупщины и отстаивающих в этой связи «славянские» традиции и ценности, «напредняков» (от сербс. «прогресс»), лидер М. Пирочанац), выступающих за сильную королевскую власть, ускоренную модернизацию и построение гражданского общества, и уже оформившихся к тому времени либералов (лидер Й. Ристич).

При этом к началу XX века сама Сербия представляла собой совершенно патриархальную аграрную страну, где крестьянство составляло около 90% населения, где было всего около 500 км железных дорог, а промышленность состояла из 28 предприятий, на которых было занято около 2 тыс. рабочих². «По роду занятий население современного сербского государства представляет картину весьма слабой дифференциации: земледелием и скотоводством занято свыше 84 процентов жителей, фабричная же промышленность находится в зародыше, интеллигенции мало, и почти вся она состоит на государственной службе, причем, в силу парламентского строя, связанного с обычаем менять вместе с кабинетом министров и весь состав бюрократии в зависимости от принадлежности к той или другой партии, весьма много лиц находится в отставке, получает сравнительно большие пенсии и этим сильно отягощает народный бюджет»³, — писал во второй половине XIX века русский историк А.Л. Погодин. Всё это накладывало глубокий отпечаток не только на отношение общества к формирующимся государственным структурам, но и на общий характер бюрократии, функционированию которой были свойственны простота и патриархальность. Тот же А.Л. Погодин отмечал: «Многое в современном положении Сербии находится в состоянии переходном или едва намечено. Европейские вкусы небольшой группы лиц и полная патриархальность народных масс, сильное тяготение интеллигенции на запад и глубоко укоренившаяся в массах привязан-

ность к России: таковы те контрасты, которые поражают в современной жизни сербов»⁴. Это переходное состояние прекрасно иллюстрируется и внешним обликом сербской столицы начала XX века, где рядом «с великолепными зданиями еще уцелели и полуразвалившиеся лачуги», «по грязным переулкам бродят свиньи, а на больших широких улицах с быстро пробегающего электрического трамвая можно видеть группу крестьян, мирно расположившуюся обедать тут же на асфальте»⁵.

Практически все высшие слои чиновничьей и военной элиты формирующегося сербского государства, являясь выходцами из сельской среды, обеспечивали своей деятельностью не столько решение конкретных управленческих задач, сколько весьма важную и устойчивую связь между центром и провинцией, внося в политику свою партикулярную, в данном случае архаичную, «семейную» мотивацию, которую они ставили выше общегосударственных целей. Всё это делало Сербию государством с нестабильной политической системой и непредсказуемым порядком престолонаследия. Укажем в этой же связи на типичный для Сербии институт регентства, прошедший через всю историю существования двух сербских династий, а также на то, что в течение XIX века насильственное смещение монарха было скорее правилом, чем исключением⁶. По словам отечественного исследователя А.Л. Шемякина, «насилие в различных проявлениях (причем, “сверху” и “снизу”) являлось важнейшим фактором политического развития Сербии»⁷. В свою очередь, оценивая особенности развития политической системы сербского государства, сербский историк Л. Перович заметила, что «для политических деятелей Сербии второй половины XIX и начала XX века западноевропейские формы, т.е. политическая модернизация, имели прикладное значение. Они были приняты с тем, чтобы заручиться поддержкой Европы в отношении планов, вынашившихся в сущности патриархальным и закрытым обществом»⁸.

В то же время потребности как экономического, так и общественно-политического развития требовали от белградских правящих кругов выбора стратегического союзника, каковым, в силу географической близости, могла стать Австро-Венгрия. Эти события, однако, имели более глубокие последствия, чем

просто смена внешнеполитических приоритетов. Именно Вена могла стать для Белграда «окном в Старый Свет»⁹, тем ключом, с помощью которого можно было добиться процветания собственной страны в связи с надеждами на ее вхождение в мировую систему хозяйства и комплексную модернизацию ее экономической и политической системы, тем более что на Австро-Венгрию приходилось около 66% импорта и до 93% экспорта страны. Заключенный в апреле 1881 г. сербо-австрийский торговый договор предполагал облегчение ввоза австрийских промышленных товаров, что обеспечивало их преобладание на сербском рынке, а Австро-Венгрия, в свою очередь, ввела льготный таможенный тариф на ввоз на свою территорию сербской сельскохозяйственной продукции, прежде всего свиней, крупного рогатого скота, кожи, чернослива. В июне этого же года князь Милан Обренович заключил с Веней политическую конвенцию сроком на 10 лет, по которой Сербия отказывалась от своих притязаний на Боснию и Герцеговину и Новопазарский санджак. Вскоре была подписана и военная конвенция, а 22 февраля 1882 г. Милан провозгласил себя королем. Для Петербурга возникла опасность потерять свой имидж покровителя славянского мира¹⁰.

Именно поэтому российские правящие круги особенно внимательно следили за происходившим в стране и регионе бурлением политических страстей. Не последнюю роль в информировании Петербурга о событиях на Балканах в начале XX века играли донесения дипломатического представителя в Белграде, опытного дипломата Николая Валерьевича Чарыкова (1855–1930)¹¹. Анализ его донесений, содержащий оценки происходивших в Сербии событий, позволяет глубже проанализировать механизм принятия МИД многих ключевых решений, как по отношению к Сербии, так и в общем контексте балканской политики России. Причем, сам Н.В. Чарыков, назначенный на пост посланника в 1901 г., подчеркивая важность своей миссии, впоследствии вспоминал, что он «никогда не работал так усиленно, как в Белграде»¹².

Действительно, новому российскому посланнику пришлось решать непростые вопросы, связанные с восстановлением российского влияния в стране. В поле зрения дипломата оказались самые разнообразные стороны сербской политики — от внутрен-

них проблем королевства, связанных с династическими интригами и борьбой политических партий, до внешнеполитических амбиций молодого балканского государства, тем более, что к началу XX века положение династии Обреновичей было непротстым. «Новый курс» сербского короля вызвал в стране глубокий системный кризис. Тимокское восстание 1883 г. и проигранная война с Болгарией 1885–1886 гг. привели в январе 1889 г. к его отречению от престола в пользу своего 12-летнего сына Александра. Сам же он покинул страну. В обмен на это из средств русского Волжско-Камского банка ему была выплачена ссуда в 2 млн франков. Генерал С. Груич сформировал правительство радикалов, перед которым, по словам исследователя О.В. Павлюченко, «стояла довольно сложная внешнеполитическая задача: с одной стороны, добиться улучшения отношений с Россией, а с другой — сохранить прежнее благосклонное отношение соперницы России на Балканах и покровительницы Обреновичей Австро-Венгрии»¹³.

В апреле 1893 г. сын Милана Обреновича Александр провозгласил себя совершеннолетним, полностью узурпировав власть в стране в своих руках. Милан, вернувшись в Сербию из Австро-Венгрии, стал соправителем сына и главнокомандующим сербской армии. В мае того же 1894 г. произошло изменение сербской конституции, которая была заменена Уставом 1869 г. Вскоре было сформировано послушное Александру Обреновичу правительство Владана Джорджевича (1897–1900 гг.).

24 июня (6 июля) 1899 г. на Милана Обреновича было совершено покушение (так называемый «иванданский атентат») ¹⁴. Событие это было использовано Миланом для удара по лидерам оппозиции, прежде всего по Радикальной партии. Вскоре были арестованы видные ее деятели — К. Таушанович, А. Станоевич, Л. Живкович, а также лидер партии Н. Пашич. Это событие вызвало череду отставок в кабинете министров. Своих постов лишились Й. Андонович, министр внутренних дел, и С. Лозанич, министр общественных работ. Новым министром внутренних дел стал лично преданный Милану либерал Д. Генчич, сыгравший, как мы увидим далее, одну из ключевых ролей в свержении с престола его сына. С. Лозанича заменил Ж. Живанович. Непо-

средственный исполнитель покушения 25-летний С. Кнежевич, несмотря на свои заявления о невиновности, был приговорен к смертной казни, и приговор был приведен в исполнение в тот же день. Смертный приговор был вынесен и в отношении скрывавшегося в Черногории Ранко Тайсича. Значительные сроки заключения получили лидеры Радикальной партии: К. Таушанович получил 10 лет, а Ст. Протич, Л. Живкович, М. Джурич — 20 лет каторжных работ. Н. Пашич, осужденный на пять лет заключения, сумел избежать наказания благодаря произнесенной им на суде покаянной речи с выражением преданности династии Обреновичей и обещаниями прекратить политическую деятельность, а после объявленного 13 сентября 1899 г. помилования он поспешил отправить королю Александру верноподданническую телеграмму¹⁵.

Вместе с тем расправа над радикалами лишь усилила политический кризис режима Обреновичей. Российский представитель в Белграде П.Б. Мансуров отметил в донесении в августе 1899 г.: «За исключением престарелого и потерявшего свой авторитет Ристича¹⁶, никто из дорожащих своею политической репутацией государственных людей не решается связать свое имя с нынешним строем»¹⁷. Характерно, что осужденные лидеры Радикальной партии вскоре были выпущены на свободу — они были амнистированы по случаю женитьбы Александра, при этом официально были названы жертвами милановского режима.

Последующие годы правления Обреновичей характеризуются усилением режима личной власти короля при постоянных сменах кабинетов министров. И в этом накале политических страстей в стране не последнюю роль играл являвшийся предметом пристального внимания петербургских правящих кругов династический вопрос, усугубившийся решением короля Александра жениться на своей фаворитке, женщине значительно его старше и пользующейся дурной репутацией — Драге Машин. Милан Обренович отвернулся от собственного сына. Находясь в это время за границей, он после объявления помолвки порвал с ним и, отказавшись возвращаться на родину, умер в январе 1901 г. в Вене. Не принял Александра и Драгу и официальный Петербург. Хотя Николай II согласился стать кумом молодых,

но своего представителя так и не прислал. Весной 1901 г. предполагалось посещение Александра и Драги Санкт-Петербурга. Однако этот визит неоднократно откладывался, и, в конце концов, сербская королевская чета так и не была принята российским императорским двором, что еще больше уронило авторитет сербского короля в глазах общества и способствовало активизации деятельности заговорщиков, сторонников провозглашения королем Сербии князя Петра Карагеоргиевича. Сам же Александр усматривал в этом происки Н.В. Чарыкова. Во время свидания в декабре 1902 г. в Нише с российским министром иностранных дел В.Н. Ламздорфом король выдвинул прямые обвинения в адрес российского посланника. Он указал, что тот не только вводил его в заблуждение по поводу сроков предполагаемой поездки, но и пытался вмешиваться во внутренние дела Сербии, открыто выступая против назначения главой кабинета Д. Цинцар-Марковича. Обращение Александра, тем не менее, осталось без последствий. В частном письме к Чарыкову Ламздорф указывал, что король, «чувствуя, что в его поведении были некоторые погрешности», «пытается свалить ответственность за них на других». Далее российский министр отмечал: «Придавать особого значения этому приему не следует, и в Ваших дальнейших отношениях с Его Величеством вам лучше было бы совершенно игнорировать факт его обращения ко мне»¹⁸.

6 апреля 1901 г. король Александр провозгласил новую конституцию, разработанную напередняками еще в 1896 г., которая вводила в Сербии двухпалатный парламент — народную скупшину и сенат. Часть радикалов образовала в мае 1901 г. свою партию — Сербскую независимую радикальную партию («самосталцы»), или «младорадикалы»), которую возглавил профессор Л. Стоянович. С.И. Данченко отметила по этому поводу, что «попытки короля Александра укрепить шатающийся трон наталкивались на растущее сопротивление различных слоев сербского общества — интеллигенции, радикально настроенной молодежи, офицерства. Даже сенат, куда было избрано немало радикалов, доставлял немало беспокойства королю. Уже на первых его заседаниях ряд сенаторов призвали верхнюю палату придерживаться в своей деятельности принципов радикальной демократии,

основанной на началах народного суверенитета»¹⁹. Известный сербский дипломат Ч. Миятович, член Сената, отмечал резкое усиление общественного недовольства королем. «Мужчины и женщины высшего общества сетовали на королевскую надменность, а также мне говорили, что многие офицеры отзываются о короле с откровенной ненавистью»²⁰. Причем, австрийский посланник Константин Думба открыто заявил Чарыкову, что «армия у сербов плохая, а снабжение находится в плачевном состоянии»²¹. Сам же Чарыков в одном из донесений в мае 1901 г. подчеркивал, что «со времени оставления Миланом Обреновичем командования сербской армией последняя переживает период ломки, и управление ее страдает отсутствием твердого представления о ее истинном назначении»²². К тому же российский посланник отмечал, что «торговый люд жалуется на шаткость и непостоянство нынешнего режима, вредно отзывающегося на деловых операциях», крестьяне опасаются быть «снова проданными Австрии»; наконец, «в армии давно уже зреет ропот, вызванный неаккуратной выдачей жалования»²³.

Сербский король, в свою очередь, усиливал режим личной власти, сформировав в ноябре 1902 г. новое, «нейтральное» правительство генерала Д. Цинцар-Марковича, а в январе 1903 г. в нарушение законодательства распустил скупщину с тем, чтобы как можно дольше сохранить у власти правящий кабинет министров. Н.В. Чарыков в своем донесении от 5 июня 1902 г. отозвался о новом премьере следующим образом: «Сам Цинцар-Маркович человек суровый и властолюбивый, мало популярен, но способен держать армию в руках»²⁴. Последовавшие события показали ошибочность предположений российского дипломата. Однако вошедшие в орбиту его внимания вопросы организации сербских вооруженных сил, хотя формально они выходили за рамки его прямых обязанностей, были далеко не случайны.

При формировании складывавшихся в течение XIX века основ новой сербской государственности, в условиях экономической неразвитости страны, которая не имела ни сильной буржуазии, ни среднего и рабочего классов, именно бюрократия и армия взяли на себя ту функцию, которая в европейских государствах определялась, в первую очередь, экономическим развитием. Кроме того,

становление и развитие сербских вооруженных сил позитивно влияли на общую модернизацию страны, способствовали развитию промышленности, обусловили необходимость строительства железных дорог, создания системы здравоохранения, образования, изменяли общую городскую культуру²⁵.

Именно поэтому в начале XX века военными и политическими кругами Сербии обсуждался вопрос о характере организации вооруженных сил страны — будут ли они регулярными или народными, милиционными? Это противоречие, тесно увязанное со свойственными сербской политике министерскими кризисами, не ускользнуло от внимательного взгляда российского посланника, который в мае 1901 г. подчеркнул: «Покойный король (Милан Обренович. — Я. В.) создавал для Сербии дорогостоящую, но хорошо обставленную активную военную силу и направлял ее на войну с Болгарией. Недавний военный министр полковник Васич начал пересоздание этой армии в милиционное войско, пригодное только для обороны. Сменивший его полковник Янкович, сослуживец Милана, хочет снова повернуть дело на прежнее. Наконец, лозунгом влиятельной ныне радикальной партии служит сокращение военных расходов и содержание военной силы лишь в размере, необходимом для поддержания внутреннего порядка»²⁶. Заметим, что особую роль сербских вооруженных сил в политике королевства иллюстрируют не только произошедшие вскоре трагические события — убийство 29 мая 1903 г. правящей четы Обреновичей, но и характерное для внутренней жизни Сербии 1903–1914 гг. прямое столкновение политических и военных кругов страны — членов организации «Объединение или смерть» («Черная рука») ²⁷. К началу же XX века, по словам сербского историка С. Йовановича, в стране сложилась ситуация, когда одна «револьверная пуля может положить конец целой династии»²⁸. Н.В. Чарыков, анализируя произошедшие события, сделал вполне определенные выводы: «Король отделался от негодных ему сенаторов и членов Державного совета — в большинстве радикалов, избавился от скупщины — в большинстве радикальной, избавился от судей, судивших не по указаниям администрации, а по закону, избавился от печати, критиковавшей его распоряжения, и, наконец, избавился

от избирательного закона, который через тайную подачу голосов давал возможность избирателям не повиноваться правительственным указаниям». Причем, причину подобных действий российский посланник усмотрел исключительно в том, чтобы получить в скупщине и сенате «большинство голосов для решения, согласно воле короля, вопроса о престолонаследии»²⁹.

Прошедшие в середине мая 1903 г. выборы в новую скупщину, от участия в которых демонстративно отказались радикалы, походили на настоящий фарс. Как заметил Н.В. Чарыков, «заранее назначенные, преданные правительству избиратели передали заранее назначенным, преданным правительству комиссиям заранее запечатанные конверты с именами правительственных кандидатов»³⁰. На избирательные участки явилось всего 182583 человека, из которых только 1312 проголосовали против указанных им заранее лиц. Выбранные таким образом 130 депутатов были распределены на три фракции, которым, как заметил российский посланник, «были приданы названия прежних политических партий». Так, 62 депутата представляли либералов, 34 — напредняков, а 24 — радикалов. Н.В. Чарыков при этом иронически отметил, что 10 депутатов новой скупщины было до такой степени преданы правительству, что «оно само не знает, как их назвать»³¹.

Отныне, как заметил американский исследователь Д. Маккензи, «мало кто не желал освободить Сербию от сурового королевского деспотизма»³², а сербское офицерство стало силой, способной осуществить государственный переворот, который, случайно приуроченный к очередной годовщине убийства Михаила Обреновича в 1868 г., был осуществлен в ночь на 29 мая (11 июня) 1903 г. В этом смысле донесения российского посланника могут не только оказать существенную помощь исследователю в реконструкции хода и действующих лиц событий той кровавой ночи, но и опровергают многочисленные домыслы об участии России в свержении династии Обреновичей, в том числе и о том, что Н.В. Чарыков, исполняя прямые указания Петербурга, явился истинным организатором этого преступления³³. Впервые подобное утверждение появилось в статье «Перед 29 мая» Марии Цинцар-Маркович — вдовы убитого премьера, опубликованной в сербской газете «Политика» 29 октября 1926 г. Она указывала,

что именно российский посланник явился инициатором этого злодеяния: «То, что официальная Россия дала свое согласие на осуществление майского переворота, вследствие плохой оценки ситуации в стране и угрозы своим интересам, то это во многом благодаря Чарыкову, который вследствие этого был достаточно быстро переведен из Белграда». Причем, по ее мнению, находящийся тогда в отставке полковник А. Машин не случайно провёл в Петербурге зиму 1902/1903 г. «Семья Цинцар-Марковичей, — пишет Мария, — имеет письмо того офицера, в котором он просит генерала Цинцар-Марковича вернуть его на службу с присвоением генеральского чина»³⁴. Ссылаясь на эту статью, авторитетный исследователь В. Казимирович указывает на участие российского посланника в подготовке переворота. «Не совсем очевидно, но не исключено, что Машин ездил в Россию по предварительному договору с русским посланником в Белграде Чарыковым, который, по сведениям, опубликованным после переворота органом радикальной партии “Самоуправа”, был связан с некими заговорщиками, знал не только то, что они готовят, но и в какой день»³⁵, — утверждает историк.

Вместе с тем, отчеты Чарыкова в МИД о перевороте 1903 г., учитывая, что содержащиеся в них сведения, став для российского правительства основным источником информации об этих событиях, позволяют глубже оценить общий вектор балканской политики Российской империи. Трагические события в сербской столице в целом можно рассматривать как благоприятные для интересов Петербурга. В Европе начала XX века «свободные престолы», на которые напрямую можно было посадить своего ставленника, могли образоваться только на её периферии, там, где проходили границы сфер влияния великих держав. После провала российской политики в Болгарии и заключения в 1897 г. соглашения с Австро-Венгрией о сохранении статус-кво на Балканах перемена династии в Сербии могла быть благоприятна для российской дипломатии, давая новый импульс для развития внешнеполитической концепции Российской империи: сильная Сербия, как союзник, станет препятствием для доминирования в регионе Австро-Венгрии и Османской империи.

Однако, если о существовании заговора против короля Александра и Драги догадывались многие сербские политики и аккредитованные в Белграде дипломаты, то его жестокое осуществление явилось для них полным шоком и неожиданностью. К тому же, как показала сербская исследовательница С. Раич, скандальная, ставшая роковой для династии женитьба короля не могла отрицательно сказаться на характере русско-сербских отношений, поскольку для Петербурга «неполитический» брак короля с незнатной, природной сербкой был намного выгоднее, чем свадьба с одной из немецких принцесс. Да и сама Драга, как замечает С. Раич, была расположена к России и имела с посланником в Белграде хорошие отношения³⁶. После этого убийства российский императорский двор объявил 21-дневный траур по королевской чете, что также показательно говорит об отношении к свершившимся событиям. Примечателен и тот факт, что в своих рапортах о перевороте российский посланник не упоминает одного из самых главных организаторов заговора, будущего лидера организации «Объединение или смерть» («Черная рука») капитана Д. Димитриевича (Аписа), что характеризует весьма слабую осведомленность чинов русского дипломатического корпуса о действительном размахе антидинастического движения³⁷.

Вместе с тем донесения Чарыкова могут пролить свет на нюансы воцарения новой династии, поскольку на освободившийся сербский престол имел права и тесть Петра Карагеоргиевича — черногорский князь Никола Петрович Негош³⁸. Его избрание, и как следствие — объединение этих двух государств под скипетром династии Негошей, могло привести к весьма опасному повороту в балканской политике великих держав, прежде всего России и Австро-Венгрии. И в этом смысле интересы давних политических соперников полностью совпадали. Непосредственно в день убийства королевской четы Н.В. Чарыков доносил в МИД о том, что дипломатический представитель двуединой монархии К. Думба нанес специальный визит ставшему после переворота сербским премьером лидеру Либеральной партии Йовану Авакумовичу — с целью «предупредить его о необходимости избежать кандидатуры князя Николая Черногорского на сербский престол»³⁹. В свою очередь посол России в Вене граф П.А. Кап-

нист заметил, что «в случае постановки черногорской кандидатуры венский кабинет заявил бы категорическое несогласие к признанию, и в случае попытки фактически положить начало слиянию королевства с княжеством он воспротивился бы этому силою, так как это составило бы нарушение “status quo” в ущерб австрийским интересам»⁴⁰. Именно поэтому кандидатура нового сербского короля не только не встретила негативной реакции со стороны австро-венгерских властей, но и способствовала успешности признания Веной Петра Карагеоргиевича в качестве сербского монарха. Причем, К. Думба открыто заявил Чарыкову, что «если здесь произойдут беспорядки, австрийские пограничные войска будут мобилизованы»⁴¹. При этом посланник высказал опасения по поводу перспектив новой династии, причем, не только из-за резкого усиления влияния на нового короля офицеров — исполнителей убийства четы Обреновичей, но и из-за интриг двуединой монархии, на которую российский посланник возлагал значительную долю ответственности за трагедию 29 мая 1903 г., «поощрившей заговорщиков через посредство проживающих в Вене сербских эмигрантов»⁴². Он писал в МИД: «Опасения, или вернее надежды австро-венгерского посланника, что правление Карагеоргиевича не продолжится и вызовет усобицу, возрастают»⁴³. Основываясь на сведениях балканской агентуры департамента полиции⁴⁴, он, во многом небезосновательно, убеждал российский МИД в ведении Австро-Венгрии закулисной политики в регионе, особенно в контексте обострившегося македонского вопроса. Чарыков писал Ламздорфу, что его сведения «основаны не на одних сербских источниках, а также на виденных мною документах, которые были собраны здесь и в Софии опытными агентами русского департамента полиции»⁴⁵. Можно предположить, что главным осведомителем Чарыкова по македонскому вопросу являлся сотрудник заграничной агентуры департамента полиции А. Вейсман⁴⁶, личность с подмоченной репутацией, сведения которого часто вызывали обоснованные сомнения в их подлинности. На основании его донесений посланник убеждал российский МИД в том, что агенты Б. Каллая⁴⁷ поддерживают отношения с одним из лидеров македонского революционного движения Борисом Сарафовым

и оказывают ему денежную помощь. Начавшееся 20 июля 1903 г. Илиденское восстание частично подтвердило выводы российского посланника. Сам же он в 1904 г. был отозван из Белграда.

С другой стороны, анализ его донесений позволяет оценить общий противоречивый контекст балканской политики Российской империи начала XX века. Так, например, исследователям истории международных отношений хорошо знакомы обстоятельства российско-османских переговоров 1911 г., более известные как «демарш Чарыкова». Однако будущий российский посол в Константинополе, видимо находясь под влиянием мыслей, высказываемых ему сербскими политическими деятелями⁴⁸, начал вынашивать идею объединения балканских государств еще будучи посланником в Белграде. Основой, по его мнению, мог стать сербо-болгарский союз. Не случайно убийство последнего Обреновича Чарыков напрямую увязывал с его нежеланием следовать национальным идеалам страны. Он отмечал: «Если бы внутренняя политика короля Александра оставалась национальной, то не было бы катастрофы»⁴⁹. Отметим, что до конца своих дней Чарыков являлся последовательным сторонником этих взглядов, а в своих мемуарах прямо заметил: «Этим народам надо объединиться, чтобы защитить свои общие балканские интересы»⁵⁰. Причем, если будучи послом в Османской империи он ратовал за «широкий план Балканской федерации, включавшей Турцию»⁵¹, то в марте 1903 г. декларировал необходимость заключения скорейшего политического соглашения между Сербией и Болгарией и передела балканских владений Османской империи, прежде всего территорий Старой Сербии и Македонии⁵².

При этом, отмечая что Босния и Герцеговина могут быть присоединены к двуединой монархии на правах автономии, Чарыков наивно полагал возможным превратить даже Константинополь в вольный христианский город, состоящий «в общем и нераздельном владении балканских государств, которые управляют им через посредство особого учреждения — постоянной административной комиссии»⁵³. Российский посланник отмечал, что главной причиной, «мешающей сербам и болгарам прийти к предложенному соглашению по македонскому вопросу, является то обстоя-

тельство, что в своих соображениях о распределении обоюдных сфер влияния в трех вилайетах, обе стороны не принимают во внимание интересов других народностей, с которыми, между тем, нельзя не считаться»⁵⁴.

Данные взгляды Чарыкова особенно интересны в контексте вспыхнувшего летом 1903 г. Илиденского восстания. После его подавления, в октябре 1903 г. в австрийском замке Мюрцштег представители России и Австро-Венгрии разработали проект реформ в Македонии, который предусматривал ее новое административно-территориальное деление, преобразование судебных и административных учреждений, а также ввод на ее территорию международной жандармерии. Кроме того, российская дипломатия всерьез рассматривала возможность предоставления Македонии автономного статуса.

Донесения Чарыкова являются дополнительной иллюстрацией противоречивого и непоследовательного курса профессиональной дипломатии Российской империи начала XX века, связанного со спорами российских дипломатических агентов вокруг пересмотра принципа статус-кво и создания Балканского союза между Сербией, Болгарией и Грецией. Это системное противоречие красной нитью проходило через всю балканскую политику России того времени. В донесениях посланника прослеживается зависимость от идей, внушаемых ему балканскими политическими фигурами. Заметим, что и сам «демарш Чарыкова» 1911 г. — идея создания Балканской федерации с участием в ней Османской империи — потерпел неудачу в том числе и из-за того, что как Сербия, так и Болгария, считали именно раздел европейских владений Османской империи необходимым условием реализации своих национальных устремлений, а российские посланники в Софии и Белграде А.В. Неклюдов и Н.Г. Гартвиг оказывали им в этом свою поддержку.

Таким образом, российская дипломатия, пытаясь урегулировать балканский вопрос в выгодном для себя аспекте, волевым образом становилась заложницей амбиций политической элиты молодых балканских государств. Кризис вступал в новую фазу своего развития, что связано уже с новыми пониманиями национальных задач Сербии как южнославянского «Пьемонта». В этой

связи, в заключение, приведем еще одну выдержку из донесения поверенного в делах в Белграде Б.Н. Евреинова от 11 июня 1906 г.: «Взятый в отдельности каждый сербский политический деятель является по-видимому хорошим патриотом. Он искренне любит свое отечество, от всего сердца скорбит о тех тяжелых условиях, в которых оно постоянно находится, в волнующих его раздорах, но причину всех невзгод он усматривает исключительно в интригах Австрии, с одной стороны, и нежелании России помочь Сербии — с другой. В чем должна заключаться помощь России — этого никто точно сказать не может. Идеал этой помощи, как я мог заключить, состоит только в том, что Россия должна была бы поднести Сербии все венгерские провинции, населенные сербами, Боснию, Герцеговину, Старую Сербию и образовать из нее сербскую империю»⁵⁵.

Примечания

- ¹ *Трубецкой Гр. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. М.: МОНРЕАЛЬ, 1983. С. 105.
- ² К 1912 г. сеть железных дорог Сербии расширилась до 1.304 км. При этом основная их часть составляла узкоколейные линии.
- ³ *Погодин А.Л.* История Сербии // История Сербии и Черногории. М., 2002. С. 205.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Тиличиева М.* Сербия. М., 1916. С. 22. П.Н. Милоков отмечал, что Белград «стилем построек, ухабистой мостовой из булыжников, уличной неряшливостью удивительно напомнит русский провинциальный город старого типа. Так строили и так жили у нас больше полувека тому назад, в николаевской России». См.: *Милоков П.Н.* Балканский кризис и политика Извольского. СПб., 1910. С. 260.
- ⁶ Об этом пишут как российские, так и сербские исследователи. См., напр.: *Никифоров К.В.* Четыре этапа сербской истории // Югославянская история в новое и новейшее время: материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева (1922–1991). М., 2002. С. 21–35. Так, одной из значительных фигур сербской политики второй половины XIX–начала XX вв. являлся Й. Ристич, бывший регентом при Милане и Александре Обреновичах. А в 1914 г. принцем-регентом при своем отце стал Александр Карагеоргиевич.
- ⁷ *Шемякин А.Л.* Особенности политического процесса в Сербии глазами русских (последняя треть XIX–начало XX века) // Славяноведение. 2010. № 5. С. 10.
- ⁸ *Перович Л.* Сербия в модернизационных процессах XIX–XX веков // Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX–середина XX в.). СПб., 2007. С. 20.
- ⁹ *Шемякин А.Л.* Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации // Токови историје. Београд, 2000. № 1–2. С. 21–22.
- ¹⁰ *Пархоменко Д.В.* Австро-сербский торговый договор 1881 г.: рабство или модернизация? // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. выпуск:

- «Актуальные проблемы истории и археологии». Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2007. С. 128–132.
- 11 О биографии Н.В. Чарыкова см. подробнее: *Чернов О.А.* Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н.В. Чарыкова. Самара, 2010.
 - 12 *Чарыков Н.В.* Беглый взгляд на высокую политику. М., 2016. С. 161.
 - 13 *Павлюченко О.В.* Россия и Сербия: 1888–1903 (дипломатические отношения, общественные связи). Киев, 1987. С. 13.
 - 14 Покушения на Милана Обреновича совершались и ранее. Елена Маркович, вдова расстрелянного в 1878 г. по обвинению в попытке организации военного переворота [так наз. «тополска буна» (топольское восстание) 25 ноября 1877 г., когда два батальона сербской армии отказались принимать присягу на верность Милану Обреновичу] Еврема Марковича (брата известного сербского социалиста Светозара Марковича), 11 (23) октября 1882 г. попыталась убить Милана прямо в Соборной церкви Белграда. В апреле 1883 г. она была приговорена к смертной казни, однако помилована, но вскоре вместе со своей подругой Еленой Кничанин была найдена мертвой в камере пожаревацкой тюрьмы.
 - 15 См. подробнее: *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия 1878–1903 гг. М., 1996. С. 367–368; *Раденић А.* Прогони политичких противника у режиму Александра Обреновића 1893–1903. Београд, 1973.
 - 16 Й. Ристич умер 23 августа 1899 г., как раз в тот момент, когда судебный процесс по факту покушения на Милана был в самом разгаре.
 - 17 *Раденић А.* Прогони политичких противника... С. 776.
 - 18 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 138. Оп. 467. Д. 209/210. Л. 20–21 об., 33.
 - 19 *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности... С. 396.
 - 20 *Мијатовић Ч.* Успомене балканског дипломата. Београд, 2008. С. 144.
 - 21 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 498. Л. 110.
 - 22 Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 400. Оп. 4. Д. 311. Л. 2 об.
 - 23 Там же. Л. 1–1 об.
 - 24 РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 559. Л. 36 об.
 - 25 *Bjelajac M.* Vojska kao factor modernizacije // *Srbija u modernizacijskim procesima XX veka.* Beograd, 1994. С. 355–359. См. также: *Бјелаяц М.* Дипломатија и војска. Србија и Југославија 1901–1999. Београд, 2010.
 - 26 РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 311. Л. 2 об.
 - 27 *Вишняков Я.В.* Идеология сербской военной элиты в контексте особенностей развития сербского государства в конце XIX — начале XX века // *Человек на Балканах. Власть и общество. Опыт взаимодействия (конец XIX — начало XX в.): сборник статей / Институт славяноведения РАН. СПб.: Алетей, 2009. С. 86–107; он же.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX в. Изд-е 2. М., МГИМО, 2016.
 - 28 *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Књ. II. Београд, 1931. С. 136.
 - 29 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 498. Л. 194–195.
 - 30 Там же. Л. 322.
 - 31 Там же. Л. 322 об.–323.
 - 32 *Маккензи Д.* Апис. Гениальный конспиратор. М., 2005. С. 65.
 - 33 В 2023 г. автором данного исследования в соавторстве с сербо-российским историком А.Ю Тимофеевым были опубликованы переведенные на сербский

язык документы российских архивов о перевороте 29 мая 1903 г., убедительно доказывающие непричастность российских правящих кругов к произошедшим в Белграде трагическим событиям. См.: *Вишняков Я.В.* 1903. Переворот в Сербии в документах российских архивов / Я. В. Вишняков, А. Ю. Тимофеев, М. Перишич. Белград: Државни архив Србије, 2023.

- 34 Политика. 29 октября 1926.
- 35 *Казимировић В.* Црна Рука. Личности и догађаји у Србији од преврата 1903 г. до Солунског процеса 1917. године. Крагујевац, 1997. С. 68.
- 36 *Рајић С.* Александр Обреновић: владар на прелазу векова: сукобљени светови. Белград, 2011. С. 333–338.
- 37 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 498. Л. 337–339 об. См. также: *Вишняков Я.В.* 1903. Переворот в Сербии в документах российских архивов.
- 38 Петр Карагеоргиевич был женат на старшей дочери князя Николы Зорке.
- 39 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2868. Л. 6.
- 40 Там же. Л. 21–21об.
- 41 Там же. Л. 10–10 об.
- 42 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 498. Л. 382 об.
- 43 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2868. Л. 91.
- 44 Балканская агентура департамента полиции была создана в 1886 г. в Бухаресте и первоначально возглавлялась А.Е. Мищенко, которого в 1890 г. сменил полковник А.И. Будзилович, известный под псевдонимом Грабо. После его смерти в 1901 г. агентуру возглавил В.В. Тржецяк, имевший псевдоним Цитовский. В функции балканской агентуры входили слежка за российскими политическими эмигрантами и перлюстрация их почты. Деятельность агентуры сопровождалась скандалами, что явилось причиной ее закрытия в 1904 г.
- 45 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 498. Л. 305 об.
- 46 О нем см. подробнее: *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014. С. 180–184.
- 47 Б. Каллай (1839–1903) — австрийский политический деятель. С 1882 г. занимал пост общегерманского министра финансов и заместника Боснии и Герцеговины.
- 48 Можно предположить, что эти мысли русскому посланнику активно внушал Иван Джайа — известный политик, соратник премьера Н. Пашича, министр полиции, а после отставки редактор и издатель сербской газеты «Народ», являвшийся негласным осведомителем российского департамента полиции. По крайней мере временный поверенный в Белграде В.В. Муравьев-Апостол-Коробын отмечал: «Джайа спит и видит политический союз Сербии с Болгарией» // АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 499. Л. 56 об.
- 49 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2868. Л. 36 об.
- 50 *Чарыков Н.В.* Беглый взгляд на высокую политику. С. 165.
- 51 Там же. С. 166.
- 52 Под понятием «Старая Сербия» следует понимать северо-западную Македонию, Косово и Метохию, Прешево, Буяновац, Пчине и Рашку. В географическом смысле это понятие возникает в ходе Первого сербского восстания 1804–1813 гг. как определение ядра средневековой сербской государственности. Этим же понятием в начале XX века оперировали не только ученые, но и политические деятели Сербии.
- 53 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 498. Л. 166 об.
- 54 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 502. Л. 217.

⁵⁵ АВПРИ. Ф. Политархив Оп. 482. Д. 2869. Л. 166 об. Подобное положение вещей не ускользнуло и от внимательного взгляда русских журналистов. В этой связи приведем слова военного корреспондента российской газеты «Раннее утро», побывавшего в Сербии в 1912–1913 гг., освещаая события Балканских войн. Свои впечатления от поездки он опубликовал под псевдонимом Н. Шевалье: «“Россия обязана, Россия должна” — эти слова не сходят с уст правоверного серба. Россия обязана хотя бы ценой своей крови увеличить территорию Сербии, включая в нее Дьяковы, Призрен, Ипек. Россия обязана ввязаться в войну с соседями, дабы Сербия получила выход к Адриатическому морю; прямой долг России посылать отряды Красного креста, пожертвования и возможно больше денег, — и сербы великодушно примут всё это, убедившись, что Россия исправно исполняет свои обязанности по обслуживанию Сербии. Разве у России могут быть иные интересы, кроме способствования, на правах сподручного, созданию Великой Сербии? Единственная разумная цель существования России — это забота о восстановлении царства Душана Сильного, и, тогда, великая и ценящая заслуги своих сотрудников Сербия поможет русским справиться с двуединой придунайской империей» // *Шевалье Н.* Правда о войне на Балканах. Записки военного корреспондента. СПб., 1913. С. 101.

Российская дипломатия в поисках путей разрешения румынско-болгарского спора вокруг Силистрии, 1912 — весна 1913 гг. (по материалам Архива внешней политики Российской империи)

Восприняв как угрозу для себя чрезмерное усиление Болгарии по итогам Первой Балканской войны, Румыния пересмотрела свою прежнюю позицию нейтралитета и подключилась ко Второй Балканской (Межсоюзнической) войне, получив по ее итогам, в соответствии с Бухарестским мирным договором 1913 г., крепость Силистрию и ряд других, принадлежавших ранее Болгарии, территорий Южной Добруджи¹.

Участие Румынии в Межсоюзнической войне многократно становилось предметом рассмотрения в историографии². Изучалось и восприятие тех событий обществами как непосредственно вовлеченных в конфликт, так и других, заинтересованных в его скорейшей развязке стран³. В конкретном случае Румынии общественное мнение стало одним из важнейших факторов, предопределивших вступление страны в войну. Дипломатическая предыстория болгарско-румынского конфликта в контексте борьбы крупных держав (прежде всего Австро-Венгрии и России) за влияние в Юго-Восточной Европе нашла обстоятельное отражение в книге Б.Б. Кросса, опиравшегося не только на российские, но и на австрийские, а также румынские источники⁴. Ее автор показывает, сколь большое значение придавала российская дипломатия во главе с министром С.Д. Сазоновым румынскому направлению внешней политики, предпринимая усилия в целях отрыва Румынии от Австро-Венгрии и ее сближения со странами Антанты. Систематическое изучение фонда российской дипломатической миссии в Бухаресте в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) позволяет исследователю,

знакомому с достижениями историографии, с большей полнотой представить шаги официального Санкт-Петербурга по примирению двух соседних стран, предпринимавшиеся с осени 1912 г. по весну 1913 г., шаги, так и не предотвратившие вооруженного конфликта между ними, но в то же время сыгравшие свою роль в последующем втягивании Румынии в орбиту Антанты⁵.

В начале октября 1911 г. российская дипмиссия в Бухаресте обратила внимание на повышенную нервозность румынской прессы в связи с распространившимися слухами о развернувшейся в соседней Болгарии мобилизации⁶. Хотя эта мобилизация имела очевидную антитурецкую, а не антирумынскую направленность, однако как таковая предвещала дальнейшее обострение обстановки на Балканах⁷. Посланник М.Н. Гирс, дипломат с огромным опытом, служивший в Бухаресте в этом качестве начиная с 1902 г., обратился с запросом в румынский МИД, где ему сообщили о том, что с болгарской стороны получены успокоительные заверения. Гирс информировал Петербург о том, что румынское правительство пока не принимает никаких серьезных мер, однако положение может измениться.

Тем временем российский посланник в Болгарии А.В. Неклюдов доносил 24 октября* из Софии о происходившем формировании болгаро-сербского союза — несмотря на то, что болгары еще не оставили надежд на установление добрососедских отношений с Турцией при условии обеспечения правительством младотурок широкой автономии для Македонии и Старой Сербии⁸. В Белграде, впрочем, главным врагом считалась не Турция. Накануне, 23 октября, А.П. Извольский, после отставки в 1910 г. с поста министра иностранных дел занявший пост посла во Франции, сообщал из Парижа о своих беседах с сербским премьером и министром иностранных дел М. Миловановичем, который много говорил как о сербском миролюбии, так и о коварных планах Австро-Венгрии, расширяющей свое военное присутствие в аннексированной Боснии и задумавшей создание в качестве своего

* Все даты в работе приводятся по новому стилю.

протектората албанского государства, что, впрочем, только играло на руку сербско-болгарскому сближению. Что касается Румынии, то она не была заинтересована в дальнейшем усилении австро-венгерских позиций на Балканах, что объективно делало ее, по мнению Извольского, попутчиком как Белграда, так и Софии⁹. В то же время в Бухаресте не видели для себя никакой угрозы в образовании албанского государства, напротив, строили планы использования, в интересах усиления румынского политического и культурного влияния в этой части Балкан, проживавшего там румыноязычного населения (македоно-румын или аромун, которых в России начала XX в. было принято называть куцовлахами).

Через два месяца, во второй половине декабря, Гирс в своем донесении в Петербург обратил внимание на принимаемые в Румынии меры по подготовке армии к возможным осложнениям. В качестве источника потенциальных угроз воспринималась Болгария. «Румынское правительство, — писал он, — не питая предвзятых враждебных чувств к Болгарии, живет под страхом нарушения равновесия на Балканах чрезмерным усилением соседнего молодого королевства в ущерб обаянию Румынии»¹⁰. По оценке Гирса, Румыния готовит свою армию на случай любой неожиданности, и не для того, чтобы удержать болгар от военных действий, а скорее с расчетом на то, чтобы продать подороже свой нейтралитет, а это во многом зависело от степени сопротивления болгарам со стороны Турции в будущей войне¹¹. Те же представления Гирс развивал и в другом своем донесении, относящемся к февралю 1912 г.: как раньше, так и теперь румыны всегда руководствуются, по его мнению, «не столько желанием сохранения целостности Османской империи», сколько нарушением равновесия на Балканах в ущерб румынским интересам, причем размер требований зависит от конкретных обстоятельств; в данный же момент Румыния заинтересована скорее в статус-кво¹².

Вскоре М.Н. Гирс закончил свою карьеру в Румынии и после отпуска отбыл в Турцию, где приступил к обязанностям посла Российской империи. До приезда в Бухарест нового посланника Н.Н. Шебеко¹³ дипломатическую миссию возглавлял временный поверенный А. Лысаковский, который в своем майском донесении затронул вопрос о возможных, в случае новых междунаро-

ных осложнений, территориальных претензиях Румынии к своей южной соседке Болгарии. Вопрос о приграничной болгарской крепости Силистрия, которая очень скоро станет «яблоком раздора», им не поднимался. Однако было отмечено, что амбиции Румынии могут возрасти в зависимости от конкретной ситуации. Российский дипломат увязал занимавшую его проблему румынских территориальных амбиций с другой — о судьбе исторической провинции Добруджа, основная, северная, часть которой была передана решением Берлинского конгресса 1878 г. Румынии¹⁴, тогда как южная, где компактно проживали болгары, — Болгарии. По оценке Лысаковского, румыны всегда «склонны вспоминать про отнятые якобы у них земли», например, Бессарабию, и в то же время «они готовы забыть происхождение благоприобретенной ими не румынской земли — Добруджи и считать ее таковой же румынской, как и другие части Королевства»¹⁵. Поначалу, после присоединения большей части этого края к Румынии, в Бухаресте относились к нему довольно равнодушно, как к колонии, Добруджа была «в загоне», на развитие ее инфраструктуры не выделялись государственные средства. Потом, убедившись в богатстве природных ресурсов этого края, власти изменили стратегию: началось строительство порта в Констанце («морских ворот» страны), возводились мосты через Дунай, скрепляющие Добруджу с другими землями Румынии. Была поставлена также задача усилить в этой многонациональной провинции румынский элемент, особенно среди земледельцев¹⁶. Происходит колонизация края — получают земельные наделы ветераны румынской армии, но приглашаются и переселенцы из Германии, которые и здесь оставались немцами, их невозможно было румынизировать, да такая цель, собственно говоря, и не ставилась¹⁷.

В мае 1912 г. в Российской империи, особенно в прилегающей к Румынскому королевству Бессарабской губернии, проходили торжества по случаю 100-летия присоединения Бессарабии к России. Они вызвали в Румынии протесты, поскольку и политическая элита, и широкое общественное мнение считали неоспоримым право Королевства (правопреемника Молдавского княжества) на отторгнутые от этого княжества территории.

В российской дипмиссии в Бухаресте, судя по донесениям, находили возможность следить и за реакцией Болгарии: болгарская пресса отрицала за Румынией право на эти протесты, так как она сама властвует над изначально нерумынской Добруджей и хочет ее румынизировать. Но и с румынской стороны резонно утверждалось, что у болгар нет оснований считать эту землю исконно болгарской уже в силу ее разнородного этнического состава, Румыния же получила ее «из рук европейского концерта». Так прорастали ростки будущих острых национально-территориальных споров.

Напряженность в Балканском регионе возрастала с каждым месяцем, и, по донесениям дипмиссии, румынская пресса летом 1912 г. прогнозировала будущие конфликты и сопутствующие им изменения границ. Сохранение статус-кво казалось предпочтительным, однако в случае его изменения в пользу Болгарии (в частности, расширения ее территории за счет Македонии) за Румынией признавалось право на определенные компенсации. В своем донесении начала августа временный поверенный А. Лысаковский дал следующий прогноз: вооруженное выступление Болгарии против Турции и поддержка ее другими членами сложившегося Балканского союза могут привести к изменению статус-кво и заставить Румынию в этой ситуации запросить определенную плату за сохранение своего нейтралитета. Ценой вопроса в Бухаресте скорее всего сочтут корректировку в пользу Румынии ее границ с Болгарией в Добрудже¹⁸.

Осознание румынской элитой преимуществ сохранения статус-кво и ее опасения вовлеченности страны в конфликты с неясным исходом сочетались со стремлением сохранить свободу действий. Новый посол Российской империи Н.Н. Шебеко, прибывший в Бухарест в сентябре 1912 г., был принят премьер-министром (и одновременно министром иностранных дел) Титу Майореску, о чем доносил в Петербург¹⁹. 72-летний политик и публицист, ветеран консервативного лагеря, присутствовавший в румынской политической и интеллектуальной жизни начиная с 1860-х годов, заверял русского дипломата в намерении не балканской, хотя и расположенной по соседству с Балканами, Румынии быть спокойной зрительницей надвигающихся в не-

спокойном регионе событий. Заинтересованная в мирном урегулировании споров Румыния, говорил он, надеется на миротворческие усилия великих держав и в том числе на согласование позиций России и Австро-Венгрии по сложным вопросам²⁰. Она вовсе не собирается руководствоваться в своей политике указаниями из Берлина и Вены и будет исходить из собственных интересов²¹. Шебеко был принят и королем Каролом, который был более откровенен, чем его министр. Монарх, чье влияние на внешнюю политику страны было по-прежнему велико²², пространно говорил о нежелании Румынии предпринять шаги, способные обострить положение. Но в случае изменения статус-кво в пользу Болгарии она не может не включиться в ход событий²³. Именно это и произошло в последующие месяцы.

Первая Балканская война началась, как известно, с выступления против Турции войск Черногории. 18 октября 1912 г. (5 октября по старому стилю) войну Турции объявили Сербия и Болгария, на следующий день к ним присоединилась Греция. Шебеко в своих октябрьских депешах доносил в Петербург о реакции Румынии на начало боевых действий²⁴. Хотя Румыния уже в первые дни войны объявила о своем нейтралитете, успехи болгарской армии вызывали растущую обеспокоенность румынской элиты, опасавшейся чрезмерного усиления южной соседки. По мере того, как события ускоряли свой ход, в Бухаресте усиливалась тревога: если Румыния полностью устранилась, все решения, определяющие новый расклад сил на Балканах после поражения Турции, будут приниматься без ее участия. Шебеко анализировал происходящие события, рассматривая их сквозь призму соперничества России и Австро-Венгрии, стремившихся воспользоваться ослаблением Турции в целях усиления своего влияния на Балканах. В этих условиях установление более тесных отношений с Румынией явилось бы, по оценке посланника, проявлением политической дальновидности Петербурга²⁵.

В ноябрьских донесениях российского посланника в Бухаресте с большей определенностью ставится вопрос о конкретном объекте территориальных претензий Румынии, т.е. о ее видах на стратегически важную пограничную придунайскую крепость Силистрия в случае, если реально встанет вопрос

о компенсации в связи с нарушением равновесия в пользу Болгарии²⁶. Как следует из документов, в Болгарии считали актуальной задачей нейтрализацию Румынии и, чтобы удержать ее от антиболгарских шагов, искали пути снятия напряженности в двусторонних отношениях; из уст официальных лиц звучали заверения об отсутствии каких-либо планов Софии касательно румынской Добруджи и о готовности дать гарантии по поводу удовлетворения прав куцовлахов Македонии на школьное обучение и отправление религиозного культа на родном языке после интеграции этого края в Болгарию²⁷. В тех же своих ноябрьских донесениях Шебеко поднимает вопрос о возможном российском посредничестве в разрешении споров между Румынией и Болгарией — по мнению посланника, в нем были заинтересованы как в Бухаресте в качестве противовеса австрийскому давлению²⁸, так и в Петербурге, исходя из задачи укрепления русского влияния в этой стране²⁹.

В своих публичных декларациях официальные лица Румынии продолжали подчеркивать свою заинтересованность в сохранении нейтралитета страны. Однако это нисколько не означало отказа от проработки силовых вариантов действий. В секретной телеграмме Шебеко на Певческий мост от 19 декабря 1912 г. акцент делался на военных приготовлениях Румынии, которые в предшествующие недели активизировались, имея целью не только оказать давление на Болгарию, но и усилить свою боевую готовность на случай резкого ухудшения отношений с ней³⁰. К этому времени в Лондоне начала работу конференция в целях урегулирования всего комплекса балканских проблем. К началу февраля 1913 г. она фактически приостановила работу вследствие младотурецкого государственного переворота во главе с Энвер-пашой и возобновления активных военных действий, однако Румыния уже в первые недели работы конференции официально представила на ее суд требования о территориальных компенсациях в свою пользу в случае, если по итогам мирного урегулирования на долю Болгарии выпадут значительные приобретения земель Македонии и Фракии. Учитывая, что румынская армия, не участвуя в боевых действиях, претендовала даже не на свою долю в разделе приобретенного турецкого «пирога», а на некоторые

территории, до войны принадлежавшие Болгарии, эти претензии находились в самом очевидном противоречии с декларациями Бухареста о нейтралитете и миролюбии.

С румынской стороны в это время прилагаются усилия для того, чтобы донести свою позицию до политических элит великих держав. Как явствует из донесения А.П. Извольского из Парижа, один из «тяжеловесов» румынской политики Таке Ионеску (в то время министр внутренних дел) был принят премьер-министром и будущим президентом Франции Раймоном Пуанкаре. В ходе беседы он не только не скрывал, о каких, собственно говоря, территориальных уступках в пользу Румынии идет речь, но и демонстрировал решительность: если София, получив значительные территории, откажется пойти навстречу пожеланиям Бухареста о передаче Силистрии и исправлении границы, Румыния прибегнет не к полумерам, а сразу к мобилизации и объявлению войны. При этом в Бухаресте понимают, продолжал он, что уступчивость Болгарии не может не находиться в определенной зависимости от размеров ее приобретений за счет Турции. Поэтому румыны готовы предложить разные варианты корректировки границы. Ионеску при этом был откровенен, говоря о сверхзадаче своей поездки в Париж: в Бухаресте очень хотели, чтобы страны Антанты оказали давление на Болгарию³¹. В ходе беседы не мог не зайти разговор о позиции Румынии в случае начала большой европейской войны. Румынский политик напомнил французскому премьеру о том, что австро-румынская конвенция о военном сотрудничестве налагает на его страну определенные обязательства, так что ей трудно остаться нейтральной, она должна будет оказать Вене определенную помощь³².

Пуанкаре, приняв Извольского, счел необходимым донести и до него свой ответ Ионеску: страны Антанты могут пойти на уступки Румынии лишь при условии, если она обязуется сохранить нейтралитет. Было очевидно, что свой возможный нейтралитет Румыния хочет продать подороже не только членам Балканского союза и Турции, но и великим державам, запрашивая часть болгарской территории, а вот какую именно, во многом зависело от расклада сил между воюющими сторонами. Отталкивать Болгарию Пуанкаре считал нецелесообразным, в случае уступки

румынам Силистрии она также нуждалась в компенсации, в качестве таковой французский лидер видел гарантированное получение ею, решением совещания великих держав, Адрианополя (турецкий Эдирне, болгарский Одрин)³³. (Надо заметить, что Адрианополь перешел под контроль болгарской армии только в марте 1913 г.)

21 декабря 1912 г. Шебеко имел основания констатировать: здесь, в Бухаресте, с каждым днем настроения правительственных кругов делаются всё более воинственными, слухи о предстоящей мобилизации усиливаются, и если из Лондона, где проходит конференция, не поступит в самом непродолжительном времени известие об удовлетворении Болгарией румынских притязаний, Румыния по всей вероятности возьмется за оружие³⁴. Реальная угроза румынско-болгарского вооруженного столкновения стала предметом озабоченности и российской дипмиссии в Софии. Посланник А.В. Неклюдов доносил в Петербург о понимании болгарским правительством того, что без определенных уступок румынам не обойтись, и Болгария вновь выразила готовность гарантировать «национальную неприкосновенность куцовлахов»³⁵, а может быть даже изучить вопрос о некоторой корректировке в пользу Румынии границ в прибрежной полосе, примыкающей к Черному морю. Но о Силистрии не могло быть и речи: по убеждению Неклюдова, мирно болгары ее не отдадут, а если потеряют в ходе боевых действий, потом не ограничатся требованиями ее возврата и могут даже поставить в качестве военной цели перед своей армией захват всей Добруджи и вытеснение Румынии с правого берега Нижнего Дуная³⁶. С болгарской стороны также постоянно напоминали о том, что вопрос о передаче хотя бы пяди своей земли соседям может быть решен не иначе как волей народного собрания, а болгарский народ никогда этого не допустит³⁷. Главный вывод, к которому приходил Неклюдов, заключался в том, что в случае захвата Силистрии между Болгарией и Румынией возникнут непримиримая вражда и сведение взаимных счетов³⁸.

Констатировав в донесениях всё большую готовность Румынии к войне с Болгарией, посланник Шебеко от имени своего правительства (в соответствии с наставлениями министра

С.Д. Сазонова) всячески отговаривал румын от этого рискованного шага, советовал во всяком случае не опережать решений Лондонской конференции. В этом он не был одинок. Австро-венгерская дипломатия в интересах сохранения влияния Вены никак не могла отказаться хотя бы от видимости поддержки румынских требований, а с другой стороны, была заинтересована во втягивании Болгарии в орбиту Тройственного союза и в использовании ее против Сербии, а потому явно не хотела болгаро-румынской конфронтации. В силу этого она предлагала Румынии сбавить претензии и поддерживала идею передать румыно-болгарский спор на суд великих держав³⁹. Мнение о том, что болгаро-румынское столкновение грозило бы крупными осложнениями, доносилось и из Берлина⁴⁰.

29 декабря Н.Н. Шебеко сообщал в Петербург о том, что румынское правительство, очевидно, под давлением великих держав, отложило вопрос о вооруженном выступлении, но военные приготовления продолжались. Установка Бухареста на шантаж оставалась, таким образом, в силе. По мнению посланника, с российской стороны было бы целесообразно и далее прилагать усилия в интересах разрядки в румынско-болгарских отношениях. Шебеко полагал, что при некоторых мелких, но реальных уступках (Силистрия в данном случае не упоминалась) Болгария могла бы надолго сделать Румынию своим союзником, и это в российских интересах⁴¹. В МИД, однако, занимали более твердую позицию. Сазонов в своих наставлениях указал Шебеко обратить внимание румынского правительства на то, что его упорство идет вразрез с общественным мнением христианской Европы⁴². В свою очередь Майореску в ходе новой встречи с посланником изложил принципиальную позицию официального Бухареста: Румыния, говорил он, не отступится от своих притязаний на Силистрию, никакая другая уступка со стороны Болгарии не заставит нас отказаться от обладания этой крепостью, имеющей стратегическое значение в силу своего географического расположения. При этом, получив Силистрию, Румыния готова разоружить ее, отказаться использовать в качестве военной базы, построить там мост через Дунай, установить для болгар режим благоприятствования в торговле. Державам, заключил румын-

ский премьер, стоило бы общими усилиями нажать на Болгарию в интересах сохранения мира⁴³. Излагая уже как бы не официальное, а свое личное мнение, Майореску добавил: то, на что претендует Румыния, ничтожно в сравнении с приобретаемым Болгарией, ведь союз с северным соседом ей однозначно выгоден в любой ситуации. Так что, принеся небольшую жертву, болгары приобретут надежного союзника⁴⁴.

В Петербурге, однако, не были готовы принять эти построения. Сазонов, реагируя на депеши по итогам бесед с Майореску, указывал посланнику, что чрезмерная настойчивость румын, основанная на эмоциях, недальновидна, неразумна и едва ли способна у кого-либо вызвать серьезное сочувствие. Насильственное занятие Силистрии не станет для Румынии стратегическим успехом. Румынские притязания, задевающие самолюбие болгар, не только не послужат делу мира на Балканах, но и вызовут возмущение российского общественного мнения уже в силу того, что болгары в отличие от румын — славяне⁴⁵. На Певческом мосту оглядывались и на мнение союзников по Антанте. В Петербурге констатировали заинтересованность Франции в румыно-болгарском примирении, которое, однако, не могло быть достигнуто без некоторых уступок со стороны Софии⁴⁶. Вместе с тем в российском МИД полагали, что Париж не выступит в пользу Румынии, поскольку там сомневаются, что поддержка ее лишь в этом конкретном вопросе приведет к нарушению ее союза с Австро-Венгрией, нежелательного для Франции. В Париже, как и в других европейских столицах, ожидали последующего развития событий, в расчете на то, что в конечном итоге вопрос будет вынесен на рассмотрение «концерта» великих держав.

9 января 1913 г. Шебеко сообщил в Петербург о том, что русскую дипмиссию посетил Т. Ионеску. Выразив свое разочарование неуступчивостью болгар, он при этом предпочел напомнить о румынском миролюбии. В случае невозможности добиться своих целей путем переговоров (а прямые дипломатические контакты двух сторон не прекращались) румынская сторона, по его словам, была намерена обратиться к посредничеству держав. Ионеску признал, что со стороны общественного мнения в адрес правительства звучат обвинения в нерешительности. Король ко-

леблется. Что же касается находящейся в оппозиции Либеральной партии во главе с Ионелом Брэтиану, то она выступает за более решительную политику, критикует действующую власть за уступчивость, так что в стране возможен политический кризис⁴⁷.

Действительность в скором времени начала подтверждать подобные ожидания, что нашло отражение и в донесениях Шебеко⁴⁸. В начале 1913 г. в стране (особенно в столице) проходили митинги с осуждением правительства за нерешительность, кабинет Майореску испытывал давление снизу. В Петербурге в сложившейся взрывоопасной ситуации считали нежелательным его падение и возвращение к власти Брэтиану-младшего (премьер-министра с января 1909 г. по январь 1911 г.), который, хотя и умел лучше Майореску сопротивляться диктату Вены, но, судя по его риторике, склонялся к более радикальной линии на болгарском направлении. Отношение российского правительства к Болгарии в контексте происходивших событий четко выразил А.П. Извольский, обсуждая в январе 1913 г. с представителями союзнической Франции перспективы разрешения румыно-болгарского конфликта: независимо от того, есть ли у нас с болгарями соглашение или нет, наша нравственная обязанность охранять целостность Болгарии «вытекает из самой истории и всегда составляла один из основных догматов нашей внешней политики. Отказ от этой обязанности означал бы полное крушение нашего положения на Ближнем Востоке»⁴⁹. Вместе с тем в российском МИД от болгар ждали некоторых уступок в интересах урегулирования их спора с румынами. 13 января Сазонов в депеше посланнику Неклюдову указывал на крайнюю желательность скорейшего соглашения Болгарии с Румынией, причем дело, по его мнению, значительно продвинулось бы, если бы софийский кабинет проявил большее понимание «самолюбивых румынских устремлений»⁵⁰. Лондонская мирная конференция, между тем, вскоре была сорвана, боевые действия возобновились. Болгарам, ведущим войну с Турцией, по мнению русской дипломатии, было выгодно в этой ситуации купить благожелательность румын, пойдя на определенные уступки. Речь шла, таким образом, о желательности разрешения болгаро-румынского спора на основе взаимного компромисса во избежание серьезных по-

следствий; установки на этот счет были донесены из Петербурга до российских дипмиссий в обоих враждующих государствах⁵¹.

Вышеупомянутая нравственная обязанность охранять целостность Болгарии сочеталась с демонстративными проявлениями российской дипломатией доброжелательства в отношении румын (ведь не теряла актуальности задача усилить позиции России в этой стране в ущерб австро-венгерским). Шебеко в январе, еще до возобновления боевых действий, получил от Сазонова указание сделать румынской стороне «доверительное сообщение в самой дружеской форме»⁵². Его содержание, если изложить его в виде основных тезисов, сводилось к следующему: «С самого начала кризиса Россия была озабочена установлением в будущем между Румынией и Болгарией возможно лучших и тесных отношений»; со стороны Румынии «наши стремления» встретили, «как нам казалось, самый сочувственный отклик»; в свою очередь, софийский кабинет, хотя и проявил некоторую медлительность, но всё же благодаря российским настояниям «понял необходимость принести известные жертвы ради установления в будущем прочной дружбы с Румынией». Ряд уступок, касающихся береговой полосы, демилитаризации границы (и в том числе района Силистрии) и т.д., на которые София проявила в конце концов готовность пойти, подчинившись «благожелательным советам России», достаточно серьезны, чтобы удовлетворить румынское правительство, которое получит их, не пролив ни капли крови. «Идти дальше в своих настояниях, пользуясь временным затруднительным положением Болгарии и таким образом оказывая услуги Турции против христиан — значило бы ради ничтожных выгод в корне испортить возможность сближения Румынии с Россией и Болгарией».

В письме Сазонова не была оставлена без комментария и озвученная неофициально с румынской стороны готовность в благодарность за мирное получение Силистрии предложить Болгарии вооруженную помощь в овладении Адрианополем. С точки зрения российского МИД, такое предложение Румынии «не может быть принято софийским кабинетом по совершенно понятным соображениям национального самолюбия, которое требует, чтобы Болгария никому не была обязана завладением этого горо-

да», дорогого для болгар в силу исторических причин. Советуя «настойчиво дружески, но серьезно» румынскому правительству «показать мудрую умеренность в своих требованиях», в Петербурге принимали во внимание и российское общественное мнение: «Нападение Румынии или вооруженное занятие ею без объявления войны территории Болгарии в то время как последняя не покончила своих счетов с Турцией, создали бы в нашем общественном мнении такой взрыв сочувствия болгарам, к которому правительство не может отнестись безразлично»⁵³. Резюмируя всё сказанное, Сазонов писал, что «наше желание скрепить старые узы с Румынией требует от нас совершенно откровенно объяснить ей, что для нас окажется невозможным допустить насильственное отчуждение от Болгарии части ее территории», в случае же согласия ограничиться теми уступками, на которые готово пойти болгарское правительство, «Россия готова с своей стороны поручиться перед Румынией за неприкосновенность Добруджи от каких-либо посягательств со стороны Болгарии»⁵⁴.

За этим призывом к сдержанности из российского МИД с интервалом всего в несколько дней последовал и другой, который также был донесен до румынского правительства посланником Шебеко⁵⁵. Вместе с тем С.Д. Сазонов, судя по его письмам в Софию Неклюдову, считал необходимым призывать к уступкам не только румын, но и болгар: если Болгария не склонна следовать советам России, пусть сама несет ответственность за свои промедления⁵⁶.

Румынские собеседники Шебеко (Т. Майореску, Т. Ионеску) неизменно продолжали высказываться за мирное разрешение спора, но при этом ссылались на возбужденное общественное мнение, требовавшее Силистрию как гарант безопасных границ с Болгарией⁵⁷. Не менее возбужденным, насколько можно судить по январским донесениям Неклюдова, было общественное мнение в Болгарии⁵⁸. Под давлением России болгарские власти, как явствовало из его депеш, проявляли всё больше внимания к вопросу о некоторой корректировке границ в пользу Румынии, однако Силистрия воспринималась в Софии как однозначно неприемлемая жертва.

Из бесед с румынскими политиками Шебеко делал вывод не столько о разногласиях в правительстве, сколько о том, в ка-

ком затруднительном положении оно оказалось. Эти люди заверяли русского посланника в том, что они якобы были бы готовы довольствоваться сделанными болгарами более мелкими уступками, однако общее возбуждение в стране приняло столь угрожающий характер, что может спровоцировать внутренний конфликт. В сложившейся обстановке, если действующее правительство уступит болгарам, сняв требование о Силистрии, это неминуемо приведет к его падению и приходу Брэтиану, не гнушающегося прибегнуть к военной силе⁵⁹.

Российский посланник не ограничивал свои контакты с румынскими политиками, представителями правящих сил (консерваторами), он встречался и с Ионелом Брэтиану, лидером партии либералов и главой самого могущественного в стране политического клана, уже имевшим за плечами двухлетний опыт пребывания во главе правительства. Судя по его донесению, Шебеко пытался воздействовать в примирительном духе на человека, которому, очевидно, в скором времени вновь предстояло возглавить правительство. Брэтиану был откровенен, не проявив в беседе с дипломатом склонности смягчить свою позицию: Румыния не может в ущерб своему престижу присутствовать безучастно при переделе карты Балкан, чрезмерное усиление Болгарии создает для нее угрозу, так что ее претензии на Силистрию в данной ситуации вполне правомерны, более того, получение этой крепости покажет всему «европейскому концерту», что с Румынией пора начать считаться. Если в Петербурге поддержат Румынию, это может до некоторой степени сгладить впечатление, созданное утратой Бессарабии, и принести России признательность со стороны румынского народа⁶⁰.

Вопрос о Силистрии обсуждался русской дипломатией не только в Бухаресте и Софии. Глава румынской миссии в Санкт-Петербурге добился аудиенции у Сазонова. В соответствии с инструкциями своего правительства он делал акцент на том, что получение Силистрии при российской поддержке оторвало бы Румынию от Австро-Венгрии и приблизило к России, в чём, несомненно, заинтересованы в Петербурге. В Париже в те же дни Извольский, приняв румынского посланника, пришел к заключению, что ни один румынский кабинет не откажется от требо-

вания Силистрии, король Кароль (не желающий на склоне лет втягивать страну в трудно разрешимый конфликт) не в силах предотвратить самых крайних решений своего правительства, дело в Бухаресте принимает острый оборот, и якобы может даже до внутренних вооруженных столкновений в силу непомерной возбужденности общества и его нетерпимости к тем, кто пытается тормозить с принятием решительных мер. Но соответственно и для Болгарии уступка Силистрии невозможна, кабинет, который даст добро́ на это, тут же падёт⁶¹.

Шебеко в свою очередь был принят королем в его зимней бухарестской резиденции. Кароль I по сути лишь повторил русскому дипломату то, что говорили ему другие румынские собеседники: при таком состоянии общественного мнения никакое правительство не может отказаться от обладания Силистрией. Как доносил посланник в Петербург, уступка в этом принципиальном вопросе может вызвать в Румынии не только правительственный, но даже династический кризис⁶². Главный вывод, к которому пришел Шебеко по итогам аудиенции у короля, заключался в том, что продолжающееся упорство со стороны Болгарии побудит Румынию принять меры насильственного характера уже в самое ближайшее время. Россия, удерживавшая Румынию от вооруженного выступления и побудившая ее с большим трудом умерить требования, лишена возможности оказывать дальнейшее воздействие на короля и правительство. Их авторитет поколеблен, румынское общество обвиняет их в слабости и нерешительности⁶³. А из Софии Неклюдов тем временем передавал, что болгары по-прежнему не склонны идти на существенные уступки: если бы требуемая румынами жертва была принесена, это привело бы к компрометации правительства, самого царя Фердинанда и падению влияния России⁶⁴.

Сазонов, по получении очередных депеш из столиц двух враждующих соседних государств, телеграфировал Неклюдову в Софию: не будь со стороны болгар непростительного промедления, положение не достигло бы нынешней остроты, и Румыния, вероятно, удовлетворилась бы гораздо меньшими уступками⁶⁵. Это мнение нам представляется достаточно спорным, ведь вопрос о масштабах румынских притязаний зависел прежде всего от

успехов болгар на фронтах Балканской войны и территориальных приобретений по ее итогам. Российский министр считал также необходимым навести на резкость вопрос о недопущении утраты российского влияния в Болгарии, подчеркнув, что в Санкт-Петербурге, говоря о целесообразности компромисса, ни в коем случае не навязывают Софии уступки Силистрии, а в Бухаресте российская дипломатия продолжает отстаивать болгарские интересы. Посланнику же в Бухаресте Шебеко Сазонов писал о том, что дальнейшее упорство румын, продолжающих настаивать именно на Силистрии, приведет к серьезным последствиям той нерасчетливой и опасной политики, против которой предостерегала Россия: в случае уступки болгарам этой крепости между соседними странами надолго установятся холодные отношения, с болгарской стороны возобладает желание отмщения, с румынской же стороны восторжествуют недоверие и опасения. Ответственность за разрыв переговоров лежала бы прежде всего на румынском правительстве⁶⁶.

Возможно прямые риски для Румынии в построениях Сазонова несколько преувеличивались. В краткосрочной перспективе, как показали итоги Второй Балканской войны и Бухарестского мира, ее политика могла возыметь успех, однако в более отдаленной перспективе, при изменившемся соотношении сил в регионе Румыния действительно могла столкнуться с серьезными проблемами, нажив себе в лице соседней Болгарии кровного врага. Справедливость построений Сазонова подтвердили события Первой мировой войны, ожесточенные болгаро-румынские столкновения в Добрудже. Министр иностранных дел России был абсолютно прав, когда писал, что крах переговорного процесса будет означать неудачу разрабатываемых в Петербурге планов соединить Румынию и Болгарию узами общих интересов. Провал посреднической миссии в деле урегулирования конкретного румыно-болгарского спора никак не мог способствовать повышению авторитета российской дипломатии.

В возникшей патовой ситуации, в условиях фактического срыва Лондонской конференции и возобновления боевых действий между Болгарией и Турцией, румынской стороной была официально выражена готовность к вынесению решения по спорному

вопросу на суд «третьих стран» (предлагались конкретно Россия и Италия), причем это подавалось как определенная уступка и миротворческий жест со стороны Бухареста⁶⁷. Однако обратиться к арбитражу других держав предлагалось не без оговорок. Как доносил в феврале 1913 г. Шебеко из Бухареста, хотя в правительстве обсуждается вопрос о «медиации», большинство министров не хотят давать согласия на посредничество, не обусловленное обещанием в любом случае передать румынам Силистрию⁶⁸. В Петербурге понимали, что самоустранение в этой ситуации не будет способствовать укреплению российского влияния как в Румынии, так и в Болгарии, что предопределило согласие российского МИД на арбитраж. Как ориентировал Сазонов посланника Шебеко, подключение России к решению вопроса было вызвано исключительно желанием мирного исхода конфликта: этому соображению следовало подчинить всё остальное. Сазонов ничуть не исключал возможности вынесения такого решения, которым могут остаться недовольны обе стороны, что настроит их против России. Опасения ответственности русской дипломатии за такой исход арбитража заставляли министра считать более предпочтительным вариантом решения вопроса перенесение его на рассмотрение более широкого совещания с участием России, специально созванного в Лондоне⁶⁹.

Обращению к третейскому суду других держав способствовал и провал любых попыток найти в ходе двусторонних румыно-болгарских контактов взаимоприемлемые подходы к решению острой проблемы⁷⁰. При этом лейтмотивом донесений русской дипломатии из Софии продолжали оставаться повторяющиеся из одной депеши в другую прогнозы относительно того, что слишком тяжелые и унижительные уступки со стороны Болгарии, сделанные под чьим бы то ни было давлением, надолго испортят отношения двух стран: болгары будут настойчиво готовиться к отмщению, претендуя теперь уже на всю Добруджу. Румыны же, по оценкам российской дипломатии⁷¹, встали на почву «беззастенчивого политического вымогательства», требуя территориальных приобретений, ради которых не сделали ни единого выстрела. Однако даже в случае успеха, «по минувании угара дешевой дипломатической победы», им придется,

оценив создавшееся положение, начать искать против Болгарии сильных покровителей, и если Россия на это не пойдет из опасений полной утраты влияния в Софии, то пойдут Германия и Австро-Венгрия. Перспектива, таким образом, вырисовывалась для России не самая радужная при вынесении любого третейского решения, тем более, если оно будет вынесено Петербургом в одиночку, а не на широком совещании, участники которого разделили бы между собой ответственность за неудачу. В конце концов в феврале 1913 г. румынское правительство дало согласие на вынесение решения на суд шести держав (Великобритании, Франции, России, Германии, Австро-Венгрии, Италии).

Реальная угроза военного конфликта предопределила внимание к спору между Румынией и Болгарией не только дипломатов, но и представителей российского военного ведомства. Военный агент России в Бухаресте полковник Е.А. Искрицкий, судя по его донесению, не связывал больших надежд с вынесением решения на суд «третьих стран» — это могло повести, по его мнению, только к затяжке конфликта⁷². Посланник Шебеко также не питал слишком больших иллюзий относительно плавного разрешения конфликта, но призывал, насколько это возможно, выискивать даже в такой ситуации свои позитивные стороны. В донесении от 12 февраля, отметив «умиротворяющее влияние» короля Кароля и политика-консерватора Таке Ионеску, проявившееся в том, что румынское правительство в конце концов дало согласие на «медиацию», Шебеко подчеркнул, что обладание Силистрией стало для румынских политиков в настоящее время дурманом, затмевающим всё остальное, а потому есть основания считать, что если бы Россия поставила условием уступки Силистрии в пользу Румынии заключение с нею секретного соглашения, по которому в Бухаресте обязались бы сохранить нейтралитет в случае войны между Россией и Австро-Венгрией, румынское правительство дало бы на это согласие вопреки всем старым своим союзническим обязательствам по отношению к Вене⁷³. Важно иметь в виду, что как раз в это время, в феврале 1913 г., королем Каролем, выходцем из немецкого аристократического рода Гогенцоллерн-Зигмарингенов и в молодости прусским офицером, был «на всякий случай» продлен

договор о политическом (не военном) союзе с Австро-Венгрией вопреки уже довольно явно намечившемуся к этому времени дрейфу Румынии к странам Антанты, поддержанному частью элиты и более широким общественным мнением⁷⁴.

Стоит заметить, что тот же Шебеко, вынося свои предложения, сам испытывал некоторую неуверенность относительно выполнения Румынией каких бы то ни было наложенных на нее державами-арбитрами обязательств. Он писал в МИД о том, что, хотя ее правительство не решится отвергнуть постановление, принятое единодушно великими державами и предложенное ему для обязательного исполнения, «при настоящем возбуждении» умов существуют большие сомнения в том, что оно будет беспрекословно воплощено в жизнь — не столько по причине злой воли правительства, сколько вследствие его недееспособности⁷⁵.

Согласие враждующих соседей на посредничество великих держав в разрешении разделяющего их вопроса отнюдь не означало, что местом арбитража непременно станет Лондон, где незадолго до этого приостановила работу конференция, так и не выработав формулу перемирия на Балканах. Сазонов информировал Шебеко о том, что его на Певческом мосту посетил румынский посланник, подтвердивший просьбу своего правительства к России не только о «медиации третьих держав» в вопросах, составляющих предмет спора между Румынией и Болгарией, но и о том, чтобы местом арбитража был выбран именно Санкт-Петербург; при этом посредничество обязательно должно быть обусловлено признанием права Румынии на Силистрию⁷⁶. Сазонов обратил внимание российского посланника в Бухаресте на несоответствие содержания этих слов сообщению, полученному от румынского МИД через Шебеко, — в нем не было никаких оговорок относительно прав на Силистрию. Что же касается болгар, то они, согласно той же телеграмме Сазонова, выразили готовность подчиниться решению держав без всяких оговорок. Вместе с тем, как писал Неклюдов из Софии, следовало заявить Румынии: если она не подчинится арбитражу, то большинство великих держав не признают территориальных изменений, вытекающих из самовольного характера ее действий⁷⁷. Из контекста не совсем ясно, в какой мере мнение российского диплома-

та было навеяно настроениями болгарской элиты, с которой он контактировал.

Запутанный узел болгаро-румынских отношений требовал глубокого анализа с точки зрения причин его возникновения, а также перспектив. За эту задачу взялся Шебеко в своей февральской записке, очевидно подготовленной по заданию МИД⁷⁸. Русский дипломат попытался выявить и внутривосточное измерение возникшего конфликта (в контексте ситуации в стране его пребывания). Неустойчивость румынской политической жизни, пишет он, никогда еще не проявлялась в столь резкой форме, как в условиях настоящего кризиса на Балканах: внутренняя борьба достигла такой степени остроты, что некоторые деятели готовы вовлечь страну в кровавую распря с соседним государством, лишь бы затруднить положение своих политических противников. Трудностями консервативного правительства воспользовалась оппозиция — либералы, с нетерпением ожидающие падения нынешнего кабинета, чтобы перехватить у него власть. В незавидной ситуации оказался король: настроенный в целом миролюбиво, не желающий лишней раз подвергать страну опасности, он старался примирительно воздействовать на воинственные элементы, и до сих пор ему удавалось предотвратить принятие непоправимых решений, но удастся ли дальше — большой вопрос. Слабость действующего кабинета очевидна и королю, но понимая, что либералы во главе с Брэттиану выступают за силовой путь, он сохраняет правительство и старается силой своего авторитета вывести страну из сложного положения. Пока еще, резюмировал свои построения Шебеко, есть возможность предоставить решение суду великих держав и подчиниться ему, каким бы оно ни было. Но при дальнейшем возбуждении общества на это трудно будет рассчитывать. В своих частых телеграммах в МИД Шебеко вновь и вновь выражал опасения в связи с возможным падением кабинета и приходом к власти более решительных либералов: любое промедление с решением вопроса может сделать критическим положение правительства, с огромным трудом сдерживающего напор более воинственных сил⁷⁹. Причем дипломатия великих держав, понимая необходимость урегулирования назревшего конфликта, судя

по всему, недооценивала имевшиеся на этом пути сложности. В частности, по мнению Шебеко, ею не до конца осознавалось, что, не получив от «совещания послов»⁸⁰, где бы оно ни проходило, Силистрии, Румыния может решиться на военный путь под давлением собственных радикалов⁸¹.

Не только МИД, но и военное министерство требовало от своих экспертов обстоятельного анализа сложившейся ситуации. Об этом можно судить по подготовленной военным агентом в Румынии полковником Е.А. Искрицким записки о сути спора⁸². Как и подобает военному эксперту, он уделил особое внимание стратегическому значению Силистрии и прилегающего к ней участка границы в случае боевых действий. При этом он с прямотой, как правило, не присущей дипломатическим представителям, отметил: ввиду предстоящего изменения границ Болгарии было бы логично, чтобы и румынские границы были изменены. Кроме того, передача Силистрии Румынии способствовала бы ее сближению с Россией и гарантировала бы ее нейтралитет в случае войны с Австро-Венгрией. При этом опускаясь вопрос, а не пришлось бы за это платить большую цену — утрату влияния на Болгарию. Искрицкий изложил в записке и содержание своей беседы с начальником генштаба румынской армии генералом Александру Авереску, будущим маршалом Румынии. Бывший министр обороны и будущий (в 1918–1927 гг.) неоднократный премьер-министр, как уроженец Измаильского уезда, появился на свет в 1859 г. (год объединения Молдавского и Валашского княжеств) российско-подданным и оставался им в детстве и ранней юности⁸³. В отличие от других «политических тяжеловесов» Румынии того времени, он прекрасно владел русским языком и предпочитал именно на нем общаться с представителями Российской империи. Не будучи в принципе русофилом, Авереску вместе с тем не скрывал своего критического отношения к неспособности румынских правительств правильно выстроить отношения с восточным соседом⁸⁴. Румыния, по его мнению, допустила ошибку в 1878 г., испортив отношения с Россией из-за Южной Бессарабии, вернувшейся по настоянию Санкт-Петербурга в состав Российской империи по решению Берлинского конгресса. Иначе она получила бы в качестве ком-

пенсации не только бóльшую часть Добруджи, но и расположенный южнее, доставшийся Болгарии стратегически важный «кадрилатер» с рядом крепостей⁸⁵. Генерал (кстати сказать, сам имевший довольно тесные связи с австрийскими военными) также выразил разочарование в слишком проавстрийской политике правительства; корректировка этого курса закономерно открывала путь к сближению его страны с Россией как противовесу Австро-Венгрии.

Премьер Майореску, с которым в те же февральские дни беседовал Шебеко, был, очевидно, менее откровенен, нежели начальник генштаба. Его неискренность бросилась в глаза российскому посланнику, заставив его лишний раз усомниться в выполнении Румынией данных ею обещаний о готовности подчиниться воле держав. В принципе премьер дал понять, что Румынии придется в любом случае принять к исполнению решение, вынесенное по арбитражу, только она предпочла бы это сделать без огласки. Ведь придание гласности отказу от Силистрии неизбежно приведет к падению правительства, которое будет тут же обвинено оппозицией в неспособности использовать в интересах страны благоприятный момент для того, чтобы восстановить нарушенное равновесие в отношениях с Болгарией. Что касается короля Кароля, аудиенции у которого русский посланник также периодически удаивался, то у Шебеко создалось впечатление, что он тоже не уверен в готовности и способности действующего кабинета подчиниться воле держав-арбитров. Это ставило в сложное положение 74-летнего монарха, без малого полвека, с 1866 г., управлявшего страной (поначалу объединенными Дунайскими княжествами). В донесении от 21 февраля, повторяя выводы более ранних своих депеш, посланник резюмировал: независимо от исхода арбитража правительству будет трудно убедить страну принять отказ от Силистрии, оно не удержится у власти, а пришедший ему на смену кабинет возложит всю ответственность за неудачу на предшественников⁸⁶.

Все эти прогнозы касались прежде всего Румынии, последствий именно для нее арбитража держав по спорному вопросу. Но когда проведение самого арбитража встало в повестку дня, внешнеполитические круги всех вовлеченных стран должны

были поставить двусторонний спор в более широкий региональный контекст, с учетом не только положения дел на балканских фронтах, но и позиции партнеров Болгарии по давшему трещину, но пока еще не распавшемуся Балканскому союзу, в частности, Сербии и Греции. Болгаро-румынский спор особенно касался второй из этих стран, поскольку из прорабатывавшихся в европейских столицах проектов передела карты Балкан следовало, что вынашивалась идея компенсации Болгарии за счет Греции в случае уступки ею Силистрии румынам. Из депеши российского посланника в Афинах Е.П. Демидова от 21 февраля узнаем, что принявший его харизматичный греческий премьер Э. Венизелос прокомментировал донесшиеся до него сведения о том, что державы Тройственного союза «по наущению» Австро-Венгрии в ходе неформальных контактов якобы предложили Болгарии уступить Силистрию Румынии, взамен чего она получит Солунь (Салоники), которую Греция считает, однако, наиболее принципиальным своим приобретением по итогам раздела бывших европейских владений Турции⁸⁷. Венизелос в этой связи заметил, что он уже заявлял болгарам на совещании в Лондоне при обсуждении будущих границ о невозможности для Греции отказаться от Салоник иначе как силою оружия (сам этот разговор, несомненно, был свидетельством углубляющихся противоречий внутри Балканского союза, которыми могли воспользоваться в своих интересах великие державы).

К этому времени российские посланники в разных балканских странах, включая Грецию, были информированы Сазоновым о пожелании румын, чтобы местом вынесения представителями великих держав решения по спорному вопросу болгарско-румынских отношений стал Санкт-Петербург. По оценке российского МИД, при такой неуступчивости обеих сторон разногласия могли быть и не разрешены при всей заинтересованности России в том, чтобы конфликт не обострялся дальше, обнаружив «опасную несостоятельность европейского концерта, чреватую самыми серьезными осложнениями». Поиски приемлемого для всех исхода предполагали необходимость «тайных прений» и «разных процедур», и поскольку Румыния и Болгария обратились к посредничеству держав, последние, по представлениям

Сазонова, были правомочны избрать тот способ, который найдут наиболее «соответственным» сложившейся ситуации⁸⁸. Следует в этой связи заметить, что принятое в Афинах, как и можно было ожидать, совершенно в штыки предложение дать Болгарии компенсации за счет Греции особенно явно показало трудности, стоявшие перед арбитрами.

В своих новых донесениях из Афин, относящихся к концу февраля, посланник Демидов сообщал о стремлении болгарской армии взять под контроль районы, непосредственно прилегающие к Салоникам; участились кровавые стычки между греками и болгарам; как бы то ни было, свое право на обладание Салониками греческая элита собиралась отстаивать до конца. Прогнозируя дальнейшее развитие событий, Демидов предвидел усиление в Софии проавстрийской ориентации ввиду того, что не Петербург, а именно Вена предложила болгарам Солунь в качестве возможной компенсации. Европейское равновесие тем самым могло нарушиться в ущерб России, а в наибольшем проигрыше оказалась бы ориентированная на Россию Сербия, которая при наихудшем развитии событий могла быть, по мнению дипломата, даже разделена между Австро-Венгрией и Болгарией⁸⁹.

Между тем, пока еще не было определено место проведения арбитража (сама идея не вызвала возражений ни одной из держав). Шебеко доносил в МИД о том, что иностранные представители в Бухаресте в основном не поддерживают выбор в пользу Санкт-Петербурга. Румыны же проявляют настойчивость и в беседах с российским посланником подают это как свою признательность России за равноудаленность в конфликте, а значит доброжелательное отношение к неславянскому государству в условиях кризиса. По оценке румынской стороны, в этом конкретном вопросе Россия имела наибольший вес среди держав⁹⁰. Как явствует не только из донесений Шебеко, но и из других дипломатических документов, петербургская дипломатия считала явно нежелательным возникновение новых межгосударственных конфликтов на Балканах, в которые Россия могла легко оказаться вовлеченной помимо своей воли. Стремление улучшить отношения с Румынией сочеталось с желанием не испортить их и с Бол-

гарией⁹¹, и в силу этого позицию российского МИД по данному конкретному вопросу можно уверенно назвать миротворческой. Вместе с тем Шебеко, вблизи наблюдавший за ситуацией в Румынии, понимал, что идея приобретения Силистрии стала по сути национальным лозунгом. Российское посредничество в этом деле вовсе не казалось бессмысленным, поскольку в случае успеха могло бы до некоторой степени залечить у румын рану отторжения Южной Бессарабии в 1878 г. Что же касается Болгарии, то она, по расчетам российского посланника в Бухаресте, могла, и тоже не без содействия России, получить по итогам мирной конференции такие территории, что ее самолюбие было бы удовлетворено, более того, небольшая жертва позволила бы избежать нового конфликта, который мог бы изменить общее положение не в пользу Болгарии. Причем то обстоятельство, что решение будет вынесено по арбитражу великих держав, должно было облегчить для Болгарии боль от понесенной жертвы⁹².

Между тем, вовлеченность в двусторонний спор «третьих стран» и обсуждавшиеся ими (еще до созыва арбитражного совещания) предложения отнюдь не всегда способствовали урегулированию конфликта, напротив, могли только усилить напряженность. В Греции, например, по донесениям афинской дипмиссии, еще более отчетливо проявились настроения против Центральных держав, поскольку не только для греческого правительства, но и для общественного мнения стало очевидным, что Австро-Венгрия и в какой-то мере стоящая за ней Германия поощряют виды Болгарии на Салоники взамен Силистрии⁹³. Правительство Италии, имевшее свои проблемы в отношениях с Грецией, чуть ли не шло еще дальше в этом вопросе. Как доносил посол в Риме А.Н. Крупенский, оно заранее дало согласие на уступку в пользу Болгарии Салоник. С точки зрения официального Рима, Солунь с выходом на Эгейское море стала бы для болгар куда более ценным приобретением, нежели Силистрия, без передачи которой Румынии обеспечить мир между двумя соседними государствами невозможно⁹⁴. В том же духе, по донесению посла С.Н. Свербеева, мыслили и в Берлине, правда, с некоторыми сомнениями, поскольку было очевидно, что населенная этническими болгарями Силистрия станет для Румынии источником

многочисленных проблем, как внутренних, так и внешнеполитических⁹⁵.

Чрезвычайная запутанность образовавшегося в отношениях между двумя странами узла была очевидна автору аналитической записки с историческим экскурсом, подготовленной в те недели на Певческом мосту⁹⁶. Неизвестный нам эксперт российского МИД возводил истоки болгаро-румынских противоречий к временам пребывания обоих народов под турецким владычеством. Если в Болгарии, завоеванной огнем и мечом, национальное сознание народа и его энергия постепенно крепили, то в Румынии, подвергшейся «разлагающему влиянию добровольного подчинения», эти народные доблести со временем исчезали. Различия в характере подчинения османам, а, значит, и в его результатах проявились и в складе социальных отношений. В Болгарии привилегированный класс был уничтожен в Средние века, и это способствовало единению власти и народа. В Румынии же до сих пор существуют резкие социальные различия, и этим она отличается от балканских государств. Пропасть между властью и народом проявилась и во внешнеполитическом выборе: румынские политики после 1878 г. склонились в сторону Тройственного союза, нарушив традиции своего враждебного отношения к Австро-Венгрии, и это шло вразрез с глубоко укорененным в народе стремлением к освобождению Трансильвании из-под венгерского владычества. В угоду Австро-Венгрии некоторые румынские деятели, продолжающие ориентироваться на Вену, поднимают куцовлашский вопрос, чтобы отвлечь внимание общественного мнения от Трансильвании.

Что же касается разграничения между Румынией и Болгарией, то вопрос этот никогда не терял актуальности, обсуждался на Берлинском конгрессе 1878 г., выносился и на обсуждение международной комиссии в 1898 г. Победоносное шествие болгарских войск по Балканам, как отмечалось в той же записке, обеспокоило румынских политиков, не устающих заботиться о равновесии в отношениях с южной соседкой. С румынской стороны во главу угла ставятся стратегические соображения: Силистрия является ключом к Добрудже, которая «без нее не может почитаться обеспеченной против болгарских стремлений»

якобы заполучить всю эту провинцию вплоть до устья Дуная⁹⁷. Вместе с тем уступка Силистрии явилась бы самоубийством для Болгарии, которая лишилась бы защиты для своих областей, сопредельных с Румынией⁹⁸. Имея интересы в Добрудже, в южной части которой проживает болгарское население, София вполне законно заботится о его правах. Вместе с тем, по убеждению русского внешнеполитического аналитика, Румыния *заслуженно* получила Добруджу, поскольку участвовала в освобождении Болгарии. А получив ее, построила мост через Дунай и порт Констанца, без которого погибла бы экономически⁹⁹. Анализ в записке сложившейся ситуации подводил к мысли о том, что эта установившаяся в румыно-болгарских отношениях относительная гармония может быть нарушена, если Румыния не откажется от своей жесткой позиции в вопросе о Силистрии.

Между тем, совершенно не собираясь уступать румынам Силистрию, болгарское правительство, очевидно, испытывавшее головокружение от военных успехов, судя по всему, всерьез взвешивало возможность приобретения (пусть в более отдаленной перспективе) Солуни, вполне отдавая при этом себе отчет в том, что здесь не удастся избежать вооруженных столкновений с Грецией. Греки, как доносил из Афин еще в конце февраля посланник Демидов¹⁰⁰, считают правдоподобными известия о вероломстве Болгарии. Не теряя надежд на сохранение сплоченности союзнического блока, они всё же готовятся к обороне. Причем охлаждение внутри антиосманской коалиции не ограничивалось возникновением болгаро-греческой распри, тот же дипломат указал и на симптомы растущей болгаро-сербской розни, особенно в военных кругах. Посланник приходил к выводу: при существующем раскладе сил Болгария легко могла прислушаться к заманчивым предложениям извне (т.е. со стороны Австро-Венгрии) и при известных обстоятельствах способна была «поддаться хотя бы временному влиянию наших противников». Главе российской дипмиссии в Афинах было абсолютно очевидно, что Балканский союз начинает трещать по швам.

Если же навести на резкость позицию российского МИД, то Сазонов в своих депешах дипломатам на места делал всё больший акцент на том, что независимо от места проведения арби-

тража Россия должна неизменно создавать впечатление своей равноудаленности в румыно-болгарском споре; что же касается вопроса о Салониках, то разграничение между союзниками — их внутреннее дело, великие державы тут не должны вмешиваться¹⁰¹. Оценивая сложившуюся к этому времени ситуацию, глава российской дипломатии вместе с тем приходил к выводу: несмотря на все усилия России по выработке приемлемого для обеих сторон решения, дело идет к тому, что Силистрию болгарам придется уступить: если она не будет отдана Румынии, кабинет Майореску падет и придет к власти правительство Брэтиану, которое попытается решить вопрос силой и война между Румынией и Болгарией наступит с еще большей неотвратимостью. Еще более определенно на эту тему 8 марта высказался в своем донесении в Петербург Шебеко: усилившиеся в последнее время в Румынии пророссийские настроения необходимо поддержать, и если уж болгарам суждено под давлением всех держав уступить румынам Силистрию, очень важно, чтобы это приобретение было приписано в Бухаресте российскому влиянию. Утрату, понесенную Болгарией, можно компенсировать не только значительными территориями в Македонии и Фракии, но и тем, что она в принципе должна быть заинтересована в пророссийской ориентации соседней Румынии, так как это ослабит австро-германское давление на саму Болгарию¹⁰². Действительность в скором времени опровергла эти ожидания, ибо утраты, понесенные Болгарией по итогам Второй Балканской войны, напротив, подтолкнули ее к Центральным державам. Впрочем, применительно к марту 1913 г. было бы преждевременным говорить о сделанном российской дипломатией однозначно прорумынском выборе в этом конкретном споре, скорее она находилась в ожидании некоторых уступок от обеих сторон, демонстрируя другим державам свою равноудаленность и при этом взвешивая различные варианты развития событий. Полная утрата влияния в Болгарии была для Петербурга совсем нежелательной перспективой, и об этом не устал напоминать посланник в Софии Неклюдов. В конце марта 1913 г., уже после того, как начала работу конференция представителей великих держав, он доносил, что болгарское правительство, соглашаясь принять как обязательное

к исполнению для себя решение «третьих стран» в болгаро-румынском споре, всё же надеется, что Россия защитит Болгарию перед лицом неприемлемых для нее требований. Защитит еще и потому, что «присуждение» Силистрии Румынии сильно поколеблет позиции умеренного и достаточно дружественного России правительства И. Гешова и в принципе скомпрометирует российское посредничество¹⁰³.

Ход конференции послов великих держав, открывшейся в Петербурге 16 марта, нашел отражение в одной из работ В.Н. Виноградова¹⁰⁴. Российская дипломатия прилагала усилия для предотвращения вооруженного конфликта, и не только на самой конференции: так, посланник Шебеко получил возможность выступить на заседании румынского кабинета, где призывал бухарестскую элиту к сдержанности. Его позиция находила понимание короля, всерьез опасавшегося болгарского реванша. Последовательная линия России, в разной мере поддержанная другими участниками совещания (в том числе Австро-Венгрией, опасавшейся сближения Румынии с Сербией на антиболгарской платформе), была в числе факторов, заставивших официальный Бухарест выжидать, не форсируя события, — при том, что военные приготовления продолжались. По сути конференция завершилась безуспешно, поскольку предложенные 8 мая противоборствующим сторонам и формально принятые ими условия территориального размежевания не могли удовлетворить ни болгар, терявших Силистрию, ни румын, претендовавших и на ряд смежных территорий¹⁰⁵.

Последующее развитие событий сделало неизбежным болгаро-румынский военный конфликт. Подписанный 30 мая в Лондоне мирный договор, завершивший Первую Балканскую войну, как известно, не разрешил обострившихся в ходе войны территориальных споров между недавними союзниками. Сербия и Греция, не удовлетворенные итогами раздела бывших турецких владений, блокируются на антиболгарской платформе, что приводит к окончательному распаду Балканского союза. Повод для прямого включения Румынии в новый конфликт дала сама Болгария, сыгравшая на опережение, атаковав в ночь на 30 июня (по новому стилю) сербские и греческие позиции. Скоротечная Вторая

Балканская (Межсоюзническая) война оказалась для нее роковой. Как пишет В.Н. Виноградов, «Румынии царь Фердинанд преподнес большой подарок. Сомнения, колебания, опасения кончились»; «Румыния не развязывала межсоюзнической войны, а вступала в нее на стороне жертв агрессии... оказавшихся сильнейшей стороной в завязавшейся схватке»¹⁰⁶. Причем, вопреки ожиданиям петербургской дипломатии, дело явно не ограничилось оккупацией Южной Добруджи¹⁰⁷, румынская армия предприняла рейд на Софию, в немалой мере предопределивший быстрый исход войны. По кабальному для Болгарии договору с ней стран-победительниц, подписанному именно в Бухаресте¹⁰⁸, Румыния, чья армия обошлась почти без выстрелов (настоящие боевые действия происходили совсем на других фронтах), получила искомые земли «кадрилатера», включая главное приобретение — Силистрию. Эти земли ей удалось удержать и по окончании Первой мировой войны, по мирному договору с Болгарией, заключенному в Нейи¹⁰⁹.

Таким образом, все предпринятые Петербургом усилия в целях предотвращения болгаро-румынского военного конфликта оказались неэффективными, а разрешился спор в пользу Румынии по итогам Межсоюзнической войны, развязанной самой Болгарией. Россия в данном споре выступала в качестве миротворческой силы, но не снискала успеха. Позиция Санкт-Петербурга предопределялась не только опасениями развязывания войны в регионе, непосредственно примыкающем к границам Империи, но и заинтересованностью в сохранении российского влияния в Болгарии и одновременном его усилении в соседней Румынии в условиях своего геополитического соперничества с Австро-Венгрией. Интересы двух соседних империй сталкивались друг с другом на Балканах в условиях, когда каждая из них пыталась, воспользовавшись ослаблением Турции и последующим ее вытеснением из Юго-Восточной Европы, заполнить вакуум, став доминирующей силой в регионе. Вместе с тем они совпадали в том, что ни в Санкт-Петербурге, ни в Вене не были заинтересованы в остром болгаро-румынском конфликте. Если Россия, сделав основную ставку на Сербию, пыталась защитить ее уже не только от австро-венгерской, но и от потенциальной

болгарской угрозы¹¹⁰, то в Вене надеялись на возможность установления болгаро-румынского союза, который можно было бы использовать против Сербии. Для Австро-Венгрии включение Румынии в войну с Болгарией стало еще более очевидным, чем в случае с Россией, дипломатическим провалом.

Миротворческие усилия российской дипломатии, продолжавшиеся и после вступления Румынии во Вторую Балканскую войну¹¹¹, сыграли свою роль в ее отрыве от Тройственного союза и сближении со странами Антанты¹¹², но в более широком, общерегиональном плане оказались не слишком успешными, ибо расклад сил на Балканах по итогам Межсоюзнической войны резко отбросил Болгарию к Центральным державам, в расчете на союз с которыми она могла рассчитывать на реванш.

Примечания

- ¹ Речь идет о полосе земли, вытянутой между Дунаем и Черным морем. За землями, ставшими предметом территориальных споров между Болгарией и Румынией, в румынской литературе закрепилось условное обозначение «кадрилатер» (четырёхугольник). Балканским войнам 1912–1913 гг., их различным аспектам посвящена огромная литература, опубликованная как в самих балканских государствах, так и за их пределами, в том числе в России. Это касается как Первой Балканской войны, так и в чуть меньшей степени более скоротечной Второй, Межсоюзнической войны (с участием Румынии). См. подробный историографический обзор в книге: *Гусев Н.С.* Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М.: Индрик, 2020. С. 45–87.
- ² В румынской литературе подключение страны ко Второй Балканской войне трактуется как закономерный шаг, направленный на поддержание равновесия в отношениях с усилившейся Болгарией и в силу этого всецело обусловленный интересами национальной безопасности. См., напр.: *История Румынии / Координаторы И.-А. Поп, И. Болован.* М.: Весь мир, 2005. С. 486–488; *Bărbulescu M. etc.* Istoria României. București, 1998. P. 414. В отечественной литературе, где так или иначе затрагивалась эта тема, следует особо выделить статью В.Н. Виноградова «Румыния во Второй балканской войне» // Модернизация vs. война: Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / Отв. редакторы Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 347–366. В.Б. Каширин уделил должное внимание эпохе Балканских войн в своей главе «Румынские маневры: 1900–1914 гг.» в коллективном труде: *История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.)* / Отв. редактор К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 231–269. Из болгарских работ (наряду с фундаментальными монографиями И. Илчева, Г. Маркова об эпохе Балканских войн, где, среди прочего, находит отражение и болгарско-румынский конфликт), хотелось бы особо выделить статью, в которой предпринята попытка реконструировать позицию Румынии и ее подключение к Межсоюзнической войне на материале болгарской прессы того времени: *Кишкілова П.* Позицията на Румъния през балканските войни по сведения на българския печат от 1912–1913 г. // Исторически преглед. 2001. № 5–6. С. 21–60.

- ³ Это касается и восприятия российским обществом румынской политики. См.: *Котов Б.С.* Оценка российским общественным мнением политики Румынии в преддверии Первой мировой войны (1912–1914) // Новая и новейшая история. 2017. № 3. С. 85–101; *он же.* Межсоюзническая война лета 1913 года в восприятии русского общества (по материалам прессы) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 101–112. О выступлениях российской прессы того времени дает представление ценный сборник «Балканская распря: распад Балканского союза и Межсоюзническая война 1913 года в зеркале русской прессы» (сост. Н.С. Гусев, Б.С. Котов). СПб., 2023.
- ⁴ *Кросс Б.Б.* Румыния между Тройственным союзом и Антантой: очерки по истории дипломатической борьбы за Румынию и ее внешней политики 1908–1914 гг. Псков, 1996. Из работ советской историографии следует выделить монографию молдавского исследователя А.С. Агаки о русско-румынских отношениях, в том числе в период Балканских войн: *Агаки А.С.* Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX — начале XX в. Кишинев, 1976. Из работ В.Н. Виноградова, посвященных эволюции внешней политики Румынии в канун Первой мировой войны, ее постепенному дистанцированию от Центральных держав и сближению с Антантой, следует назвать его главу «Румыния: медленный дрейф к Антанте» в коллективном труде под его же редакцией: В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М.: Индрик, 2003. С. 360–375.
- ⁵ Румынские историки подробно изучали не только участие страны во Второй Балканской войне, но и весь комплекс болгарско-румынских отношений в указанную эпоху (многочисленные работы Д. Каина), отношения Румынии с Турцией и великими европейскими державами, а также внутриполитическую ситуацию в стране (см.: *lordache A.* Criza politică din România și războaiele balcanice. 1911–1913. București, 1998). Однако систематическое изучение на документальной основе, в рамках совместного проекта российско-румынских отношений конца XIX — начала XX вв., доведено пока только до 1905 г.: *Documente privind istoria românilor. Vol. IV. Rapoarte diplomatice ruse din România (1899–1905)* / Дипломатические документы российских представителей в Румынии (1899–1905). Отв. редактор Ф. Соломон. București-Brăila, Editura Academiei Române, 2020.
- ⁶ Секретная телеграмма посла Российской империи в Румынии М.Н. Гирса в МИД от 6 (19) октября 1911 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 3739 (Румыния и Балканский союз). Л. 2. Далее все даты будут указаны по новому стилю.
- ⁷ Поддерживавший контакты с аккредитованными в румынской столице дипломатами других держав, в том числе Австро-Венгрии, посланник М.Н. Гирс знал и доносил в Петербург о том, что в Вене к этому времени усилились опасения в связи с развитием событий на Балканах, которое приведет к чрезмерному сближению Болгарии, а также Румынии с Сербией, главным противником монархии Габсбургов в регионе.
- ⁸ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3739. Л. 3–4.
- ⁹ См. там же. Из Белграда приходили сведения о том, что Австро-Венгрия вооружается по границе с Сербией, которая в случае международных осложнений может стать объектом нападения. При этом престарелый император Франц Иосиф однозначно воспринимался румынской элитой как фактор, сдерживающий развитие событий по опасному пути, ведь отметивший уже 80-летие монарх, очевидно, не хотел при своей жизни возникновения новых проблем для собственной державы. О влиянии Боснийского кризиса 1908–1909 гг. и последующих событий на охлаждение отношений между Веной и Бухарестом подробно см.: *Кросс Б.Б.* Румыния между Тройственным союзом и Антантой. С. 40–52. Следует помнить, что начиная с 1890-х годов на ухудшении отношений Румынии с соседней державой сильно сказывался трансильванский фактор, недовольство

политической элиты Румынии ущемлением будапештскими властями национальных прав трансильванских венгров. См.: *Тыкалин А.С.* Межэтнические трения в Трансильвании конца XIX — начала XX в. глазами русских наблюдателей // Взгляд чужеземца. Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв. / Отв. редактор О.В. Хаванова. М.-СПб: Нестор-История, 2020. С. 115–135. Румыны в указанный период составляли 14% населения Венгерского королевства, одной из двух системообразующих частей двуединой монархии.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 693. Л. 160–161.

¹¹ Анализ международной обстановки 1911–первой половины 1912 г. с учетом также Триполитанской войны между Италией и Турцией дается в работе: *Азгки А.С.* Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX — начале XX в... С. 74–82. Следует иметь в виду, что состояние румынско-турецких отношений в указанный период не исключало, по мнению некоторых наблюдателей, отказа от политики нейтралитета в пользу сближения с Турцией, хотя прямое выступление на ее стороне в случае вооруженного конфликта с Болгарией было маловероятным, ибо всё более очевидными становились скорые перспективы ухода ослабшей Турции с Балкан, привлекать себя к ней в этих условиях было бы для Бухареста совершенно нецелесообразно.

¹² АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3739. Л. 6–7.

¹³ Николай Николаевич Шебеко (1863–1953) имел к тому времени опыт дипслужбы в Париже и Берлине, в 1906–1909 г. он был представителем МИД в Государственной Думе. В 1913–1914 г. — последний посол Российской империи в Австро-Венгрии.

¹⁴ В качестве компенсации за возвращение России Южной Бессарабии, утраченной ею по Парижскому мирному договору 1856 г.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3739. Л. 8.

¹⁶ Данные о менявшемся национальном составе этого края постоянно приводились и в документах российской дипломатии. Следует иметь в виду, что начиная со средневековья он был пристанищем для мигрантов, и на момент его вхождения в состав Румынии здесь проживали как мусульмане (турки; потомки переселившихся крымских и буджакских татар), составлявшие более трети населения края, так и православные греки, болгары, а на севере, близ устья Дуная, преобладали переселившиеся целыми сёлами сюда, на пустующие земли Османской империи, русские липоване, а также украинцы (выходцы из Запорожской Сечи). И те, и другие проживали в Северной Добрудже компактно.

¹⁷ Один из немецких банков предоставил правительству выгодный кредит на освоение Добруджи, причем именно с участием культурных немецких колонистов.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3739. Л. 14.

¹⁹ Там же. Л. 18. В соответствии с установившейся традицией, румынский премьер предстает в донесениях как Майореско. Соответственно Авереску фигурирует как Авереско, Ионеску как Ионеско, Брэтиану как Братиано.

²⁰ Активность в Румынии не только австро-венгерской дипломатии, но и военного ведомства двуединой монархии подробно рассматривается в вышеупомянутой работе Б.Б. Кросса. Автор показывает предпринимавшиеся после Боснийского кризиса 1908–1909 г. и провозглашения независимости Болгарии попытки Вены не допустить румынско-болгарского конфликта, который заставил бы сделать выбор в пользу одной из сторон, ослабив соответственно позиции в другой стране, а кроме того нанес бы удар по планам изоляции Сербии, наиболее принципиального противника Австро-Венгрии на Балканах.

- 21 Как показывает тот же Б.Б. Кросс, именно Боснийский кризис 1908–1909 гг. впервые продемонстрировал наличие серьезных противоречий между Румынией и Австро-Венгрией, которые не были ликвидированы, а лишь «загнаны вглубь»: *Кросс Б.Б.* Румыния между Тройственным союзом и Антантой. С. 51.
- 22 В донесениях российской дипмиссии из Бухареста постоянно подчеркивалось, что мнение короля по внешнеполитическим вопросам решающим образом отражается на курсе правительства.
- 23 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3739. Л. 21.
- 24 Там же. Л. 27–29 об. и последующие.
- 25 По донесениям российской дипмиссии, в политических кругах Бухареста при этом опасались конфликтов между Россией и Австро-Венгрией, ибо они могли иметь негативные последствия для Румынии (Там же. Л. 63–63 об).
- 26 Там же. Л. 54–55, 64–64 об.
- 27 Ноябрьские донесения фиксируют некоторое оживление в Румынии общественного интереса к вопросу о куцовлах на балканских территориях, до 1912 г. находившихся под турецкой юрисдикцией (Там же. Л. 67–68). Но при всем неравнодушии румынского общества к их положению, попытки болгарской стороны увязать этот вопрос с проблемой компенсаций в пользу Румынии, опасавшейся нарушения равновесия в регионе, не встречали понимания — такая компенсация считалась недостаточной, ибо не имела отношения к обеспечению безопасности румынских границ.
- 28 Его наглядным проявлением стал демонстративный визит в Бухарест как раз в эти дни начальника генштаба австро-венгерской армии Ф. Конрада фон Гётцендорфа, настаивавшего на усилении внимания не к болгарской, а к российской границе.
- 29 Судя по донесениям, в ноябре 1912 г. Румыния, по всей видимости удовлетворенная равноудаленной позицией Санкт-Петербурга, действительно обратилась в российский МИД, запросив посредничество в ходе переговоров о ректификации (уточнении) румыно-болгарской границы в ряде мест. См.: АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3739. Л. 38.
- 30 Там же. Л. 109.
- 31 Там же. Л. 110–110 об.
- 32 О том, какое значение придавали в Вене военному сотрудничеству с Румынией, свидетельствует упомянутый приезд в ноябре 1912 г. в Бухарест начальника генштаба австро-венгерской армии, зондировавшего почву относительно степени верности румынского союзника в случае начала большой войны.
- 33 В те же декабрьские дни, когда Пуанкаре принимал Таке Ионеску, Титу Майореску, пытаясь через русского посланника подтолкнуть Санкт-Петербург к полной поддержке Румынии в ее спорах с Болгарией, выразил ему признательность за понимание румынской позиции. Шебеко, не конкретизируя позицию своего МИД, в ответ отбегая заметил, что для России всегда представляет ценность независимая политика Румынии, защита ею своих национальных интересов (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3739. Л. 109).
- 34 Там же. Л. 112.
- 35 Как отмечалось в том же декабрьском донесении, по мнению болгар, это не ставит для них угрозы, ибо «куцовлахи, будучи деятельными торговцами, охотнее всего принимают тот облик, который выгоднее для ведения ими своих личных дел» (Там же. Л. 117).
- 36 Там же. Румынские политики, беседуя с Шебеко (Там же. Л. 116), тем временем с немалой долей лукавства обвиняли болгар в неискренности и желании выиграть время: делают вид, что не понимают, чего добивается Румыния, ко-

торая хочет от Болгарии не только обеспечения законных прав куцовлахов на использование своего языка (это само собой разумеется), но прежде всего мирной уступки определенных территорий, что станет залогом добрососедских отношений. В Бухаресте надеялись, что Россия окажет давление на болгар, разъяснив им преимущества мирного разрешения спора.

37 Там же. Л. 142.

38 Там же. Л. 117, 135.

39 Там же. Л. 167, 184, 186.

40 Там же. Л. 123 и следующие.

41 Там же. Л. 146.

42 Там же. Л. 150.

43 Там же. Л. 154.

44 Там же. Л. 157. В дипломатических кругах имело хождение мнение о том, что король Болгарии Фердинанд якобы был склонен к более далеко идущим уступкам, чем правительство, понимая выгоды союза с Румынией. Однако он не мог пойти наперекор общественному мнению.

45 Там же. Л. 168.

46 Там же. Л. 161.

47 Там же. Л. 194.

48 Там же. Л. 207.

49 Там же. Л. 233. Шебеко в одном из донесений в Петербург признавал, что французский посланник в Бухаресте пытается действовать столь же «умиряющим образом» на румынское правительство, как и он сам (Там же. Л. 231).

50 Там же. Л. 203.

51 См., в частности: Там же. Л. 209, 224.

52 Там же. Л. 229–229 об.

53 Тем более, что Румыния «далеко уклонилась от первоначальных требований стратегического исправления границы и создает невыгодное для себя впечатление, что хочет использовать затруднение Болгарии».

54 Письмо завершалось дежурной фразой о том, что следование советам России «в столь серьезную минуту» могло бы послужить залогом установления дружественных, доверительных русско-румынских отношений, которые стали бы на будущее «лучшим обеспечением для Румынии».

55 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3739. Л. 246–246 об.

56 Там же. Л. 242. Россия, как отмечалось в письме с инструкциями Сазонова Неклюдову, достаточно сделала для балканских государств, и теперь они «должны дать доказательства того, что наши советы принимаются в должное внимание». В любом случае Россия не может быть втянута в новые осложнения на Балканах, возникшие совсем не по ее вине.

57 Там же. Л. 238, 245.

58 Там же. Л. 260.

59 Там же. Л. 258–258 об.

60 Там же. Л. 264–265.

61 Там же. Л. 266, 270.

62 Там же. Л. 266, 289.

63 Донесение от 1 февраля. Там же. Л. 293.

64 Там же. Л. 295.

- 65 Там же. Л. 299.
- 66 Там же. Л. 300–302.
- 67 Там же. Л. 308.
- 68 Там же. Л. 346. Смысл посредничества виделся только в том, чтобы «уломать» болгар.
- 69 Там же. Л. 355.
- 70 В одной из февральских депеш из Софии в МИД описаны подробности переговоров, чреватых полным разрывом контактов двух враждующих сторон (Там же. Л. 357 и далее).
- 71 Там же. Л. 358 и др.
- 72 Там же. Л. 369. Деятельность русской военной агентуры в регионе в этот период подробно рассматривалась в работах: *Сергеев Е.Ю., Улунян Ар.А.* Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах, 1900–1914 г. М., 2003. С. 352–399; *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014.
- 73 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3739. Л. 372. Насколько можно судить по известным нам документам, в МИД оставили это сообщение посланника без комментариев.
- 74 Детальная картина отношений Румынии с Австро-Венгрией в 1908–1913 гг. с анализом целей, которые преследовала Вена на румынском направлении, дается в вышеупомянутых очерках Б.Б. Кросса.
- 75 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3739. Л. 377.
- 76 Там же. Л. 382.
- 77 Там же. Л. 387.
- 78 Там же. Л. 384–386.
- 79 Там же. Л. 396, 400, 403.
- 80 Т.е. представителей держав, собравшихся для решения данного вопроса.
- 81 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3739. Л. 400. Следует заметить, что германские дипломаты в Бухаресте, как отмечалось в том же донесении, считали поведение Болгарии в этой ситуации более благоразумным.
- 82 Там же. Л. 417–421 об.
- 83 Как отмечалось выше, Южная Бессарабия была решением Парижского мирного конгресса 1856 г. возвращена Молдавскому княжеству.
- 84 См.: *Каширин В.Б.* Александру Авереску глазами военной разведки Российской империи: штрихи к портрету будущего маршала Румынии // *Славяноведение*. 2014. № 4. С. 27–38.
- 85 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3739. Л. 420.
- 86 Там же. Л. 422. Говоря об общественном мнении в Румынии, нельзя сбрасывать со счетов и позицию левых сил (в частности, социалистов), которая, однако, мало влияла на настроения правящих кругов. См.: *Соломон Фл.* Румынские социалисты и проблемы войны и мира (1910–1916) // *Модернизация vs. война: Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913)*. С. 241–252.
- 87 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3739. Л. 426.
- 88 Там же. Л. 430.
- 89 Там же. Л. 433.
- 90 Там же. Л. 435–438. Причем румынская дипломатия, очевидно, желая набить цену своим стремлениям к сближению с Россией, то и дело пыталась пред-

ставить их как своего рода жертву — хотя бы потому, что усиление пророссийской ориентации Бухареста якобы «тяжело отзывается» на положении австро-венгерских румын (Там же. Л. 515).

- 91 Показательны в этом смысле депеши военного агента в Софии полковника Г. Романовского, очень опасавшегося, что «поддержка нами румынских притязаний может крайне прискорбно отразиться на нашем престиже в Болгарии» (Цит. по: *Сергеев Е.Ю., Улунян Ар.А.* Не подлежит оглашению. С. 364).
- 92 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3739. Л. 435–438. Впрочем, С.Д. Сазонов, насколько можно судить по его депеше с инструкцией послу в Риме, смотрел на проблему самолюбия болгар совсем иначе: «Забота о прочности мира, — писал он, — заставляет нас опасаться, что решение, оскорбляющее самолюбие болгар, побудит их в недалеком будущем поступить с Румынией так, как она ныне поступает с Болгарией, пользуясь обстоятельствами для ничем не оправданных требований» (Там же. Л. 478).
- 93 Там же. Л. 454.
- 94 Там же. Л. 455.
- 95 Там же. Л. 434. В последующие месяцы, насколько можно судить по документам, позиция Берлина в вопросе о Салониках была более умеренной, нежели позиция Вены. Посол Свербеев в своем мартовском донесении писал, что германская дипломатия считала более важным для балканских государств не приобретение новых территорий, а сохранение Союза, благодаря которому удалось отторгнуть от Турции христианские земли и который в будущем мог бы сыграть позитивную роль в интересах Германии (Там же. Л. 487).
- 96 Там же. Л. 460–463.
- 97 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3739. Л. 461.
- 98 Автор записки проводит исторические параллели: так, Франция, уступив Мец и Страсбург Германии, которая требовала их по соображениям стратегического характера, открыла тем самым свои земли, оставшиеся незащищенными (Там же. Л. 462 об.).
- 99 Подобно тому, как Италия, добровольно уступив Франции Савойю и Ниццу в благодарность за ее содействие своему объединению, потом не предъявляла претензий на эти земли, так и Болгария, памятуя об оказанной ей Румынией помощи, не высказывает притязаний на всю Добруджу, будучи лишена в своей политике всякого фанатизма и «руководимая державным политическим умом царя Фердинанда» (Там же. Л. 463).
- 100 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3739. Л. 457–458.
- 101 Телеграмма послу А.Н. Крупенскому в Рим от 27 февраля 1913 г. (Там же. Л. 478).
- 102 Там же. Л. 518–519 об.
- 103 Телеграмма от 27 марта. Там же. Л. 471. Нельзя было не принимать во внимание и того факта, что между Россией и Болгарией действовала военная конвенция 1902 г.
- 104 *Виноградов В.Н.* Румыния во Второй балканской войне. С. 348–350.
- 105 Более того, эти условия по-разному трактовались каждой из сторон: *Кросс Б.Б.* Румыния между Тройственным союзом и Антантой. С. 73.
- 106 Там же. С. 352.
- 107 Предпринятые ею в недели, предшествовавшие Второй Балканской войне, попытки миротворения подробно разбирает Б.Б. Кросс. См.: Указ. соч. С. 71–80.
- 108 Великие державы не оказали решающего влияния на подготовку и подписание мирного договора, что стало прецедентом в истории международных отношений на Балканах. Международное положение Румынии вследствие договора

на некоторое время укрепилось, дав ей возможность претендовать на роль арбитра при решении споров между членами распавшегося Балканского союза.

- ¹⁰⁹ О дальнейшей судьбе этих земель, утраченных Румынией по двустороннему соглашению уже в сентябре 1940 г., в условиях Второй мировой войны, см.: *Гладышева А.С.* Население Южной Добруджи как объект политики румынизации (1913–1940) // ЭНОЖ «История». № 5 (49). 2016.
- ¹¹⁰ Соответственно был взят курс на нейтрализацию Румынии в целях нерасширения балканского конфликта.
- ¹¹¹ См. подробно: *Кросс Б.Б.* Румыния между Тройственным союзом и Антантой. С. 80–107.
- ¹¹² Можно согласиться с выводом Б.Б. Кросса о том, что именно вступление Румынии в войну на стороне Сербии и Греции ознаменовало ее фактический разрыв с Австро-Венгрией, делавшей всё ради недопущения румыно-сербского союза.

«Мобилизационный кризис» на Балканах 1912–1913 гг. в донесениях русского военного агента в Австро-Венгрии полковника М.И. Занкевича

Первая Балканская война 1912 г. привела к острейшему международному кризису, в который оказались вовлечены Россия и Австро-Венгрия. Причиной обострения ситуации на Балканах стал конфликт между Австро-Венгрией и Сербией, стремившейся получить выход к Адриатическому морю¹. В декабре 1912 г. две империи оказались на грани войны, к которой их подталкивал панический ужас перед воображаемыми военными приготовлениями соседа. Значительную роль в эскалации конфликта сыграла русская военная разведка, во многом неверно оценившая обстановку.

Главным действующим лицом в информировании русского военно-политического руководства о ситуации на Балканах являлся военный агент (атташе по современной терминологии) в Австро-Венгрии Генерального штаба полковник Михаил Ипполитович Занкевич (1872–1945). Кроме того, свою лепту в процесс анализа и прогнозирования дальнейшего хода событий на Балканском полуострове вносили его коллеги — военные агенты полковники П.А. Базаров (в Германии), В.А. Артамонов (в Сербии), Д.И. Гурко (в Швейцарии), А.А. Игнатьев (во Франции), а также представители разведки штабов двух военных округов — Варшавского и Киевского.

Боевые действия на Балканах были открыты Черногорией 26 сентября (9 октября). 5 (18) октября к ней присоединились Сербия, Болгария и Греция. Уже 8 октября в России стало известно о подготовке Австро-Венгрии к переброске дополнительных войск в Галицию. 10 октября военный агент в Сербии пол-

ковник В.А. Артамонов докладывал о начавшейся мобилизации южных австрийских корпусов — XV-го (Сараевского) и XVI-го (Рагузского)². В конце октября полковник Занкевич сообщал о начавшейся перевозке на границу с Сербией 18 батальонов из состава IV (Будапештского) и VIII (Пражского) корпусов³. С 23 октября начали поступать сведения о призыве резервистов в трех галицийских корпусах — I-м (Краковском), X-м (Перемышльском) и XI-м (Львовском)⁴. В конце месяца русская разведка обнаружила выдвижение войск из состава X и XI корпусов к границе⁵ и перевозку частей I корпуса из районов квартирования в Восточную Галицию, в окрестности Перемышля⁶. В конце октября М.И. Занкевич уже сообщал об обсуждении в Вене возможного плана применения императорско-королевской армии в случае войны на Балканах: «Австрия обрушивается пятью[–] шестью корпусами [на] Сербию, Румыния [на] Болгарию[,] затем три[–]четыре австрийских корпуса перебрасываются [в] Галицию. Общее сосредоточение [в] Галицию начинается одновременно нападением [на] Сербию...»⁷.

В ноябре стало известно о призыве запасных не только в галицийских и южных корпусах, но и во всех остальных корпусах Дунайской монархии и на флоте. В Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ), центральном планирующем органе Российской империи, получили первые донесения о перевозках войск из состава внутренних австрийских корпусов в Галицию. К 6 ноября, по данным ГУГШ, туда было перевезено от 25 до 31 батальона пехоты, 12 эскадронов и 11 батарей⁸. Военное руководство Дунайской монархии встало на опасный путь импровизации, приступив к перевозкам в Галицию и Боснию отдельных частей, однако именно бессистемность военных приготовлений в итоге сыграла на руку Австро-Венгрии. Поток сведений, подчас противоречивых, о перемещениях отдельных австро-венгерских батальонов, эскадронов и батарей не позволил русскому Генеральному штабу составить близкое к реальности представление о намерениях монархии Габсбургов. 16 ноября 1912 г. в донесении полковника Занкевича, отправленного в отдел генерал-квартирмейстера (огенквар) ГУГШ, впервые прозвучало предположение о том, что Австро-Венгрия начала скрытую мо-

билизацию и сосредоточение всей своей армии: «Получаю сведения о призыве резервистов во всех корпусах, отправке отдельных батальонов в Галицию из различных корпусов, реквизиции лошадей и повозок в некоторых областях империи, запряжке обозов в некоторых частях. Предполагаю, что австрийская армия приступила к постепенной мобилизации и к постепенному же сосредоточению в Галиции»⁹. Даже несмотря на то, что в ГУГШ имелись добытые разведкой подлинные боевые расписания австро-венгерской армии на случай войны с Россией («Kriegsfall R») 1908, 1910, 1911 и 1912 гг., русский Генштаб не смог сделать правильных выводов из многочисленных донесений о хаотических перевозках войск Дунайской монархии¹⁰. Проводившееся в ГУГШ сопоставление донесений разведки с планами развертывания австро-венгерской армии неизбежно вело к еще более неверной оценке обстановки. Так, сотрудники огенквара были немало озадачены донесениями разведки о перевозках во Львов, Броды и Подволочиск батальонов 70-го, 78-го и 79-го пехотных полков XIII (Аграмского) корпуса, который по всем расчетам должен был быть направлен против Сербии¹¹. В ГУГШ сперва предположили, что в австрийском Генштабе решили убрать с сербской границы хорватские части, поэтому XIII корпус целиком перевозится в Галицию. Но новых перевозок частей корпуса на границу с Россией больше не происходило, и в январе 1913 г. в огенкваре пришли к выводу, что в случае войны это соединение всё-таки будет действовать на Балканах¹².

Сильную обеспокоенность в ГУГШ вызывали недостоверные, являвшиеся, главным образом, плодом воображения зарубежных газетчиков, сведения о перевозках в Галицию германских войск¹³. Эти же ненадежные сведения поступали и в распоряжение М.И. Занкевича¹⁴. Коллеги в Германии и Франции П.А. Базаров и А.А. Игнатъев относились к таким сведениям очень осторожно¹⁵. Так, Игнатъев объяснял это недоразумение ошибкой журналистов, принявших австро-венгерский 3-й драгунский Нижнеавстрийский короля саксонского Фридриха Августа полк за германский (саксонский)¹⁶. Впрочем, достоверной информации о перевозке именно австрийского полка в Галицию в распоряжение русской разведки не поступило.

Получаемые в ГУГШ донесения о начавшихся консультациях начальника австро-венгерского Генерального штаба Б. фон Шемуа с его германским коллегой Х. фон Мольтке-младшим служили подтверждением агрессивных намерений Дунайской монархии. Об этом докладывал в огенквар военный агент в Германии полковник П.А. Базаров 10 ноября: «Вчера [в] пятницу [в] девять утра инкогнито прибыл [в] Берлин начальник австрийского Генерального штаба Шемуа с адъютантом и остановился [в] гостинице Adlon. Принимал только австрийских военного и морского агентов. От полудня до часу был у генерала Мольтке[,] затем до четырех занимался у себя [в] гостинице[, в] четыре часа покинул гостиницу и вечером уехал [в] Вену»¹⁷.

16 ноября военный агент в Румынии полковник Е.А. Искицкий докладывал в Петербург о том, что премьер-министр Т. Майореско «вчера сообщил конфиденциально нашему посланнику о предстоящем по почину Австрии приезде в Бухарест бывшего начальника австро-венгерского Генерального штаба генерала Конрада фон Хетцендорфа с собственноручным письмом императора к королю»¹⁸. И, действительно, такая встреча состоялась, кроме того, Конрад обсуждал с начальником румынского Генштаба А. Авереско план совместных действий¹⁹.

В декабре на пост начальника Генштаба Австро-Венгрии возвратился сторонник «партии войны» Ф. Конрад фон Хетцендорф, что также было воспринято в России как дурное предзнаменование. Это возвращение М.И. Занкевич спрогнозировал в донесении от 29 ноября²⁰.

К началу декабря напряженность в австро-русских отношениях приблизилась к критической отметке. 17 ноября Занкевич в телеграмме, отправленной в огенквар, высказал предположение о скором нападении Австро-Венгрии на Сербию: «Полагаю, что Австрия готовится к агрессивному выступлению против Сербии в ближайшем же будущем. Обширные военные приготовления в Галиции должны импонировать нам и удержать нас от заступничества Сербии»²¹. 19 ноября он повторил свою мысль о том, что Австрия ведет скрытую общую мобилизацию: «Мне сообщают[,] что уже в ближайшие дни будет приступлено к перевозке в Галицию штабов тридцать второй, тридцать третьей, пятнадцатой,

двадцать седьмой, двадцать девятой пехотных, второй и десятой кавалерийских дивизий. Сведения эти проверяю. Получаю сведения о реквизиции лошадей в Венгрии и повсеместном призыве трех классов резервистов. Всё больше утверждаюсь в первоначальном моем предположении, что австрийская армия постепенно мобилизуется и постепенно ж сосредоточивается в Галиции (подчеркнуто в документе. — *авт.*)»²².

Через день Занкевич представил в Петербург рапорт с детальным анализом складывающейся на Балканах обстановки, который заслуживает того, чтобы быть воспроизведенным полностью:

«Габсбургской монархии предстоит решить на юге большую задачу, от которой зависит всё дальнейшее ее существование, — надо обезвредить, если возможно, то и раздавить Сербию; иначе через десяток, другой лет сербское королевство поглотит юго-запад монархии и тем положит начало ее распадению.

Но война с Сербией грозит вооруженным столкновением с Россией, что вызывает здесь, принимая во внимание всю совокупность обстановки, сильные и вполне обоснованные опасения.

Следует поэтому полагать, что, прежде чем обнажить меч, Австрия постарается путем внушительной угрозы заставить Сербию принять диктуемые ей из Вены условия.

Для удержания же России от заступничества за сербское королевство, применяется тот же прием, что и в 1908 году, но в большем масштабе, — нас хотят запугать.

С этой целью и были придуманы демонстративные поездки генералов Шемуа и Конрада за границу; эти демонстрации должны были нам показать, что, в случае войны на западном фронте, мы столкнемся не только с Австрией, но и с Германией и Румынией; ту же цель преследует воинственный шум, поднятый здешней прессой, по поводу спешного обсуждения в парламентах новых военных законов.

Однако уже начавшаяся мобилизация австро-венгерской армии и непрерывное усиление войск на нашей границе, указывают на серьезность намерений Австрии на юге и на решимость встретить нас во всеоружии, в случае нашего заступничества за Сербию.

Нет сомнения, что австрийское правительство исчерпает все меры, чтобы добиться осуществления своих задач на юге без вооруженного с нами конфликта.

Но нельзя, однако, поручиться, что, в крайнем случае, Австрия не рискнёт на войну с нами, — слишком велики интересы, которые поставлены ею теперь на карту.

Несомненное преобладание, которое получила теперь военная партия, затяжной характер кризиса, обширные военные приготовления, стоящие монархии огромных денег, и распространившееся за последние дни в военных сферах мнение, что Россия ни в коем случае не доведет свое заступничество за Сербию до вооруженного конфликта, — вот, по моему мнению, данные, увеличивающие вероятность нашей войны с Австрией»²³.

Пессимистические прогнозы М.И. Занкевича подтверждались из других источников. 25 ноября военный агент в Швейцарии полковник Д.И. Гурко докладывал в огенквар, что по сведениям французской разведки Австро-Венгрия намеревалась к 2 декабря окончить мобилизацию и объявить ультиматум Сербии²⁴. Ожидалось, что в случае войны Германия выступит на стороне Австрии и выставит против России шесть корпусов.

На основании поступивших разведанных сотрудники ГУГШ подготовили агрегированную сводку сведений о военных приготовлениях Австро-Венгрии. Согласно изложенным в ней предположениям, Дунайская монархия сумела полностью отмобилизовать все три галицийских корпуса, расквартированный в непосредственной близости от них VI (Кашауский) корпус, а также оба корпуса на границе с Сербией. 7 корпусов — II, III, IV, VII, VIII, IX и XIII корпуса — были доведены почти до штатов военного времени. Роты V, XII и XIV корпусов, по расчетам ГУГШ, значительно усиливались. По данным русской разведки, к этому времени в Галицию были перевезены 51 батальон пехоты, 57 эскадронов конницы и 18 батарей из состава II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, XII, XIII и XIV корпусов. Всего австро-венгерские войска в Галиции насчитывали 173 батальона, 165 эскадронов и 85 батарей²⁵.

В действительности эти предположения «мозга русской армии» были чрезмерно преувеличены. Согласно подсчетам совре-

менного историка С. Уильямсона, вооруженные силы монархии Габсбургов были усилены на 86 тыс. чел. в Галиции, на 86 тыс. — на границе с Сербией и на 50 тыс. — на других направлениях²⁶. Таким образом, всего было призвано под знамена 222 тыс. чел., что составляло только около 25 % мобилизационных ресурсов Австро-Венгрии. Ни о какой скрытой полной мобилизации австро-венгерской армии зимой 1912–1913 гг. речи не шло, военное ведомство Дунайской монархии выполняло точечное усиление войск на границах, не придерживаясь какого-либо плана.

Необходимо отметить, что и Генштаб Австро-Венгрии не вполне адекватно оценивал военные приготовления Российской империи. Автор наиболее авторитетной работы об австро-венгерском военном планировании Г. Тунстолл-младший на основании документов австрийского Генштаба пришел к выводу, что в эскалации конфликта была повинна Россия, проведшая опытную мобилизацию в Варшавском военном округе²⁷. В действительности опытная мобилизация была объявлена 17 сентября, за две недели до начала войны на Балканах, проходила на границе с Восточной Пруссией и затрагивала только крепость Осовец, куда предполагалось призвать всего-навсего 2036 запасных нижних чинов, из которых явилось только 1837²⁸. Таким образом, из-за ограниченных масштабов и удаленности района проведения опытная мобилизация крепости Осовец никакой угрозы для Австро-Венгрии не несла.

Политическое руководство России нарочито старалось избежать шагов, которые могли бы спровоцировать Дунайскую монархию. Так, чтобы довести пехоту Варшавского округа до штатов военного времени, руководство ГУГШ собиралось призвать запасных нижних чинов на шестинедельные учебные сборы. Но на особом совещании Совета министров 29 ноября 1912 г. эти предложения встретили сопротивление со стороны председателя Совета министров В.Н. Коковцова и министра иностранных дел С.Д. Сазонова. В итоге было решено ограничиться удержанием в строю нижних чинов срочной службы, подлежащих увольнению в запас, что, правда, позволило иметь в строю на 370 тыс. солдат больше, чем полагалось по штатам мирного времени²⁹.

Ошибочное предположение о том, что Австро-Венгрии удалось скрытно мобилизовать свою армию, вызвало сильнейшую панику у военного руководства Российской империи. В начале декабря в Киеве состоялось совещание командующих войсками Варшавского и Киевского военных округов генерала от кавалерии Г.А. Скалона и генерала от артиллерии Н.И. Иванова, проводившееся без ведома ГУГШ с целью выработать новый план развертывания на случай войны с Австро-Венгрией. Его участники признали невозможным сосредоточить войска на фронте Люблин–Холм–Ковель–Луцк–Дубно–Ямполь, что предусматривалось текущим планом войны³⁰. Принимая во внимание высокую степень готовности австро-венгерской армии, руководство Киевского и Варшавского военных округов попыталось разработать новый план развертывания, который полностью отвечал бы неблагоприятной обстановке на галицийской границе. Участники совещания санкционировали перенесение линии сосредоточения 4-й и 5-й армий в район Брест-Литовска, чтобы выиграть время для подготовки удара по наступающим австрийцам. Результаты работы совещания излагались в записке, подписанной его участниками 6 декабря³¹.

Ко времени проведения совещания обстановка на Балканах заметно разрядилась. 1 (14) декабря сербское правительство пошло на уступки требованиям Австро-Венгрии и объявило, что вопрос о порте на Адриатике передается на рассмотрение великих держав. 28 февраля (13 марта) 1913 г. австро-венгерское правительство объявило о демобилизации всех корпусов, кроме XV-го и XVI-го. Разработанный киевским совещанием план развертывания на случай войны с Австро-Венгрией оказался ненужным.

Воспользовавшись мирным разрешением «мобилизационного кризиса», руководство ГУГШ обвинило сотрудников штабов Варшавского и Киевского военных округов в неверной оценке ситуации на Балканском полуострове, чтобы использовать этот аргумент для сосредоточения всей работы по военному планированию в своих руках. 19 января 1913 г. начальник Генштаба генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский представил В.А. Сухомлинову доклад «По вопросу о порядке разработки подготовитель-

ных к войне соображений», в котором потребовал отстранить штабы округов от участия в разработке военных планов³². Су-хомлинов полностью поддержал начальника Генштаба и 22 января утвердил его предложения. Благодаря этому решению руководство западных приграничных военных округов (Варшавского и Киевского), справедливо возражавшее против разработанного в ГУГШ плана одновременного наступления как против Германии, так и против Австро-Венгрии, было исключено из процессов стратегического планирования. В результате в русском Генштабе окончательно восторжествовала рискованная концепция наступления на двух стратегических направлениях, главными творцами которой были начальник Генерального штаба генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский и генерал-квартирмейстер генерал-майор Ю.Н. Данилов.

Другим результатом «мобилизационного кризиса» для процесса принятия решений на высшем уровне стал беспочвенный страх военно-политического руководства России пропустить скрытую мобилизацию противника, который в результате и привел к поспешному решению об объявлении общей мобилизации во время июльского кризиса 1914 г. Безусловно, в допущенных ошибках значительную роль сыграла неудовлетворительная работа русской военной разведки и лично военного агента в Австро-Венгрии Генерального штаба полковника М.И. Занкевича.

Примечания

¹ О дипломатической истории «мобилизационного кризиса» см. подробнее: Жогов П.В. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая балканская война. 1912–1913 гг. М.: Наука, 1969. С. 161–237; История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции) / А.С. Аветян, В.С. Васюков, А.В. Георгиев и др.; отв. ред. А.В. Игнатъев. М.: Международные отношения, 1997. С. 327–340; Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1985. С. 102–160.

² Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2857. Л. 287.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2857. Л. 7. Всего в австро-венгерской армии имелось 16 трехдивизионных корпусов.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 22.

⁶ Там же. Л. 19.

⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2849. Л. 28.

- ⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2856. Л. 78 об.
- ⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2851. Л. 7.
- ¹⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2857. Л. 402–402 об., 408. В январе огенквар располагал уже новыми боевыми расписаниями на 1913 год.
- ¹¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2851. Л. 157.
- ¹² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2852. Л. 86.
- ¹³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2851. Л. 133.
- ¹⁴ Там же. Л. 56.
- ¹⁵ Там же. Л. 50, 51.
- ¹⁶ Там же. Л. 133.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2850. Л. 100.
- ¹⁸ Там же. Л. 205.
- ¹⁹ *Sondhaus L.* Franz Conrad von Hötzendorf. Architect of the Apocalypse. Boston; Leiden; Cologne: Humanities Press, Inc., 2000. P. 118.
- ²⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2851. Л. 172.
- ²¹ Там же. Л. 25.
- ²² Там же. Л. 48.
- ²³ Там же. Л. 86–86 об.
- ²⁴ Там же. Л. 152.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2856. Л. 80–80 об.
- ²⁶ *Williamson S.R., Jr.* Austria-Hungary and the Origins of the First World War. New York: St. Martin's Press, Inc., 1991. P. 132.
- ²⁷ *Tunstall G.A., Jr.* Planning for War against Russia and Serbia. Austro-Hungarian and German Military Strategies, 1871–1914. New York: Columbia University Press, 1993. P. 114–116.
- ²⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 212. Л. 53.
- ²⁹ *Жогов В.П.* Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая балканская война. С. 221.
- ³⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7140. Л. 53.
- ³¹ Там же. Л. 51–56.
- ³² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1819. Л. 49–53.

А.М. Петряев и балканская политика России

Александр Михайлович Петряев (1875–1933), без сомнения, является одним из наиболее ярких и талантливых российских дипломатов. Он происходил из древнего рода, о корнях которого можно судить по следующему фрагменту переписки двух представителей этой династии: писателя Евгения Дмитриевича Петряева и историка Константина Дмитриевича Петряева:

«Дорогой Костя!

Ты задал трудные вопросы. Тут многое надо ещё выяснить. Древние корни Петряевых были где-то в Рыльске Курской губернии. Немало из них погибло от рук Малюты Скуратова. Осталась мелкота, однодворцы.

В шестой «Родословной книге» есть герб 1676 года — красная кирпичная стена и на её фоне два перекрещенных карабина.

Обедневшие потомки славились как оружейники. Работали у Демидова в Туле. Другие селились под Москвой, на земле. Там есть деревня Петряевка.

А связавшиеся с расколом шли к Архангельску. Оставаясь вольными мастеровыми, пришли на Урал в конце XVIII века в Березовский завод.

Два брата Петряевых, ещё юношами, были присланы с «Монетки» (Москва). Отсюда начинаются две линии потомственных горняков. Некоторые вышли в штейгеры*, хотя учиться много не приходилось.

При Николае I в Екатеринбурге, на Волчьей улице (теперь её нет), был дом лекаря Петряева, а в Березовском были Петряевы конторщики, писари, но сведений о них мало. Один из них был автором «Повествования о Малюте Скуратове».

* Штейгер — горный инженер или мастер.

Наш дед работал на Бегунной фабрике*, считался машинистом. Писал (насколько помню) кривыми и крупными буквами. Любил читать, хорошо пел, отличался остроумием, привлекательностью и артистизмом.

То же было присуще и отцу, пока его не согнула страшная жизнь.

Брат деда, Алексей Алексеевич, работал в заводууправлении и считался знатоком горного дела. Он состоял членом УОЛЕ**. На известной выставке Урала и Сибири, в 90-х годах, получил серебряную медаль. Недавно эту медаль мне прислали его дочери из Куйбышева.

Кузеном (или дядей) Ильи Алексеевича был Александр Михайлович Петряев, полиглот, потом драгоман (официальная должность переводчика. — Ред.) нашего посольства в Константинополе. О нём писал Лев Любимов в книге «На чужбине» (М., 1963).

О нём много рассказывали в 1918–1919 годах, но я, естественно, ничего не понимал. Помню только, что говорили слово «Дарданеллы», которое мне почему-то особенно понравилось. Об этом проливе у А. М. есть книжка»...¹

Александр Михайлович родился 27 октября 1875 г. в Санкт-Петербурге и уже в ранние годы проявил исключительные способности к изучению иностранных языков. В общей сложности Петряев говорил на 14 языках. Это позволило ему получить блестящее образование в Санкт-Петербургском университете, который он окончил по программам двух факультетов — восточного и юридического, после чего закономерно вступил на дипломатическую стезю.

Первым местом работы в штате российского министерства иностранных дел для А.М. Петряева стала дипломатическая служба в Персии, откуда он вскоре был переведен на Балканы — сначала в качестве драгомана (переводчика) в посольстве России в Константинополе, а затем — помощника российского гражданского агента в Османской империи по проведению реформ

* Устройство для измельчения руды.

** Уральское общество любителей естествознания — одна из крупнейших научно-краеведческих общественных организаций Российской империи и СССР. До 1920-х годов общество являлось единственным центром общественно-краеведческого движения на Урале.

в Македонии в рамках соглашения, достигнутого по данным вопросам между Россией и Австро-Венгрией (Мюрцштегская программа 1903 г.), а также консула в Битоли.

Прекрасное знание языков и региона, а также незаурядные аналитические способности помогли А.М. Петряеву стремительно стать одним из главных специалистов по албанским и в целом балканским делам в российском внешнеполитическом ведомстве. В Архиве внешней политики Российской империи хранятся подготовленные им проекты государственно-территориального переустройства Балкан, решения югославянской проблемы, реформирования Османской империи, базирующиеся на трех ключевых предпосылках: недопущение вооруженных конфликтов между балканскими странами и народами, противодействие вмешательству в регионе великих держав и наиболее эффективное и долгосрочное обеспечение интересов России. Занимая должность дипломатического представителя России в албанском городе Влёра (именно в этом городе 28 ноября 1912 г. была провозглашена независимость Албании), Петряев в своих обстоятельных донесениях подчеркивал важность албанского фактора, который тогда склонны были недооценивать многие российские дипломаты. «Албанский народ, — писал он, — никогда не игравший политической роли, под турецким господством приобретает такую силу, что выходит из своей области, расширяя свои границы...»².

Вершиной балканской карьеры А.М. Петряева стал период 1912–1914 гг., когда в регионе происходили судьбоносные события, начавшиеся с формирования антитурецкого Балканского союза Болгарии, Сербии, Греции и Черногории. Данное объединение изначально вошло в определенные противоречия с курсом тогдашнего министра иностранных дел России С.Д. Сазонова, выступавшего за вовлечение Турции в союз, видевшийся ему под верховным российским покровительством.

Летом и ранней осенью 1912 г., когда над Балканским полуостровом стремительно сгущались военные тучи, Россия попыталась предотвратить вооруженное выступление Балканского союза против Османской империи, которое не было согласовано с Санкт-Петербургом и несло в себе реальные угрозы для россий-

ских интересов (в том числе в виде роста напряженности в отношениях Белграда и Софии), посредством экстренного согласования с Константинополем проекта реформ. Пытаясь «сыграть на опережение», Санкт-Петербург предложил Константинополю экстренную программу реформ. В основу соответствующего проекта, представленного С.Д. Сазоновым турецкой стороне 17 сентября 1912 г. в контексте «разработки вопросов местного управления и самоуправления» на европейских территориях Турции, легли предложения, подготовленные лично А.М. Петряевым и сформулированные им в специальной записке³.

В основе проекта Петряева лежали положения о развитии самоуправления и проведении выборов в местные органы власти в балканских владениях Османской империи. В этих целях в санджаках предлагалось создать выборные советы, в которых наряду с делегатами, избранными населением и составляющими совет санджака, должны были заседать турецкие представители — мутессарифы. При этом между представителями центральных властей и выборными представителями жителей балканских областей предполагалось разделение полномочий: мутессариф отвечал за администрацию, полицию и жандармерию, а совет санджака — за региональный бюджет, сбор налогов, развитие инфраструктуры, вопросы образования и здравоохранения. Одновременно вводился принцип «двойного ключа» для утверждения указов, издаваемых местными органами власти: они разрабатывались депутатами и утверждались мутессарифом. Подобная двухполюсная система должна была быть создана и на других уровнях административного управления, в том числе в казах и нахиях.

Предлагавшиеся А.М. Петряевым нормы избирательного права в балканских областях Османской империи носили половинчатый характер с точки зрения классических демократических норм, однако они адекватно учитывали специфику эпохи и региона. Члены совета санджака должны были избираться на основе цензовой системы с учетом возрастного и имущественного цензов (последний определялся величиной уплачиваемых налогов). Жители санджака получали активное и пассивное избирательное право на основе соблюдения нормы представитель-

ства — по два выборщика от каждой нахии. При этом представители церковных общин и школьных учреждений не избирались, а входили в состав совета санджака (который принимал решение большинством голосов) напрямую, на правах постоянных членов. Российский дипломат предусмотрел даже ротацию членов совета санджака — с определенными аналогиями с существующей в США практикой частичной смены состава Конгресса: совет санджака должен был обновляться на одну треть списочного состава каждые два года.

Еще более радикальные меры предлагал А.М. Петряев в сфере формирования судебных и полицейских структур в балканских областях Османской империи. Суды должны были стать независимыми от правительства в Константинополе, а состав жандармерии формироваться из числа представителей местного населения. Как справедливо отмечал советский и российский балканист, академик Ю.А. Писарев (1916–1993), «проект А.М. Петряева был направлен на защиту нетурецкого населения, обеспечивал административную автономию национальных районов Турции, где проживало христианское население»⁴.

МИД России внёс в предложения Петряева лишь одну существенную поправку, прописав контроль за проведением реформ в Европейской Турции со стороны великих держав.

Однако предложения дипломата, даже «освященные» российским внешнеполитическим ведомством, не могли остановить запущенный Балканским союзом маховик антитурецкой войны. А сам Петряев уже в качестве представителя России в Международной контрольной комиссии в Албании, начиная с конца 1913 г., вынужден будет действовать в тесном взаимодействии с представителями великих держав, имевших различные, но неизменно своекорыстные интересы на Балканах.

После завершения Балканских войн 1912–1913 гг. перед российской дипломатией встала задача по-новому выстроить систему и приоритеты союзнических отношений в регионе.

В данном контексте А.М. Петряев выступал за создание сильного югославянского государства, формирующегося вокруг Сербии и призванного стать надежным союзником России. В это государство, по его мнению, могли бы войти и югославянские

народы Австро-Венгрии. «Возникновение единой Великой Сербии или Сербохорватского государства было бы самым удачным решением югославянского вопроса, и в русских интересах стремиться к тому, чтобы эта политическая комбинация осуществилась. Сильное славянское государство с 14 млн жителей, обосновавшееся на берегах Адриатического моря, интересы коего нигде не сталкиваются с русскими, было бы, конечно, весьма желательным элементом в нашей будущей западноевропейской политике», — докладывал Петряев в Санкт-Петербург в начале 1914 г.⁵

Вышеуказанная позиция А.М. Петряева в целом пересекалась с предложениями российского посланника в Сербии Н.Г. Гартвига. Последний, впрочем, выступал с еще более радикальных позиций, настаивая на формировании не абстрактного «югославянского государства», а конкретно максимально территориально расширившейся Сербии, в состав которой должны были войти не только югославянские области монархии Габсбургов, но и Черногория⁶.

Вместе с тем Россия должна была учитывать, что сербский вопрос на Балканах находился в тесной политической, территориальной, экономической и социо-культурной взаимосвязи с вопросом албанским. А последний находился в прямом ведении Совещания послов великих держав, открывшегося в Лондоне в декабре 1912 г., которое В.И. Ленин однажды весьма метко назвал «театром грызни и интриг так называемых великих держав»⁷.

В рамках поиска решения албанской проблемы МИД России обратился к дипломатам, работавшим на Балканах, с просьбой подготовить собственные предложения на этот счет. Наиболее проработанными в итоге были признаны проекты российского посланника в Софии А.В. Неклюдова и консула в Митровице А.М. Петряева. Оба документа были весьма близки по содержанию и, в частности, предусматривали сохранение верховного суверенитета турецкого султана над Албанией при одновременном расширении ее автономных прав. При этом Неклюдов настаивал на выводе с албанской территории турецких войск⁸. Петряев же соглашался на их присутствие под командованием турецкого генерал-губернатора, но при этом предлагал установить контроль

над ним со стороны специальной комиссии представителей шести великих держав⁹.

Именно данная идея в итоге и была реализована в рамках Лондонского совещания — притом, что российское министерство иностранных дел формально отказалось делать выбор в пользу какого-либо из двух проектов, сведя их в один документ и передал обобщенный вариант в Лондон, где посол России А.К. Бенкендорф доложил его на совещании.

Следует особо отметить, что А.М. Петряев являлся в российском дипломатическом корпусе на Балканах одним из наиболее нестандартно мыслящих дипломатов, умевшим просчитывать неординарные политические комбинации. В частности, он выступал за максимально возможное территориальное расширение албанских границ в южном направлении — за счет Греции. Петряев считал расширение территориальных пределов новообразованного албанского государства в южном направлении (в сторону Греции) выгодным для России в связи с тем, что подобное расширение было способно сдерживать и компенсировать аналогичный процесс в направлении Сербии и Черногории, а также противодействовать росту националистических настроений в самой Албании. Кроме того, Петряев прямо обвинил сербов в том, что они своими действиями ужесточают позицию Австро-Венгрии в вопросе сербо-албанского территориального разграничения и, в частности, по поводу принадлежности города Джяковица. Вот фрагмент этого заслуживающего несомненного внимания письма:

«Проведение ее (Албании. — *П. И.*) южной границы представляет некоторые особенности по сравнению с северо-восточной границей. Население местностей к югу от р. Шкумбии, хотя этнически албанское, но столь давно находилось под исключительным влиянием греческой пропаганды и культуры, проникших туда при помощи культурных и школьных установлений, что оно носит несомненно ярко выраженный греческий характер. Вследствие этого расширение юго-восточной границы Албании введет во вновь создаваемое государство много эллинизированных элементов, которые явятся крупной помехой к развитию и процветанию албанского национализма.

Греческая пропаганда уже имеет в своем распоряжении готовые и прекрасно оборудованные школы, крепко сплоченные и богатые общины, разные благотворительные учреждения и т.п., между тем как албанским националистам придется всё это создавать с начала. Таким образом, при устройстве будущего самоуправления Албании греческое влияние на местные дела будет очень значительно, тем более что эллинизированные элементы южной Албании — почти единственный ресурс для вербования администрации и чиновничества. На этой почве между албанскими националистами и греками будет происходить упорная борьба. Влахи окажутся, конечно, на стороне албанских националистов.

Из разговоров с моим австрийским коллегой здесь, Ибкеном, я убедился, что австрийцы учитывают это обстоятельство, и с этой точки зрения расширение Албании на юго-восток им не очень улыбается вследствие введения в большой дозе греческих элементов. С другой стороны, им не нравится увеличение Албании на юг еще и потому, что этим как бы открывается большой район для экономического и политического проникновения Италии, которая уже имеет значительные коммерческие связи с югом. Они по-видимому ограничатся поддержкой итальянского проекта границ на юге по р. Каламас.

Если иметь в виду приведенные выше соображения, то окажется, что расширение Албании на юг для нас, может быть, вовсе не так нежелательно и мы могли бы уступить даже Корицу (Корча. — *П. И.*).

В южной Албании очень большое значение будет иметь церковный вопрос. Там находятся теперь 4 греческих митрополита (в Берате, Конице, Аргирокастре (Гирокастра. — *П. И.*) и Корице). Вся школьно-церковная организация, вместе с общинной, находится под верховным ведением Кон/польского Патриарха. Это обстоятельство также говорит в пользу сохранения суверенитета султана над Албанией. В случае признания этой области совершенно независимой, возникнет сложный вопрос об отношении греко-албанских митрополитов и их паствы к Кон/польскому Патриарху. В конце концов благодаря разным политическим интригам связь эта ослабнет, и я не сомневаюсь, что

албанские националисты из христиан, поддерживаемые Австрией, и совместно с влашко-румынской пропагандой будут стремиться к созданию албанской автокефальной церкви — то есть новой схизме.

Думается это — не в наших интересах. Мне кажется, что в будущем статуте Албании права и привилегии Вселенской Церкви должны быть особо оговорены. Выступая в роли защитников интересов православной церкви, представляемой Патриархом, мы только выполним нашу традиционную задачу.

Ваше сомнение относительно годности Дураццо (Дуррес. — *П. И.*), как административного центра, для меня не совсем ясно. Если на этот порт будет проведена сербская железная дорога и город будет обставлен разными международными гарантиями, то, на мой взгляд, он явится самым подходящим местом, по крайней мере на первое время, для правительства, обставленного также разными гарантиями и международным контролем. Нужно иметь также в виду, что центр экономической и политической жизни Албании будет всегда тяготеть к адриатическому побережью. В крайнем случае можно, напр[имер], устроить так, как это было сделано во времена реформ в Македонии, т.е. Салоники были всегда административным и реформенным центром для Македонии, но в известные времена года. Ген. Инспектор и состоявшие при нем органы контроля переезжали на время в Монастырь (Битоли. — *П. И.*) и Ускюб (Скопье. — *П. И.*). Нечто подобное можно устроить и для Албании. Впрочем, всё это вопросы второстепенные в сравнении с теми, которые еще не решены»¹⁰.

Впрочем, и по вопросам сербо-албанского разграничения позиция А.М. Петряева далеко не всегда вписывалась в общую канву российских усилий на Лондонском совещании послов великих держав и оценок, превалировавших в Санкт-Петербурге. В частности, он обвинял сербов в том, что они своими чрезмерно экспансионистскими планами территориального расширения обостряют проблему и ужесточают позицию Вены¹¹.

Подобный гибкий и аналитический подход Петряева не теряет своей актуальности даже с точки зрения практики и реалий сегодняшнего дня. В частности, он вполне соотносится с концепцией, которую недавно озвучил российский исследователь

А.Д. Богатуров. По его словам, «переговоры по поводу контроля над территориями могут иметь самостоятельное значение. Они воплощают мечты о совместном коллективном, в отличие от единоличного удовлетворения интересов. С равной вероятностью возможен прогресс элемента конфликта или сотрудничества в общей ситуации в зависимости от того, будет ли найдено объединяющее стороны решение. Конфликт в зависимости от сил, которые за ними стоят, может быть *внутриполитическим* или *международным*. Нарастание первого в современных условиях ведет к его превращению в конфликт второго рода. Обострение противоречий влечет вовлечение в него вооруженных сил иностранного государства»¹².

А.М. Петряев занимал гибкую позицию и еще по одному принципиальному международно-правовому вопросу, получившему свою особую актуальность накануне и в годы Первой мировой войны, — о принципах преемственности соглашений в случае перехода затрагиваемой ими территории от одного государства к другому. Он подчеркивал, что «принцип сохранения обязательств, заключенных одним государством по отношению к какой-нибудь территории, с переходом этой последней под власть другого, обыкновенно соблюдается, но что необходимо делать различие между обязательствами, уже получившими реальное осуществление, и теми, которые являются в некотором роде *in spe* [в надежде]»¹³.

В середине октября 1913 г., согласно решению Лондонского совещания послов великих держав, в Албании начала свою работу Международная контрольная комиссия. К чести ее делегатов — в том числе российского комиссара в Албании А.М. Петряева, они пытались объективно разбираться в сложной ситуации и, в частности, не принимали на веру все те взаимные сербо-албанские обвинения, в которых подчас преобладали эмоции, а не факты. В частности, 21 октября 1913 г. Петряев весьма сдержанно сообщал в Санкт-Петербург, что «по имеющимся здесь сведениям в разных городах Албании действительно теперь находятся несколько десятков тысяч беженцев из пограничных областей», не подтверждая при этом официально конкретные факты массо-

вых антиалбанских репрессий в присоединенных к Сербии областях — не только в силу особого характера сербо-российских отношений, но и прекрасно понимая, как осторожно следует подходить к громким заявлениям, требованиям и обвинениям, которые рождаются в горячих балканских головах¹⁴. «Число самозванных правителей здесь увеличивается с каждым днем, — сообщал он в январе 1914 г. в российский МИД. — Всякий набравший шайку в несколько вооруженных лиц провозглашает себя правителем до тех пор, пока его не сменит другой, более сильный. Беспристрастные наблюдатели из албанцев говорят о временах турецкого управления как о чем-то совершенном в сравнении с теперешнею анархией»¹⁵.

25 октября 1913 г. Петряев изложил в отдельной депеше из Влёры ситуацию, сложившуюся в Албании, и обрисовал усилия Австро-Венгрии и Италии, направленные на укрепление в ней собственных позиций. По его данным, «временное правительство, председательствуемое здесь Измаил Кемаль Беем (Исмаил Кемали. — *П. И.*), поспешило до прибытия Контрольной комиссии в Валону (Влёра. — *П. И.*) раздать разные концессии австрийским и итальянским предпринимателям.

На открытие Албанского банка, с приданием ему характера государственного учреждения выдана концессия австро-итальянской группе, дающей в равных долях около 20.000.000 франков. Соответствующее обязательство было подписано Измаил Кемаль Беем в Вене около шести месяцев тому назад. Последние же формальности были выполнены позже, накануне прибытия европейских делегатов. Финансовые группы, подписавшие это соглашение, выговорили себе право окончательного утверждения его в течение трех месяцев.

Вторая концессия выдана на производство изысканий по проложению железнодорожного пути от Скутари (Шкодер. — *П. И.*) через Эльбасан на Валону.

Техническая комиссия, состоящая из австрийских и итальянских инженеров, уже выехала из Валоны.

Затем временное правительство, по-видимому, обещало предоставить австрийским предпринимателям преимущественное право на открытие и оборудование в Валоне албанской госу-

дарственной типографии, некоторые машины для которой уже доставлены из Триеста. Четвертая концессия на проложение электрического трамвая от Валонской бухты до города, на протяжении приблизительно 4 километров, отдана итальянцам»¹⁶.

«Если не считать этой последней концессии, имеющей местный характер, — продолжает Петряев, — три остальные затрагивают жизненные интересы Албании, имеют громадное политическое значение и ставят Австрию и Италию в особое преимущественное положение. Не говоря уже о Банке, который будет держать в своих руках всю экономическую и финансовую жизнь страны, будущая государственная типография несомненно получит право выпуска марок, денежных знаков и государственных бумаг.

Главная роль в раздаче всех этих концессий принадлежит Кемалю Бейю. Когда вопрос этот обсуждался в здешнем Совете министров, то некоторые члены кабинета отказались дать свои подписи.

Известие о выдаче концессий австрийцам и итальянцам вызвало взрыв негодования в большей части населения. Во многих местах были устроены митинги протеста. В письменных и словесных жалобах на Измаил Кемаль Бейя, поступающих в Комиссию, одним из главных пунктов обвинения стоит вопрос о незаконной выдаче концессий иностранцам.

Французский, английский делегаты и я, согласно полученным нами инструкциям, предполагаем поднять в Комиссии вопрос о признании всех этих обязательств. Надо думать, что мы встретим очень сильную оппозицию со стороны австрийского и итальянского делегатов...

...Мне кажется, что концессии в Албании должны быть разделены на два рода — общегосударственного значения, как Банк, типография, и коммерческого характера, как постройка трамваев, дорог, оборудование портов и т.п. Первого рода концессии должны быть интернационализованы с предоставлением каждой великой державе соответствующей доли, а второго рода концессии должны лишь подлежать контролю Комиссии»¹⁷.

Тема особых отношений Исмаила Кемали с Веной и Римом получила свое дальнейшее развитие. 8 ноября 1913 г. Петряев сообщил из Влёры нижеследующее:

«Кроме тех более или менее официальных сношений, которые по разным делам Контрольная комиссия установила с председателем временного валонского правительства, австрийский и итальянский делегаты постоянно ведут с ним частные переговоры от имени своих правительств, в целях обеспечения за ними разных особых прав и привилегий.

Из моих предыдущих донесений Вашему Превосходительству уже известно о концессиях, предоставленных валонским правительством итальянским и австрийским предпринимателям.

На днях до сведения английского делегата дошло, что итальянское правительство по соглашению с австрийским вступило в негласные переговоры с Измаил Кемаль Беем о приглашении им на службу австрийских и итальянских советников для устройства и упорядочения различных отраслей администрации и юстиции»...¹⁸.

Назначение великими державами в Албанию в начале 1914 г. в качестве верховного правителя князя Вильгельма Вида и формирование при нем центрального правительства на первых порах вселили определенный оптимизм в европейских столицах. Однако радость оказалась преждевременной, о чем российский комиссар в Албании А.М. Петряев счел нужным сообщить на Певческий мост, подвергнув новый кабинет жесткой критике: «Первое, что бросается в глаза при чтении этого списка, — писал он в Санкт-Петербург 20 марта 1914 г., — это число созданных министерств, не соответствующее ни размерам, ни финансовым ресурсам, ни просто потребностям Албании в данную минуту...

Князю при составлении его первого правительства пришлось, очевидно, руководствоваться не столько действительными нуждами страны, сколько желанием удовлетворить честолюбие разных влиятельных беев, а также принять во внимание областную и религиозную рознь...

Безусловно, самую яркую личностью в кабинете является Эссад Паша (Эссад-паша Топтани, военачальник и один из крупнейших албанских землевладельцев. — *П. И.*). По поводу последних событий я уже имел не раз случай говорить о нем. Положение, занятое им теперь при князе, лишь еще более подчеркивает его энергию, смелость и изворотливость, соединенные с нравствен-

ными качествами и замашками средневекового кондотьера. Несомненно, считаясь с опасностью иметь его против себя, князь вынужден был назначить его на самый важный и ответственный пост министра внутренних дел с званием военного министра, данным, очевидно, для удовлетворения военного честолюбия генерала, который, пользуясь этим, не замедлит, вероятно, подкрепить свое положение созданием какой-либо вооруженной силы для своего личного распоряжения. Все, знающие Эсада Пашу, понимают, что фактическим правителем Албании, при настоящих условиях, будет он, а не князь. Это обстоятельство производит на благомыслящих и умеренных албанцев крайне тяжелое впечатление, так как административные приемы Эсада Паши и склонность к темным политическим авантюрам здесь хорошо известны»¹⁹.

Неслучайно Петряев в своем обширном донесении уделил крайне мало места остальным членам албанского правительства, ограничившись, по сути, их перечислением и фразой о том, что «об остальных членах нового правительства остается сказать весьма немного, так как рядом с Эсадом Пашою они никакого значения иметь не будут»²⁰.

Что же касается общего направления внутренней и внешней политики нового кабинета, то на сей счет российский представитель был крайне сдержан: «Пока трудно сказать что-либо более положительное о будущей внутренней и внешней политике только что образованного албанского правительства, вероятно, не имеющего никакой определенной программы. В виду того, что за последнее время Эсад Паша недвусмысленно высказывал свои симпатии к Италии, можно лишь предположить, что влияние этой державы на албанские дела теперь значительно усилится»²¹.

Эссад-паша конфликтовал не только с принцем Видом и Исмаилом Кемали, но и с голландскими офицерами из состава международной жандармерии. Эта сторона его кипучей деятельности также не осталась незамеченной российским комиссаром в Албании. Его донесение от 7 апреля 1914 г. наглядно демонстрирует, что буквально все вопросы обустройства Албании были завязаны на Эсаде. Возвращаясь к этому колоритному

персонажу, российский дипломат, в частности, сообщил, что, «сделавшись военным министром и министром внутренних дел, он для сохранения и укрепления своей власти по-прежнему оставил под своей командой иррегулярную милицию, набранную им из разных подонков.

На этой почве у него произошло недоразумение с генералом Де-Веером, организатором всей албанской жандармерии. Этот последний ни за что не хочет признать Эсада своим непосредственным начальником и еще менее допустить его вмешательство в дела, касающиеся организации, считая себя одного исключительно ответственным за успешное выполнение возложенной на него Европою миссии.

Между тем Эсад Паша, в свою очередь, игнорирует генерала и старается давать приказания жандармам помимо него. В некоторых местах произошли столкновения между жандармами голландской миссии и башибузуками Эсада.

Таким образом, создалось очень тяжелое и неприятное положение для албанского правительства.

Не видя другого исхода, Турхан Паша (глава албанского правительства. — *П. И.*) обратился к Контрольной комиссии со спешной просьбой приехать в Дураццо и уладить это дело. Прибыв туда в воскресенье, — продолжает Петряев, — мы в тот же день вечером имели продолжительное совещание с председателем совета министров, в котором принимал также участие и Де-Веер. Эсад Паша уклонился от совместного обсуждения этого вопроса.

После обмена мнений мы признали совершенно правильною точку зрения генерала Де-Веера, что существование двух жандармерий — одной официальной, подчиненной голландским офицерам, а другой какой-то побочной, повинующейся Эсаду, — недопустимо. Мы высказались также за то, что командование жандармерией должно быть сосредоточено в руках генерала Де-Веера, который подчиняется непосредственно князю.

Зависимость жандармерии от министра внутренних дел определена в том смысле, что она будет находиться в распоряжении местных властей для обеспечения общественного порядка и безопасности. Турхан Паша согласился с такой постановкой вопроса и обещал сделать всё от него зависящее для осуществления

этих начал и в особенности принять меры к роспуску иррегулярных отрядов. Генерал Де-Веер настаивал также на том, чтобы ему подчинена была и полиция, как вспомогательная сила жандармерии, но Турхан Паша отклонил это, сославшись на то, что Лондонские постановления ничего об этом не говорят.

Возник также вопрос, но оставлен открытым, о подчинении жандармерийского отряда, набранного специально для посылки на юг и потому как бы находящегося на особом положении. Недоразумения, возникшие между двумя генералами (Де-Веером и Эссад-пашой. — *П. И.*), теперь устранены вышеуказанным компромиссом, но, вероятно, — на недолгое время. Эсад Паша едва ли откажется от набранной им вооруженной силы, которая представляет для него главную опору.

Теперь он является единственным человеком в Албании, могущим подкрепить свои слова действием. Создание же хорошей жандармерии, по европейскому образцу, но ему не подчиненной, конечно, не входит в его планы.

Интересно отметить, что в совете министров все члены правительства, во главе с Турханом, разделяют взгляд Де-Веера на постановку организации жандармерии, но они бессильны заставить Эсада подчиниться их точке зрения. Князь и Турхан Паша очень опасаются того, как бы дальнейшее развитие конфликта между Эсадом и Де-Веером не повело к отказу голландской миссии продолжать реорганизацию жандармерии, что поставило бы албанское правительство в крайне затруднительное и неловкое положение»...²².

А.М. Петряев был не единственным, кто весьма скептически оценивал деятельность Международной контрольной комиссии в Албании. Джордж Фред Уильямс, посол США в Афинах, вернувшись в конце июня 1914 г. из поездки по Северной Греции (Эпир), подверг работу Комиссии еще более жесткой критике, назвав со страниц нью-йоркской газеты «The Sun» ее действия «эпохальным скандалом анархии, некомпетентности, лицемерия и убийства»: «Я нашел князя — который сам себя именуется королем — без власти, без территории и без подданных, за исключением его собственных жены и детей. Моим первым побуждением было найти албанское правительство. Я не обнаружил никого,

за исключением шести военных кораблей — но и те застыли в молчании. Зато в поле зрения находились пять мнимых правительств: 1. Шесть великих держав со всей властью; 2. Международная комиссия, контролирующая гражданскую администрацию и финансы; 3. Голландская жандармерия, контролирующая военных; 4. Князь без какой-либо оставшейся власти и 5. Министрство без власти.

Каждое из этих правительств борется друг с другом, а первое (великие державы. — *П.И.*), по-видимому, настолько поражено разногласиями в своих рядах, что предоставило остальные их собственной судьбе»...²³.

Начавшаяся первая мировая война перевела проблему обеспечения российских интересов на Балканах и в Центральной Европе в новую плоскость, поставив на повестку дня судьбу самой Австро-Венгрии как единого государства. И в этой связи предшествующие наработки А.М. Петряева оказались востребованными. Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов дал указание дипломату заняться изучением положения славян в Австро-Венгрии и выработкой проекта будущего обустройства населенных ими территорий. В марте 1916 г. он получил назначение советником Второго (Ближневосточного) политического отдела министерства иностранных дел и проявил на этом посту все свои лучшие качества. Обратимся к документу под красноречивым названием «Список к наградам, испрашиваемым за служебные отличия по Министерству иностранных дел, за труды, понесенные при условиях военного времени. За выдающиеся отличия», обнародованному в начале 1917 г. В нем сообщается, что к ордену Св. Владимира 4 ст. представляется «советник Второго политического отдела Министерства иностранных дел, статский советник Александр Петряев. Вероисповедания православного. Кавалер орденов: Св. Анны 2 ст. и Св. Станислава 3 ст. С выдающимся усердием заведует Вторым политическим отделом, деятельность которого, в особенности при современном политическом положении, требует особой подготовки, основательного знания дел Ближнего Востока и крайне напряженного труда»²⁴.

Февральская революция 1917 г. помогла Александру Михайловичу преодолеть еще одну ступеньку в заслуженном карьерном росте: он стал товарищем (заместителем) министра иностранных дел России во Временном правительстве А.Ф. Керенского, занимая этот пост с июля по октябрь 1917 г.

Однако вторая по счету революция 1917-го года не пришлась по душе Петряеву, который фактически отказался принять новую власть, хотя на первых порах воздерживался от «протестных акций». Российский дипломат Ю.Я. Соловьев, первый секретарь миссий в Китае, Греции, Черногории, Румынии, Вюртемберге, а в 1911–1917 гг. — советник посольства России в Испании, вспоминал, что «когда приехал представитель Советской власти принимать министерство, то оба товарища министра — Нератов и Петряев — ничем не проявили себя, оставшись безучастно стоять в дверях зала, где происходило собрание состава министерства», в отличие от многих их коллег, демонстративно покинувших помещение²⁵.

Тем не менее, 13 ноября 1917 г. за подписью тогдашнего наркома по иностранным делам Л.Д. Троцкого на свет появилась следующая грозная бумага, фактически ставившая крест на дальнейшей дипломатической карьере Петряева:

«ПРИКАЗ ПО МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

За отказ от подчинения Совету Народных Комиссаров увольняются от должности без права на пенсию:

Товарищ министра иностранных дел Анатолий Анатолиевич Нератов.

Директор канцелярии Борис Алексеевич Татищев.

Товарищ министра Александр Михайлович Петряев и чиновники министерства: Герман Павлович Ухтомский, Владимир Борисович Лопухин, Николай Петрович Юдин, Василий Иоаннович Шавельский, Григорий Григорьевич Епифанов, Алексей Николаевич Орлов, Яков Лазаревич Барсков, Иван Карпович Лысенко, Александр Николаевич Раевский, Александр Эдуардович Ньюман, Григорий Евгеньевич Пашенко, Федор Андреевич Семенченко, Алексей Константинович Беляев, Владимир Иванович Некрасов, Алексей Алексеевич Губарь, Николай Николаевич Маслов, Михаил Иванович Муромцев, Алексей Васильевич Блинов, Константин Карлович Фетерлейн, Евгений

Карлович Памерский, Карл Владимирович Циглер, Александр Оттович Струве, Юрий Геннадиевич Удинцов, Николай Николаевич Щелкунов, Александр Николаевич Марисов, Александр Владимирович Григорьев, Василий Иванович Беляев, Николай Михайлович Старченко, Лев Владимирович Урусов, Владимир Владимирович Таубе.

Список остальных увольняемых чинов будет опубликован завтра.

Народный комиссар по иностранным делам Л. Троцкий.
13 ноября 1917 года»²⁶.

Вот как описывает настроения самого А.М. Петряева и его коллег по «старой» дипломатической школе в те переломные для России дни один из ведущих современных российских дипломатов А.И. Кузнецов:

«Большевики в лице Троцкого, конечно же, не искали политической поддержки со стороны наиболее “старорежимного” в их глазах государственного ведомства России и ожидали от него лишь временного исполнения “технических” функций. В условиях намеченного ими курса на слом старой государственной машины царская дипломатическая служба была заведомо обречена. Да и сами чиновники МИД, встретившись с Троцким, поняли, что эпохе “старой дипломатии” в России приходит конец. Тем не менее, решающую роль в их отказе сотрудничать с новой властью вновь сыграло неприятие “пораженчества” и измены союзническим обязательствам. Можно предположить, что такой же отказ встретил бы любой оказавшийся у власти в России политический режим, который взял бы курс на заключение сепаратного мира. Подтверждением может служить, в частности, свидетельство Г.Н. Михайловского (начальник международно-правового отдела министерства иностранных дел. — *П. И.*) о том, что еще при Временном правительстве после ухода Милюкова с поста министра иностранных дел товарищ министра А.М. Петряев заявил коллегам, что в случае сепаратного мира (с Германией. — *П. И.*) никто из высших чинов не останется в Министерстве.

Старая русская дипломатия сошла с исторической сцены с чувством исполненного профессионального и патриотического долга. “Плохо ли, хорошо ли мы понимали интересы России, —

писал в эмиграции князь Г.Н. Трубецкой, — пусть об этом рассудят другие, но мы служили им честно, в меру разума, совести и сил... Когда-нибудь придется воздать должное русской бюрократии, которая для людей, живущих трафаретами, представляется просто бранной кличкой. Тогда, я не сомневаюсь, получит признание огромная патриотическая и культурная работа, ею проделанная, и те сокровища государственного опыта и самоотвержения, которые были с нею связаны. Они, без сомнения, опирались на лучшие традиции русского служилого сословия и не могут быть затушеваны темными сторонами интриг и личных страстей, которые находили себе почву в некоторых общих нездоровых условиях государственного строя”...²⁷.

Последующие годы жизни и деятельности А.М. Петряева были тесно связаны с белым движением и эмиграцией. В 1919 г. в так называемом «Правительстве при главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России» (ВСЮР) А.И. Деникине он занял пост помощника прекрасно знакомого ему по работе в министерстве иностранных дел князя Г.Н. Трубецкого по управлению ведомством вероисповеданий. С января 1920 г. Петряев — официальный дипломатический представитель генерала Деникина в Болгарии. В этом качестве он внес заметный вклад в решение задач гуманитарной, правовой и социальной помощи беженцам из России.

Однако активная деятельность миссии А.М.Петряева привела к нарастанию противоречий с болгарским правительством лидера «Земледельческого союза» А. Стамболийского, питавшего симпатии к большевистской России. Осенью 1922 г. власти Болгарии наложили арест на русский депонированный фонд объемом в 11 млн левов, а также приступили к конфискации имущества белогвардейских офицеров и их высылке за пределы страны.

В этих условиях А.М. Петряев принял решение переехать в Белград, где к этому времени установил хорошие связи в среде российских офицеров, воевавших в армии барона Врангеля. Именно в Югославии Петряев смог вернуться к своей основной, дипломатической, деятельности, получив работу в местном министерстве иностранных дел.

Там же, в Белграде, А.М. Петряев и скончался 9 ноября 1933 г.

Примечания

- ¹ Митюшев В. П. Тогда ему было 45 лет // Герценка: Вятские записки. Вып. 23. Киров, 2013.
- ² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 5296. Л. 52.
- ³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 129. Л. 68.
- ⁴ Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С.73.
- ⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 161. Л. 24–26, 33.
- ⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 5270. Л. 8–9.
- ⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 23. С. 38.
- ⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1349. Л. 142–143.
- ⁹ АВПРИ. Ф. Комиссия. Оп. 910. Д. 195. Л. 86–87.
- ¹⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2087. Л. 269–272.
- ¹¹ «Которые портят настроение австрийцам» // АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2087. Л. 272.
- ¹² Богатуров А.Д. Процессы мира и войны // Международные процессы. 2016. № 3. С. 30.
- ¹³ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сборник документов / Министерство иностранных дел Российской Федерации. Тула, 2014. С. 127.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 19. Л. 11.
- ¹⁵ Цит. по: Краткая история Албании. М., 1992. С. 257.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2113. Л. 10.
- ¹⁷ Там же. Л. 10–11.
- ¹⁸ Там же. Л. 12.
- ¹⁹ Там же. Л. 30.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Л. 31.
- ²² Там же. Ф. Канцелярия. 1914. Оп. 470. Д. 6. Л. 32.
- ²³ The Sun. 27.06.1914.
- ²⁴ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны... С. 762.
- ²⁵ Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата, 1893–1922. М., 1959.
- ²⁶ Известия. 14.11.1917.
- ²⁷ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны... С. 15.

**«Греция для нас важна...
балканскими отношениями»:
деятельность А.М. Устинова на посту
полпреда СССР в Греции (1924–1929 гг.)**

В марте 2024 г. исполнилось 100 лет с момента установления дипломатических отношений между СССР и Грецией. Работ, посвященных советско-греческим отношениям, немало, но любопытно, что именно первые годы взаимодействия двух стран остаются весьма малоизученной страницей — в основном внимание исследователей сосредоточено на решении проблем греческой диаспоры в Советском Союзе, российского имущества в Греции либо на развитии связей между двумя государствами после 1928 г. — с момента возвращения к власти Э. Венизелоса¹. Как следствие, в тени остается фигура первого советского полпреда в Греции — Алексея Михайловича Устинова (1879–1937), на протяжении пяти лет, с 1924 по 1929 гг., защищавшего интересы Москвы в Афинах.

Представленная работа не претендует на то, чтобы целиком и полностью описать деятельность Устинова в бытность его полпредом в Греции. Речь идет, в первую очередь, о том, чтобы определить ключевые направления в его работе и дать оценку ее эффективности с точки зрения динамики советско-греческих отношений. Источниковой базой исследования являются как опубликованные материалы (сборники «Документы внешней политики СССР», «Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции»), так и архивные документы из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) (фонды Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала — ИККИ и Г.В. Чичерина) и Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) (фонды СНК СССР и ЦКК ВКП(б), РОСТА и ТАСС).

Установление отношений между СССР и Грецией стало возможным в связи с установлением в последней республиканского правления в 1924 г., после провальной попытки переворота Леонардопулоса — Гаргалидиса и изгнания короля Георга II. Еще в сентябре 1923 г., в разгар кризиса, вызванного попыткой Италии захватить остров Корфу, нарком иностранных дел СССР Г.В. Чичерин называл «ультра-националистическую» Грецию «презренным наймитом англо-империализма» и выступал против поддержки Афин в их конфликте с Римом². Однако уже к концу года глава НКВД высказывался за восстановление дипломатических отношений с балканскими государствами, в том числе и с Грецией. Необходимость налаживания политических и торговых связей с внешним миром в рамках политики мирного сосуществования, равно как и стремление направлять революционные организации на Балканах (наподобие Внутренней македонской революционной организации — ВМРО), подталкивали Москву к переходу к более активной политике на балканском направлении. В обоснование своей позиции Чичерин писал руководству РКП(б): «Предварительный зондажный период на Балканах, собственно, доведен до конца. Или мы будем топтаться на месте, или надо идти дальше»³.

В самой Греции за восстановление отношений с Москвой высказывался вернувшийся в страну Венизелос, считавший данный шаг необходимым «как для укрепления дипломатических позиций Греции, так и ради греков, проживающих в России»⁴. Ему вторил адмирал Г. Какулидис, командовавший греческим флотом в Украинском походе времён интервенции в Россию, а ныне представлявший ном Козани в греческом парламенте. Адмирал предупреждал, что географическое положение Греции «не позволяет ей поддерживать недружественные отношения ни с “повелительницей морей Великобританией”, ни с Советской Россией, которая граничит со славянскими государствами»⁵.

Как следствие, в начале 1924 г. интенсифицировались контакты между греческим посольством и советским полпредством в Берлине, на что, в частности, обратили внимание британские журналисты. Газета «Таймс» писала 30 января 1924 г.: «Греция торопится возобновить с Советской Россией торговые отноше-

ния, и понятно, что за этим вскоре последует возобновление отношений дипломатических»⁶. За восстановление отношений высказывался прежде всего греческий посол в Берлине Э. Канеллопулос, правда, делавший оговорку, что его правительство «не считает возможным забегать вперед перед великими державами, и поэтому он не уполномочен вести переговоры о признании де-юре»⁷. Однако после того, как в феврале 1924 г. Советский Союз был признан Великобританией, Италией, Норвегией и Австрией, ход переговоров резко ускорился, и уже 8 марта состоялся обмен нотами между правительствами СССР и Греции о возобновлении дипломатических отношений⁸.

В мае 1924 г. полпредом и торгпредом СССР в Греции был назначен А.М. Устинов — человек весьма интересной судьбы: бывший дворянин, выпускник историко-филологического факультета Московского университета, эсер-максималист, в 1917 г. исключенный из Партии социалистов-революционеров за «большевизм», член Учредительного собрания, основатель Партии «революционных коммунистов», действовавшей в 1918–1920 гг., наконец, член РКП(б) с 1920 г. В 1921 г. он поступил на дипломатическую службу: до 1923 г. работал заведующим бюро печати, а затем первым посланником советского полпредства в Германии; в 1924 г. являлся генеральным секретарем союзной делегации по переговорам с Румынией⁹. Теперь же ему предстояло отправиться в Афины.

При этом Устинов должен был выступать в роли не только полномочного, но и торгового представителя СССР. При обсуждении кандидатуры на должность торгпреда Чичерин выступил против назначения члена РКП(б) Л.М. Михайлова, бывшего в 1921–1922 гг. дипломатическим представителем РСФСР в Норвегии, а в 1923–1924 гг. — полпредом НКВД СССР при СНК Туркестанской АССР. По словам наркома, данный деятель обладал «удивительным непониманием разницы между допустимым и недопустимым». Глава НКВД опасался, что в случае назначения в Афины Михайлова, известного своими бестактными нотами и хлесткими фельетонами, он будет, с одной стороны, «ссориться всё время с греческим правительством», а с другой, «выступать с какими-нибудь бестактнейшими заявлениями

по адресу турецкого правительства». Как указал нарком: «Вообще я не представляю себе места на земном шаре за пределами СССР, где бы он не мог принести нам серьезного вреда»¹⁰. Поэтому кандидатура Михайлова была отклонена, и при отсутствии иных подходящих кандидатов на должность обязанности торгпреда были вверены Устинову, исполнявшему их до приезда в Грецию И.С. Ашкенази в 1927 г. Впрочем, из-за сильной занятости дипломатическими вопросами Устинов фактически возложил решение вопросов торгового и экономического характера на директора торгпредства — некоего товарища Бялова, «очень слабого работника», как отмечали в Народном комиссариате внутренней и внешней торговли¹¹.

В июне 1924 г. Устинов обустроился в здании бывшей миссии царского правительства на улице Ирода Аттика, дом 7. В это время в новопровозглашенной Греческой Республике царил хаос, вызванный последствиями Великой войны и греко-турецкого конфликта 1919–1922 гг.: «Экономика, подорванная нагрузками времен Первой мировой, а затем малоазиатской экспедиции*, никак не могла прийти в сбалансированное состояние... Правительства сменялись одно за другим»¹². В Комиссии ИККИ по балканским вопросам утверждали, что Греческая Республика находится едва ли не в руках фашистов, против которых выступали как рабоче-крестьянские массы, так и республиканцы, с которыми греческим коммунистам предлагалось одновременно сотрудничать в целях сопротивления правым элементам и бороться, чтобы не позволить им представить себя в роли «левых»¹³. В этих сложных условиях перед Устиновым стояло несколько задач, от решения которых зависело будущее советско-греческих отношений и позиций СССР на Балканском полуострове.

Прежде всего полпреду предстояло способствовать развитию связей между Советским Союзом и балканскими государствами. На момент его назначения в Афины Греция была единственной страной Юго-Восточной Европы (если не считать Турции, которая после Первой мировой войны фактически превратилась

* Малоазиатская экспедиция (синоним малоазиатской катастрофы) — исход греческого населения из Малой Азии после поражения греческой армии в Малоазиатском походе (1919–1922 гг.).

в азиатскую страну), с которой у Страны Советов были дипломатические отношения, в связи с чем Чичерин в июне 1924 г. инструктировал Устинова: «Греция для нас важна, с одной стороны, балканскими отношениями, с другой стороны, — отношением к Турции и вообще Ближнему Востоку»¹⁴. Сам Устинов считал, что «Греция — прекрасный пункт наблюдения, ибо в ней, как в малой капле воды, отражается ряд существеннейших моментов не только балканской, но также западноевропейской и ближневосточной политики»¹⁵.

Полпреду предстояло налаживать контакты с соседями Греции и одновременно укреплять связи с ВМРО, которая рассматривалась в Москве как «важный военно-политический фактор на Балканах», обладающий «сложной развитой инфраструктурой и разветвленными международными контактами»¹⁶. Однако одним из существенных препятствий на пути развития отношений между СССР и балканскими странами являлся недостаток информации о последних у советского правительства. Так, ответственный секретарь РОСТА Я.Г. Долецкий писал Устинову в 1924 г., что в Москве «о Греции ровно ничего не знают, а разве о губках, да и то абстрактно»¹⁷ (имелись в виду поставляемые в СССР греческие морские губки. — *Д. Р.*).

Показательным в этом отношении был пример Албании, которую Чичерин называл «территориальной базой для нашей политической акции на Балканах»¹⁸. В 1924 г. советскому правительству удалось установить дипломатические отношения с Тираной, куда был назначен полпредом А.А. Краковецкий. Однако практически сразу после его прибытия в Тирану, в декабре того же года, албанское правительство отозвало признание СССР, и советскому дипломату пришлось покинуть страну. Как считал глава НКВД, это произошло из-за «волокиты при наших заграничных назначениях», предоставившей западным державам возможность оказать давление на правительство Ф. Ноли и добиться срыва установления дипломатических отношений между Тираной и Москвой¹⁹. Как следствие, в начале 1925 г. Устинов писал, что об Албании «мы фактически знаем еще меньше, чем о Югославии», хотя эта страна представляла интерес вследствие развернувшейся вокруг нее борьбы как малых стран, так и великих держав²⁰.

По поводу последних полпред отмечал в 1925 г. нарастающее соперничество в регионе между Англией, усиливавшей свои позиции, и Францией, чьи позиции, по мнению Устинова, постепенно слабели²¹. Аналогичного мнения придерживались и в Москве: Чичерин еще в конце 1924 г. опубликовал в газете «Известия» статью, в которой утверждал, что существующие в балканских странах правительства «по зову Англии объединяются» в антисоветский блок, хоть «самые эти правительства до крайности непрочны»²². В дальнейшем полпред неоднократно высказывал опасения по поводу деятельности английских дипломатов на Балканах и конкретно в Греции. Например, во время антисоветской кампании, развернутой греческой прессой в 1927 г., Устинов сообщал в НКВД, что «английская рука явно чувствовалась в созданной вокруг нас враждебной шумихе», хотя «нельзя, конечно, валить всю ответственность за эту кампанию на одну только “англичанку”»²³.

Что касается ВМРО, то полпред поддерживал развитие связей между данной организацией и Москвой, настаивал на необходимости укрепления левого крыла организации и ставил вопрос о возможности слияния федералистов и левого крыла автономистов²⁴. Однако слишком тесные контакты между советским правительством и македонскими революционерами вредили имиджу СССР в глазах Афин. Как отмечали репортёры «Таймс», в условиях постоянной турбулентности на Балканах «греческое правительство с тревожной бдительностью следило за деятельностью некоторых лиц, связанных с русской миссией»²⁵.

Из-за этого с трудом продвигалось дело расширения сети дипломатических учреждений в самой Греции. Республиканское правительство, как считал Устинов, «под давлением соседей и Англии» не давало разрешения на открытие советского консульства в Салониках — в Греческой Македонии, через которую, как опасались в Афинах, коммунисты из Москвы могли бы укрепить связи с ВМРО. Наилучшим выходом из ситуации, по мнению полпреда, являлось компромиссное решение о перемещении в Салоники представителя торгпредства, что позволило бы обеспечить защиту по крайней мере экономических интересов СССР на севере Греции²⁶.

Другой важной задачей, стоящей перед Устиновым, являлась поддержка коммунистического движения в самой Греции. Вместе с полпредом в Афины из Москвы прибыли выпускники Коммунистического университета трудящихся Востока, которые довольно быстро монополизировали контакты с советским посольством и, как следствие, установили контроль над материальной помощью, поступающей из СССР греческим коммунистам²⁷.

Относительно же Коммунистической партии Греции Устинов жаловался в Москву: «Очень плохо обстоит здесь с рабочим движением, и не столько с ним, как таковым, сколько с партией... Партия сейчас совершенно беспомощна, не будучи в состоянии изжить своих внутренних раздоров»²⁸. Полпреду приходилось вмешиваться в споры между пирейским и афинским ЦК Коммунистической партии Греции, чтобы последняя, по его словам, не оказалась «в положении разбитого корыта»²⁹. Достаточно негативно оценивал полпред съезд греческой компартии в конце 1924 г., который, по его мнению, «мало чем изменил существовавшее ранее положение вещей»³⁰.

Одновременно Устинову приходилось защищать свое правительство от постоянно звучащих на страницах греческих (и не только) газет обвинений в том, что во всех стачках, забастовках, демонстрациях и вооруженных столкновениях между греческими коммунистами и правительственными силами виновато советское полпредство, через которое Москва управляла греческим коммунистическим движением. Как утверждала газета «Этнос», «главным товаром, сбытом которого заняты советские “торговые” агентства, являются принципы Ленина и других товарищей»³¹. Во время волнений рабочих в Салониках в 1927 г., приведших к аресту свыше сотни человек (в том числе тринадцати представителей Коммунистической партии Греции), Устинов заверял правительство А. Заимиса, что «ни один член торгпредства не связан с выступлениями»³².

Важным вопросом, который предстояло решить полпреду для улучшения советско-греческих отношений, являлось переселение в Грецию тех греков, которые после греко-турецкой войны бежали на территорию советских республик Закавказья и в Северное Причерноморье и ныне стремились вернуться на

историческую родину. В интервью газете «Демократия» 31 декабря 1924 г. Устинов выражал убеждение, что греческое правительство «вынуждено будет удовлетворить желание этих людей и прийти к соглашению с правительством Советского Союза о способах урегулирования этого вопроса, в решении которого заинтересованы тысячи семей, бежавших из Турции на Кавказ, а также тысячи других людей на Украине, ожидающие своего возвращения на родину»³³.

Основной проблемой, препятствовавшей скорому разрешению данного вопроса, являлся вопрос финансирования программы переселения. Как сообщала советскому правительству греческая миссия в Москве, вследствие огромного числа беженцев, переселившихся из Турции в Грецию после Малоазийской катастрофы*, которых греческому правительству еще предстояло устроить, появились «непреодолимые материальные трудности к принятию в Грецию еще других беженцев, которые увеличили бы уже имеющееся большое количество беженцев»³⁴.

После длительных переговоров вопрос удалось частично урегулировать путем подписания 8 октября 1925 г. советско-греческого соглашения о взаимном переселении в Грецию 3 тыс. беженцев из СССР и такого же количества армян из Греции в Советскую Армению. В последующие месяцы это соглашение было претворено в жизнь³⁵. Однако теперь на повестке дня стоял вопрос о желании большого количества граждан СССР греческого происхождения (коих по переписи 1926 г. насчитывалось свыше 213 тыс. человек) вернуться на историческую родину, против чего протестовало уже советское руководство. Правительство Греческой Республики, не желая обострять отношения с Москвой и избегая любой дополнительной нагрузки на бюджет, было согласено на заморозку данного вопроса, из-за чего в греческой прессе появились нападки на правительство, которое «бросило на произвол судьбы греков в России»³⁶.

Наконец, важнейшим вопросом в советско-греческих отношениях во второй половине 1920-х годов стало заключение

* Термин в историографии, обозначающий резкое сокращение численности греческого населения в Малой Азии вследствие поражения Греции в греко-турецкой войне 1919–1922 гг. и последовавших за ним этнических чисток и массовых переселений.

торгово-таможенной конвенции. О необходимости ее подписания Устинов говорил с первых месяцев пребывания в Греции, обращая внимание Москвы на то, что из-за отсутствия торгового соглашения между СССР и Грецией «мы были поставлены в худшие условия, чем наши конкуренты на греческом рынке»³⁷. Помимо того, что подобное соглашение, как утверждал полпред в переговорах с греческим правительством, имело своей целью «существенно усилить развитие торговых связей между обеими нашими странами»³⁸, немаловажной была и политическая составляющая. В письмах к руководству Устинов утверждал, что торговля с Афинами «имеет огромный политический смысл, далеко выходящий за пределы самой Греции», поскольку поставки хлеба в эту страну можно было использовать в качестве «единственно действительного способа нажима с нашей стороны при решении основных для нас интересующих вопросов», а из Греции Советскому Союзу легко будет «расширить свои операции на Балканы и Ближний Восток», открыв доступ на рынки Сирии, Палестины и Египта³⁹. Справедливость оценок Устинова отмечали в Главном экономическом управлении ВСНХ, подчеркивая, что отсутствие договорных отношений между СССР и Греческой Республикой является «общим препятствием, затрудняющим экспорт нашей продукции в Грецию», и «делает в некоторых случаях наши товары неконкурентоспособными»⁴⁰.

Переговоры велись в напряженной обстановке: как отмечали впоследствии в НКВД, в общественном мнении Греции «создалась ярко выраженная тенденция к срыву всякого экономического соглашения с СССР, выразившаяся в резкой кампании против нашего правительства»⁴¹. Однако установление в Греции диктатуры Т. Пангалоса (1925–1926 гг.) в немалой степени способствовало успешному ходу переговорного процесса. В марте 1926 г. глава греческого государства заверил советского полпреда, что в препятствиях, чинимых советской торговле в Греции, виновата «бюрократическая машина, которая сочетает слово Россия с коммунизмом», и обещал содействовать решению возникающих проблем⁴². О возможности скорейшего заключения греко-советской конвенции говорил и новый греческий посланник в Москве Н. Пануриас в мае того же года, отмечая особый вклад

«выдающегося и пользующегося симпатией в Греции дипломатического представителя СССР» Устинова⁴³. Расположение со стороны правительства Пангалоса позволило уже 23 июня 1926 г. подписать таможенно-тарифную конвенцию между Советским Союзом и Грецией.

Заклученному договору в Москве была дана самая высокая оценка. В НКВД признавали, что с точки зрения защиты советских экономических интересов соглашение является «в полной мере приемлемым актом», а сопровождающие его ноты (о правовом положении торгпредства, взаимном предоставлении советским и греческим судам прав наибольшего благоприятствования и о праве греческих коммерсантов участвовать в ярмарках, организуемых в СССР) называли «весьма важным политическим успехом в Греции», способствовавшим повышению статуса советского торгпредства и разрешению сложнейшего вопроса о каботажном плавании. Вывод Наркоминдела был однозначным: «Факт подписания этого соглашения является значительным политическим успехом в деле наших взаимоотношений с Грецией»⁴⁴. В комиссии СНК СССР, созданной для утверждения торгового договора, отдельно отметили вклад Устинова, которым в ходе согласования текста с греческим правительством были сделаны «лишь минимальные отступления, не противоречащие нашим интересам»⁴⁵.

Однако торгово-тарифное соглашение, заключенное в правление генерала Пангалоса, после свержения последнего в августе 1926 г. вновь оказалось под огнем критики греческой прессы, общественности и политических кругов. Весной 1927 г. греческая газета «Элефтерон Вима» заявляла, что «пангалосская конвенция обижает Грецию: облегчает ввоз русских товаров и оставляет без протекции греческую продукцию»⁴⁶. Советскую сторону обвиняли в том, что она, пользуясь значительными торговыми льготами по договору 1926 г., не предоставила равных льгот греческим коммерсантам. Соответственно, выдвигалось следующее требование: «Мы хотим, чтобы наши конвенции с Советской Россией были проникнуты духом равенства и чтобы они в равной степени служили интересам обоих народов»⁴⁷. Газета «Этники» называла конвенцию «легкомысленным изделием пангалосской диктату-

ры», что предоставляет дипломатическую неприкосновенность советским торговым агентам, выступающим в роли «ловких пропагандистов большевистских теорий», и не обслуживает экономических интересов самой Греции⁴⁸. Газета «Пройа» заявляла, что торговая конвенция «на практике оказалась полезной только для России», а сотрудники советского торгпредства в Греции «занимаются личными делами чуждыми ей делами»⁴⁹.

Стремление к пересмотру торгового соглашения с Советским Союзом подкреплялось обвинениями в адрес советских торговых представителей, занимающихся «импортом не русских товаров, а разрушительных идей»⁵⁰. На фоне англо-советского разрыва 1927 г. греческая пресса требовала от правительства более решительных действий по охране общественного строя — «хотя бы подобные действия и стоили бы нам прекращения греко-русского торгового сотрудничества»⁵¹. В ответ на подобные обвинения Устинов «выражал сожаление по поводу того, что греческая печать несправедливо пишет, что торговые агенты посольства ведут коммунистическую пропаганду», и подчеркивал, что «между совгосударством и 3-м интернационалом, на который возложено дело коммпропаганды, нет никакой связи»⁵².

Формально речь не шла о полном отказе от соглашения: правительство Заимиса, как отмечала английская печать, требовало от полпреда лишь доработки соглашения, а точнее сопровождающих его нот, с учетом греческих интересов⁵³. Однако советская сторона понимала соглашение «как единое и неразрывное целое, рассматривая приложенные к нему ноты как составляющие неотъемлемую часть этого соглашения и соглашаясь подписать его только на этом условии»⁵⁴. В связи с этим газета «Элефтерос Логос» передавала явно преувеличенные слова председателя СНК СССР А.И. Рыкова о том, что «Совроссия не пойдет на пересмотр конвенции, даже если бы пришлось прервать дипломатические отношения с Грецией»⁵⁵. Подобные сообщения печати Устинов называл «фантастическими измышлениями»⁵⁶ и заявлял о готовности Москвы после истечения срока договора в июле 1928 г. начать переговоры о новом торговом соглашении с учетом поправок, на которых настаивала греческая сторона⁵⁷. Параллельно Ашкенази доказывал пользу конвенции для Афин,

мотивируя это тем, что «русский экспорт в Грецию, являясь несомненным фактором конкуренции и снижения цен на ввозимые в Грецию из других стран товары, дает Греции большую экономию в валюте»⁵⁸.

Несмотря на проявленную Москвой готовность к переговорам, греческий парламент, не дожидаясь названного выше срока, 12 июня 1928 г. аннулировал советско-греческое таможенное соглашение. В совокупности с принятым в мае того же года законом об охране греческой торговли данный шаг создавал условия, при которых, как заявил Устинов министру иностранных дел Греции А. Михалакопулосу, «Правительство Союза ССР считает невозможным вести переговоры по вопросу о торговом договоре»⁵⁹. Впрочем, как отмечали в Москве, даже после аннулирования соглашения греческое правительство продолжало применять к советским судам и товарам льготный режим, в связи с чем в Наркоминделе рекомендовали сохранять аналогичный режим в отношении греческих судов и товаров в Советском Союзе до тех пор, пока греки не ликвидируют льготный режим фактически⁶⁰.

Победа Либеральной партии на парламентских выборах в июле 1928 г. и формирование нового кабинета Венизелоса способствовали возобновлению переговорного процесса между Москвой и Афинами по поводу заключения новой торговой конвенции. Практически сразу после выборов Устинов и Ашкенази получили из НКВД инструкцию, согласно которой следовало наладить отношения с новым греческим правительством и указать на «наше искреннее желание урегулировать конфликтные вопросы»⁶¹. Однако предметные переговоры по поводу новой конвенции между советскими дипломатами и правительственной комиссией Н. Ксидакиса начались лишь в октябре. Спустя полгода переговоров, 11 июня 1929 г., была подписана новая конвенция о торговле и мореплавании между СССР и Грецией. Как утверждала газета «Правда», данное событие отражало «неуспех тех элементов, которые в Греции и вне ее стремились к осложнению отношений между СССР и Грецией»⁶².

Заключение договора 1929 г. стало последним успехом Устинова на посту полпреда в Греции. В ноябре того же года он был отозван в Москву, в Афинах его сменил В.П. Потемкин, который

в немалой степени способствовал укреплению политических и экономических связей между СССР и Греческой Республикой. Однако следует помнить, что фундамент для развития советско-греческих отношений был создан именно в бытность полпредом Устинова, которому приходилось решать сложные, подчас противоречащие друг другу, задачи по защите государственных интересов Советского Союза и поддержке революционного движения в балканских странах.

Как можно видеть, акцент в деятельности Устинова в соответствии с политикой мирного сосуществования явно был смещен в сторону развития официальных контактов между Москвой и Афинами, следствием чего стало решение проблемы греческих беженцев и заключение конвенций 1926 и 1929 гг. Одновременно Устинов стремился минимизировать контакты с Коммунистической партией Греции и ВМРО, способные дискредитировать полпредство и привести к разрыву советско-греческих отношений. Обозначенная полпредом дипломатическая линия, продолженная Потемкиным, стала основой «сдержанно-нейтрального характера отношений»⁶³, сложившегося между двумя странами в 1930-е годы и обеспечивавшего стабильность и предсказуемость в их взаимодействии на международной арене.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Никитина Т.В.* Российско-греческие отношения в XX веке. Очерки. СПб.: Алетейя, 2020; *Скворцова Е.С.* Восстановление дипломатических отношений между СССР и Грецией // 1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции. Сб. статей / Отв. редактор О.В. Соколовская. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 299-307.
- ² Копия записки Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) относительно позиции России в вопросе занятия Корфу Италией. 4 сентября 1923 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 159. Оп. 2. Д. 26. Л. 92.
- ³ Копия записки Г.В. Чичерина Г.Е. Зиновьеву по поводу планов Земледельческой партии Болгарии. 2 декабря 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 26. Л. 64.
- ⁴ *Kondis B.* The Re-Establishment of Greek-Soviet Relations in 1924 // *Balkan Studies*. 1985. Vol. 26. N 1. P. 152.
- ⁵ *Ibid.* P. 156.
- ⁶ *Greek Relations with the Soviet* // *The Times*. 1924. 30 January. P. 10.
- ⁷ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). Т. VII. 1 января — 31 декабря 1924 г. М.: Госполитиздат, 1963. С. 39.

- ⁸ Там же. С. 141–143.
- ⁹ Устинов, Алексей Михайлович (автобиография) // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 734–735; Устинов Алексей Михайлович // Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. С. 328–329.
- ¹⁰ Копия записки Г.В. Чичерина Л.Б. Красину по поводу назначения Л.М. Михайлова торгпредом в Грецию. 18 февраля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 26. Л. 93.
- ¹¹ Греция // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р374. Оп. 28. Д. 2235. Л. 54–54 об.
- ¹² Петрунина О.Е. Греческая нация и государство в XVIII — XX вв.: очерки политического развития. М.: КДУ, 2010. С. 521.
- ¹³ Протокол заседания Комиссии по балканским вопросам от 31 октября 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 60. Д. 23. Л. 11–13.
- ¹⁴ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала–середины 1920-х годов). В 2 ч. Ч. 2. Июнь 1924 г. — декабрь 1926 г. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. С. 31.
- ¹⁵ Там же. С. 505.
- ¹⁶ Евдокимович А.Л. Македонский вопрос в политике Коминтерна (1920–1929 гг.) // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 3 / редкол.: А.П. Сальков, О.А. Янновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск: БГУ, 2008. С. 50.
- ¹⁷ Тов. Устинову. Афины. 16/VII-24 г. // ГАРФ. Ф. Р391. Оп. 11. Д. 83. Л. 1.
- ¹⁸ Копия записки Г.В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) по поводу предложения албанского правительства установить дипломатические отношения с Россией. 18 июля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 26. Л. 40.
- ¹⁹ Копия записки Г.В. Чичерина И.В. Сталину по поводу советского представительства в Албании. 6 декабря 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 26. Л. 47.
- ²⁰ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции... Ч. 2. С. 330.
- ²¹ Там же. С. 468.
- ²² Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М.: Соцэргиз, 1961. С. 336.
- ²³ ДВП СССР. Т. X. 1 января — 31 декабря 1927 г. М.: Политиздат, 1965. С. 129.
- ²⁴ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции... Ч. 2. С. 181.
- ²⁵ The Balkan Unrest. Activity of the Communists // The Times. 1925. 26 March. P. 15.
- ²⁶ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции... Ч. 2. С. 358.
- ²⁷ Richter H.A. The Greek Communist Party and the Communist International // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung. Berlin: Aufbau-Verlag, 2002. URL: <https://www.kommunismusgeschichte.de/jhk/jhk-2002/article/detail/the-greek-communist-party-and-the-communist-international> (дата обращения: 15.11.2023).
- ²⁸ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции... Ч. 2. С. 168.
- ²⁹ Там же. С. 169.
- ³⁰ Там же. С. 310.

- 31 Греческая печать от 27–28 мая. Советские «агентства» («Этнос» от 28/V) // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 2. Д. 148. Л. 67.
- 32 Rioting at Salonika. 100 Arrests // The Times. 1927. 3 June. P. 11.
- 33 ДВП СССР. Т. VII. С. 595.
- 34 ДВП СССР. Т. VIII. 1 января — 31 декабря 1925 г. М.: Госполитиздат, 1963. С. 373.
- 35 Там же. С. 793.
- 36 *Никитина Т.В.* Российско-греческие отношения в XX веке. Очерки. С. 27.
- 37 Торговые операции и условия работы СССР в Греции. (Сводка материалов Балканск. Отдела НКВД и др. органов). 15/II-26 г. // ГАРФ. Ф. Р374. Оп. 28. Д. 2235. Л. 57.
- 38 ДВП СССР. Т. VIII. С. 662.
- 39 Торговые операции и условия работы СССР в Греции. (Сводка материалов Балканск. Отдела НКВД и др. органов). 15/II-26 г. // ГАРФ. Ф. Р374. Оп. 28. Д. 2235. Л. 58–59.
- 40 Отношение ГЭУ ВСНХ (аппарат). 23 января 1926 г. // ГАРФ. Ф. Р374. Оп. 28. Д. 1533. Л. 47–47об.
- 41 Народный комиссар по иностранным делам в Совет Народных Комиссаров СССР. 19 июля 1926 г. // ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 7а. Д. 347. Л. 2.
- 42 ДВП СССР. Т. IX. 1 января — 31 декабря 1926 г. М.: Политиздат, 1964. С. 169.
- 43 СССР и Греция // Правда. 1926. 20 мая. С. 2.
- 44 Народный комиссар по иностранным делам в Совет Народных Комиссаров СССР. 19 июля 1926 г. // ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 7а. Д. 347. Л. 2–2об.
- 45 Протокол Заседания Комиссии Совета Народных Комиссаров СССР от 20 июля 1926 года // ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 7а. Д. 347. Л. 13.
- 46 Опять о греко-советских отношениях. «Эл. Вима» от 13.II.1928 года // ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 11. Д. 281. Л. 14.
- 47 Там же. Л. 13.
- 48 «Этники» от 16/4 пишет... // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 2. Д. 148. Л. 190.
- 49 «Пройа» от 15/IV пишет... // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 2. Д. 148. Л. 201–202.
- 50 Греческая печать от 27–28 мая. Пример (Эл. Логос от 29/V-27 г.) // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 2. Д. 148. Л. 68.
- 51 Там же.
- 52 «Эстиа» от 17/IV пишет... // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 2. Д. 148. Л. 176–177.
- 53 Greece and the Soviet // The Times. 1927. 16 April. P. 9.
- 54 ДВП СССР. Т. X. С. 177.
- 55 Обзор афинской прессы за 6/V-27 г. по вопросу о греко-советской тарифной конвенции // ГАРФ. Ф. Р4459. Оп. 2. Д. 148. Л. 141.
- 56 Там же.
- 57 ДВП СССР. Т. X. С. 311.
- 58 ДВП СССР. Т. XI. 1 января — 31 декабря 1928 г. М.: Политиздат, 1966. С. 698.
- 59 Там же. С. 402.
- 60 Секретно. В Совет Народных Комиссаров Союза ССР // ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 9а. Д. 84. Л. 4–4 об.
- 61 ДВП СССР. Т. XI. С. 423.
- 62 Торговый договор между СССР и Грецией // Правда. 1929. 13 июня. С. 2.
- 63 *Никитина Т.В.* Российско-греческие отношения в XX веке. Очерки. С. 81.

Дунайская проблема в контексте послевоенного мирного урегулирования и советская дипломатия. 1945–1948 гг.

Проблема Дуная как крупной континентальной водной артерии вошла в число наиболее важных в послевоенном мирном урегулировании, затронув непосредственные интересы тесно связанных с рекой государств Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и, в частности, Балканского субрегиона.

В историографии изучение дунайской проблемы фокусируется на организации судоходства на основе многосторонних соглашений и ведет свой отсчет с завершения Крымской войны 1853–1856 гг. Тогда впервые встал вопрос о разработке «правил полицейских и карантинных» для обеспечения безопасности прибрежных государств. По Парижскому мирному договору 18(30) марта 1856 г. предусматривалось создание двух комиссий для Дуная — временной «европейской», с участием представителей *неприбрежных* государств — Великобритании, Пруссии, России, Сардинии, Франции, и «постоянной», или «прибрежной». В неё входили Австрия, Бавария, Вюртембергское герцогство, Турция и, с утверждения последней, комиссары придунайских княжеств. В соответствии с определением новой границы Российской империи в Бессарабии состоялся обмен территориями. Россия уступила Турции «город Карс с цитаделью одного, а равно и прочие части оттоманских владений, занимаемые российскими войсками». Города и порты Севастополь, Балаклава, Керчь–Еникале, Камыш, Евпатория, Кинбурн и все иные места, где находились «союзные войска», были возвращены России, но за это Россия лишалась устья Дуная, хотя и получила право «иметь во всякое время» два легких судна в устье реки¹. Спустя 20 лет, вернув по Берлинскому договору 1878 г. Южную Бессарабию², Россия установила контроль над частью Килийского гирла и устья и вновь стала прибрежным дунайским государством.

Вопреки Парижскому мирному договору «прибрежная» («постоянная») комиссия не была создана, а деятельность временной («европейской») неоднократно пролонгировалась. Последняя пролонгация в соответствии с Лондонским трактатом 1883 г. продлевала срок полномочий Комиссии на 21 год³, то есть до 1904 г. В дальнейшем вопрос о полномочиях и/или пролонгации не поднимался, деятельность Комиссии продолжалась «по инерции», что дало основание лондонской газете *The Times* («Времена») в июле 1946 г. назвать её «ярким примером долговечности временного»⁴. При этом Комиссия сохраняла свой высокий статус: имела собственный флаг, флот, судебные органы и полицию.

Порядок, установленный Парижским трактатом 1856 г., сохранялся практически до Первой мировой войны. И всё это время особенно активную роль в вопросах, касавшихся Дуная, играли Англия и Франция. Тщательно охраняя свои интересы в дунайском бассейне, Лондон и Париж стремились оградить Юго-Восточную Европу и, в частности, Балканы от господства «русских». Первостепенное значение эта внешнеполитическая традиция обрела с появлением на геополитическом пространстве Советской России. В ноябре 1918 г. после заключения перемирия с Германией Англия и Франция объявили о восстановлении Европейской Дунайской комиссии, в которой прежде большинство голосов принадлежало неприбрежным государствам. Объективно дунайская проблема становилась частью сформулированной в период Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. установки о создании «санитарного кордона» против большевизма.

Суть вопроса о Комиссии заключалась не просто в представительстве прибрежных и неприбрежных государств, но и в обеспечении политического и экономического доминирования последних в бассейне Дуная.

На протяжении 1920–1921 гг. западные страны вели активную работу по выработке статута Дуная. За основу были взяты статьи Версальского договора 1919 г. На конференции в Париже 23 июля 1921 г. были приняты конвенция и заключительный протокол о режиме судоходства по реке, а также решение о создании двух комиссий как органов контроля. Помимо свободы судоходства по Дунаю, вся речная сеть которого по статье 1 объ-

являлась международной, вводились «свободные зоны» в дунайских портах, а некоторые из них даже обрели статус «открытых». Военные и полицейские суда получили право подниматься вверх по реке до г. Галаца в восточной Румынии. В конвенции были тщательно прописаны функции дунайских комиссий. Новая Европейская Дунайская комиссия (ЕДК) ведала вопросами «морского Дуная» — от устья реки до румынского г. Браилова. Ей предоставлялось право издавать законы, вершить суд и следить за исполнением судебных постановлений, распоряжаться работами на реке, взимать сборы и пр. Самостоятельность и независимость ЕДК превращали этот контрольный орган в подобие «речного» правительства, своего рода, государство в государстве⁵. Три голоса из четырех принадлежали в ЕДК недунайским государствам: прибрежная Румыния оказалась в гордом одиночестве среди французского, итальянского и английского представителей.

Международная Дунайская комиссия (МДК) контролировала судоходство на остальном участке реки — от Браилова до германского Ульма, расположенного в земле Баден-Вюртемберг, в верховьях Дуная. Наряду с недунайскими Англией, Францией и Италией, в комиссию входили делегаты от прибрежных стран — Австрии, Болгарии, Венгрии, Германии (два чел.), Румынии, Чехословакии. Советская Россия, лишившаяся в 1918 г. отторгнутой румынами Бессарабии и, следовательно, статуса прибрежного государства, на протяжении всего межвоенного периода к управлению Дунаем не допускалась. «Максималистскому правительству России» (определение, закрепленное в Версальском договоре) не было места и за столом переговоров по вопросам, касавшимся этой международной реки. Понятно, что советская сторона негативно оценивала Парижскую конвенцию 1921 г., игнорируя имевшиеся в ней рациональные положения, выработанные на основе конкретной практики организации судоходства.

Во время Второй мировой войны Дунай подтвердил свою репутацию важнейшего транспортного пути, по которому осуществлялись транзит румынской нефти и поставки разного рода оборудования на заводы Рейха. Берлин официально объявил Дунай «германским государственным водным путем». С началом

войны судоходство по Дунаю в хозяйственном, транспортном и военном отношениях далеко превосходило судоходство на Рейне. Именно по Дунаю было переброшено в Чёрное море большинство немецких военных судов⁶. В связи с навигационным значением Дуная английская авиация, базировавшаяся в Италии, минировала судоходную часть реки с воздуха. Так, только летом 1944 г. между словацкой Братиславой и румынским Джурджу было сброшено более 1500 магнитных мин. Плотность минирования привела к большим потерям немцев: более 250 кораблей, в том числе 29 танкеров, были уничтожены, ещё более двухсот — повреждены. Это почти полностью парализовало судоходство по реке⁷. Для разминирования фарватера шириной 100 м немецкое командование привлекло союзников — венгров, болгар, румын и сформировало три флотилии минных тральщиков. Общими усилиями судоходство на Дунае удалось восстановить. При отходе немцев в марте 1945 г. с Нижнего и Среднего Дуная минеры поставили на узких и трудных для навигации участках реки 180 магнитных мин, в том числе между Молдова-Веке и Белградом — 75 мин, на которых позднее, по не вполне надёжным данным, подорвались 23 советских судна⁸. Проблема разминирования Дуная на исходе войны стала для советского командования одной из наиболее актуальных, поскольку слабое развитие железнодорожной сети Болгарии, Югославии и Румынии создавало большие трудности для оперативных перевозок и снабжения советских войск на Балканах.

На дипломатическом «поле» интерес к Дунаю со стороны ведущих государств антигитлеровской коалиции возник задолго до окончания войны. В Москве хорошо понимали важность участия в решении дунайской проблемы прибрежных и неприбрежных государств, как и намерение последних играть при этом главную роль. Позицию советского руководства отразил подготовленный к визиту министра иностранных дел Великобритании А. Идена в Москву в середине декабря 1941 г. проект дополнительного протокола к основному документу — договору об установлении взаимного согласия между двумя странами при решении послевоенных вопросов и совместных действиях по обеспечению безопасности в послевоенной Европе. Датированный 15 декаб-

ря документ имел сделанную рукой наркома иностранных дел В.М. Молотова помету «Совершенно конфиденциально». В пункте 9 проекта об обеспечении безопасности СССР в контексте отношений с Румынией было признано необходимым «передать Советскому Союзу территорию, занимаемую устьем Дуная и его тремя рукавами»⁹. Однако при работе над проектом этот текст был вычеркнут и заменен формулировкой о заключении с Румынией пакта о взаимопомощи с правом СССР иметь на румынской территории «ограниченное количество своих войск и военно-морского флота» и обязанности СССР «гарантировать независимость Румынии от нарушений извне»¹⁰. Сославшись на необходимость при решении вопроса о границах выяснить позицию своего правительства, Иден отказался от каких-либо заявлений, о чем и сообщил в выступлении по лондонскому радио 4 января 1942 г. При этом он подчеркнул, что в ближайшем будущем следует проконсультироваться с доминионами и другими союзниками Англии¹¹. Ввиду возникших в ходе визита Идена осложнений, в советском дипломатическом ведомстве в конце 1941 г. с уверенностью прогнозировали неизбежные трудности при организации послевоенного мира и возникновение противоречий «по наиболее существенным вопросам». «...Мы будем иметь против себя объединенный фронт капиталистических держав», — писал заместитель наркома иностранных дел С.А. Лозовский Сталину 26 декабря 1941 г.¹².

В Наркомате по иностранным делам (НКВД СССР) дунайские сюжеты оказались включенными в перечень задач специально созданной Комиссии по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира. Задачи Комиссии рассматривались на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 28 января 1942 г. Ей, в частности, предстояло «изучать и систематизировать... вопросы намечаемого государственного размежевания и связанные с этим национальные вопросы, в первую очередь относящиеся к европейскому континенту и особенно к пограничным с СССР странам, а также разные схемы межгосударственных федераций, блоков и союзов, проекты перераспределения колоний, мандатов и сфер влияния, проекты создания новых всеевропейских или всемирных международ-

ных организаций (типа Лиги Наций)». Изучению и систематизации также подлежали всякого рода «материалы, излагающие и документирующие спорные территориальные, национальные и другие вопросы, которые должны решаться в исходе войны». В связи с этим особо указывалось на материалы международных переговоров и мирных конференций 1918-1932 гг., в том числе Версальской¹³. Возглавил Комиссию В.М. Молотов, вопросы Центральной, Восточной, Юго-Восточной Европы, Ближнего и Среднего Востока курировали члены Комиссии заместитель наркома В.Г. Деканозов и советник НКВД Я.З. Суриц. Проблемы послевоенного экономического устройства мира предполагалось разрабатывать отдельно. Эта задача была возложена на директора Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР академика Е.С. Варгу¹⁴. В июне 1943 г. Варга представил заместителю наркома иностранных дел М.М. Литвинову обширный документ об экономике возможных федеративных объединений в послевоенной Европе. Одним из них была Дунайская федерация в составе Австрии, Болгарии, Венгрии, Румынии и Югославии, то есть прибрежных дунайских государств¹⁵. В сентябре 1943 г. Литвинов возглавил новоучрежденную Комиссию НКВД СССР по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства («комиссию Литвинова»), и вопросы Дуная оказались в сфере её непосредственного внимания.

Западные союзники также проявляли интерес к международной реке. В марте 1942 г. британский журнал *The Tribune* («Трибуна») писал: *«Дунай может казаться весьма отдаленной проблемой при наших теперешних заботах, но, тем не менее, верно, что, если мы выиграем войну, одной из самых важных проблем, которую нам придется разрешать совместно с Советским Союзом, явится устройство этой части Европы»*¹⁶. В исторической литературе отмечено внимание Запада к планам и проектам создания федераций и конфедераций в Дунайском бассейне. Рассматривая Дунай как экономическую ось единого дунайско-балканского хозяйственного комплекса, в Лондоне и Вашингтоне не упускали из вида возможность возродить старый замысел создания на западных границах СССР санитарного кордона¹⁷. Некорректно было бы не учитывать «дунайский фактор» и при

рассмотрении балканского варианта второго фронта, предлагавшегося У. Черчиллем. Британский лидер руководствовался политическим расчетом: «отрезав» Балканы от Красной армии, обеспечить западным союзникам возможность диктовать условия послевоенного мира в дунайском бассейне¹⁸. При этом учитывались не только выгодные стратегические позиции на юго-западных границах Советского Союза, но и природные богатства Дунайско-Балканского региона. По сведениям британского еженедельника *Business Week* («Деловая неделя»), на регион приходилось 38% плодородной земли Западной Европы, 25% запасов каменного и бурого угля, 50% залежей бокситов, около 30% добычи нефти, 20% потенциальной водной энергии и пр.¹⁹.

Политическое и экономическое доминирование в бассейне Дуная западные союзники связывали с планами воссоздания интернационализованного режима реки под контролем неприбрежных государств. Это актуализировало вопрос о реанимировании существовавшей прежде системы управления дунайским судоходством. Уже на стадии обсуждения условий перемирия с Румынией в августе-сентябре 1944 г. англичане настаивали на включении в Соглашение о перемирии пункт о контроле дунайского судоходства международным органом при участии недунайских великих держав. При разработке Соглашений о перемирии с другими германскими сателлитами, Болгарией и Венгрией, западные представители также сформулировали близкие по содержанию условия. В частности, в отношении Болгарии в совместном проекте Соглашения о перемирии, подготовленном западными союзниками в августе 1944 г., говорилось: «*Болгария выполняет требования союзников относительно использования и контроля над всем транспортом, включая навигационные и транспортные средства на реке Дунай*»²⁰. Это требование было продублировано западными союзниками и в условиях перемирия, подготовленных к переговорам с болгарскими в Каире в сентябре 1944 г. о заключении сепаратного мира²¹. Переговоры, как известно, не состоялись, и 20 сентября 1944 г. союзникам для обсуждения был предложен советский проект без статьи о Дунае²².

Документы, однако, свидетельствуют, что правительство Великобритании не отказалось от намерения создать орган управ-

ления судоходством на реке. 2 октября 1944 г. посол в Москве А. Кларк Керр направил заместителю наркома иностранных дел А.Я. Вышинскому письмо с предложением британского правительства немедленно по окончании военных действий сформировать Временную международную администрацию для всей судоходной части Дуная. В письме указывалась цель: скорейшее восстановление и поддержание использования реки как важного средства международной связи. Дунайскую администрацию предлагалось включить в систему Внутривосточноевропейской транспортной организации «после того, как она будет создана». 21 октября временный поверенный в делах США Дж. Кеннан сообщил Вышинскому от имени американского правительства, что «британское предложение в принципе приемлемо». Англичане и американцы при этом заявляли о готовности участвовать в учреждении и работе Комиссии²³. 8 октября Вышинский ответил Кларку Керру, что «предложение будет изучено компетентными советскими властями» и что «ответ по существу этого предложения будет сообщен британскому правительству дополнительно»²⁴. Спустя месяц, 16 ноября, в письме В.Г. Деканозову Кларк Керр, настаивая на необходимости «заняться вопросом о Временной международной дунайской комиссии», подчеркнул: *«Мое правительство очень желает продвинуть этот вопрос»*²⁵.

Судя по датам переписки, советская сторона не спешила с ответом, и тогда англичане попытались увязать этот вопрос с разминированием верховья Дуная «вплоть до Вены». О важности решения этой задачи говорилось выше. Еще 17 октября 1944 г. Кларк Керр написал Вышинскому, что формировавшееся в Александрии соединение из 22 минных тральщиков специальным транспортом могло быть переброшено на Дунай²⁶. Можно предположить, что советская сторона настороженно встретила предложение англичан. Не отвергая его, она выдвинула встречное требование: в оперативном отношении подчинить указанные тральщики командованию советской Дунайской флотилии, допустить советских офицеров и матросов на английские суда для изучения материальной части тральщиков с тем, чтобы впоследствии заменить английские экипажи советскими командами. Об этом сообщил Деканозов Кларку Керру 30 ноября²⁷. Но время было явно упу-

щено: специальное английское транспортное судно для переброски тральщиков было отправлено на Дальний Восток. 26 декабря 1944 г. Кларк Керр информировал Деканозова: *«Вопрос о предоставлении британских минных тральщиков... в будущем будет зависеть, с точки зрения моего правительства, от договоренности о международной администрации на Дунае. Как только мое правительство узнает точку зрения Советского правительства по этому вопросу, оно будет радо рассмотреть вопрос о том, сможет ли оно возобновить свое предложение послать минные тральщики с британскими командами для использования на Дунае»*²⁸.

Еще одну попытку «продать» вопрос о создании международной комиссии по Дунаю англичане предприняли в связи с желанием советских властей ознакомиться с архивами Европейской Дунайской комиссии (ЕДК) в г. Галаце и Международной Дунайской комиссии (МДК) в г. Турну-Северине. Ссылаясь на позицию румынских сотрудников комиссий, Кларк Керр сообщил Деканозову 8 февраля 1945 г., что *«вероятно, чиновники требуют консультаций с членами комиссий от стран, не присоединившихся к странам Оси, то есть для ЕДК — Франции, для МДК — Бельгии, Чехословакии, Франции, Греции и Югославии»*. Напомнив советскому дипломату, что «формально эти комиссии ещё существуют», Кларк Керр подчеркнул, что упорядочение режима Дуная «потребует значительных изменений», в силу чего необходимо создать Временную международную администрацию для судоходной части Дуная²⁹.

Летом 1945 г. западные союзники настаивали на срочном решении вопроса о Дунае, указывая на необходимость бесперебойного снабжения оккупационных армий. Ссылаясь на письмо Главнокомандующего экспедиционными силами США в Европе генерала армии Д. Эйзенхауэра в Объединенный комитет начальников штабов от 3 июля с предложением включить вопрос о судоходстве по реке в повестку дня встречи «Большой тройки» и «как можно скорее» создать временный навигационный орган, Государственный департамент США уже 10 июля подготовил специальный меморандум. В документе определялся не только ожидаемый состав временного органа (Англия, США,

СССР, Франция), но и оговаривалось включение в него «*суверенных речных государств, правительства которых признаны всеми союзниками*». К таковым на тот момент относились Чехословакия и Югославия. Как известно, на Потсдамской конференции (июль-август 1945 г.) развернулась острая дискуссия о характере правительств в Болгарии и Румынии, выявившая намерение западных союзников добиться их реорганизации путем увеличения представительства либеральных кругов, в большинстве своем ориентированных на Запад, как условия признания. В исторической литературе, в связи с этим, «фактор Дуная», как правило, остается в тени, а между тем дунайская проблема отразила одну из главных целей западной дипломатии в Потсдаме. Ею, по признанию госсекретаря США Дж. Бирнса, являлось ослабление или полное устранение советского влияния в Восточной Европе³⁰. Внешне позиция Запада была мотивирована вполне убедительно. В Потсдаме 23 июля 1945 г. на VII заседании глав правительств президент Г. Трумэн поднял вопрос о Черноморских проливах и международных водных путях, подчеркнув необходимость свободной и неограниченной навигации, доступа «ко всем морям мира» и изменения конвенции о статусе Проливов, принятой в 1936 г. в Монре, с учетом новой международной обстановки. «*Я вношу эти предложения, — заявил Трумэн, — потому что в течение ближайших 25 лет не хочу участвовать ещё в одной войне, которая возникла бы из-за Проливов или Дуная*». Показательно, что Сталин уклонился тогда от обсуждения, сославшись на необходимость «вчитаться в предложения президента» («На слух тут не всё поймешь») и предложил перейти к другим вопросам³¹. Дискуссия была отложена. По инициативе Трумэна была создана комиссия из министров иностранных дел, которой предстояло обсудить американское предложение о свободе навигации по международным внутренним водным путям. Соответствующее решение было отражено в протоколе конференции³².

Уже после её завершения в обращении к американскому народу 9 августа 1945 г. Трумэн вновь затронул вопрос о режиме свободного плавания торговых судов по основным международным водным артериям Европы, к которым, помимо Рейна, Эльбы,

Одера и Кильского канала, он отнес и Дунай. Однако, заявив, что Румыния и Болгария «не должны быть сферами влияния какой-либо одной державы», президент фактически не скрыл, что не торговые вопросы были для Вашингтона первостепенными. Со ссылкой, что важно, на американскую прессу тех лет, в частности на газету *The Christian Science Monitor* («Христианский научный наблюдатель»), историки отметили, что в центре внимания западных союзников был «образ жизни» дунайских стран³³.

Свою четко обозначенную позицию в дунайской проблеме представители западных стран подтвердили на сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) СССР, США, Великобритании, Франции и Китая в Лондоне в сентябре-октябре 1945 г. Именно на этой встрече проблема Дуная оформилась в самостоятельную, что закрепило возможность продолжить её обсуждение на дипломатическом уровне. В Лондоне, как подчеркивает изучавшая дунайскую проблему болгарская исследовательница С. Миланова, «*была определена разграничительная линия между двумя стратегиями — западной и советской, которые всё более отдалялись друг от друга, при этом возможность достичь соглашения становилась проблематичной*»³⁴. Западные союзники настаивали на свободе навигации, на недопущении «дискриминации», то есть на обеспечении равных прав судоходства и «свободы торговли», на включении специального пункта о Дунае в мирные договоры с бывшими сателлитами Германии. Решения относительно режима Дуная должны были принимать «*все заинтересованные державы*», к которым были отнесены и неприбрежные государства. Однако хотя американский представитель Дж. Бирнс прибыл в Лондон «с атомной бомбой в кармане» (6 и 9 августа США применили новое оружие в Хиросиме и Нагасаки), его первоначальный настрой на успех не оправдался. Советские участники возражали против включения статей о Дунае в мирные договоры с Болгарией, Румынией и Венгрией и по-прежнему настаивали, что в решении вопросов, связанных с рекой, должны принимать участие *все дунайские государства*.

Договориться союзникам не удалось и на второй, парижской, сессии СМИД весной-летом 1946 г. Сложно протекала также и открывшаяся 29 июля Парижская мирная конференция, чьи ре-

шения имели рекомендательный характер. Споры возникли уже по процедурным вопросам, в частности о модусе голосования — простым большинством или квалифицированным³⁵. Достигнутый компромисс — рассматривать на предстоящей в Нью-Йорке сессии СМИД рекомендации, принятые как простым, так и квалифицированным большинством, но отдавая предпочтение всё же квалифицированному большинству, — советская сторона сочла проигрышем. В письме жене П. С. Жемчужиной 7 августа 1946 г. Молотов писал: *«Сегодня были длинющие заседания, до двух часов ночи. Нас прокатили по важному вопросу — о порядке голосования, но это было всё организовано, и вряд ли мы могли предотвратить сие. У них на конференции явное большинство»*³⁶. (Спустя два года советская сторона возьмет реванш, обеспечив в Белграде перевес голосов в свою пользу.)

Успешными для западных союзников оказались и дискуссии о включении в мирные договоры с Болгарией, Румынией и Венгрией особой статьи о Дунае. Её основой стало предложение французской делегации, сделанное в экономической комиссии конференции для Балкан и Финляндии при обсуждении мирного договора с Румынией. Свободное и открытое судоходство на Дунае следовало организовать на условиях полного равенства для граждан, торговых судов и товаров всех стран. Румыния обязывалась участвовать вместе с Францией, СССР, США, Великобританией и прибрежными странами в конференции, созываемой через шесть месяцев после вступления мирных договоров с сателлитами в силу для установления нового международного режима на Дунае³⁷. Советская сторона, в отличие от западных партнеров, не считала предложенный вариант равноправным компромиссом, полагая, что, по большому счету, он играет на руку «империалистам». Примечательно, что именно дунайская проблема, наряду с нерешенным вопросом о болгаро-греческой границе, стала причиной общей негативной оценки работы Парижской мирной конференции советской стороной. В выступлении 14 октября Молотов назвал её «неудовлетворительной»³⁸.

Однако, уступив в Париже, советская сторона готовилась покинуться на третьей сессии СМИД в Нью-Йорке. 16 октября 1946 г. Молотов пишет жене: *«Сегодня закончилась конферен-*

ция. Завтра утром улетаю в Саутгемптон, а оттуда на пароходе — в Нью-Йорк. ...Из моей речи 14 октября ты увидишь оценку итогов конференции. Я считал необходимым напоследок раскритиковать конференцию, чтобы развязать себе руки в Совете министров [иностраннных дел]...»³⁹.

В исторической литературе отмечено, что на нью-йоркской сессии СМВД (4–12 декабря 1946 г.), явившейся заключительным этапом мирного урегулирования с сателлитами — Болгарией, Венгрией, Италией, Румынией и Финляндией, западные союзники оставили, хотя и не без борьбы, попытки уравнять возможности неприбрежных и прибрежных стран при решении проблем Дуная. Причинами пересмотра жесткого курса в отношении СССР и стран народной демократии и произошедшего сдвига Запада в сторону умеренности и реализма явились как внешние, так и внутренние факторы. В западных дипломатических ведомствах усилились позиции сторонников скорейшего заключения мирных договоров с бывшими сателлитами Германии с последующим выводом советского воинского контингента, что считалось лучшим вариантом в конкретных международных условиях. В Великобритании с середины ноября 1946 г. наблюдалась сильная критика внешней политики министра иностранных дел лейбориста Э. Бевина. Что касается США, то простая логика подсказывала правительству необходимость адекватно оценить провал попытки сделать ООН «сторожем на Дунае», предпринятой ещё во время Парижской мирной конференции. С этой целью американская сторона инициировала постановку дунайской проблемы в Экономическом и социальном совете ООН, использовав острый для прибрежных стран — Югославии, Чехословакии, а затем и Венгрии — вопрос о возвращении находившихся в американской оккупационной зоне в Австрии и Баварии судов и иных плавсредств этих стран. (По сообщению советских военных властей, в указанных районах находились угнанные немцами 469 единиц «лучшего дунайского флота» общим водоизмещением 438 тыс. тонн, а по югославским данным — на 100 единиц больше.)⁴⁰ Несмотря на принятую в Экономическом и социальном совете 3 октября резолюцию о созыве в Вене под эгидой ООН конференции по Дунаю для выработки временных

правил навигации, реализовать намеченное не удалось. Опрос прибрежных государств, предпринятый Генеральным секретарем ООН Трюгве Ли, выявил их несогласие с резолюцией, к которому фактически присоединилась и Франция⁴¹.

В Нью-Йорке была завершена выработка мирных договоров со странами-сателлитами. Советские представители пошли на компромисс. В документы была включена однотипная статья о Дунае, однако, с советскими поправками: *«Навигация на Дунае должна быть свободной и открытой для торговых судов и товаров всех государств на основании равенства в отношении портовых и навигационных сборов и условий торгового судоходства. Вышеизложенное не распространяется на перевозки между портами одного и того же государства»*⁴². Следуя рекомендации Парижской мирной конференции, участники сессии СМВД смогли договориться о созыве конференции для урегулирования дунайской проблемы. Постановлением СМВД был определен состав участников встречи — представители прибрежных государств (СССР, Украина, Болгария, Венгрия, Румыния, Чехословакия, Югославия) и держав-участниц Совета министров (СССР, США, Франция, Великобритания, Китай), что гарантировало большинство голосов делегатам от СССР и прибрежных государств. Москва готовилась взять реванш.

Конференции предшествовала напряженная подготовка, развернувшаяся в советском внешнеполитическом ведомстве. Она велась по специально разработанному плану, а непосредственное руководство осуществлял заместитель министра иностранных дел А.Я. Вышинский⁴³. С МВД СССР координировали свою деятельность министерства внешней торговли, морского флота, Советское дунайское государственное пароходство и его Главные морские агентства по Верхнему и Нижнему Дунаю, Дунайское военно-транспортное управление, Главный штаб Военно-морских сил СССР, Краснознаменная Дунайская флотилия, советские представительства в советско-венгерском и советско-румынском пароходствах и некоторые другие государственные структуры. Не остались в стороне и Союзные контрольные комиссии в бывших странах-сателлитах⁴⁴. В Москве внимательно изучались и анализировались международно-правовая регламен-

тация режима реки в прошлом⁴⁵ и материалы об эксплуатации Дуная в послевоенный период, состоянии и перспективах советского судоходства⁴⁶; обосновывались принципиальные положения новой конвенции⁴⁷; формировался и уточнялся состав делегации⁴⁸; разрабатывались указания советским представителям на будущей конференции⁴⁹; рассматривалась предполагаемая смета расходов⁵⁰. Понятно, что в первую очередь тщательному изучению подвергся американский проект конвенции⁵¹. Вопреки отмеченному совпадению ряда его статей с советскими предложениями, американский проект был признан *«в целом... неприемлемым»*. Вместе с тем советские специалисты и эксперты разработали запасной вариант уступок американцам по некоторым пунктам (таких было выявлено девять), но только в случае, если западные союзники *«выразят готовность идти на соглашение с нами по наиболее важным вопросам»*. В основном это касалось принципов организации и функций Дунайской комиссии⁵².

Значительное внимание советская сторона уделяла выработке согласованной позиции народно-демократических государств. С этой целью было запланировано и 26-28 июня 1948 г. проведено конфиденциальное совещание послов придунайских стран в Москве. Первоначальный замысел совещания — обсудить заранее советский проект конвенции и соглашения о режимах речных администраций у Железных Ворот и на Сулинском гирле — был впоследствии расширен: начальник Договорно-правового отдела МИД С.А. Голунский и заместитель заведующего Отделом балканских стран С.П. Кирсанов 19 июня 1948 г. информировали А.Я. Вышинского о целесообразности сообща обсудить основные вопросы организации конференции и правила её проведения. Речь шла о порядке открытия встречи, назначении председателя и генерального секретаря, модусе голосования и языках конференции⁵³.

Председательствовал на совещании послов В.М. Молотов, а основной доклад о советском проекте новой дунайской конвенции сделал А.Я. Вышинский. Подчеркнув главную цель предстоящей конференции — *«принять совершенно новую конвенцию»*, докладчик отметил, что она, *«может быть, будет похожа на действующую до сих пор, но... будет принципиально отличаться»*.

ся от действовавшей до войны конвенции, ибо эта последняя исходила из других принципиальных установок...»⁵⁴. По ходу совещания Вышинский уточнил подход советской стороны при подготовке проекта конвенции — «...меньше вносить изменений в конвенцию 1921 г.», обосновывая это неминуемым противостоянием с другими участниками конференции⁵⁵. Но, на наш взгляд, такой подход отразил фактическое признание актуальности некоторых разработанных на основе Парижской конвенции 1921 г. рабочих документов. Так, например, ещё в 1946 г., при рассмотрении вопросов эксплуатации дунайского водного пути советские эксперты отмечали, что разработанные в соответствии со статьей 24 конвенции 1921 г. и действующие «Полицейские правила судоходства по Дунаю», включавшие и технические вопросы судоходства, *учитывают исторический опыт и практику и «удовлетворяют своему основному назначению» — предупредить аварии и помехи*⁵⁶. Очевидно, что при разработке нового статута Дуная советская сторона соотносилась со статьями конвенции 1921 г., но при этом одновременно включила в свой проект предложение дезавуировать её. Первостепенное значение при этом имел политический расчет: отстранить от управления и контроля за рекой неприбрежные («империалистические») страны и, таким образом, лишить их возможности проникать в дунайский бассейн, «закрывать все щели»⁵⁷.

Следует отметить, что, соглашаясь с данной установкой, участники совещания послов не выразили намерения специально обсудить вопрос об отмене конвенции 1921 г. как потерявшей силу. В сводке предложений, сделанных при обсуждении советского проекта, указывалось, что «все придунайские страны *обходят [этот] вопрос молчанием...*»⁵⁸. Более того, по ходу совещания болгарский, венгерский и чехословацкий представители, по существу, признали актуальность ряда установлений действующей конвенции 1921 г.⁵⁹.

Документы свидетельствуют, что участники совещания активно участвовали в обсуждении, вносили конкретные предложения и поправки, исходя из интересов своих стран. Так, временный поверенный в делах Болгарии в Москве С. Колев высказался за уточнение сформулированной на Парижской мир-

ной конференции 1946 г. рекомендации: настаивал на предоставлении Болгарии права держать в своих территориальных водах легкие военные суда. При обсуждении пункта о поддержании фарватера в рабочем состоянии дипломат предлагал возложить это полностью на новую Дунайскую комиссию (в советском проекте предусматривались, прежде всего, консультативные и координирующие функции Комиссии и лишь «в отдельных случаях» проведение работ, непосильных для тех или иных государств). Касаясь вопроса финансового содержания Комиссии и её аппарата, Колев предлагал освободить страны-участницы от уплаты ежегодных взносов в равном для всех стран размере, ограничившись сборами от судоходства для проведения технических работ. Болгарский представитель ратовал за участие своей страны в Речных администрациях Железных Ворот и «морского Дуная», за принятие Комиссией решений абсолютным, а не квалифицированным большинством голосов, за создание арбитражного суда *ad hoc* и международного морского суда как гаранта беспристрастности и единства принятия решений в случаях нарушения режима судоходства и перевозки грузов⁶⁰.

Некоторые поднятые на совещании послы и оставшиеся открытыми вопросы нашли отражение в директивах делегации СССР на Дунайской конференции, в том числе, о правах будущей Дунайской комиссии как юридического лица⁶¹.

30 июля 1948 г. в Белграде открылась Дунайская конференция, призванная принять новый документ о режиме судоходства. Её работа продолжалась до 18 августа. В ходе 26 заседаний (12 пленарных и 14 — Генерального комитета) блоку семи дунайских государств удалось отстоять основные положения советского проекта. Восторжествовал принцип отстранения от управления Дунаем неприбрежных государств, то есть пересмотра прежних установлений. *«Наступили новые времена, — заявил в связи с этим А.Я. Вышинский, — но новые времена — новые и песни, как говорит народная мудрость. ...невозможно продолжать распевать на Дунае старые песни»*⁶². Был отринут ключевой тезис западных участников — о «приобретенных правах» контроля в Дунайском бассейне и их «сохранении в неприкосновенности» за подписантами конвенции 1921 г. Не убедили

большинство делегатов и заверения американского представителя К. Кеннона о якобы сугубо экономическом подходе Запада к проблеме Дуная в духе плана Маршалла, то есть о желании содействовать при её решении восстановлению Европы. Более того, на наш взгляд, это лишь усилило критический настрой делегатов дунайских государств: остро негативное отношение к будущей «маршаллизованной» Европе было к тому времени официальной позицией в странах советского блока, а политическая цель американского плана объявлялась главной и не ставилась под сомнение. Большинство голосов на конференции за дунайскими государствами лишало исход дискуссий какой-либо альтернативы. Кеннон в связи с этим прогнозировал: «...*Настоящий режим сурового советского контроля, от Братиславы до Чёрного моря, будет признан семью голосами на этой конференции*»⁶³. Все 28 поправок к советскому проекту, внесенных представителями неприбрежных государств, были отвергнуты семью голосами, и все статьи советского проекта теми же семью голосами приняты. «*Тут была компактная фаланга из семи правительств, уже заранее обязавшаяся принять советский текст и решившая игнорировать все предложения, которые могли бы быть представлены делегациями США, Соединенного Королевства или Франции*», — заметил на одном из последних пленарных заседаний конференции Кеннон⁶⁴. Отдельные уступки со стороны советской делегации во время обсуждений французский представитель Ф. де Панафьё, не скрывая раздражения, назвал «подачкой»⁶⁵.

Атмосферу конференции характеризовало нарастание напряженности: звучали взаимные обвинения в «империалистских» поползновениях Запада и «проникновении советского империализма на Дунай». Вышинскому напомнили его прокурорское прошлое. Глава британской делегации Ч. Пик, заметив, что делегации неприбрежных стран не являются подсудимыми, «против которых он (Вышинский. — Т. В.) хочет произнести обвинительную речь», заявил: «...*Делегация Соединенного Королевства не будет подскакивать под щелканье его бича*»⁶⁶.

В результате голосования Конвенция о режиме судоходства на Дунае была принята семью голосами «за». Против проголосов-

вали американцы, а англичане и французы в голосовании не участвовали. Западные делегаты не явились и на церемонию подписания, которая проходила 18 августа 1948 г. в торжественной обстановке в конференц-зале Коларчева университета в Белграде.

11 мая 1949 г. Конвенция вступила в силу. Вскоре была создана Дунайская комиссия, к которой в 1960 г. на правах полноправного члена присоединилась Австрия. Конвенция о Дунае действовала в течение многих лет на основе решений, принятых в Белграде в 1948 г. Но в наши дни на этой великой водной магистрали опять звучат «новые песни»: в июне 2022 г. Дунайская комиссия на внеочередной сессии констатировала нарушение основных принципов Белградской конвенции (участие в Дунайской комиссии неприбрежной России) и в связи с военными действиями против Украины приняла решение прекратить полномочия России в Комиссии. На Россию возлагалась также ответственность за экономический ущерб как результат уменьшения грузооборота в дельте Дуная и в Чёрном море из-за военной опасности.

Однако не только устранение «российского фактора» характеризует современный модус вивенди на Дунае⁶⁷. И на новом витке истории дунайская проблема остается актуальной, отражая, как и в прошлом, сотрудничество и соперничество, стратегические риски, разные «статусы» и возможности государств и их различные национальные интересы*.

Примечания

- ¹ Парижский трактат, 18/30 марта 1856 года // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг. М., 1952. С. 24, 28, 29.
- ² Берлинский трактат, 1/13 июля 1878 г. // Там же. С. 201.
- ³ Трактат о судоходстве по Дунаю, заключенный державами, подписавшими Берлинский трактат. Лондон, 26 февраля / 10 марта 1883 г. // Там же. С. 235.
- ⁴ Интернационализация реки Дунай — https://hmong.ru/wiki/internationalization_of_the_Danube_River (дата обращения: 31.10.2022).

* Дунай берет начало в горах Шварцвальда в Германии и протекает по территории или является границей **десяти** государств: Германии, Австрии, Словакии, Венгрии, Хорватии, Сербии, Болгарии, Румынии, Украины и Молдавии. Помимо этих десяти стран в бассейне Дуная находятся те или иные территории ещё **девяти** европейских государств: Швейцарии, Италии, Чехии, Польши, Словении, Боснии и Герцеговины, Черногории, Албании и Северной Македонии.

- ⁵ *Дурденевский В.Н.* Договорный режим Дуная // Советское государство и право. 1946. № 2. С. 72.
- ⁶ *Майстер Ю.* Восточный фронт. Война на море. 1941–1945 гг. М., 2005. С. 109.
- ⁷ Дунай — <https://ru.frwiki.wiki/wiki/Danube> (дата обращения: 05.11.2022).
- ⁸ *Майстер Ю.* Восточный фронт... С. 149–150.
- ⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1141. Л. 133–134.
- ¹⁰ Там же. Л. 134.
- ¹¹ Там же. Л. 42.
- ¹² *[Жирнов Е.]*. «На мирной конференции вспыхнут с огромной силой противоречия». О чем не договорились союзники после Победы — kommersant.ru/doc/4343890 (дата обращения: 27.11.2022).
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 29, 39–40.
- ¹⁴ Там же. Л. 41.
- ¹⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0512. Оп. 4. П. 12. Д. 20. Л. 5–8.
- ¹⁶ Цит по: *Мунтян М.А.* Дунайская проблема в международных отношениях (1945–1948). Кишинёв, 1977. С. 38.
- ¹⁷ *Орлик И.И.* Империалистические державы и Восточная Европа. М., 1968. С. 30–32.
- ¹⁸ *Мунтян М.А.* Дунайская проблема в международных отношениях... С. 39.
- ¹⁹ Там же. С. 41.
- ²⁰ Великие силы и Блгария. 1944–1947 г. Том I. Примирение между СССР, Великобритания, САЩ и Блгария (януари-октомври 1944 г.). Документи /съст., преводи, науч. редакция, бележки и указатели: Луиза Ревякина, Витка Тошкова, Татьяна Волокитина. София, 2014. С. 108.
- ²¹ Там же. С. 217.
- ²² Там же. С. 222–224.
- ²³ АВП РФ. Ф. 0442. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 1, 6.
- ²⁴ Там же. Л. 3.
- ²⁵ Там же. Л. 7.
- ²⁶ Там же. Л. 4.
- ²⁷ Там же. Л. 8.
- ²⁸ Там же. Л. 9–10.
- ²⁹ Там же. Л. 11–12.
- ³⁰ *Алпровиц Г.* Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. О применении атомной бомбы и о том, как Америка очутилась лицом к лицу с Советским Союзом (перевод с англ.). М., 1968. С. 7–8.
- ³¹ СССР на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. (17 июля — 2 августа 1945 г.). Сборник документов. /гл. ред. А.А. Громыко. М., 1980. С. 161.
- ³² Там же. С. 198, 202.
- ³³ *Мунтян М.А.* Дунайская проблема в международных отношениях... С. 57.
- ³⁴ *Миланова С.* Дунавската комисия — пресечна точка в геополитически интереси след Втората световна война // Исторически преглед. 2013. № 5–6. С. 108.

- ³⁵ *Васев Сл., Христов К.* България на Мирната конференция. Париж — 1946. София, 1947. С. 30–32.
- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 24.
- ³⁷ *Мунтян М.А.* Дунайская проблема в международных отношениях... С. 129.
- ³⁸ *Васев Сл., Христов К.* България на Мирната конференция... С. 295, 296–297.
- ³⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1592. Л. 33–34.
- ⁴⁰ АВП РФ. Ф. 0442. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 29.
- ⁴¹ *Мунтян М.А.* Дунайская проблема в международных отношениях... С. 137–150.
- ⁴² Там же. С. 165.
- ⁴³ АВП РФ. Ф. 0442. Оп. 1. П. 1. Д. 4. Л. 1–6, 9, 23, 25–27, 32, 35, 36 и др.
- ⁴⁴ Там же. Д. 2. Л. 3, 4.
- ⁴⁵ Там же. Л. 92–100.
- ⁴⁶ Там же. Л. 20–23, 27, 29.
- ⁴⁷ Там же. П. 2. Д. 18. Л. 15–22.
- ⁴⁸ Там же. П. 1. Д. 4. Л. 25–26.
- ⁴⁹ Там же. П. 2. Д. 18. Л. 4, 8–11.
- ⁵⁰ Там же. П. 1. Д. 4. Л. 24.
- ⁵¹ Там же. Л. 41–42.
- ⁵² Там же. Л. 42–43, 44.
- ⁵³ Там же. Л. 9.
- ⁵⁴ Там же. Д. 5. Л. 5.
- ⁵⁵ Там же. Л. 59.
- ⁵⁶ Там же. Д. 2. Л. 22.
- ⁵⁷ Там же. Д. 5. Л. 18, 57.
- ⁵⁸ Там же. Д. 4. Л. 20.
- ⁵⁹ Там же. Л. 18, 20.
- ⁶⁰ Там же. Л. 16, 18, 19, 20.
- ⁶¹ Там же. П. 2. Д. 18. Л. 9–10.
- ⁶² Дунайская конференция. Белград 1948. Сборник документов. Белград, 1949 / Conference Danubienne. Belgrade 1948. Recueil des documents. Belgrade, 1949. С. 70. Р. 71.
- ⁶³ Там же. С. 254.
- ⁶⁴ Там же. С. 252.
- ⁶⁵ Там же. С. 126.
- ⁶⁶ Там же. С. 74, 100.
- ⁶⁷ См., напр.: *Драган Д.Г.* Придунайский треугольник Румыния–Украина–Молдова: особенности межгосударственного сотрудничества // Проблемы постсоветского пространства. 2019. № 6 (4). С. 417–426.

Изоляция Республики Сербской в 1994–1995 гг. как метод урегулирования кризиса на территории бывшей Югославии и российская дипломатия

Санкции использовались в мировой истории давно, прежде всего в виде блокад отдельных городов, морских портов ещё в средние века как средство принуждения к принятию условий противника или ограничения торговли. Они носили локальный и кратковременный характер. Широкое распространение санкции получили лишь в XX веке и применялись в отношении ряда стран — Ирака, Ирана, Сомали, Кубы, КНДР и др.

В основном санкции носили частичный характер и ограничивались поставками в эти страны оружия и военного оборудования. В некоторых случаях замораживались зарубежные активы. Пальма первенства в использовании такого современного «мирного» оружия принадлежит США: санкции стали широко применяемым инструментом внешней политики Вашингтона. За время холодной войны США применяли санкции 54 раза, а после 1993 г. — 61 раз¹.

Эффективны ли санкции? Пример Югославии в этом очень показателен, поскольку они были крайне продолжительны, многовекторны и жестоки. Совет Безопасности (СБ) ООН ввёл санкции Союзной Республике Югославии (СРЮ) 30 мая 1992 г. Они включали в себя эмбарго на поставки оружия, замораживание финансовой помощи, полное торговое эмбарго, остановку всех финансовых операций, всех авиаперевозок, приостановку научного, культурного, технического и спортивного сотрудничества. Странам-членам ООН запрещались любые торговые операции с СРЮ, использование югославских кораблей и самолётов. Замораживались югославские валютные фонды за границей, сокращалась численность состава югославских дипломатических

представительств. Позже запретили международный транзит важнейших видов сырья и продуктов через Югославию. С апреля 1993 г., согласно резолюции 820 СБ, полностью запрещалась транспортировка товаров по Дунаю. Для связи с внешним миром Югославии были оставлены только телефон и почтовая связь (при этом посылки не принимались, а для писем существовал ряд ограничений). Мерами экономической блокады создавались тяжёлые условия жизни для населения СРЮ, ставилась под вопрос реализация основных прав и свобод человека,

Каковы были цели таких жёстких санкций? Нет сомнения, что главная цель — подорвать экономику Югославии, продолжить дробление федерации, заставить принять решения, которые навязывали США, поставить народ в такие невыносимые условия, чтобы он поднялся на бунт и сбросил правящую власть.

Однако даже такая жесточайшая блокада, хотя и имела катастрофические последствия для экономики страны, не смогла сломить народ, власть, разрушить федерацию. Прямой ущерб от санкций только за год их применения оценивался в 10 млрд долларов, за три года — в 45 млрд долларов². По национальному доходу на душу населения Югославия стремительно приближалась к уровню слаборазвитых стран Азии и Африки. Окончательно встали или перешли на минимальный режим работы тысячи предприятий, более 900 тыс. рабочих были отправлены в вынужденные отпуска. В 1992-1993 гг. из страны уехали 370 учёных и специалистов высокой квалификации (из них 40% моложе 40 лет и 40% — доктора и кандидаты наук)³. В результате инфляции средняя зарплата опустилась ниже 6 долларов. Особенно трудными были 1992 год и начало 1993-го. Темпы роста инфляции считались уже на минуты: в 1992 г. они составили 19810,2%⁴. Село оказалось фактически изолированным от города, так как не было бензина, чтобы привезти товары на рынок. Но именно крепкое село спасло всю страну от голода и вымирания, ведь у каждого горожанина были родственники в деревне.

Последствия санкций особенно тяжело ударили по детям, беременным женщинам и пожилым людям. Функционирование системы здравоохранения в СРЮ на 95% зависело от ввоза лекарств, сырья для их производства, медицинского и санитарного

материалов, оборудования. Последствия санкций наиболее тяжело отразились на здоровье населения, выразились в увеличении количества заболевших и умерших, в негативном влиянии на психическое и физическое развитие детей и молодёжи, что оставит долгий след на биологическом потенциале многих последующих поколений.

Санкции, принятые тогда, явились самыми тяжёлыми за всю историю существования ООН. Ни одна страна не подвергалась столь тотальной политической и экономической изоляции, как Югославия. При этом санкции носили скорее политический характер: все условия, предъявленные Югославии Советом Безопасности, фактически сразу же были выполнены. Тем не менее, санкции с Югославии не были сняты, что доказывает, что они преследовали цель изоляции Сербии в событиях, связанных с распадом СФРЮ. Однако они не достигли одной из главных целей — смещения руководителя страны Слободана Милошевича. Не помогли даже бомбёжки Югославии в 1999 г. Наоборот, народ и все политические партии сплотились вокруг Президента, чтобы выстоять в этой неравной борьбе. Чтобы всё-таки сбросить власть в Югославии США пришлось разрабатывать новую операцию (2000 г.), положившую начало «цветным революциям».

Таким образом, санкции на территории бывшей СФРЮ в первые годы конфликта вводились не для того, чтобы предотвратить его. Они стали инструментом давления на одну из сторон конфликта.

Поскольку санкции не смогли сделать сербов послушными, мировое сообщество под видом миротворчества применяло различные методы давления на них, чтобы всё-таки достичь своих целей. Так, например, для принуждения к принятию решения особенно несговорчивых применялась система наказаний: введение эмбарго на поставку оружия, составление списков неугодных личностей из политической элиты, которым запрещался въезд в США и страны ЕС, закрытие их счетов в зарубежных банках, политическая изоляция и... применение военной силы Североатлантическим альянсом. На Балканах главным методом принуждения к миру стало не согласование позиций, а ультиматумы. Большинство из этих мер испробовали на себе Сербия,

Черногория и Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Наказывая бомбовыми ударами, НАТО на деле показывала возможности силового варианта решения проблем, опробовала право применять силу без санкций ООН, а также проверила реакцию на происходящее всех европейских структур и отдельных стран нашей планеты. НАТО приобрела на Балканах не только большой опыт военных действий против одной из сторон конфликта, не только получила возможность испытать новое оружие и израсходовать старое, но и расширила формат своей деятельности, став «аргументом силы» в руках США.

1994 год был крайне сложным и напряжённым для большинства народов бывшей Югославии:

- ▶ для конфликтующих сторон в Боснии и Герцеговине (БиГ), когда начала применяться военная сила НАТО против сербов,
- ▶ для Югославии, которая шла и шла на уступки, но не получила даже смягчения санкций.

Полагая завершить войну в БиГ по своему собственному плану, миротворческие силы и НАТО, за которыми стояли США, фактически встали на сторону мусульман и хорватов, отказались от позиции равной удалённости от конфликтующих сторон, начали оказывать давление на сербскую сторону с целью её ослабить. Именно на 1994 год приходится большинство авиаударов НАТО по сербским позициям. Кроме того, изменилось и соотношение противоборствующих сил — вместо трёх сторон конфликта появились две. Мусульман и хорватов Вашингтон заставил помириться, создать единую армию в рамках Мусульманско-Хорватской Федерации.

Создание Федерации значительно изменило стратегическую ситуацию в БиГ. К маю 1994 г. армия мусульман состояла из шести корпусов или 65 тыс. человек. Хорватское вече обороны (ХВО) насчитывало 45 тыс. солдат, а Армия Республики Сербской (РС) — 70 тыс.⁵. Объединившись, они были намерены активизировать военные действия против сербов. И это наряду с лавиной ультиматумов, угроз, наказаний, дипломатического давления, обрушившихся на Республику Сербскую.

Для сербов было важно закрепить существующее положение на фронтах, прочными нитями соединить два сербских района

на востоке Боснии, между которыми располагался город Горажде, удерживаемый мусульманами. Однако начало 1994 г. для сербов, по словам офицера, участника событий, «характеризовалось потерей сербской армией стратегической инициативы на большей части фронта»⁶. Это было связано и с уменьшением численности войска, и с ослаблением материальной базы в связи с продолжающимися санкциями. Мусульмане стремились использовать возникшее преимущество и расширить свои территории. В частности, они рассчитывали соединить Горажде, Жепу и Сребреницу с территорией вокруг столицы. Для получения поддержки со стороны международных организаций надо было иметь мощный аргумент. Использовали сценарий, похожий на взрыв в очереди за хлебом в Сараеве в мае 1992 г. На этот раз взрыв произошёл на рынке Маркале 5 февраля 1994 г., унёсший жизни многих мирных горожан. Обвинены, естественно, были сербы, хотя руководство «голубых касок» знало, что это дело рук самих мусульман.

Военному и политическому руководству сербов 11 февраля был предъявлен ультиматум НАТО об отводе тяжёлого вооружения на 20 км от Сараева. Сербы выполнили все условия и поставили под контроль ООН всё своё тяжёлое оружие. Но подготовленные натовцами удары никто не собирался останавливать. 27 февраля были осуществлены первые удары американских истребителей по сербским военным целям. С этого времени угроза бомбовых ударов силами НАТО постоянно висела над сербской армией. И в течение следующих двух лет сербов регулярно бомбили. Заработавшая натовская машина оказала мусульманам реальную поддержку, и они начали готовить наступление.

В марте 1994 г. вооружённые силы мусульман были значительно реорганизованы и готовились к весенне-летнему наступлению. Следует учитывать, что в это время разрабатывался план Контактной группы (КГ), который предполагал раздел территории Боснии и Герцеговины в пропорции 51:49. Поскольку Федерация не владела 49% территории, а сербы не собирались её отдавать добровольно, Армия Федерации Боснии и Герцеговины (АФБиГ) хотела исправить положение военным путём. Как заявлял Президент Республики БиГ Алия Изетбегович, мусульманская армия попытается занять территории, «которые им пред-

лагает Контактная группа»⁷. В апреле наступление мусульман началось. К июню им удалось договориться с хорватами о совместном планировании военных действий по освобождению территорий. Возможными были воздушные атаки НАТО-пакта. Силы ООН по охране (СООНО) также готовились к решающему сражению: разрабатывались планы эвакуации, отслеживалась ситуация, делались снимки с воздуха. Все ожидали скорого начала серьезной войны⁸. 24 июня 1994 г. командующий АФБиГ Расим Делич призвал хорватов и мусульман начать наступление до полного освобождения теперь их общего государства.

Президент РС Радован Караджич так оценивал возможные варианты победы над мусульманами в то время: один из выходов — одержать над мусульманами полную победу, «хотя мы никогда не хотели их полного поражения, как, впрочем, и никогда не нападали на их территории. Мы хотели только разделения, разъединения трёх национальных общин, а не поражения мусульман или хорватов. Далее. Один из возможных выходов мы видим в немедленном прекращении войны. Мы ... предлагаем немедленное заключение мира, т.е. прекращение военных операций по всей линии огня, разъединение борющихся сторон, введение между ними буферных войск ООН. И после этого в мирных условиях вести разговор о карте разделения. И, наконец, третий возможный выход — очень долго бороться в условиях ни войны, ни мира, как сейчас»⁹.

В начале августа 1994 г. произошли события, которые были крайне неблагоприятны для сербов. 4 августа руководство Югославии под давлением Запада разорвало все отношения с Республикой Сербской и установило блокаду на границе. Формальной причиной был отказ сербов в БиГ подписать план Контактной группы для Боснии и Герцеговины, предполагавший раздел БиГ на два государства: мусульманско-хорватское и сербское. Сербь обусловили своё «да» одним важным моментом — возможностью увидеть перспективы развития государственности в БиГ, соответственно в РС. Они хотели одновременно с картами рассмотреть и договор об устройстве БиГ. В целом они соглашались на Унию в случае, если РС будет иметь политическую и экономическую самостоятельность.

Из-за своей позиции Республика Сербская стояла перед лицом полной международной изоляции.

Вопрос о закрытии границы Югославии с Боснией и Герцеговиной и размещении на ней наблюдателей рассматривался в 1992 г. (резолюция 787) и в 1993 г. (резолюция 838). Однако поиск дополнительных средств и сопротивление Югославии осложняли выполнение этой задачи. Лишь в августе 1994 г. С. Милошевич дал разрешение на закрытие границы с Боснией и Герцеговиной. Полная блокада Республики Сербской вызвала осложнение ситуации как в РС, так и внутри Югославии. Когда в конце июля стало ясно, что сербы не подпишут план Контактной группы даже под давлением России, Запад использовал последнюю возможность — попытался поссорить самих сербов. Выбор С. Милошевича был трудным. Он сделал всё от него зависящее, чтобы заставить сербов принять план КГ. У него не было никакой надежды на поддержку России или любой другой страны в справедливых требованиях о снятии санкций. И теперь можно было попытаться заслужить доверие Запада и снятие санкций, разорвав отношения с Республикой Сербской, показав волю СРЮ к миру и своё неприятие политики Р. Караджича.

4 августа 1994 г. правительство СРЮ приняло решение прекратить политические и экономические отношения с Республикой Сербской. Сообщение с этого заседания гласило: «Руководство Республики Сербской отклонением мира совершило самый тяжёлый акт против СР Югославии, сербского и черногорского народов и всех граждан, которые живут на этой территории.

Поэтому Союзное правительство приняло решение:

- ▶ прекратить политические и экономические отношения с Республикой Сербской;
- ▶ запретить пребывание членов руководства Республики Сербской, Скупщины, Президиума, правительства на территории СР Югославии;
- ▶ граница с сегодняшнего дня закрывается для всего транспорта в Республику Сербскую, кроме питания, одежды и лекарств»¹⁰.

Сербы в Боснии оказались в двойной блокаде — со стороны ООН и со стороны Югославии. Для контроля фактической по-

ставки грузов гуманитарной помощи в контрольно-пропускных пунктах на 600-километровой границе РС была создана Миссия Международной конференции по бывшей Югославии (МКБЮ), состоявшая из сотрудников, направляемых через национальные гуманитарные организации. Фактически создавалась таможенная служба, которая полностью перекрывала границу СРЮ и РС.

В Республике Сербской такая позиция Югославии была расценена как предательство национальных сербских интересов.

Размышления о причинах такого шага Югославии приводят нас к следующему выводу. Чтобы так поступить, Милошевич должен был иметь несколько серьёзных причин. На наш взгляд, их три. Причём, одна из них имела политическо-экономический характер, другая была скорее эмоционально-психологическая, третья — идеологическая. 1. Санкции серьёзно подорвали экономику страны. Необходимо было предпринять самые серьёзные усилия для их снятия. Для этого понадобилось ещё раз уверить мир, что СРЮ выполнила все выставленные ей условия. Случай был исключительный. Уговорить сербов в РС принять план будет означать добрую волю СРЮ к миру даже на невыгодных условиях. Если сербы откажутся принять план, то можно будет сказать, что дальнейшее развитие событий не зависит от СРЮ. 5 августа посол Югославии в ООН Д. Джокич заявил в Нью-Йорке, что Югославия выполнила все условия для снятия санкций, и Совет Безопасности должен учитывать этот факт при рассмотрении дальнейших мер урегулирования столкновения в БиГ¹¹. 2. Вторая причина связана с личными отношениями между С. Милошевичем и Р. Караджичем. Несмотря на то, что Р. Караджич представлял собой достаточно гибкую линию в руководстве РС, он был, по мысли С. Милошевича, слишком самостоятельным и неуправляемым. Ещё в мае 1993 г., когда парламент РС не принял план Вэнса–Оуэна*, С. Милошевич пережил, как считали журналисты, самое большое унижение в жизни, когда его речь не нашла отклика у парламентариев, и он покинул зал через чёрный вход¹². 3. Третья причина связана

* План Вэнса–Оуэна — план по мирному урегулированию конфликта в Боснии и Герцеговине, предложенный в январе 1993 г. на Международной конференции по бывшей Югославии специальными представителями ООН Сайрусом Вэнсом и Дэвидом Оуэном.

с резким поворотом Милошевича от национализма, который он использовал для укрепления своей власти и популярности в начале 1990-х годов, к левым, коммунистическим идеям. А руководство РС по своему убеждению было антикоммунистическим, стояло на позициях православия. Изменилась и позиция руководства Сербии по вопросу объединения всех сербских земель. С конца 1993 — начала 1994 г., когда активно начал обсуждаться вопрос о снятии санкций с СРЮ, всё чаще стали звучать высказывания сербских руководителей о том, что РС и Республика Сербская Краина (РСК) сами должны решать вопрос своего будущего статуса.

Сразу после изоляции сербов в БиГ начинается акция НАТО по наказанию ослушавшихся. Уже 5 августа на сербские позиции упали бомбы.

Республика Сербская начала готовиться к войне с НАТО. 6 августа Р. Караджич издал указ о введении трудовой обязанности. 9 августа на территории РС началось причащение граждан, как это делал князь Лазар накануне Косовской битвы 1389 г. в знак того, что «сербы готовы погибнуть до последнего человека»¹³.

Разрыв отношений между сербами проходил болезненно, драматично. Если бы ситуация не была бы такой трагичной, то август можно было бы с улыбкой назвать месяцем сербской семейной ссоры, приведшей к разводу. А поскольку поссорившиеся стороны перестали разговаривать, они писали друг другу письма. Это был месяц бурной открытой переписки между руководством СРЮ и непослушным руководством РС, между гражданами Югославии, РС и руководством страны по поводу (не) согласия с позициями сторон.

Воспользовавшись ситуацией, когда весь мир сконцентрировался вокруг ответа руководства РС по плану КГ, мусульмане, при полной поддержке мусульманского мира, продолжали вооружаться, формировать свою армию, провели ряд успешных операций, которые значительно подняли их боевой дух. По сообщениям ООН, только за сутки 14 сентября было выпущено более 900 снарядов в районе Бихача. В Западной Боснии была сломлена армия Фихрета Абдича, и мусульманской автономии пришёл конец. Силы Пятого корпуса мусульманской армии,

одержав победу над своими соплеменниками, начали наступление на позиции сербов как Республики Сербской, так и Республики Сербской Краины. Борьба шла одновременно по разным направлениям: около Сараева, в Герцеговине, на Игмане, Белашнице и Трескавице, Озрене, Маевице, у Горажде, Добоя, Купреса, Србобрана. Силы правительства из обороны перешли в наступление в центральных и северных частях БиГ. Они атаковали севернее Сараева, чтобы занять путь на Тузлу, потеснили сербов на горе Влашич около Травника, сузили коридор около Брчко¹⁴. Сербские войска начали терпеть поражение. В октябре только за восемь дней мусульманского наступления сербы потеряли 100 км² территории¹⁵.

Мусульманские силы жестоко атаковали сербские позиции в районе Илияша, так как большинство жизненных нитей Сараева (на Зеницу, Тузлу) идут через Илияш. Они употребляли даже тяжёлое вооружение в зоне разъединения около Сараева и не были наказаны авиацией НАТО, хотя СООНО регистрировало все нарушения мусульманской стороны. Пресс-атташе ООН Дж. Силс сказал, что ООН внимательно следит за ситуацией в БиГ, и причин для волнений нет.

В сентябре правительственные силы БиГ, в очередной раз нарушив договор о прекращении огня, начали обстрел Грбавицы, сербского района Сараева. Наступление велось из защищённых СООНО зон — Белашницы и Игмана. Хотя вся ответственность за активизацию военных действий в районе Сараева лежала на мусульманской стороне, 22 сентября авиаудар был нанесён по сербским позициям в районе Сараева. В ответ сербы запретили передвижение «голубых касок» через свою территорию и отказались гарантировать безопасность сараевского аэродрома.

С появлением на Западном фронте генерала Ратко Младича, наступление мусульманских войск было остановлено, а 1 ноября началось контрнаступление. На помощь мусульманам пришла авиация НАТО. В течение трёх дней в ходе воздушных налётов участвовало 127 военных самолётов. Удары наносились не только по позициям сербских войск, но и по гражданским объектам, причём использовались самые разрушительные боеприпасы. Были жертвы среди мирного населения¹⁶.

1 ноября Президент РС Р. Караджич объявил о введении военного положения на всей территории РС и приведении войск в состояние «повышенной боевой готовности». 4 ноября главнокомандующий провозгласил всеобщую мобилизацию и призвал народ защитить сербские территории. Наступление сербских войск было «наказано» ударами с воздуха самолётами НАТО 21 ноября. Получившие моральную поддержку Запада, мусульманские войска при поддержке артиллерии и миномётов предприняли ряд интенсивных атак на сербские позиции недалеко от Добоя и в районе горного массива Озрен.

В начале ноября Седьмой мусульманский корпус развернул наступление на Купрес, который находился в руках сербов с весны 1992 г. Их поддержали хорватские войска с юга — из Томиславаграда и Ливно. По планам Контактной группы Купрес должен был отойти к ФБиГ¹⁷.

В ноябре 1994 г. сербы начали использовать систему противоздушной обороны. В результате при любом применении воздушной силы это становилось новой угрозой самолётам НАТО¹⁸. Авиация НАТО в связи с этим стала рассматривать возможность подавления системы ПВО. Враждебность между сербами, с одной стороны, и НАТО и СООНО, с другой, усиливалась. 21, 23 и 25 ноября по позициям сербов были нанесены, теперь уже очередные, бомбовые удары авиации НАТО.

Война в 1994 г. характеризовалась тем, что сначала сербов пытались сломить силой, затем сделали всё, чтобы разъединить сербов Краины, Боснии и Сербии, создать единый фронт против них, объединив мусульман и хорватов Боснии и Герцеговины. Потом на фоне разнузданной пропаганды в средствах массовой информации их хотели запугать применением блокады и политической изоляции, обхитрить и обмануть, а в конце попытались сломить массированными бомбардировками, но результата не достигли. Сербь не согласились с планом КГ. Решающим в смысле давления на сербов оказался следующий, 1995 год. Сербь же полагали, что, выстояв, они способствуют решению задачи объединения сербского народа в одном государстве, приобретению свободы и независимости.

Когда миротворцы столкнулись с тем, что упрямых сербов трудно урезонить санкциями, введением режима бесполётной зоны, воздушными ударами самолётами НАТО, резолюциями СБ ООН, был придуман ещё один приём — полная политическая и экономическая изоляция Республики Сербской.

Полная изоляция боснийских сербов со стороны международного сообщества планировалась до тех пор, пока они не согласятся со всеми предложениями КГ. Кроме СООНО и МКБЮ не должно быть «никаких контактов и диалогов» с сербами в Боснии. Вся вторая половина года прошла в молчании, без переговорного процесса, единственным результатом чего, по словам спецпредставителя ООН лорда Дэвида Оуэна, стало «создание питательной почвы для паранойи и изоляции»¹⁹.

Сербы, находясь в политической изоляции в роли мировых изгоев, пытались по-своему привлечь внимание мировой общественности к необъективности международных организаций и остановить дальнейшие удары авиации. Зная, как болезненно реагируют западные страны на потери своих солдат, они решили брать миротворцев в заложники. Задержав 199 и ограничив передвижение более 200 миротворцев, они выставляли их в качестве живого щита на объектах, по которым стреляли натовские самолёты. Тогда европейская дипломатия объединилась по вопросу освобождения заложников. Воздушные удары НАТО были прекращены, а миротворцы по просьбе России были отпущены на свободу.

Это было крайне трудное время для сербов в Боснии как с экономической, политической, так и с военной точки зрения. Руководство Республики понимало, что необходимо прорвать молчание, возобновить диалог. В декабре 1994 г. Р. Караджич предлагает план урегулирования и обращается к бывшему президенту США Дж. Картеру с просьбой выступить посредником между противоборствующими сторонами на переговорах об урегулировании ситуации в Боснии и Герцеговине. План Караджича предусматривал предоставление возможности беспрепятственного передвижения конвоев ООН по территории Боснии, освобождение всех удерживаемых военнослужащих миротворческих сил ООН, освобождение всех взятых в плен солдат армии бос-

нийских мусульман моложе 19 лет, немедленное прекращение огня в районе Сараева, открытие сараевского аэропорта и предоставление гарантий соблюдения прав человека в настоящем и будущем. Караджич заявил, что сербы готовы предпринять эти действия в одностороннем порядке. 30 декабря 1994 г. — 1 января 1995 г. с помощью бывшего президента США Дж. Картера в Пале был достигнут договор о четырёхмесячном перемирии в БиГ.

Взяв инициативу на себя, Вашингтон разработал общую стратегию урегулирования, которая включала несколько этапов:

- ▶ закрепить участие НАТО в урегулировании кризиса на Балканах,
- ▶ заставить ООН беспрекословно разрешить Альянсу участвовать в разгроме сербских сил,
- ▶ ослабить сербов до такой степени, что они будут рады любому приглашению к переговорам,
- ▶ разработать план раздела БиГ и проект мирного договора, который сторонам нельзя изменять, дополнять или корректировать,
- ▶ завершить «мирное урегулирование» подписанием договора на территории США. При этом постараться отстранить сербов БиГ от участия в переговорном процессе, отдав это право Белграду²⁰.

Мусульмане в БиГ использовали время четырёхмесячного перемирия для серьёзной подготовки к широкомасштабному наступлению по всему фронту. Была проведена дополнительная мобилизация всех мужчин в возрасте от 16 до 65 лет, заключён военный договор о формировании единого военного мусульманско-хорватского командования на территории БиГ, разработан план синхронного открытия широкого фронта против Армий РС и РСК и их полного разгрома²¹. 10 августа 1995 г. между БиГ и Турцией был заключён Договор о военном сотрудничестве. Наёмники из Афганистана, Алжира, Ливии, Ирана, Турции должны были составить, по планам А. Изетбеговича, армию из 10 тыс. человек²². На территории БиГ уже воевали около 6 тыс. наёмников из стран Востока.

Армия РС находилась в тот момент в трудном положении. Она пострадала от бомбовых ударов НАТО, всё её тяжёлое вооружение находилось под контролем «голубых касок». Разрыв связей с СРЮ и установление блокады на границе сделали катастрофическим её материальное положение. В армии росло недовольство продолжением войны, наблюдалось дезертирство. К ноябрю 1994 г., по данным сербских источников, фронт оставили 75 тыс. бойцов²³.

В начале 1995 г., как сообщала ООН, именно правительственные силы БиГ развязали военные действия в большинстве безопасных районов и вокруг них (Сараево, Тузла, Бихач). Они использовали защищенные ООН зоны для концентрации своей армии, исключением не было и Сараево²⁴. Реакцией сербов были ответные действия, как отмечалось в отчётах, «часто в несообразных масштабах»²⁵.

Весеннее 1995 г. наступление мусульманская армия тщательно планировала и не скрывала этого. Проводились учения, закупалось оружие, передислоцировались войска согласно намеченному плану наступления. При действующем международном эмбарго на поставки оружия американские самолёты типа «Геркулес» С-130 напичкивали аэродром Тузлы всевозможным оружием и полевой техникой из исламских стран и Западной Европы. В городах Вереш, Високо, Горажде срочным порядком возводились взлётно-посадочные полосы для тяжёлых самолётов. Американские и немецкие инструкторы обучали солдат, помогали в разработке тактических планов. Хорватское и мусульманское командования разработали планы совместных действий против сербов в Боснии и Хорватии. В частности, один из пунктов плана предполагал активизацию военных действий на границе РС, в то время как хорватские войска нанесут удар по территории РСК, чтобы в молниеносном ударе занять как можно больше сербской территории. После этого мусульманско-хорватская армия предусматривала перерезать северный и западный коридоры, соединяющие сербские районы. Операции хорватских и мусульманских сил против сербов планировались на встречах высшего командования ФБиГ в Мостаре, Сплите, Загребе.

Руководство РС находилось под большим давлением международных организаций и запретительной системы для Армии Республики Сербской.

В августе-сентябре 1995 г. НАТО провела беспрецедентную по своей жестокости операцию по уничтожению сербских военных объектов, центров связи, систем ПВО. Бомбардировка самолётов НАТО сопровождалась успешным наступлением мусульманско-хорватских сил в западной части страны. Ситуация на фронтах начала меняться с молниеносной быстротой.

В результате четырёхлетних боёв к концу 1995 г. территория Боснии и Герцеговины была разделена на три этнических района, сербская армия ослаблена, а мусульманские и хорватские войска с помощью НАТО смогли отвоевать у сербов даже бóльшую территорию (55%), чем предусматривалось планом Контактной группы. Политические руководители сербов, мусульман и хорватов под нажимом США и международных организаций были вынуждены пойти на подписание мирного договора.

Генерал Младич так оценивал результаты войны: «Мы действительно пережили много страданий в этой войне. Мы не проиграли, но и не одержали в ней победы, и это, возможно, наша трагедия. Нам была навязана такая политическая линия, которая не давала возможности закончить войну военными средствами. Очевидно, что такой итог войны имел место не без участия международных факторов. Западные государства во главе с Америкой в критические для мусульман и хорватов моменты этой войны всегда предпринимали прямое вооружённое вмешательство в ход боевых действий на их стороне и спасали их от поражения, поэтому мы были не в состоянии, принимая во внимание тот факт, что мы и сами были в условиях полной блокады, сделать больше, чем мы сделали»²⁶.

Позиция России была непоследовательной. Хотя в событиях на Балканах наступал решительный момент, который характеризовался перераспределением ролей между ООН и НАТО и минимизацией влияния России на ход событий, наши дипломаты не проявляли никакой заинтересованности изменить ситуацию, не говоря уже о прогнозировании последствий для России.

Позиция российской дипломатии в трудных и напряжённых условиях вынесения «приговора» Республике Сербской оставалась прежней: внешне проявлять благосклонность к сербам, стремиться к компромиссу, а в Контактной группе, в СБ, ООН, на встрече министров иностранных дел проводить «линию Козырева». Российская дипломатия тогда полностью отказалась от любых контактов с Республикой Сербской и всю мощь своего авторитета обрушила на С. Милошевича. Министр иностранных дел РФ А.В. Козырев обещал, что сербы в Боснии смогут провозгласить независимое государство, смогут вступить в конфедеративные отношения с Сербией, и что дальше, в соответствии с ритмом осуществления мирного плана (вывод всех войск на линию разграничения по плану Контактной группы), будет ослабляться обруч санкций вокруг Югославии.

Во время телефонного разговора с А.В. Козыревым госсекретарь США У. Кристофер получил заверения, что Москва поддержит план наказания сербов и предпримет дополнительные усилия для предупреждения сербов в Боснии²⁷. И 24 июля У. Кристофер заявил, что Россия не будет противиться усилению международных санкций против Сербии, если они не примут мирный план. По его словам, русский министр «понимает значение единства Контактной группы»²⁸.

Руководители Югославии и Республики Сербской стояли перед трудным выбором. Обращения и письма, направленные президенту России, застревали в Министерстве иностранных дел.

Во время очередной встречи с С. Милошевичем 29 июля лидеры РС заявили, что подпишут план КГ, если министры иностранных дел на очередной встрече в Женеве представят проект государственного устройства БиГ. Они требовали также твёрдых гарантий начала снятия санкций, как об этом неоднократно заявляли российские дипломаты. Россия на переговорах по плану КГ была готова проголосовать за участие НАТО в наказании сербов и за снятие эмбарго на поставку оружия мусульманам. Сербь тогда не знали, что Козырев, собираясь в Женеву, запросил у Президента Б.Н. Ельцина разрешение на «выработку позиции по приемлемому для России объёму возможных дополнительных санкций в отношении СРЮ»²⁹. А приехав перед Женевой в Бел-

град, он продолжал раздавать сербам гарантии в виде посылки Русского батальона для защиты наиболее важных для сербов районов, снятия санкций, возможной конфедерации СРЮ и РС. Убеждённость в виновности сербов у министра иностранных дел РФ со временем не уменьшилась, выражения стали жёстче и менее дипломатичными. Так, Караджича и Младича он называл «людьми отпетыми», Младича и сербских военных — людьми, «которые уже перешли черту». Даже позволял себе озвучивать слухи: «У Младича дочь покончила жизнь самоубийством из-за того, что совершает отец»³⁰.

Готовясь к заключению окончательного договора в Дейтоне (декабрь 1995 г.), США пытались смирить строптивость сербов авиаударами, дипломатическим натиском, запугиванием дальнейшими санкциями и потерей всех преимуществ. Последовавшее после бомбёжек успешное наступление мусульман на сербские позиции заставило сербов почувствовать горечь поражения. Одновременно в СМИ была развязана кампания обвинений якобы в уничтожении сербами тысяч мусульман после взятия Сребреницы летом 1995 г. Вашингтон также пытался добиться от С. Милошевича смещения и выдачи лидеров сербов в БиГ Р. Караджича и Р. Младича, объявив об их ответственности за преступления против мусульман. В расчёт даже не брались объяснения Я. Акаши, который возложил ответственность за события в Сребренице на мусульман³¹. Я. Акаши и военное руководство СООНО также подверглись критике, что как нельзя кстати пришлось накануне Дейтона. Важно было показать бессилие ООН и создать рекламу возможностям нового «миротворца» — НАТО во главе с США.

Вашингтон полагал, что сербы под бомбами легче пойдут на уступки, поэтому авиаудары по сербским позициям продолжались. Президент РС Р. Караджич объявил, что сербы могут пересмотреть своё решение об участии в переговорах по боснийскому урегулированию, если НАТО будет продолжать наносить авиаудары по сербским позициям. В послании, направленном Б.Н. Ельцину, У. Клинтону и Д. Мейджору, Р. Караджич оценил продолжающиеся военные действия НАТО как объявление войны сербам.

Сербская сторона в результате решила принять участие в переговорах, надеясь, что Москва их поддержит. 7 сентября российский Президент сделал заявление о том, что продолжающиеся удары авиации и артиллерии НАТО по боснийским сербам подрывают усилия по политическому урегулированию. Они выходят за рамки решений Совета Безопасности ООН, втягивают международное сообщество в столкновение с одной из сторон конфликта в Боснии. Ельцин даже предупредил, что продолжение подобных действий заставит Россию «тщательно взвесить нашу стратегию, в том числе и наш подход к взаимоотношениям с Североатлантическим союзом»³². 8 сентября на пресс-конференции Б.Н. Ельцин подверг НАТО критике, потребовав немедленно прекратить авиаудары. Прозвучала даже угроза: если авианалёты будут продолжены, то помощь России Сербии не ограничится лишь гуманитарными поставками. «Мы будем вынуждены ответить адекватно и помочь сербам...»³³.

На призыв прекратить бомбардировки сербских позиций, Россия получила ответ Генерального секретаря НАТО В. Класа, что НАТО не изменит своей позиции. Консультации России и НАТО по этому вопросу прошли безрезультатно, стороны не смогли сблизить позиции. Более того, НАТО пригрозила расширить зоны бомбовых ударов, и налёты продолжились, хотя руководители натовских структур некоторое время гадали, что же подразумевал Б.Н. Ельцин и изменился ли курс России. Курс России не изменился. Российский Президент наложил вето на законопроекты, принятые парламентом, которые предусматривали одностороннюю отмену санкций в отношении Югославии и введение санкций против Хорватии.

8 сентября Представитель РФ в Совете Безопасности ООН С.В. Лавров выступил на официальном заседании СБ, созванном по настоянию России, по вопросу о ситуации в Боснии и Герцеговине. Россия подтвердила своё настойчивое требование немедленно прекратить силовые акции НАТО в БиГ³⁴.

Как видим, это время было наполнено резкими высказываниями России по вопросу применения НАТО силы в БиГ против сербов. Но, начав осуществлять свой план, добившись его реализации, США уже не обращали внимание на позицию Москвы, так как понимали, что ей не удастся ничего изменить.

Активность Москвы раздражала западных партнёров. Россию надо было успокоить. К нам в столицу зачастили гости с Запада: испанский премьер-министр Фелипе Гонсалес, представлявший Европейский союз, председатель комиссии ЕС Жак Сантер, британский и итальянский министры иностранных дел, германский канцлер Гельмут Коль. Все они поддерживали военные акции НАТО и пытались заверить в их необходимости и русских. «В этой ситуации заверения высоких гостей, будто бы Запад заинтересован, чтобы Москва участвовала в политическом урегулировании боснийского конфликта, больше напоминает соболезнования», — писали российские учёные³⁵.

По окончании консультаций с МИД РФ Запад успокоился: ничего, кроме «тактических разногласий», как выразился заместитель госсекретаря США Строуб Тэлботт, в Москве не обнаружили. Американская пресса с радостью процитировала А.В. Козырева, заявившего, что Россия не в состоянии противостоять Западу³⁶.

14 сентября НАТО объявила о приостановке ударов на 12 часов, чтобы достичь успеха в переговорах Р. Холбрука и Р. Младича и заставить сербов отвести тяжёлое вооружение из 20-километровой зоны вокруг Сараева. 15 сентября было сообщено о продлении «паузы» в бомбардировках ещё на три дня.

Подписание договора в Дейтоне — это уже последний этап плана, задуманного и разработанного США. Основные пункты договора были согласованы, предстояло лишь окончательно утвердить их. Поэтому Вашингтон исключил возможность вносить изменения в план, обсуждать и дополнять его. Сербь сформировали совместную делегацию на мирные переговоры. От Республики Сербской в неё вошли М. Краишник, Н. Колевич и А. Буха, от Сербии — С. Милошевич и ещё двое других политических деятелей. Решение в этой команде должно было приниматься простым большинством, а в случае разногласий решать будет С. Милошевич. Но по задумке Вашингтона, американцы вели переговоры только с Милошевичем.

Как видим, для Балкан в 1990-е годы в США и НАТО была разработана целая система мер, которая должна была способствовать осуществлению планов США. Изначально в ней важное

место занимали политика двойных стандартов по отношению к конфликтующим сторонам, а также применение концепции «принуждения к миру». Для этого использовались методы экономического, политического, военного и дипломатического давления, санкции, а также ультиматумы и даже полная политическая и экономическая изоляция отдельных территорий. Применение военной силы НАТО для «усмирения» непослушных дополняет этот список опробованной методики подавления сербов.

Примечания

- ¹ Интересные факты из истории экономических санкций. UR: <http://historic.ru/news/item/f00/s03/n0000396/> (дата обращения: 19.06.2024).
- ² Кондрашов А. Югославия под санкциями // ИТАР-ТАСС: КОМПАС. М., 1993. 14 июля. № 117. С. 23; Bilten vesti. Moskva, 1994. 18 jan. S. 3; Волф Г. За осамнаест година живићемо као 1990 // Политика. Београд, 1994. 23 март. С. 13.
- ³ Волф Г. За осамнаест година...
- ⁴ Kovačević S., Dajić P. Hronologija jugoslovenske krize. Beograd: IES, 1994. S. 147.
- ⁵ Документ СООНО. Z 833. From Akashi to Annan, 31 May, 1994.
- ⁶ Срдановић С. Пале: ратна хроника. Београд: Свет књиге, 1998. С. 77.
- ⁷ СРНА. Београд, 1994. 1 септ.
- ⁸ Jeger K. Hrvati i muslimani ovog će ljeta napasti posavinski koridor i napokon započeti odlučnu bitku za Bosnu // Globus. Zagreb, 1994, 1 srpnja. S. 2–3.
- ⁹ Караджич Р. Интервью // Правда. М., 1994. 26 септ. С. 6.
- ¹⁰ Затворена граница на Дрини // Vorba. Beograd, 1994. 5 avg. S. 1.
- ¹¹ Испуњени услови // Вечерње новости. Београд, 1994. 6 авг. С. 5.
- ¹² Kipers V. Gvozdena zavesa prema čovečanstvu // Intervju. Beograd, 1994. 30 sept. N 345. S. 25.
- ¹³ Причешће у РС // Vorba. Beograd, 1994. 10 avg. S. 3.
- ¹⁴ Ослобађање ће се убрзати // Ibid. 18 avg. S. 3.
- ¹⁵ СРНА. Београд, 1994. 4 септ.
- ¹⁶ Булатовић Љ. Генерал Младић. Београд, 1996. С. 209.
- ¹⁷ По переписи 1991 г. в Купресе жили 51% сербов, 39% хорватов и 7% мусульман.
- ¹⁸ Документ ООН. S/1995/444. С. 12.
- ¹⁹ Дэвид Оуэн. Интервью // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». М., 1995. 19 июня. С. 5.
- ²⁰ Bilten vesti. М., 1995. 10 jan. S. 4.
- ²¹ СРНА. Београд, 1995. 11 март.
- ²² Муслимани се припремају за крвав рат // Политика. Београд, 1994. 3 окт. С. 2.
- ²³ Срдановић С. Пале: ратна хроника. С. 91.
- ²⁴ Документ ООН. S/1995/444.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Булатович Л. Генерал Р. Младич — военный преступник ? М.: Славянская летопись, 1998. С. 295.

- ²⁷ Павлович С. Усклађивање корака са Русима // *Vorba*. Beograd, 1994. 25 jul. S. 3.
- ²⁸ Русија ће подржати поштравање санкција // *Ibid*. S.2.
- ²⁹ Никифоров К.В. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающийся этап). М.: Исл РАН, 1999. С. 63.
- ³⁰ Адамишин А. В разные годы. Внешнеполитические очерки. М.: Издательство «Весь мир», 2016. С. 394.
- ³¹ Ясуси Акаси: Боснийские сербы были спровоцированы мусульманским правительством // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». М., 1995. 8 нояб. С. 7.
- ³² Заявление Президента Российской Федерации // Там же. С. 7.
- ³³ *Bilten vesti*. М., 1995. 8 sept. S. 1.
- ³⁴ Выступление Представителя Российской Федерации в Совете Безопасности ООН С.В. Лаврова на официальном заседании СБ по вопросу о ситуации в Боснии и Герцеговине // *Дипломатический вестник*. М., 1995. № 10. Октябрь. С. 54.
- ³⁵ Борко Ю. От амбиций — к позитивной дипломатии // *Московские новости*. М., 1995. № 61. 10/17 сент. С. 5.
- ³⁶ Цит. по: *Меньшиков С.* Если бы не было обстрела, его надо было изобрести // *Правда*. М., 1995. 20 сент. С. 7.

Отношение российской дипломатии к процессу евроатлантической интеграции на Балканах

Распад Организации Варшавского договора (ОВД) и демонтаж коммунистических режимов в государствах Балканского полуострова привели к радикальной переориентации их внешнеполитического курса. В начале 1990-х годов большая часть стран Юго-Восточной Европы перешла к активному взаимодействию с НАТО по различным вопросам безопасности, что воспринималось их руководством как большое достижение¹.

Власти балканских государств полагали, что сотрудничество с Североатлантическим альянсом, который традиционно позиционировался как объединение демократий, поможет им не только в практическом плане в процессе реформирования национальных вооруженных сил и в борьбе с отдельными вызовами и угрозами, но и позволит доказать мировому сообществу, что им удалось сформировать по-настоящему демократические режимы, с которыми вполне могут выстраивать отношения ведущие западные страны. Это было важно для политических элит постсоциалистических стран Юго-Восточной Европы, которые в тот момент стремились вступить в ЕС. Что касается интеграции в евроатлантические структуры, то не для всех государств Балканского полуострова она воспринималась как первоочередная цель внешней политики.

Стоит сказать, что и в самом Альянсе не было единства мнений относительно того, что делать дальше с многочисленными партнерами, которые появились у него после окончания холодной войны. Первоначально проекты расширения Организации Североатлантического договора не выглядели как руководство к немедленному действию. Более того, даже высказывались предложения о роспуске НАТО после того, как прекратили существование ОВД и Советский Союз.

Однако дискуссии о целесообразности ликвидации Альянса и о его возможной роли в постбиполярном мире довольно быстро сошли на нет. На фоне набравших обороты конфликтов на пространстве бывшей Югославии было решено, что Организация Североатлантического договора для того, чтобы обеспечить безопасность своих членов, будет заниматься кризисным урегулированием². Кроме того, к 1994 г. окончательно стало понятно, что НАТО не просто продолжит свое существование, но будет расширяться³, прежде всего, за счет бывших стран социалистического лагеря. Как известно, в первую волну расширения Североатлантического альянса после окончания холодной войны попали Венгрия, Польша и Чехия. Тем не менее уже в 1990-е годы началась активная работа, направленная на евроатлантическую интеграцию государств Балканского полуострова, хотя, безусловно, в тот момент Брюссель довольно сильно интересовала также и стабилизация обстановки в регионе, о чем официально заявляло натовское руководство⁴. В реальности Альянс при помощи силы создавал условия для укрепления собственных военно-политических позиций на Балканах⁵.

НАТО действовала так активно, потому что не ощущала никакого сопротивления. РФ фактически добровольно допускала усиление позиций потенциального геополитического противника в стратегически значимых регионах. Неудивительно, что первоначально процессы евроатлантической интеграции в Юго-Восточной Европе не особо интересовали российское руководство. Россия и сама в этот период сближалась с НАТО, поэтому практически не критиковала натовскую активность на Балканах. Российская дипломатия в 1990-е годы старалась не замечать, что Альянс осуществляет активное взаимодействие с балканскими странами, а некоторые государства (Болгария, Румыния и Словения) уже начали подготовку к полноценному членству в Организации Североатлантического договора. Отсутствие решительной реакции со стороны Москвы, по мнению руководства НАТО, было свидетельством того, что политику «открытых дверей» можно продолжать как на Балканах, так и в Восточной Европе в целом.

Такая пассивность российского руководства в этот период объясняется несколькими факторами. Во-первых, в политиче-

ской элите страны в этот период доминировали политические силы, ориентированные на тесное взаимодействие с Западом. Следовательно, неудивительно, что российская дипломатия даже после ухода с поста министра иностранных дел РФ А.В. Козырева не смогла быстро поменять свою позицию по происходящим на Балканах процессам. Инерция «козыревщины» была настолько сильна, что противодействовать ей не смог в полной мере даже такой крупный государственный деятель как Е.М. Примаков, возглавивший внешнеполитическое ведомство России в 1996 г. Во-вторых, Москва не имела реальных ресурсов для того, чтобы навязать НАТО контригру на Балканах. В тот момент Россия не могла в полной мере обеспечить безопасность балканских государств, поскольку сама сталкивалась с большим количеством вызовов и угроз, на которые ей с трудом оперативно удавалось реагировать. И, наконец, в третьих: элиты стран Юго-Восточной Европы сами были настроены на то, чтобы дистанцироваться от РФ, поэтому изначально не приняли бы предложения Москвы об установлении сотрудничества в сфере безопасности, даже если бы они и поступили.

Ситуация стала меняться в 1999 г., когда НАТО провела против Югославии операцию «Союзная сила». В РФ крайне негативно отреагировали на натовскую агрессию в отношении суверенного государства. Это событие в определенной степени изменило восприятие российским руководством политики НАТО не только на Балканах, но и в целом в Европе. Становилось понятно, что в течение нескольких лет Североатлантический альянс планомерно готовил плацдарм для проведения масштабной операции. Для этой цели НАТО установила партнерские связи с балканскими государствами (Албания, Болгария, Македония, Румыния), которые затем прямо или косвенно помогали ей в югославской кампании⁶. Можно сказать, что именно в 1999 г. на фоне операции «Союзная сила» и вступления в НАТО Венгрии, Польши и Чехии российское руководство стало более настороженно относиться к процессу евроатлантической интеграции на Балканах, тем не менее в тот момент позиции РФ не хватало последовательности.

Однако стоит признать, что российская дипломатия в то же время пыталась искать компромиссы, чтобы не испортить отно-

шения ни с НАТО, ни с государствами Балканского полуострова. Достаточно рассмотреть несколько примеров, демонстрирующих позицию Москвы по вопросу вступления в Альянс Болгарии, Словении и Румынии.

28 февраля 2004 г. в румынской газете «Эвениментул Зилей» была опубликована статья посла России в Румынии А.А. Толкача, в которой он достаточно позитивно оценил состояние и перспективы развития российско-румынских отношений: «Мы выступаем за то, чтобы активно и последовательно продолжать совместную с Румынией работу по дальнейшему строительству нового партнерства между нашими странами, отвечающего интересам их народов. Конечно, в отношениях между Россией и Румынией есть и некоторые проблемы. Но, думается, важно, что руководство наших государств настроено решительно идти вперед, спокойно и конструктивно, с учетом интересов обеих сторон, преодолевать имеющиеся препятствия, особенно унаследованные от прошлого»⁷.

Стоит отметить, что в тот момент Россия и Румыния подписывали двусторонние соглашения, среди которых особо выделялся Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве, воспринимавшийся как базовый документ, регламентирующий отношения Москвы и Бухареста в различных сферах. При этом очевидно, что российское руководство было заинтересовано в подписании таких крупных нормативно-правовых актов со странами бывшего социалистического лагеря, потому что это свидетельствовало о том, что эти государства желают наладить диалог с Россией и не стремятся любой ценой дистанцироваться от нее как от наследницы СССР.

Это объясняет то, почему официальный представитель МИД России А.В. Яковенко, отвечая в начале 2004 г. на вопрос национальной радиокomпании Румынии о завершении процедуры ратификации Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Румынией, дал столь высокую оценку данному документу: «Договор открывает благоприятные перспективы для интенсификации российско-румынского сотрудничества в различных областях, наращивания внешнеполитического взаимодействия по проблемам европейской и

международной безопасности, борьбы с терроризмом и организованной преступностью, урегулирования кризисов и конфликтных ситуаций. Он закладывает прочный правовой фундамент под политические, экономические и гуманитарные связи между нашими государствами и создает дополнительные возможности для дальнейшего расширения договорно-правовой базы двусторонних отношений»⁸.

На первый взгляд, довольно странно, что высокопоставленный российский дипломат заявлял о необходимости активизации сотрудничества в сфере безопасности с той страной, которая буквально через два месяца должна была стать новым членом Североатлантического альянса. С другой стороны, в тот период Москва, несмотря на возникавшие трудности в диалоге с Брюсселем, старалась действовать в духе основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора 1997 г.⁹ и так называемой Римской декларации Россия-НАТО 2002 г.¹⁰, которые закрепляли отказ сторон от логики холодной войны и их нацеленность на взаимовыгодное сотрудничество.

Очевидно, что в середине 2000-х годов Россия не хотела портить отношения и с отдельными балканскими государствами, руководство которых даже несмотря на вступление в НАТО, не участвовало в откровенно антироссийских акциях. Примером этому могут служить оценки российской дипломатией вступления Болгарии и Словении в НАТО, которые были довольно сдержанными. В адрес руководства двух этих государств не звучало серьезной критики из-за их решения интегрироваться в евроатлантические структуры. Одной из причин этого является тот факт, что обе страны осуществляли по очереди председательство в ОБСЕ в 2004–2005 гг., причем Болгария передавала эстафету Словении. В связи с этим российские дипломаты регулярно проводили консультации со своими словенскими и болгарскими коллегами по проблематике Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, которые проходили в дружественной атмосфере. Создавалось даже впечатление, что Москву больше беспокоило не членство Софии и Любляны в НАТО, а их интеграция в ЕС.

Российские дипломаты провели специальную серию встреч со своими словенскими и болгарскими коллегами для того, чтобы определиться, как будут развиваться отношения РФ с этими балканскими странами после их вступления в Евросоюз.

В тот момент у некоторых представителей российской элиты еще существовала иллюзия того, что интеграция государств Восточной Европы в евроатлантические структуры не сильно отразится на безопасности РФ. Хотя представляется, что после прихода к власти В.В. Путина руководство страны осознало опасность неконтролируемого расширения НАТО, правда, до определенного момента старалось открыто не выражать свою обеспокоенность этим вопросом. Это касалось, например, такой проблемы как неучастие Словении в Договоре об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ), что потенциально позволяло размещать на её территории, становившейся «серой зоной», обычные вооружения, которые попадали под ограничения, установленные договором. Москва указывала на то, что это неприемлемо, однако никаких серьёзных шагов, чтобы что-то изменить, не предпринимала, рассчитывая на то, что Брюссель сможет повлиять на Любляну и согласится перейти к соблюдению положений одного из важнейших для системы европейской безопасности документов.

Такие оценки были, в частности, закреплены в Заявлении официального представителя МИД России А.В. Яковенко, сделанном 29 марта 2004 г.: «Расширение НАТО безусловно затрагивает политические, военные и в определенной степени экономические интересы России. Это вынуждает нас воспринимать его самым серьезным образом. На территории балтийских государств и Словении не действуют договорные ограничения на обычные вооружения, поскольку эти страны не являются членами Договора об ОВСЕ. Будем добиваться скорейшего подключения Латвии, Литвы, Эстонии и Словении к адаптированному Договору об ОВСЕ. Альтернативы введению его в действие мы не видим»¹¹.

Руководство НАТО интерпретировало такую позицию РФ как согласие с новыми правилами игры, которые оно устанавливало на мировой арене, трансформируя систему международной безопасности в своих интересах. Неудивительно, что практически сразу после завершения процесса евроатлантиче-

ской интеграции, как и в других случаях, Альянс решил быстро подключить балканские государства к решению больших геополитических задач. Так, например, некоторые страны стали плацдармом для развертывания систем ПРО. Речь, прежде всего, идёт о Румынии, где в 2016 г. на базе Девеселу были размещены американские комплексы Aegis Ashore. Кроме того, в планах было создание подобного объекта и на территории Болгарии, но по ряду причин от этой идеи отказались.

Осторожность России в отношениях с НАТО в 2000-е годы, в том числе и по вопросу евроатлантической интеграции стран Юго-Восточной Европы, прослеживается и в доктринальных документах того периода. Так, в Концепции внешней политики РФ, принятой в 2008 г., роль России на Балканах, да и вообще в целом на том обширном геополитическом пространстве, на котором когда-то доминировал Советский Союз, оценивалась довольно скромно, исходя из складывавшейся конъюнктуры: «Россия открыта для дальнейшего расширения прагматичного, взаимоуважительного сотрудничества с государствами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы с учетом реальной готовности к этому каждого из них»¹². Однако в целом такой подход выглядел довольно реалистично, учитывая, что российское влияние на Балканах действительно ослабло, а вот позиции НАТО и ЕС усилились.

Особое внимание российской дипломатии было приковано к Бухарестскому саммиту НАТО в 2008 г., прежде всего потому, что на нем обсуждался вопрос о возможном членстве в Альянсе Грузии и Украины¹³. В итоге во многом из-за позиции Германии и Франции Тбилиси и Киеву было отказано в интеграции в евроатлантические структуры, как и Республике Македония, которая из-за затянувшегося спора с Грецией о названии Македонского государства не получила одобрения своей заявки со стороны Афин. В НАТО пригласили только Албанию и Хорватию, что стало наименее болезненным для РФ вариантом развития событий по нескольким причинам. Во-первых, исторически позиции России в этой части Западных Балкан не были такими сильными, поэтому говорить о наличии в албанской и хорватской политической элите пророссийских сил, которые могли бы навязать

реальную борьбу сторонникам прозападной ориентации, было нельзя. Во-вторых, вступление этих государств в НАТО не создавало непосредственно больших угроз национальной безопасности РФ в отличие от интеграции в Альянс стран постсоветского пространства или хотя бы таких государств как Болгария и Румыния, имеющих доступ к Черному морю.

Однако в скором времени политика Организации Североатлантического договора стала приобретать отчётливо антироссийский характер, и РФ была вынуждена реагировать на это. Украинский кризис стал важнейшим рубежом в отношениях России и НАТО. Практическое сотрудничество сторон было свёрнуто в 2014 г.¹⁴, и с этого момента они последовательно критиковали любые действия друг друга. Именно в тот период российская дипломатия занимает более жесткую позицию по отношению к процессу евроатлантической интеграции¹⁵, в том числе на Балканском полуострове. Во второй половине 2010-х годов как раз довольно близко к вступлению в НАТО подошли Черногория и Северная Македония. МИД РФ достаточно активно отслеживал и комментировал завершающую стадию процесса их евроатлантической интеграции.

В случае с Черногорией Москва выступала за то, чтобы в стране был проведен референдум по вопросу о вступлении в НАТО. После того, как там прошла серия протестных акций, вызванных нежеланием черногорского руководства организовывать подобный плебисцит, была предпринята антироссийская кампания, цель которой заключалась в том, чтобы обвинить Россию во вмешательстве во внутренние дела Черногории. Дело дошло до серьезного скандала, поскольку Подгорица осенью 2016 г., на фоне выборов в национальный парламент, заявила об участии группы российских и сербских граждан в подготовке покушения на премьер-министра страны М. Джукановича¹⁶.

Неудивительно, что официальный представитель МИД России М.В. Захарова, отвечая на вопрос сербского информационного агентства «Бета ньюс», дала негативную оценку состоявшимся парламентским выборам в Черногории в контексте процесса евроатлантической интеграции страны: «В целом, результаты прошедших 16 октября парламентских выборов вновь продемон-

стрировали глубокий раскол в черногорском обществе по целому ряду вопросов, прежде всего — по внешнеполитическому курсу этой балканской страны, перспективе ее присоединения к НАТО. Рассчитываем, что новые органы законодательной и исполнительной власти прислушаются к мнению народа Черногории: практически половина избирателей отдала свои голоса партиям, выступающим за проведение референдума на эту тему»¹⁷. Как известно, плебисцит по вопросу вступления в Альянс черногорские власти так и не провели, и страна завершила процесс интеграции в евроатлантические структуры в 2017 г. Комментируя это событие, Департамент информации и печати МИД России заявил о том, что РФ осознает, что вступление Черногории в НАТО существенно не усилит Организацию Североатлантического договора, однако не может «не учитывать стратегических последствий этого шага», что означает готовность принимать решения, направленные на защиту российских интересов и национальной безопасности страны¹⁸.

Если говорить про Северную Македонию, то на первый взгляд изначально российское руководство не воспринимало негативно процесс ее евроатлантической интеграции. Однако после ухудшения отношений России и НАТО на фоне неоднозначной ситуации вокруг переименования Республики Македония у Москвы появился хороший повод наглядно доказать, насколько отрицательно влияет вступление в Альянс на суверенитет государств, которым приходится ради этого отказываться от некоторых важнейших атрибутов государственности.

В частности, российская дипломатия критиковала македонское руководство и его западных кураторов за подписание Преспанского соглашения с Грецией, направленного на смену названия страны, и провал референдума по переименованию в 2018 г. После того, как власти всё же смогли поменять название государства, уже как Северная Македония оно вступило в НАТО в конце марта 2020 г. МИД РФ довольно подробно в специальном комментарии изложил свое отношение к этому событию: «Интеграция Северной Македонии в НАТО — самопровозглашенный «альянс демократий» — с момента заключения в июне 2018 г. Преспанского соглашения с Грецией сопровождалась

множеством процедурных и законодательных нарушений. Очевидно, что присоединение Скопье к альянсу не несет никакой добавленной стоимости ни европейской, ни региональной, ни национальной безопасности. До настоящего времени не прозвучало ни одного внятного обоснования необходимости вступления Северной Македонии в НАТО»¹⁹.

Несмотря на то, что перспективы полноценной интеграции Сербии и Боснии и Герцеговины в НАТО в 2010-е годы выглядели весьма туманно, при том что на официальном уровне Белград, в принципе, и не стремился к членству в Альянсе, Брюссель наращивал взаимодействие в сфере безопасности с этими странами. Это вызывало довольно острую критику со стороны Москвы, для которой было важно не допустить в новых геополитических реалиях вступление этих государств в евроатлантические структуры, чтобы оставить себе хотя бы какое-то пространство для маневра в регионе, воспринимавшемся когда-то как зона ее стратегических интересов.

В случае с Сербией российская дипломатия избрала особую тактику. В отличие от всех других примеров евроатлантической интеграции тех государств, население которых занимало пророссийскую позицию, а власти страны антироссийскую или подчеркнуто нейтральную, Россия не критикует открыто сербское руководство за его попытки сотрудничать с НАТО. В заявлениях сотрудников МИД РФ по данному вопросу обычно подчеркивается, что Белград, несмотря на все трудности, сохраняет приверженность политике нейтралитета и поддерживает дружественные отношения с Россией, при этом акцент делается на том, что Альянс пытается всеми силами этому помешать.

Показательно в этом плане заявление, которое сделала официальный представитель МИД России М.В. Захарова в эфире телеканала «Россия 1» в феврале 2016 г., комментируя сообщения о гибели сербских дипломатов в Ливии в результате авиаударов ВВС США по тренировочному лагерю «Исламского государства» (террористическая организация, запрещенная в РФ), где они удерживались боевиками в качестве заложников: «Это на фоне того, как постепенно начинает Запад втягивать Сербию в НАТО. Им говорят: “Вы должны быть в НАТО, в частности Черногория,

потому что это ваша безопасность. Мы вас защитим”. То же самое они говорят Сербии. Как же вы можете защитить эту страну, когда вы при наличии информации о том, что люди находятся в заложниках, их бомбите? Какая безопасность? О чем вы говорите?»²⁰.

При этом сто́ит отметить, что руководство РФ понимает, в какой сложной ситуации оказалась Сербия, которая фактически находится в окружении натовских стран после интеграции Черногории в евроатлантические структуры, что в любом случае будет заставлять ее взаимодействовать с НАТО. Однако в то же время российский МИД неоднократно подчеркивал, что сербское руководство, в отличие от соседних государств, слышит своих граждан, которые не хотят вступать в Альянс. Об этом, в частности, в сентябре 2019 г. заявил министр иностранных дел РФ С.В. Лавров в интервью газете «Труд»: «Что касается попыток вовлечь все балканские государства в НАТО, то негативное отношение Москвы к этим деструктивным усилиям хорошо известно. В этой связи приветствуем ответственный, суверенный курс Сербии на сохранение военного нейтралитета. К сожалению, далеко не все ее соседи способны противостоять внешнему нажиму и вопреки воле большинства граждан втягиваются в орбиту Североатлантического альянса с его мнимыми гарантиями безопасности»²¹.

Что касается Боснии и Герцеговины, то на протяжении последних лет российская дипломатия четко выражает свое несогласие с политикой евроатлантической интеграции этого государства, учитывая особенность его политического устройства и позицию, занимаемую руководством Республики Сербской, открыто выступающим против членства страны в НАТО. При этом российские власти всячески подчеркивают, что поддерживают позицию лидера боснийских сербов Милорада Додика в данном вопросе.

Показательным в этом плане является визит С.В. Лаврова в Боснию и Герцеговину 14–15 декабря 2020 г., в рамках которого была запланирована его встреча с членами Президиума, выполняющего функции главного исполнительного органа страны. Однако двое из трех руководителей Президиума, представ-

ляющие интересы хорватов (Желько Комшич) и боснийцев-мусульман (Шефик Джаферович), заявили, что не будут проводить переговоры с главой российского внешнеполитического ведомства, поскольку ранее он в разговоре с председателем Президиума, лидером боснийских сербов М. Додиком отметил, что поддерживает резолюцию о военном нейтралитете Республики Сербской в составе БиГ. Желько Комшич заявил, что подобные высказывания руководителя МИД РФ унижительны для Боснии и Герцеговины: «Сергей Лавров не уважает нас. Мы хотим дружеских отношений с Россией, но мы также хотим, чтобы она уважала наши институты. Мы можем попросить людей, которые называют себя нашими друзьями, уважать нашу Конституцию. Но заявления Лаврова говорят об обратном, а быть российскими пешками мы не согласны»²².

Своего хорватского коллегу поддержал и представитель боснийских мусульман Шефик Джаферович: «Российская Федерация — мировая держава. Но и Босния — страна, признанная международным сообществом... Еще в 2005 году мы заявили, что рассчитываем на вступление в НАТО и ЕС. И мы полны решимости добиваться этого»²³. Необходимо отметить, что С.В. Лавров в тот же день, отвечая на вопрос СМИ на пресс-конференции по итогам встречи с президентом Республики Сербии А. Вучичем, состоявшейся в Белграде, прокомментировал отказ боснийских политиков встречаться с ним: «Политики, которые приняли такое решение, я думаю, не являются самостоятельными. Они явно действуют по чьей-то подсказке и скорее всего выражают интересы не своих избирателей, по крайней мере “большинства”, а интересы внешних сил, которые не заинтересованы не только в развитии российско-боснийских, российско-сербских отношений, но и вообще не заинтересованы в том, чтобы страны Западных Балкан реализовывали свое право на выстраивание взаимовыгодного сотрудничества со всеми внешними партнерами»²⁴.

Можно сказать, что после этого инцидента критика со стороны России процесса евроатлантической интеграции Боснии и Герцеговины стала системной, а российское руководство окончательно сделало ставку на выстраивание отношений с Республикой Сербской и ее лидером М. Додиком при сохранении лишь

рабочих контактов с представителями Федерации Боснии и Герцеговины. В этом смысле весьма показательным выглядит интервью заместителя министра иностранных дел РФ А.В. Грушко телерадиокомпании РТРС, которое он дал 15 мая 2023 г. В нем он отметил, что попытки вовлечения Боснии и Герцеговины в НАТО и ЕС и превращение страны в проводника американских интересов на Балканах и в Европе приведет к разрушению российско-боснийских отношений, имеющих многовековую историю²⁵.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что отношение российской дипломатии к процессам евроатлантической интеграции на Балканах менялось с течением времени под воздействием различных факторов. Следует выделить несколько этапов после окончания холодной войны, когда РФ производила переоценку политики «открытых дверей» НАТО в целом и в Юго-Восточной Европе, в частности: 1) в 1990-е годы, вплоть до 1999 г., отношение российской дипломатии к этому процессу было фактически безразличным; 2) 1999–2004 гг. — РФ относилась к евроатлантической интеграции на Балканах настороженно, но не рассматривала военно-политическую активность Альянса в регионе как серьезную угрозу своей безопасности; 3) 2004–2014 гг. — осуществлялась осторожная критика натовской политики «открытых дверей» при сохранении сотрудничества с НАТО по другим вопросам; 4) 2014 г. — настоящее время — жесткая критика процесса евроатлантической интеграции на Балканах в контексте общей дестабилизации системы европейской безопасности на фоне украинского кризиса.

Очевидно, что военно-политическая активность НАТО на Балканах привела к существенному снижению влияния России на региональные процессы в сфере безопасности. Благодаря проведению политики евроатлантической интеграции в регионе Альянс расширил свой состав за счет балканских государств и создал необходимую военную инфраструктуру на их территории, которую потенциально может использовать для сдерживания РФ. Россия теперь должна учитывать новый баланс сил на Балканах при формировании своей региональной стратегии. Ее полноценное возвращение в регион в качестве авторитетной военной силы

и великой державы будет возможно лишь спустя годы или даже десятилетия, когда произойдут фундаментальные изменения в системе европейской безопасности.

Примечания

- ¹ *Беллер А.* Южная Европа и европейская безопасность // Вестник Европы. 2013. Т. XXXVII. С. 63.
- ² *Фурне Ж.* Трансформация НАТО, 1990–2004 // Актуальные проблемы Европы. 2004. № 4. С. 10.
- ³ Final Communiqué issued at the Ministerial Meeting of the North Atlantic Council at NATO Headquarters, Brussels. 01 Dec. 1994. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_24430.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 17.01.2024).
- ⁴ «Securing Peace in Europe» — Speech by Dr. Javier Solana, Secretary General of NATO. URL: <https://www.nato.int/docu/speech/1998/s981112a.htm> (дата обращения: 17.01.2024).
- ⁵ *Гуськова Е.Ю.* Югославия. Необъявленная война. Агрессия НАТО и процесс мирного урегулирования. СПб.: Владимир Даль, 2020. С. 75–76.
- ⁶ *Пономарева Е.Г., Фролов А.В.* Агрессия НАТО против Югославии: международно-правовые, военно-стратегические и геополитические последствия // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 2. С. 35.
- ⁷ Статья посла России в Румынии А.А. Толкача «Отношения между Россией и Румынией обретают новый динамизм», опубликованная в румынской газете «Эвениментул Зилей» 28 февраля 2004 г. URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1675893&lang=ru> (дата обращения: 25.01.2024).
- ⁸ Ответ официального представителя МИД России А.В. Яковенко на вопрос национальной радиокomпании Румынии в связи с ратификацией Госдумой политического договора между Россией и Румынией. URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1607295&lang=ru> (дата обращения: 25.01.2024).
- ⁹ Основополагающий Акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1748498/ (дата обращения: 25.01.2024).
- ¹⁰ «Отношения России и НАТО: новое качество». Декларация глав государств и правительств Российской Федерации и государств-членов НАТО 28 мая 2002 г., Рим. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1684994/ (дата обращения: 25.01.2024).
- ¹¹ Заявление официального представителя МИД России А.В. Яковенко в связи с расширением НАТО. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/si/1704373/> (дата обращения: 25.01.2024).
- ¹² Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 12 июля 2008 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1670707/ (дата обращения: 25.01.2024).
- ¹³ Заявление по итогам встречи в верхах в Бухаресте обнародовано главами государств и правительств, участвовавшими в заседании Североатлантического совета в Бухаресте 3 апреля 2008 г. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_8443.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 27.01.2024).

- 14 Заявление министров иностранных дел стран НАТО 1 апреля 2014 г. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_108501.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 27.01.2024).
- 15 МИД РФ: НАТО не способна осознать ошибочность своей политики. URL: <https://ria.ru/20141203/1036438879.html> (дата обращения: 27.01.2024).
- 16 Черногория назвала имена планировавших покушение на премьера россиян. URL: <https://profile.ru/news/society/chernogoriya-nazvala-imena-planirovavshikh-rokushenie-na-premera-rossiyan-25352/> (дата обращения: 27.01.2024).
- 17 Ответ официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопрос сербского информационного агентства «Бета ньюс» относительно состоявшихся в Черногории парламентских выборов. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/me/1536571/> (дата обращения: 27.01.2024).
- 18 Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с голосованием в Скупштине Черногории по вопросу присоединения к НАТО. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/me/1546322/> (дата обращения: 27.01.2024).
- 19 Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи со вступлением Северной Македонии в НАТО. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/mk/1430003/> (дата обращения: 27.01.2024).
- 20 В МИД сравнили «втягивание» Сербии в НАТО со «стокгольмским синдромом». URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/56caa32f9a794759ad013f2e> (дата обращения: 27.01.2024).
- 21 МИД РФ: «Сербия — наш ведущий партнёр на Балканах». URL: <https://iarex.ru/news/69924.html> (дата обращения: 27.01.2024).
- 22 Два члена боснийского президиума отказались от встречи с Лавровым. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/12/2020/5fd891a49a79471ed0ecdbba> (дата обращения: 27.01.2024).
- 23 Там же.
- 24 Вступительное слово и ответ на вопрос СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам встречи с Президентом Республики Сербии А. Вучичем, Белград, 15 декабря 2020 г. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ba/1449612/> (дата обращения: 27.01.2024).
- 25 Замглавы МИД РФ предупредил о рисках втягивания Боснии и Герцеговины в НАТО. URL: <https://iz.ru/1513380/2023-05-16/zamglavy-mid-rf-predupredil-ori-riskakh-vtiagivaniia-bosnii-i-gertcegoviny-v-nato> (дата обращения: 27.01.2024).

Заключение

Настоящая коллективная монография посвящена деятельности российских дипломатов на Балканах со второй половины XVIII в. до сегодняшнего дня. Именно представители российского дипломатического корпуса находились и продолжают находиться в самом центре острых и подчас кровопролитных региональных кризисов и конфликтов, напрямую угрожающих стабильности и безопасности всей Европы. Именно на Балканах исторически сталкивались военные, политические и экономические интересы ключевых европейских игроков. И именно Россия на протяжении нескольких веков оказывала народам региона военно-политическое и дипломатическое содействие в освобождении и становлении национальной государственности. В современных условиях Россия и ее внешнеполитическое ведомство вновь сталкиваются с глобальными вызовами. И образованные, высококвалифицированные и опытные российские дипломаты по-прежнему на своем посту.

Резюме

Василий Борисович КАШИРИН

Ошибки министра-резидента: к вопросу о роли российского представителя в Константинополе А.М. Обрескова в возникновении русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

Аннотация:

Данный очерк коллективной монографии посвящен деятельности министра-резидента Российской империи в Константинополе А.М. Обрескова в период, непосредственно предшествовавший началу русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В центре внимания — личная роль главы российского дипломатического представительства в развитии кризиса в двусторонних отношениях России и Османской империи, приведшего к возникновению вооруженного конфликта между ними. На основании анализа служебной документации Обрескова автор показывает, что в организации работы российской миссии на берегах Босфора того времени имелись существенные изъяны, а сам ее глава по ряду субъективных причин в те решающие месяцы не мог вполне эффективно выполнять важнейшие служебные обязанности, и всё это сказалось в ходе предвоенного кризиса. Материал очерка демонстрирует несостоятельность имеющихся в исторической литературе апологетических оценок деятельности Обрескова в тот период и может служить для дальнейшего критического переосмысления истории российской дипломатии в начале екатерининского правления.

Ключевые слова:

Русско-турецкая война 1768-1774 гг., Екатерина II, дипломатия, Государственная Коллегия иностранных дел, Н.И. Панин, А.М. Обресков, П.А. Левашов, Османская империя, Константинополь.

Ольга Евгениевна ПЕТРУНИНА

Михаил Константинович Ону: штрихи к портрету дипломата

Аннотация:

Исследование посвящено личности и служебной деятельности молдавского дипломата на российской службе Михаила Константиновича Ону (1835–1901), сведения о котором содержатся в различных архив-

ных и опубликованных источниках. На протяжении десятилетий он занимал различные посты в российском посольстве в Константинополе, а в 1889 г. был назначен посланником в Афины. Карьера дипломата развивалась в эпоху, когда на Балканах происходили важные политические изменения: формировались национальные государства, проявлялись первые межэтнические противоречия, усиливалось экономическое и политическое давление европейских государств на Османскую империю. В реализации российской внешней политики в регионе в этих условиях принимал участие и М.К. Ону.

Ключевые слова:

Балканы, османские исследования, новогреческие исследования, внешняя политика России XIX века, история дипломатии.

Марина Михайловна ФРОЛОВА

**«Здесь недостаточно
одних бюрократических способностей...»:
дипломаты российского консульства г. Битола
(1861–1877 гг.)**

Аннотация:

В очерке на основе обширного комплекса архивных материалов и опубликованных источников освещается деятельность дипломатов, служивших в российском консульстве в македонском городе Битола в период с 1861 по 1877 гг.

Ключевые слова:

российское консульство в г. Битола, М.А. Хитрово, Л.В. Березин, Е.М. Тимаев, Н.Ф. Якубовский, А.Н. Емельянов, В.А. Максимов.

Ксения Валерьевна МЕЛЬЧАКОВА

**Между долгом и долгами:
Е.Р. Щулепников в Боснии и Герцеговине**

Аннотация:

Евграф Романович Щулепников (1820–?) занимал пост российского консула в Сараеве в 1858–1868 гг. Служба в Боснийском вилайете стала закатом его дипломатической карьеры. Причиной этого послужило финансовое положение консула, погрязшего в долгах. Многочисленные долговые обязательства Щулепникова весьма беспокоили российское дипломатическое представительство в Сараеве и после австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины в 1878 г. и оказали негативное влияние на имидж России в регионе.

Ключевые слова:

Е.Р. Шулепников (1820–?), Сараево, Боснийский вилайет Османской империи, МИД России, российское консульство в Сараево, документы МИД.

Денис Игоревич НИКИФОРОВ

Российская дипломатия и Константинопольская конференция 1876–1877 гг.

Аннотация:

Исследование посвящено подготовке российских дипломатов к конференции в Константинополе 1876–1877 гг. Автор обращает внимание на то, что несмотря на неудачный ее результат, российской стороне удалось выстроить стратегию, которая позволила избежать вовлечения в конфликт с Османской империей других держав.

Ключевые слова:

Константинопольская конференция 1876–1877 гг., Н.П. Игнатъев, А.М. Горчаков, Балканы в международных отношениях.

Людмила Васильевна КУЗЬМИЧЕВА

Российское консульство в Белграде на начальном этапе Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг.

Аннотации:

Восстание в Боснии и Герцеговине, начавшееся в 1875 г. с тревогой было воспринято российским министерством иностранных дел. Только что прибывший в Сербию российский консул А.Н. Карцов должен был предотвратить вступление Сербии в войну против Османской империи. Это требовало серьезной дипломатической работы, переговоров с молодым сербским князем и сербским правительством. С этой задачей Карцов не справился. Во многом это объяснялось методами его работы. Российский консул вел переговоры с сербскими политическими деятелями высокомерно, с пренебрежением, снисходительно и покровительственно беседовал с князем Миланом. Карцов и его жена пользовались в Белграде дурной репутацией. Сотрудникам российского консульства в период Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. пришлось выполнять сложную работу не только дипломатического характера, но также помогать в организации приема и возвращения на родину сотен русских добровольцев, прибывших в Сербию для учас-

тия в сербо-турецкой войне. А.Н. Карцов к этой деятельности не был готов и, по свидетельству очевидцев, даже препятствовал работе в этом направлении представителям славянских комитетов, прибывшим в Сербию. По требованию сербского князя и правительства он был отозван из Белграда в разгар русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Его сменил А.И. Персиани, хорошо понимавший специфику работы на Балканах и заслуживший в Сербии уважение.

Ключевые слова:

Российская империя, Сербское княжество, А.Н. Карцов, сербо-турецкая война.

Светлана Ивановна ДАНЧЕНКО

**Дипломатический
представитель в Сербии в 1877–1895 гг.
Александр Иванович Персиани
и его деятельность**

Аннотация:

На основании архивных документов автор исследует ряд аспектов деятельности дипломатического представителя России в Сербии в 1877–1895 г. Александра Ивановича Персиани (1841–1896) — в соответствии с теми внешнеполитическими задачами, которые в период после Берлинского конгресса 1878 г. стояли перед российской дипломатией. Представляя в МИД Российской империи подробную информацию о происходивших в Сербии событиях со своими комментариями и анализом ситуации, А.И. Персиани в значительной степени способствовал выработке курса России в «сербском вопросе», в первую очередь, в отношении сербских политических партий и возможности смены династии в Сербии. В исследовании подчёркивается, что служба Персиани протекала в весьма сложных условиях — при нарастающем усилении в Сербии влияния Габсбургской монархии и крайней политической нестабильности в стране.

Ключевые слова:

дипломат Александр Иванович Персиани (1841–1896), русско-сербские отношения, сербский король Милан Обренович, российский император Александр III, сербские радикалы в последней четверти XIX в.

Варвара Борисовна ХЛЕБНИКОВА

**Александр Васильевич Каульбарс
о разграничении между Болгарией, Сербией
и Турцией после Берлинского конгресса 1878 г.
(по материалам Российского государственного
военно-исторического архива)**

Аннотация:

В исследовании речь идет о делимитационных работах на границах Сербии, Болгарии и Османской империи после окончания Берлинского конгресса 1878 г. Важную роль в их проведении сыграли русские военные топографы, начавшие масштабные картографические изыскания на Балканах еще во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. На основании официальных документов и источников личного происхождения, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве, удалось восстановить довольно полную картину работы международной комиссии по разграничению. В ней активно участвовал полковник Главного штаба А.В. Каульбарс, давший профессиональную оценку проблем послевоенного устройства на Балканах.

Ключевые слова:

границы Сербии, Болгарии и Турции в 1878–1879 гг., международная комиссия по разграничению, полковник А.В. Каульбарс (1844–1929), русские военные топографы.

Ярослав Валерианович ВИШНЯКОВ

**Посланник Н.В. Чарыков
о внутривосточном положении Сербии
начала XX века и перевороте 1903 г.**

Аннотация:

На материале донесений посланника в Белграде Н.В. Чарыкова раскрываются малоизвестные нюансы российско-сербских отношений начала XX века. Автор показывает, что данные документы, представляя собой ценный источниковый материал, позволяют проиллюстрировать противоречивость курса российской дипломатии в регионе. Это приводило к тому, что Россия, пытаясь урегулировать балканский вопрос в выгодном для себя аспекте, одновременно становилась заложницей амбиций политической элиты молодых балканских государств.

Ключевые слова:

Сербия, Н.В. Чарыков, Обреновичи, Карагеоргиевичи, Майский переворот 1903 г. в Сербии.

Александр Сергеевич СТЫКАЛИН

**Российская дипломатия в поисках
путей разрешения румынско-болгарского спора
вокруг Силистрии, 1912 — весна 1913 гг.
(по материалам Архива внешней политики
Российской империи)**

Аннотация:

С началом осенью 1912 г. масштабного военного конфликта между странами Балканского союза и Турцией, вошедшего в историю как Первая Балканская война, не только правительство и политическая элита, но и более широкое общественное мнение в Румынии со всё большей настороженностью реагировали на перспективы расширения территории соседней Болгарии за счет бывших владений Турции на Балканах. В чрезмерном усилении Болгарии виделось нарушение равновесия, угрожающее безопасности Румынии. Российская дипломатия, взяв на себя посредническую роль, прилагала усилия в целях предотвращения открытого румыно-болгарского конфликта, однако ее попытки выработать удовлетворяющее обе стороны компромиссное решение проблемы не увенчались успехом. Камнем преткновения была приграничная болгарская крепость Силистрия. Требование ее уступки Румынии, всецело поддержанное возбужденным румынским общественным мнением, превращается в своего рода национальный лозунг, и отказ действующего правительства Т. Майореску от претензий на Силистрию неминуемо привел бы к его падению и приходу к власти оппозиции во главе с И. Брэтиану-младшим, готовым к решению проблемы силовым путем. Не желая брать на себя всю ответственность за вынесение решения, не способного обеспечить мир, российская дипломатия поддержала идею арбитража шести великих держав по спорному вопросу, однако состоявшаяся в Петербурге конференция по сути так и не привела к урегулированию конфликта, как не мог преодолеть всех серьезных противоречий между союзниками подписанный ими мир с Турцией, завершивший Первую Балканскую войну. Напав в июне 1913 г. на своих недавних партнеров по Балканскому союзу и тем самым начав Вторую Балканскую (Межсоюзническую) войну, Болгария дала Румынии повод для подключения к антиболгарской коалиции. Одним из итогов войны явилось присоединение к Румынии Силистрии и прилегающих к ней территорий. Усилия российской дипломатии, предпринятые в период Балканских войн, сыграли свою роль в отрыве Румынии от Тройственного союза и ее сближении с державами Антанты, однако сами итоги Межсоюзнической войны отбросили Болгарию к Центральным державам, при помощи которых она могла рассчитывать на реванш.

Ключевые слова:

Балканские войны 1912–1913 гг., Румыния, Болгария, Силистрия, российская дипломатия, С.Д. Сазонов, король Румынии Кароль I, Бухарестский мирный договор 1913 г.

Олег Евгеньевич АЛПЕЕВ

«Мобилизационный кризис» на Балканах 1912–1913 гг. в донесениях русского военного агента в Австро-Венгрии полковника М.И. Занкевича

Аннотация:

Автор рассмотрел деятельность русской военной разведки и, прежде всего, военного агента в Австро-Венгрии полковника М.И. Занкевича во время «мобилизационного кризиса» 1912–1913 гг. Русская разведка не смогла раскрыть масштаб военных приготовлений Австро-Венгрии. В результате допущенных ошибок Генеральный штаб России изменил план войны с Германией и Австро-Венгрией, утвержденный 1 мая 1912 г., из-за чего он стал излишне рискованным.

Ключевые слова:

стратегическое планирование, Генеральный штаб Российской империи, военная разведка, Я.Г. Жилинский, Ю.Н. Данилов.

Петр Ахмедович ИСКЕНДЕРОВ

А.М. Петряев и балканская политика России

Аннотация:

Исследование посвящено жизни и деятельности одного из наиболее ярких российских дипломатов начала XX в. — Александра Михайловича Петряева (1875–1933). На основе неопубликованных ранее документов из российских архивов автор воссоздает главные направления деятельности дипломата на Балканах в один из судьбоносных периодов истории региона — накануне Первой мировой войны. Основное внимание уделяется теоретической и практической роли А.М. Петряева в обеспечении интересов России, а также его позиции по ключевым проблемам международных отношений на Балканском полуострове и в Европе в целом — в первую очередь, по албанской и сербской.

Ключевые слова:

Россия, Балканы, Албания, Сербия, Косово, великие державы, международные отношения, межэтнические конфликты, конфликтология, государственность, дипломатия.

Денис Валерьевич РОДИН

**«Греция для нас важна... балканскими отношениями»:
деятельность А.М. Устинова на посту полпреда СССР
в Греции (1924–1929 гг.)**

Аннотация:

Работа посвящена деятельности А.М. Устинова (1879–1937) на посту первого полпреда СССР в Греции в 1924–1929 гг. Анализируются ее основные направления, среди которых выделяются: наблюдение за ситуацией в Юго-Восточной Европе, взаимодействие с Коммунистической партией Греции и иными революционными организациями на Балканском полуострове, решение вопроса о переселении советских греков на историческую родину. Особое внимание уделяется налаживанию торговых отношений между Москвой и Афинами и судьбе советско-греческого таможенного соглашения 1926 г.

Ключевые слова:

СССР, Греция, советско-греческие отношения, дипломатия, международные отношения, Балканы, А.М. Устинов.

Татьяна Викторовна ВОЛОКИТИНА

**Дунайская проблема в контексте
послевоенного мирного урегулирования
и советская дипломатия. 1945–1948 гг.**

Аннотация:

Автор освещает отдельные вехи истории дунайской проблемы и оформления международно-правового режима крупной водной магистрали Центральной и Юго-Восточной Европы. Особое внимание уделено периоду Второй мировой войны и послевоенного мирного урегулирования. На основе документов российских архивов показаны планы западных союзников по обеспечению своего политического и экономического доминирования в бассейне Дуная, в частности, воссоздания интернационализированного режима реки под контролем неприбрежных государств. Представлены материалы сессий Совета министров иностранных дел (СМИД) в Лондоне, Париже, Нью-Йорке, Парижской мирной конференции. Изучены подготовка Дунайской конференции 1948 г. в Белграде, выработка согласованной позиции народно-демократических государств, воспроизведена атмосфера обсуждений и принятия Белградской конвенции. Делается вывод об актуальности дунайской проблемы в наши дни, отражающей, как и в прошлом, сотрудничество и соперничество, стратегические риски, разные «статусы» и возможности дунайских государств и их различные национальные интересы.

Ключевые слова:

дунайская проблема в международных отношениях, послевоенное мирное урегулирование, советская дипломатия.

Елена Юрьевна ГУСЬКОВА

**Изоляция Республики Сербской в 1994–1995 гг.
как метод урегулирования кризиса на территории
бывшей Югославии и российская дипломатия**

Аннотация:

Исследование посвящено позиции международных организаций в отношении одной из сторон конфликта на территории бывшей Югославии в 1990-е годы (Республики Сербской и Сербии), их стремлению заставить сербов принять все условия Запада. Одними из методов принуждения явились санкции и полная политическая и экономическая изоляция Республики Сербской.

Ключевые слова:

Сербия, Республика Сербская, санкции, война, Контактная группа, переговоры, А.В. Козырев.

Евгений Сергеевич КОПЕНЕВ

**Отношение российской дипломатии
к процессу евроатлантической интеграции
на Балканах**

Аннотация:

Автор рассматривает эволюцию подходов российской дипломатии к процессу евроатлантической интеграции на Балканах. Делается вывод о том, что отношение Москвы к политике «открытых дверей» НАТО в Юго-Восточной Европе менялось с течением времени в диапазоне от безразличия, настороженности, осторожной критики вплоть до резкого неприятия, что, в целом, соответствовало трансформации взаимодействия России и Североатлантического альянса. Однако коррекция изначальной российской позиции не привела к активному противодействию НАТО на Балканах в силу отсутствия у РФ возможностей для проведения собственной политики в области безопасности в регионе.

Ключевые слова:

Россия, Балканы, НАТО, евроатлантическая интеграция, дипломатия.

Summary

Vasily Borisovich KASHIRIN

Mistakes of Resident Minister: on the role of the Russian representative in Constantinople Aleksey Obreskov in the outbreak of the Russo-Turkish War of 1768–1774

Abstract:

The essay is devoted to the activities of the Minister-resident of the Russian Empire in Constantinople Aleksey Obreskov in the period preceding the outbreak of the Russo-Turkish war of 1768–1774. The text is focused on the personal role of the head of the Russian diplomatic mission in the development of the crisis in bilateral relations between Russia and the Ottoman Empire, which led to the outbreak of an armed conflict between them. Based on the analysis of Obreskov's official documentation for that period, the author shows that there were significant flaws in the organization of the work of the Russian mission in Constantinople at that time, and the head of the mission himself, for a number of subjective reasons, could not quite effectively perform the most important official duties in those crucial months, and all these factors affected the pre-war crisis. The material of the essay demonstrates the inconsistency of the apologetic assessments of Obreskov's activities in the historical literature at that time and can serve for further critical rethinking of the history of Russian diplomacy at the beginning of Catherine II's reign.

Keywords:

Russo-Turkish War of 1768–1774, Catherine II, diplomacy, State Board of Foreign Affairs, N.I. Panin, A.M. Obreskov, P.A. Levashov, the Ottoman Empire, Constantinople.

Olga Evgeniyevna PETRUNINA

Mikhail Onou: some touches to the portrait of a diplomat

Abstract:

The research is devoted to the personality and service activities of the Moldovan diplomat serving in Russian, Mikhail Onou (1835–1901), information about whom can be found in various archival and published sources. Over the decades he occupied various posts in the Russian embassy in Con-

stantinople, and in 1889 he was appointed envoy to Athens. The diplomat's career developed in the times of very important political changes in the Balkans: nation states were being formed, the first interethnic contradictions were emerging, and the economic and political pressure of European states on the Ottoman Empire was growing. Mikhail Onou played an important role in the implementation of Russian foreign policy in the region under these newly established conditions.

Keywords:

Balkans, Ottoman Studies, Modern Greek Studies, Russian Foreign Policy in 19th century, History of Diplomacy.

Marina Mikhailovna FROLOVA

**«The bureaucratic skills alone are not enough here...":
Diplomats of the Russian Consulate in Bitola
(1861–1877)**

Abstract:

Based on an extensive set of archival materials and published sources, the essay highlights the activities of diplomats who served in the Russian consulate in the Macedonian city of Bitola from 1861 to 1877.

Keywords:

Russian consulate in Bitola, M.A. Khitrovo, L.V. Berezina, E.M. Timaev, N.F. Yakubovsky, A.N. Emelyanov, V.A. Maksimov.

Ksenia Valerievna MELCHAKOVA

**Between the Duty and Debts:
Evgraf Shchulepnikov in Bosnia and Herzegovina**

Abstract:

Evrgaf Shchulepnikov (1820–?) served as a Russian consul in Sarajevo in 1858–1868. His service in the Bosnian Vilayet marked the end of his diplomatic career. The reason for this were the difficult financial circumstances in which the consul found himself, being heavily indebted. Shchulepnikov's debt obligations worried the Russian diplomatic mission in Sarajevo, even after the Austro-Hungarian occupation of Bosnia and Herzegovina (1878), and had a negative impact on Russia's image in the region.

Keywords:

E.R. Shchulepnikov, Sarajevo, Bosnian Vilayet of the Ottoman Empire, Russian Foreign Ministry, Consulate in Sarajevo, documents of The Russian Foreign Ministry.

*Denis Igorevich NIKIFOROV***Russian Diplomacy
and the 1876–1877 Constantinople Conference***Abstract:*

The study examines the preparation of Russian diplomats for the conference in Constantinople held in 1876–1877. The author emphasises that despite unsuccessful outcome of the conference, the Russian side managed to build a strategy that averted involving other powers into the conflict with the Ottoman Empire.

Keywords:

the 1876–1877 Constantinople Conference, N.P. Ignatiev, A.M. Gorchakov, The Balkans in international relations.

*Lyudmila Vasilievna KUZMICHEVA***The Russian Consulate in Belgrade
at the early stage of the Great Eastern Crisis
of 1875–1878***Abstract:*

The uprising in Bosnia and Herzegovina in 1875 alarmed the Russian Ministry of Foreign Affairs. Russian consul Alexander Kartsov, who had just arrived in Serbia, had to prevent Serbia from entering the war against the Ottoman Empire. This required serious diplomatic work, negotiations with the young Serbian prince and the Serbian government. Kartsov failed to cope with this task. This was largely due to his methods of work. The Russian consul negotiated with Serbian politicians arrogantly and with disdain, spoke to Prince Milan in a condescending and patronizing way. Kartsov and his wife enjoyed a bad reputation in Belgrade. During the Great Eastern Crisis of 1875–1878, the employees of the Russian consulate in Belgrade had to perform difficult work not only of a diplomatic nature, but also to provide assistance in organizing the reception and return to their homeland of hundreds of Russian volunteers who had arrived in Serbia to participate in the Serbian-Turkish War. The diplomat was not prepared for this activity and, according to eyewitnesses, even hindered the work of representatives of the Slavic committees who had arrived in Serbia for this purpose. At the request of the Serbian prince and the government, he was recalled from Belgrade in the midst of the Russo-Turkish War of 1877–1878. He was replaced by Alexander Persiani, who had a good understanding of the specifics of work in the Balkans and had earned respect in Serbia.

Keywords:

Russian Empire, Serbian Principality, A.N. Kartsov, Serbo-Turkish War.

Svetlana Ivanovna DANCENKO

Diplomatic representative in Serbia in 1877–1895. Alexander Persiani and his activities

Abstract:

Based on the study of the archival documents, the author examines a number of aspects of the activities of the diplomatic representative of Russia in Serbia in 1877–1895, Alexander Persiani (1841–1896), in accordance with the foreign policy tasks that Russian diplomacy was facing in the period after the Congress of Berlin of 1878. By submitting detailed information to the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire on the events taking place in Serbia with his comments and analysis of the situation, Persiani contributed significantly to the development of Russia's course in the "Serbian question", primarily in relation to Serbian political parties and the possibility of a change of dynasty in Serbia. The study emphasizes that Persiani was performing his duties in very difficult conditions, namely with the growing influence of the Habsburg monarchy in Serbia and extreme political instability in the country.

Keywords:

diplomat Alexander Persiani (1841–1896), Russian-Serbian relations, Serbian King Milan Obrenovic, Russian Emperor Alexander III, Serbian radicals in the last quarter of the 19th century.

Varvara Borisovna KHLEBNIKOVA

Alexander Kaulbars on the delimitation between Bulgaria, Serbia and Turkey after the Congress of Berlin (based on the materials from the Russian State Military History Archive)

Abstract:

The study deals with the delimitation work on the borders of Serbia, Bulgaria and the Ottoman Empire after the end of the Congress of Berlin of 1878. Russian military topographers played an important role in the implementation of the large-scale cartographic surveys in the Balkans during the Russo-Turkish War of 1877–1878. Based on official documents and personal sources stored in the Russian State Military History Archive, it was possible to restore a fairly complete picture of the work of the international delimitation commission. Colonel of the General Staff Alexander Kaulbars actively participated in the work of the commission, giving professional assessment of the problems of the post-war system in the Balkans.

Keywords:

borders of Serbia, Bulgaria and Turkey in 1878–1879, international delimitation commission, Colonel A.V. Kaulbars (1844–1929), Russian military topographers.

Yaroslav Valerianovich VISHNYAKOV

**Envoy Nikolay Charykov
on the internal political situation in Serbia
at the beginning of the 20th century
and the coup of 1903**

Abstract:

The article, based on the reports of the envoy in Belgrade Nikolay Charykov, reveals little-known nuances of the Russia-Serbia relations at the beginning of the 20th century. The author shows that these documents, being a valuable source material, lets us illustrate the contradictory course of the Russian diplomacy in the region. Consequently, while trying to resolve the Balkan issue in an aspect to its own benefit, Russia simultaneously became hostage to the ambitions of the political elite of the new-formed Balkan states.

Keywords:

Serbia, N.V. Charykov, Obrenovic, Karadjordjevic, coup of 1903.

Alexander Sergeevich STYKALIN

**Russian diplomacy in search of ways
to resolve the Romanian-Bulgarian dispute
over Siliistra, 1912 — spring 1913
(based on materials from the Archive of Foreign Policy
of the Russian Empire)**

Abstract:

With the outbreak a large-scale military conflict between the countries of the Balkan Union and Turkey (known as the First Balkan War) in the autumn of 1912, not only the government and political elite, but also broader public opinion in Romania reacted more and more warily to the prospects of expanding the territory of neighbouring Bulgaria at the expense of Turkey's former possessions in the Balkans. The excessive strengthening of Bulgaria was seen as an imbalance that threatened the security of Romania. Russian diplomacy, having assumed a mediating role, made efforts to prevent an open conflict between Romania and Bulgarian, but its attempts to develop

a compromise solution that would satisfy both parties were unsuccessful. The main matter of dispute was the Bulgarian fortress of Silistra lying on the border. The demand for its concession to Romania, fully supported by the excited Romanian public opinion, turned into a kind of national slogan, and Titu Maiorescu's government abandonment of claims to Silistra would inevitably lead to its fall and the ascension to power of the opposition led by Ionel Brătianu, ready to solve the problem by force. Trying to evade full responsibility for taking a decision that would not ensure peace, Russian diplomacy supported the idea of arbitration of the six great powers on a controversial issue, but the conference held in St. Petersburg in fact did not settle the conflict. The serious tensions between the allies which signed the Peace Treaty, ending the First Balkan War, also were not overcome. By attacking in June 1913 its recent allies and thereby starting the Second Balkan (Inter-Allied) War, Bulgaria made Romania join the anti-Bulgarian coalition. One of the results of the war was the annexation of Silistra and some territories close to it by Romania. The efforts of Russian diplomacy made during the Balkan Wars played a role in the break-up of Romania with the Triple Alliance and its rapprochement with the Entente powers, but the very results of the Inter-Allied War threw Bulgaria to the Central Powers, with the hope to take revenge with their help.

Keywords:

Balkan Wars 1912–1913, Romania, Bulgaria, Silistra, Russian diplomacy, S.D. Sazonov, King Carol I of Romania, Treaty of Bucharest 1913.

Oleg Evgenievich ALPEEV

**The «mobilization crisis» in the Balkans of 1912–1913
in the reports of the Russian military agent
in Austria-Hungary, Colonel Mikhail Zankevich**

Abstract:

The article is devoted to the activity of the Russian military intelligence and, above all, the military agent in Austria-Hungary, Colonel Mikhail Zankevich, during the «mobilization crisis» of 1912–1913. Russian intelligence failed to reveal the scale of Austria-Hungary's military preparations. As a result of the mistakes made, the Russian General Staff changed the war plan, which became too risky.

Keywords:

strategic planning, General Staff, military intelligence, Ya. G. Zhilinsky, Yu. N. Danilov.

*Petr Akhmedovich ISKENDEROV***Alexander Petryaev and Russia's Balkan Policy***Abstract:*

The article is devoted to a Russian diplomat Alexander Petriaev (1875–1933) who served in the Balkans. The research is based on various unpublished documents from Russian archives. Particular attention is paid to Petriaev's activities in Albania as well as his views on the future of Serbia and the Balkans.

Keywords:

Russia, Balkan Peninsula, Albania, Serbia, Kosovo, Great Powers, international relations, inter-ethnic conflicts, conflictology, statehood, diplomacy.

*Denis Valeryevich RODIN***“Greece is important for us... in terms of Balkan relations”:
the activities of Aleksey Ustinov as plenipotentiary
of the USSR in Greece (1924–1929)***Abstract:*

The article is devoted to the activities of Aleksey Ustinov (1879–1937) as the first plenipotentiary of the USSR in Greece in 1924–1929. The main directions of his activities are analyzed, among which the following stand out: monitoring the situation in South-Eastern Europe, interaction with the Communist Party of Greece and other revolutionary organizations on the Balkan Peninsula, resolving the issue of relocating Soviet Greeks to their historical homeland. Particular attention is paid to the establishment of trade relations between Moscow and Athens and the fate of the Soviet-Greek customs agreement of 1926.

Keywords:

USSR, Greece, Soviet-Greek relations, diplomacy, international relations, Balkans, A.M. Ustinov.

*Tatiana Viktorovna VOLOKITINA***The Danube problem in the context
of the post-war peace settlement
and Soviet diplomacy, 1945–1948***Abstract:*

The author highlights the main milestones of the history of the Danube problem and the formalization of the international legal regime of the major

waterway of Central and Southeast Europe. Special attention is paid to the period of the Second World War and the post-war peace settlement. Based on the documents of the Russian archives, the plans of the Western Allies to ensure their political and economic dominance in the Danube basin, in particular the re-establishment of an internationalized river regime under the control of non-coastal states, are shown. Materials of the sessions of the Council of Foreign Ministers (SMID) in London, Paris, New York, as well as the Paris Peace Conference are presented. The preparation of the Danube conference of 1948 in Belgrade, the development of a coherent position of the people's democratic states were studied, the atmosphere of discussion and adoption of the Belgrade Convention was reproduced. The conclusion is made about the relevance of the Danube problem today, reflecting, as in the past, cooperation and rivalry, strategic risks, different «statuses» and the capabilities of the Danube states and their various national interests.

Keywords:

Danube, international relations, post-war peace settlement, Soviet diplomacy.

Elena Yuryevna GUSKOVA

**Isolation of the Republic of Srpska in 1994–1995
as a method of resolving the crisis in the territory
of the former Yugoslavia and Russian diplomacy**

Abstract:

The study is devoted to the position of international organizations in relation to one of the parties to the conflict on the territory of the former Yugoslavia in the 1990s (Republika Srpska and Serbia), their desire to force the Serbs to accept all the conditions of the West. One of the ways to coerce the Serbs was to impose sanctions and to establish complete political and economic isolation of the Republika Srpska.

Keywords:

Serbia, Republika Srpska, sanctions, war, Contact group, negotiations, Moscow, A. Kozyrev.

Evgeniy Sergeevich KORENEV

**The attitude of Russian diplomacy to the process
of Euro-Atlantic integration in the Balkans**

Abstract:

The author examines the evolution of the approaches of Russian diplomacy to the process of Euro-Atlantic integration in the Balkans. It is concluded that Moscow's attitude towards NATO's «open door» policy in

Southeast Europe has changed over time, ranging from indifference, wariness, cautious criticism to sharp rejection, which generally corresponded to the transformation of interaction between Russia and the Alliance. However, the change of the initial Russian position did not lead to active opposition to NATO in the Balkans due to the Russian Federation's lack of capabilities to pursue its own security policy in the region.

Keywords:

Russia, Balkans, NATO, Euro-Atlantic integration, diplomacy.

Сведения об авторах

Алпеев Олег Евгеньевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации; доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация, г. Москва.

ORCID: 0000-0003-4248-5811

Вишняков Ярослав Валерианович — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО).

ORCID: 0000-0002-2316-7116

Волокитина Татьяна Викторовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. Отделом истории Восточной Европы после Второй мировой войны, Институт славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0002-4239-017X

Гуськова Елена Юрьевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0002-9558-4666

Данченко Светлана Ивановна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, Институт славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0003-0354-3185

Искендеров Петр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.

ORCID: 0000-0001-5914-7662

Каширин Василий Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
ORCID: 0000-0002-2653-7063

Корнев Евгений Сергеевич — доцент кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия, г. Саратов.
ORCID: 0000-0002-0299-6652

Кузьмичева Людмила Васильевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян, МГУ им. М.В. Ломоносова.
ORCID: 0000-0001-7671-6492

Мельчакова Ксения Валерьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
ORCID: 0000-0002-6011-5841

Никифоров Денис Игоревич — кандидат исторических наук, независимый исследователь.
ORCID: 0000-0002-1580-6707

Петрунина Ольга Евгениевна — доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории, МГУ им. М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
ORCID: 0000-0002-6956-6745

Родин Денис Валерьевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Лаборатория новой и новейшей истории стран Европы и Америки, МГУ им. М.В. Ломоносова.
ORCID: 0009-0002-5378-5342

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Фролова Марина Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН.
ORCID: 0000-0002-4068-5193

Хлебникова Варвара Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения, МГУ им. М.В. Ломоносова.

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Никитинские чтения
«Славяне и Россия»

СЛАВЯНЕ И РОССИЯ.
Балканы
и российский дипломатический корпус.
XVIII–XXI вв.

Коллективная монография

Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения РАН
(Протокол № 6 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 29.10.2024)

Ответственный редактор

С. И. Данченко

Компьютерная верстка

П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А, корп. «В»

Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 03.12.2024. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 20,23.
Объем 21,75 печ. л.

Заказ № 59.

Тираж 500 экз.